

РАССЕКРЕЧЕНО

ПУТЬ ГОНИМЫХ

**ПЕРЕПИСКА И ВОСПОМИНАНИЯ
ОФИЦЕРОВ-АРТИЛЛЕРИСТОВ**

**ШТАБС-КАПИТАНА
Д. И. РЕШЕТНИКОВА
И ПОРУЧИКА
Б. Б. ФИЛИМОНОВА
(1918-1948 гг.)**

Министерство культуры Российской Федерации
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
(Институт Наследия)

ПУТЬ ГОНИМЫХ:
переписка и воспоминания офицеров-артиллеристов
штабс-капитана Д. И. Решетникова
и поручика Б. Б. Филимонова
(1918–1948 гг.)

Москва
2026

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)6
П90

Рецензенты:

Ефимов А. В.; Кузнецов Н. А.

П90 **Путь гонимых** : переписка и воспоминания офицеров-артиллеристов штабс-капитана Д. И. Решетникова и поручика Б. Б. Филимонова (1918–1948 гг.) / составитель А. В. О कोरोков. — Москва : Институт Наследия, 2026. — 318 с.

DOI 10.34685/NI.2026.65.83.003

ISBN 978-5-86443-536-6

Материалы, представленные в данной книге, являются важными историческими источниками. Это переписка и воспоминания двух русских офицеров: штабс-капитана Дмитрия Ионовича Решетникова и поручика Бориса Борисовича Филимонова — известного эмигрантского военного историка. Переписка охватывает период с 1933 по 1948 г. Это 39 личных писем Д. И. Решетникова Б. Б. Филимонову и 15 писем Б. Б. Филимонова Д. И. Решетникову, в которых описывается борьба за жизнь, «за место под солнцем» людей, потерявших близких, Родину и пытающихся создать будущее. Воспоминания Д. И. Решетникова охватывают периоды Гражданской войны (1918–1923 гг.) — его участие в боях в составе Белой армии адмирала А. В. Колчака и Земской рати генерала М. К. Дитерихса, эмигрантской жизни в Китае (1923–1927 гг.), службы в Русской группе войск китайской армии маршала Чжан Цзунчана (1927 г.) и жизни в Бразилии (1929 — начало 1930-х гг.).

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)6

**Это и другие издания вы можете бесплатно скачать на сайте
Института Наследия — www.heritage-institute.ru, раздел «Издания»**

DOI 10.34685/NI.2026.65.83.003
ISBN 978-5-86443-536-6

© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (А. В. Окороков).....	4
ПЕРЕПИСКА	12
Письма Д. И. Решетникова Б. Б. Филимонову.....	12
Письма Б. Б. Филимонова Д. И. Решетникову.....	122
ВОСПОМИНАНИЯ.....	158
Записки штабс-капитана Д. И. Решетникова	158
1-го Августа. 1918 г.	252
Красноуфимский стрелковый артиллерийский дивизион во время Сибирского ледяного похода	258
В скитаниях (записки досужего эмигранта).....	271
В Китайской Армии	280
Brasil = Бразилия.....	306

ВВЕДЕНИЕ

В современной российской исторической науке остаётся ещё много спорных вопросов, касающихся прошлого нашего Отечества. Эти вопросы вызывают острые дискуссии, споры, порой «бои», особенно по темам, касающимся политической истории России начала XX века и, в частности, периода Гражданской войны. Поэтому особую важность и актуальность представляют беспристрастные исторические факты, объективная информация источников, достоверные архивные материалы и, пусть эмоционально окрашенные, субъективные, но не изменённые последующими интерпретаторами мемуары, воспоминания и записки, являющиеся бесценным свидетельством того непростого времени. Лишь используя весь массив исторических материалов, представляется возможным воссоздать объективную и полную историю нашей Родины.

Одним из таких важных исторических источников являются материалы, представленные в данной книге. Это переписка и воспоминания двух русских офицеров: штабс-капитана Дмитрия Ионовича Решетникова и поручика Бориса Борисовича Филимонова — известного эмигрантского военного историка.

Переписка охватывает период с 1933 по 1948 г. Это 39 личных писем Д. И. Решетникова Б. Б. Филимонову и 15 писем Б. Б. Филимонова Д. И. Решетникову, в которых описывается борьба за жизнь, «за место под солнцем» людей, потерявших близких, Родину и пытающихся создать будущее.

Воспоминания Д. И. Решетникова охватывают периоды Гражданской войны (1918–1923 гг.) — его участие в боях в составе Белой армии адмирала А. В. Колчака и Земской рати генерала М. К. Дитерихса, эмигрантской жизни в Китае (1923–1927 гг.), службы в Русской группе войск китайской армии маршала Чжан Цзунчана (1927 г.) и жизни в Бразилии (1929 — начало 1930-х гг.).

Кто же они — эти авторы писем и воспоминаний?

Дмитрий Ионович Решетников родился 26 октября 1889 г. в Иркутске в семье офицера. Окончил Промышленное училище и получил диплом гражданского техника. Во время прохождения учебной прак-

тики, в годы Русско-японской войны прошёл со съёмочной партией от станции Байкал до станции Танхой (в настоящее время — Бурятия), где был развернут врачебно-продовольственный пункт Красного Креста. Но, вероятно в силу характера, шестнадцатилетнего Дмитрия не устраивала мирная жизнь. В одном из писем историку Б. Б. Филимонову он упоминал, что участвовал в качестве охотника в Мукденском сражении (1905 г.) во время Русско-японской войны. А в 1908 г. он был призван в Императорскую армию.

Д. И. Решетников

С 1912 по 1914 г. молодой путеец служил на Кругобайкальской железной дороге, сначала дорожным мастером, затем казённым десятником, старшим казённым десятником на 4 участке службы пути и ревизором Материальной службы 7-го участка Забайкальской железной дороги. Принимал участие в строительстве станций Снежная, Утулик, Выдрино, Мурино, Слюдянка, Култук, Маритуй и других. Жизнь изменило начало Первой мировой войны. Как младший унтер-офицер запаса он был направлен в 25-й Сибирский стрелковый генерал-лейтенанта Кондратенко полк 7-й Сибирской стрелковой дивизии, в составе которой принимал участие в боевых действиях. Был ранен, награждён и произведён в прапорщики, а затем в поручики.

В январе 1917 г. Решетников вернулся в Иркутск и стал работать плотником в селе Листвяничное. Как авторитетный офицер был избран председателем Союза фронтовиков. Но в марте 1917 г. из-за конфликта с местной революционной властью был арестован Ревтрибуналом и заключён под стражу. Не дожидаясь суда, бежал, некоторое время прятался в тайге, а затем сформировал партизанский отряд численностью более 150 человек и развернул боевые действия против большевиков в окрестностях Иркутска.

С занятием 25 мая 1918 г. Иркутска чешскими войсками вступил в их армию в чине поручика и в течение 2-х недель числился в их рядах. Занимал должность колонновожатого, а затем был назначен начальником охраны Байкальского Побережья.

В конце июля 1918 г. Д. И. Решетников вместе с группой партизан поступил добровольцем в Западно-Сибирскую добровольческую армию и был зачислен в Иркутский (позднее Красноуфимский) артиллерийский дивизион. В составе дивизиона, в 1918–1919 гг., Дмитрий Решетников участвовал в боях на Вятском направлении, зимой 1920 г. в составе 1-го стрелкового артиллерийского дивизиона — в Великом Сибирском Ледяном походе, в феврале 1920 г. был представлен к чину капитана. В ноябре 1921 — марте 1922 г. он участвовал в Хабаровском походе в должности командира стрелковой роты артиллерийского дивизиона 1-й стрелковой бригады, в 1921–1922 гг. — в боях Земской рати под командованием генерал М. К. Дитерихса, с сентября 1922 г. — в составе Глудкинской батареи Восточно-Сибирского артиллерийского дивизиона и в отступлении остатков Белой армии в Маньчжурию.

В разные годы за боевые заслуги Д. И. Решетников был награждён многими орденами, в том числе святого князя Владимира, святой Анны, святого Станислава и самой почитаемой русским воинством наградой — Георгиевским крестом.

После поражения белых армий Дмитрий Решетников некоторое время находился в русском воинском лагере в Гирине, затем перебрался в Шанхай. Зарабатывал на жизнь строительными работами, воевал в составе китайской армии маршала Чжан Цзунчана, а в середине 1929 г. переехал в Бразилию, где обосновался в городе Анаполис (Anapolis) штата Гояс (Goíás). Работал строителем, топографом. Был женат, имел троих детей. Скончался Дмитрий Ионович 20 января 1964 г.

Борис Борисович Филимонов родился в 1901 г. в семье полковника (позже — генерала) Русской императорской армии. В 1911 г. он поступил в Псковский кадетский корпус. В 1917 г. во время летних каникул¹ Борис ездил к отцу на фронт (отец командовал в это время 23-й пехотной дивизией), поступил добровольцем в армию и принимал участие в боевых действиях. После окончания каникул он снова вернулся в кадетский корпус. Вскоре корпус был эвакуирован в Казань, где в октябре 1917 г. в составе отряда кадетов Борис Филимонов принимал участие в борьбе с большевиками. После расформирования корпуса он планировал поступить в Казанский университет, но не смог и в августе 1918 г. оказался в Казанском артдивизионе Народной армии, в составе которого принял

¹ Курс обучения в корпусе был рассчитан на 7 лет.

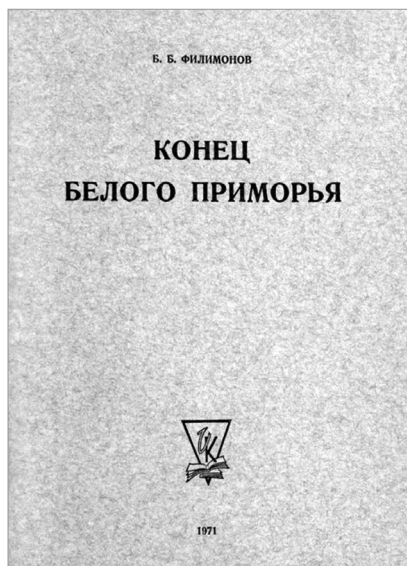
участие в обороне города от красных. Вместе с остатками Народной армии Борис Филимонов отступил в Уфу, где заболел тифом. После выздоровления он снова вернулся на фронт, но уже под Пермью. В 1919 г. унтер-офицер Б. Б. Филимонов был отправлен в артиллерийское училище в Омск. В сентябре 1919 г. училище было эвакуировано во Владивосток, а 31 января 1920 г., после семимесячного ускоренного курса, юнкера были произведены в подпоручики. В 1921 г. он был произведён в поручики и в составе войск Временного Приамурского правительства, в рядах артбатареи, проделал Хабаровский поход (1921 – 1922 гг.). Затем вместе с частями Земской рати генерала М. К. Дитерихса, уже дважды раненный за Гражданскую войну, поручик Б. Б. Филимонов ушёл в Китай.

Б. Б. Филимонов

Живя в Шанхае, он начал собирать и изучать материалы о событиях Гражданской войны на востоке России. Не имея доступа к архивным документам, он делал упор на сбор воспоминаний участников и очевидцев этих событий. Его первой опубликованной работой стал труд «Белопожанцы: Хабаровский поход, зима 1921 – 1922 годов», изданный в двух книгах в 1932–1933 гг. В 1934 г. вышла его новая работа «На путях к Уралу. Поход степных полков. Лето 1918 года», а в 1935 г. был подготовлен к печати очередной труд «Борьба в Зауралье. Действия Западно-Сибирского отряда. Осень 1918 года». Эта работа была издана в журнале «Вестник общества русских ветеранов Великой войны» в Сан-Франциско в 1940–1941 гг. Более Б. Б. Филимонову не удалось выпустить ни одной из запланированных к изданию работ по истории белого движения на востоке России. В 1937 г. началась война между Японией и Китаем. Шанхай, где жил и работал Б. Б. Филимонов, оказался в зоне активных боевых действий, а затем перешёл в руки японцев. После этого началась Вторая мировая война, а после её окончания, в 1946 г., гражданская война в Китае. В 1949 году гоминьдановская группа войск, оборонявшая Шанхай, сдалась Народно-освободительной армии Китая (НОАК), и остатки русских эмигрантов, живших в городе, были вынуждены эвакуироваться на Филиппины. Отсюда позднее часть их уехала в Австралию, часть в США.

Однако Б. Б. Филимонову не суждено было перебраться ни в Америку, ни в Бразилию, куда его приглашал «однополчанин» Д. И. Решетников. 12 июля 1952 г. Б. Филимонов покончил с собой на острове Тубабао на Филиппинах.

Обложки книг Б. Б. Филимонова

О возможных причинах самоубийства поведал полковник А. Г. Ефимов, близко знавший Бориса Борисовича и помогавший ему в сборе информации для его книг. В некрологе «Памяти Б. Б. Филимонова», опубликованном в газете «Русская жизнь» (№ 148 от 8 августа 1952 г.), издававшейся в г. Сан-Франциско, Авенир Геннадьевич писал:

«...Как ни странно, любовь покойного к истории и его добросовестное отношение к правдивому описанию событий сыграли печальную роль в последние годы его жизни в Шанхае. После окончания 2-ой Мировой войны в Шанхае открылось советское консульство и началась усиленная агитация за возвращение “домой”. Агенты Сталина не теряли времени и “ковали железо, пока горячо”, пока в белой эмиграции действовали вызванные войной величайшее брожение умов и переоценка всех ценностей. Большая часть эмиграции в Шанхае, как и всюду,

стояла на перепутье. Любовь к Родине и тоска по ней и усиленная красная пропаганда делали свое дело. Открытие церквей, прославление исторических героев России, возвращение армии старых форм, отличий, чинов, а больше всего – сокрушительная победа над германцами, которая не могла быть одержана без участия всего русского народа, говорили о “крупных переменах” и “новых курсах”.

Сотни эмигрантов поверили в “перерождение” коммунистической власти в национальную, брали советское подданство и отправлялись, как они надеялись, в родные места.

Борис Борисович оказался на своем собственном перепутье. Как участник гражданской войны – он враг коммунистов, их экспериментов над несчастной Родиной, он знает хорошо жестокую и лживую природу своих врагов. Как русский человек, он ждет “воскресения” России и перед ним вопрос: “Не началось ли оно?”. И, наконец, его увлечение историей ставит перед ним второй вопрос: “Как можно прославлять Александра Невского, Петра Великого, Суворова, Кутузова и др., и в то же время столь беззастенчиво чернить и извращать русскую историю?”

Б. Б. пишет письмо в советское консульство – своего рода глубокую разведку в лагерь противника. Сообщает, что он, работая над историей первой мировой и гражданской войн, нашел в томах “Красного Архива” неправильную картину того, что было в действительности и предлагает обсудить задачи о правдивости будущих исследований минувших войн. К нему является майор Андреев, глава энкаведистов консульства. Ответа на письмо он не дает, но предлагает взять советский паспорт. Потом Б. Б. получает приглашение в советское консульство на празднование “дня победы”. На новое предложение взять паспорт Б. Б. отвечает отказом.

Вскоре он убеждается, что перемены в политике коммунизма не произошло, что историческая “правда” коммунистов противоположна той, которую ищет он, и что их задача в Шанхае ограничивается уничтожением белой эмиграции и вывозом возможно большего числа эмигрантов в свои лагеря. Б. Б. прекращает знакомство с советчиками, не придает этому знакомству большого значения и желает

забыть о нем. Но есть такие, кто не забыл. Всюду встречаются люди, которые больше заботятся о чистоте чужих риз, чем о своих собственных, которые видят сучок в глазу ближнего, но не видят бревна в своем. На Б. Б. доносят, распространяют искаженные слухи о его советских знакомствах.

Когда началась эвакуация из Шанхая и хлопоты о въезде в США, Б. Б. натывается на препятствия в получении визы. Причина, по-видимому, — его знакомство с майором НКВД Андреевым, соответственно освещенное осведомителями. Некоторые приписывают препятствия германским и японским симпатиям. Не видя в безрезультатном и быстро прерванном знакомстве ничего предосудительного, Б. Б. не считает нужным заявлять о нем. Многие эмигранты дружили с советчиками, брали паспорта, потом их бросали и все-таки получали визы. Возможно, что Б. Б. сделал большую ошибку, что не заявил своевременно о знакомстве с советчиками так, как это было в действительности, и недооценил деятельность тех, чья “мораль” учила: “Падающего подтолкни”. В консульстве (США) не сообщают о причинах задержки, и Б. Б. не теряет надежды, что его непричастность к какой-либо коммунистической работе, или, как он склонялся больше думать, обвинения про нацистские и другие симпатии, будут выяснены и он будет очищен от возведенной на него клеветы.

Четыре года ожидания прошли. И унесли с собой веру в людей, в их стремление к правде, к справедливости. Трагически раздавлен жизненными ударами человек больших достоинств, способностей и энергии. С его смертью умирает и та большая работа, которой он был предан, которой посвящал каждый свободный час и которая, может быть, подтолкнула его на шаг, приведший к печальному концу. Тяжелая и незаменимая потеря».

Представленная книга не просто переписка и воспоминания двух участников Гражданской войны, не просто двух эмигрантов. Это свидетельство жизненной трагедии и судьбы многих русских людей, которые оказались по ту сторону «баррикад» — на «Пути гонимых». Это название было взято из писем Б. Б. Филимонова. Под таким названием он хотел издать воспоминания Д. И. Решетникова. Судя по переписке, было уже

подготовлено к публикации около 60 страниц, но издать их он не успел. Неизвестна и судьба рукописи.

Пусть данная публикация станет своего рода «Книгой памяти» о тех, кто оказался после Гражданской войны в изгнании. Ведь они по-своему, как показала история, любили Россию, по-своему видели её будущее и по-своему боролись за неё и умирали.

*А. В. Огороков,
доктор исторических наук,
действительный член Академии военных наук*

ПЕРЕПИСКА

ПИСЬМА

Д. И. РЕШЕТНИКОВА Б. Б. ФИЛИМОНОВУ

1933 год

NB. Дорогой ББ. 2/VII не отправил — отправляю сегодня, 7-7-33, прошу великодушно простить [нрзб], не было денег на марки. Наш искренний привет Т. С. и всем, всем, всем. Ваши Д. В., Р. В. В.

Получено 10/10/33

2 Июля 1933 г.
Goiaz

Дорогой Борис Борисович!

Прочел твою 2-ю книгу «Белоповстанцы», читал, перечитывал и вновь читал, книга на меня произвела впечатление очень сильное. Так вот где «собака зарыта», я это по поводу нашего танца Волочаевка-Ин и обратно, поздно открыли нам эту тайну, но лучше поздно чем никогда. Да, скажи? Этот Персидского похода участник не успокоился еще? Признаться, ты его, что называется, кроешь вовсю, а ему крыть нечем, я ужасно доволен, что называется, и в лоб, и в затылок. Он сейчас, вероятно, критику напишет, а ты его, что называется, вовсю, и храбрый-то, и порывистый — и мозгов в голове не хватает². Вот тебе и персидский поход, нет, брат, тут видно не персидский, а тут головой работать надо, храбрости-то у нас своей достаточно, а вот мозгами шевелить — это нет. Борис Борисович. Не ошибка ли? Мне кажется (конечно, к слову), станция Волочаевка от деревни что-то далеко, все указывают, как я помню, там не будет даже версты. Когда я ходил осматривать паровоз, 1-й раз я шел не более 10 минут, даже не шел, думаю, а шел я тихо, кроме того, захо-

² Речь идёт о генерал-майоре **Николае Павловиче Сахарове**. См. с. 57.

дил на станцию, ведь перерыв между станционным поселком и деревней очень маленький — 150–200 саж. не более, кроме того, имей в виду, что согласно жел[езно]дор[ожных] правил путевые здания строятся через каждые 3 версты, так и тут. Казарма, где нас обстрелял бронепоезд, отстоит от станции $2\frac{1}{2}$ версты, так как три версты нужно считать от казармы до будки, что за станцией Волочаевкой к Ольгокте. Для сведения сообщая, что согласно правил[ам], у нас в России будка от будки 3 версты; полуказарма от полуказармы 6 верст; казарма от казармы 12 верст.

На будках живут только сторожа, на полуказарме артельный староста и 6–8 ремонтн[ых] рабочих. На казарме же живет дорожный мастер, артельный староста и 12–16 рабочих. Поэтому я и думаю, что ст[анция] от деревни очень близко, т. е. 150–200 саж. По памяти я посылаю тебе план Волочаевки, конечно, я не настаиваю, но мне так кажется близко, вспомни, когда мы стояли на главной улице, то против нас были стрелки, второе — вот еще, что обыкновенно на станциях ставят семафоры от 300 саж[еней] до 1-й версты. В Волочаевке путь прямой со стороны Дежневки, и поэтому хотя и есть к Волочаевке небольшой уклон, но семафор вынесен от ст[анции] не более 400 саж[еней], а он был на этой окраине деревни, я это хорошо помню, когда мы днем стояли на поле у моего орудия, это была точка отметки (помни, когда рыли кольцевой окоп для орудия).

[отсутствует окончание письма]

Получено 10/10/33

Июль 1933
Goiaz

Дорогие Борис Борисович и Тамара Семеновна. Отправил на днях Вам письмо довольно солидное, вложил в него 3 неудачных карточки и сейчас жду от Вас.

Я очень жалею, что так долго идут письма и Вы редко пишете. У нас нового ничего нет, кризис по-прежнему. Хоть «войнишка» что ли бы началась. Вот было бы раздолье безработным и нам Всемирным милитаристам, а то и скука и «делоф» никаких. Я по-прежнему без никакой работишки, ну и делаю сейчас сам кирпич для стен, хочу обнести мою землю кирпичным забором, мне нужно 3 тысячи штук и 500 уже готово, на улицу сделал решетку, пусть смотрят на «estranjere», знаешь, денег нет закончить сразу, ну и делаю все сам: окна, двери, полы, потолки, а также сам и штукатур

и каменщик, слесарь и садовник. Ах, какая жалость, Борис. Один чудак продает участок земли 600 кв. мет., материал, т. е. кирпич, камень, дерево и т. д., просит за все 1000 мильрейс³, т. е. 75–80 долларов американских, эта земля, с одной стороны, смежна с моей. И земля хорошая, такая же, как и у меня. Он служит в правит[ельственном] учреждении, а тут эта история с переменной капитала, т. е. столицы штата. И надо признаться, паршивенького штата. Не знаю, писал ли я тебе о народонаселении нашего города: всего жителей у нас 9–10 тысяч, не более. Ты знаешь, здесь есть один хороший обычай, это подают путнику, прибывшему в дом или гостиницу, теплую воду для мытья ног, так как ванны комнаты здесь редкость, и в нашем граде наперечет не более 20, все удивлялись, когда я в плане указал «baineira» т. е. «ванная». Ну так вот, прибывшему и подают таз теплой воды вымыть ноги. Второе для меня казалось странным сперва, а сейчас ничего, привык, ты знаешь. Все публичные дома здесь помещаются в церковных домах, я не шучу, а серьезно. Хозяином публичных домов «Монсеньор Конфуций», дома эти церковные, ну я и думаю, что все это «кающиеся Магдалины». О черти! Если б ты видел эти просеции (процессии. — А. О.) с размалеванными куклами, изображающими святых. По-моему, много сходства с китайцами, а эти хлопушки, ракеты по всякому торжественному и не торжественному случаю. Носят святых (куклы, конечно) по улицам под звуки музыки, наигрывающей какой-нибудь вальс, марш, а то и фокстрот, здесь много религиозных обществ, члены которых надевают во время просеции (процессии. — А. О.) мантии (как они называют), по-моему же, короткие халаты у нас лыжники носили длинней, у них по колени, ну и конечно, цветные — малиновые, желтые, зеленые и т. д., в просеции (процессии. — А. О.) они идут с толстенными свечами с самым фарисейским видом. Вот, мол, мы какие религиозные! На меня же это действует только как паясничество, религиозности у них настоящей ни на грош нет, все показное. Сейчас жду от тебя толстеннейшего и обстоятельнейшего письма. Как удалась твоя поездка? Ты, Борис, ничего не пишешь о своем здоровье? Как оно у тебя? Напиши мне об этом.

В сентябре я пошлю тебе моих фруктов, думаю их засахарить.

Также ты ничего не пишешь относительно шкур тигровых, я также думаю послать тебе одну небольшую, очень хороший коврик для кровати, я сейчас имею уже 3 штуки небольшие, они легкие, я одного только

³ Бывшая денежная единица Бразилии и Португалии.

боюсь — это таможня, боюсь, что с тебя там сдерут здорово. Поэтому я тебя и просил мне о этом сообщить, но ты молчишь, хотя уже половина июля. Конечно, я понимаю, что ты очень занят и службой, и литературой, обрабатывая свои и чужие, для примера, мои рукоблудства, ты знаешь, эта распронесчастная наша «жисть». Ведь, в сущности, будь мы обеспечены, ну не как архимиллионеры, ну а знаешь, как это выразиться, ну люди, которые стригут купоны с процентн[ых] бумаг — рантье что ли, то для таких людей Бразиль просто рай. Природа, охота, погода 7–8 месяцев прелесть, фрукты какие угодно. Жаль конечно, что это пропадает зря. Знаешь, я через 2 года буду иметь винограда приблизительно 1½–2 тонны, а что я с ним буду делать, не знаю! Знаешь, думаю заняться виноделием, но, к сожалению, дела этого не знаю. Может быть, тебе случайно подвернется какая-нибудь брошюрка, книжка по виноделию, то ты пошли ее мне.

Я просил тебя как-то в письме послать мне книжку «Копчение, консервирование и соление рыбы», т. е. как готовить рыбные консервы, а также солить рыбу всухую, как наша треска, а также готовить сардины. Пожалуйста, Дорогой Борис! Постарайся раздобыть, это очень нужно! Кроме того, и это серьезно, Борис, ты там заработаешься до смерти, так ты вот о чем подумай. Мое предложение приехать сюда на 3–4 года и работать здесь над каким-нибудь солидным военным трудом. Книжки-то для руководства ведь и сюда можно выписать, дома же моего для наших 4-х особ хватит, ведь я с женой занимаю 4 комнаты; кухня, ванна и в 3 веранды, ты брат не шути, ведь мой-то дом называют «пала сети», т. е. полудворец, а я смеюсь и говорю, что это «casa dos cavallos», т. е. конюшня — дом для лошадей в точном переводе.

Проезд же сюда на японском «мару» 3-го класса, конечно, стоит 234 доллара, т. е. для двоих — 500 дол[ларов], ну еще на расходы 200, считая даже билет по жел[езной] дороге от Сантоса до Гояза. Здесь же, дорогой мой, можно купить 3–5 десят[ин] земли, пару коров, пару лошадей, поросят, это, кур конечно, ну и живи как помещик, ты знаешь, я сейчас уже 7 ме[ся]ц[ев] без работы, но покупаем мы только сахар, рис, хрижон, т. е. боб[ы], вся же зелень, салат, огурцы, капуста, морковь и т. д. у меня есть даже, продаем в день на 2–3 мильрейса, эти деньги идут на хлеб и на соль. Имей же я землю в 2–3 килом[етрах] от города 5–6 десятин. У ... чтобы я там наделал, все бы было. Знаешь, как здесь сажают картофель-мандиоку — это воткнул палку в землю, она и растет по милости Творца, никакого ухода, даже землю-то не взроют, а в целину,

когда я посадил мандиоку в вспапанную землю, потом и показывал плоды, была до 5–6 кило весом, все удивлялись, почему это. Самим-то им в голову не приходит, а посадка риса! Знаешь, вырубят лес, потом сожгут, а пеня и деревья оставят лежать, а затем не вспахать, а в селину набросают риса, ну и растет тощий, низкорослый. Когда я им рассказывал, как садят китайцы и японцы, то они не верили, говорили, что невозможно вычистить землю и вспахать. Знаешь, Борис, какая-то полоса невезения сейчас у меня, все было хорошо, но черт принес сюда эту революцию и послал кризис. Сейчас пишут в Бразильянской газете, что сюда едет тысяча семей русских эмигрантов-хлеборобов, пишут, что все это крестьяне, жители Волги, если правда, то, быть может, и сюда несколько семей попадут. Ведь сейчас из русских в Гоязе только я. Был здесь в 1931 году Шишкин, был Готальский, но сбежали, где они сейчас, не знаю, с другими тоже никакой переписки не веду, потому что почти все дрянь порядочная. Так и живу, оторванный кусок, ну и тоска безысходная. Одно утешение — это писание писем тебе и большой праздник, когда получу от тебя, а ты, не в обиду будь сказано, пишешь довольно-таки редко. Но я и этому рад, потому что если не это, то совсем буду оторван.

Дорогой Борис! Сегодня 6 августа получил от тебя открытку из Японии, за которую сердечно благодарим, и от души желаю тебе отдохнуть от твоих работ и хорошо провести время. Конечно, мое нежелание запоздалое, так как к этому времени ты уже вернешься в Вавилон-Шанхай, тебе давно уже было-бы следовало отдохнуть.

Дорогой Борис! У меня дела совсем плохи, работы никакой, хожу рваный, драный, за последнее время абсолютно нет никакой работы и должаю каждый месяц больше и больше. С тоской на сердце подумываю о продаже дома и земли, а продать сейчас очень трудно — кризис и эта проклятая перемена капитана, т. е. города. Раньше, когда не было этого, мне за дом и землю давали 15 тысяч мильрейс, а сейчас 5–6 тысяч, т. е. половину того, что я затратил. Надежда вся на тебя, ведь мне абсолютно более не к кому обратиться. Борис, Христа Ради! Выручи, 20–25 фун[тов] стерлинг[ов] меня спасут. Что касается гарантий уплаты тебе, то я дам какие угодно, только выручи, ради наших матерей. В крайнем случае напиши мне, не стеснясь, и скорей я буду знать, что предпринять. Сегодня получил немного денег и спешу отправить эти письма, одно залежалось очень долго.

Пиши скорей ради Бога.

Жена и я имеем наилучшие пожелания Тамаре Семеновне и всем нашим.

Твой Дмитрий
1933 г. Августа 15 дня
Goiaz

29 Дек. 1933 г.

Переписал векселя еще на 6 месяц[ев]. Т. е. до 1-го Июля 1934 г., который, быть может, будет счастливее. Дорогой Борис, извини, ведь я это письмо пишу уже целый месяц. Хотя и немного написал, я сейчас работаю на съемках с утра до ночи, а ночью вычерчиваю еще начерно, устаю страшно, завтра нужно встать в 4 часа, а сейчас 11.30. «Good night».

7 января 1934 года.

Прости, дорогой мой, сегодня письмо доканчиваю, причина перерыва — моя болезнь 31-го дек., я на съемке простудился под дождем, вдобавок напился скверной воды и схватил холерину, поэтому целую неделю лежал, что называется, бревном, 2-го янв. с/г. получил от тебя 2 открытки, мне их читала Викторiana, она была ужасно обрадована, а я даже радоваться не мог, у меня был жар и полубред, почему-то перед моими глазами крутилась фигура «Бор-Машины», т. е. Сухановой⁴, вдобавок она была в ярко-красной юбке, жена с перепугу пригласила медика, а он сдуру наваял кучу рецептов, тут было: магnezия-флюида, магnezия-калсиада, хинин, аспириин, и еще что-то, — жена 3 дня пичкала меня всей этой дрянью, когда я протестовал, начинала плакать, ну и покорился, пил, глотал все, что мне она давала, но в общем 6 янв. почувствовал себя лучше, но был ужасно слаб, потому что был на строгой диете: 2 ломтика поджарен[ного] хлеба и малюсенькая чашечка чаю, ты подумай, это для меня-то, ты знаешь, ведь есть, то я не цыпленок, ну я, конечно, тоже за протестовал, говоря, что я не хочу умереть от голодной смерти. Сейчас 2 дня ем, как орудийный конь, хожу по нашему сад-огороду и абсолютно ничего не делаю, т. к. дал слово чести «palavra de honra», что буду отдыхать целую неделю.

⁴ Речь идёт о жене капитана **Н. Х. Суханова**, служившего в отдельной батарее 1-й Отдельной стрелковой бригады.

Я приготовил переслать к тебе рассказ «Электрофикация ада», который тоже при этом письме прилагаю. За твои открытия я и жена от души благодарим и от души еще раз взаимно желаем всего наилучшего и здоровья. Крепко жму твою руку и целую ручку Тамары Семеновны.

Твой Дмитрий Р.

Получено 9/8/33

Дорогой Борис Борисович.

Вот объяснение стр. 111 у меня в книжке было помечено 22.XI.1918 г., последняя палочка месяца ноября стерлась (ведь все было писано простым карандашом), я и записал 22.X.1918. Почему я описал этот случай? А вот почему. Я в это время ехал в отпуск и 22 ноября был как раз в Омске. Вечером. На станции и рассказывали всю эту историю. Аресты производились чинами атамана Анненкова, и Иванова-Ринова, о этом ты можешь спросить любого из анненковцев. Да и меня в то время это мало интересовало, я стремился домой к праздникам. Относительно «Сибалдумы», т. е. чл[енов] Сиб[ирского] обл[астного] П-ра⁵ и «директории», мы их не различали, ведь одни те же и лица были и в «Сибалдуме» и в В. В. Прав., но это было неправильно, у нас на фронте за Всероссийское П-ра считали ген[ерала] Деникина. И только когда адм[ирал] Колчак принял название Верхов[ного] правителя, тогда мы узнали, что адм[иралу] Колчаку подчинился г[енерал] Деникин, с этого момента мы и надели погоны и стали считать себя уже солдатами Российской Армии. Далее на замечание З. Я хотел записать этот случай, но насколько я помню, это был не полк[овник] Богословский, а полковник Пермикин, оспаривать сейчас не берусь, нет данных, только слышал один раз в Шандуне, рассказывал это пор[учик] Зверев, не Барнаулец, ведь они обходили Байкал севером через Киренск — Верхне-Ангарск — Баргузин. Расстояние это будет почти 1200–1300 верст, дорог нет, горы, кроме того, они стояли месяц в Баргузине, а затем без дорог обходя Верхнеудинск, шли в Читу, участия не принимали. Поэтому их в начале мая ни в коем случае в Чите не было. У меня помечено сентябрем, потому что я узнал про это только в сентябре, ну и вкралась ошибка [на] стр. 149. Это быть может по старому стилю. А может быть ошибка. У меня карандашом записано: «Июнь, но числа нет,

⁵ Вероятно, правительство.

я очень торопился писать. Мы, это я хорошо помню, дневали на окраине Екатеринбурга. Стояли целый день, а на утро уходили без давления со стороны красных. Но город был уже эвакуирован и когда мы проходили мимо шанца, там горел какой-то интенд[антский] состав; после нашего ухода красных в городе не было целые сутки, так как там были какие-то конн[ые] части, кажется, казаки, а они ночевали.

Дорогой Борис Борисович!

Я очень и очень признателен за все эти указания, и ужасно жалею, что такие досадные ошибки в числах, исправлять, т. е. переписываться, это ужасно долго, почему я и хочу тебя просить вот о чем: там, где ты найдешь ошибку, ты исправляй ее по-своему, там, где нужно писать мне за объяснением, а это так долго, то не лучше ли, ты просто вычеркивай число и пиши только месяц, для примера: сентябрь 1919 г. Приезжал Верховный Прав[итель] Адмирал Колчак. На дивизион выдано для награждения 5 георг[иевских] крест[ов] и 15 медалей и т. д. Это будет верно: а числа я точно не помню: 5 или 7. Книга приказов была сожжена в Чите по приказу полк[овника] Бек Мамедова⁶, поэтому мне ничего сохранить из этого не удалось. Денежные книги и наличные деньги были там же отобраны еще на ст. Инокентьевской, когда я был арестован, то у подпор[учика] Кипперман отобрали деньги 125 тыс. Сибир[ская] печать дивизиона потеряна мною около станции Мациевская, вернее, осталась в вагоне нашего эшелона. Я думаю, Борис Борисович, что ошибки в месяцах не будет, главные же случаи я помню хорошо. Пример: Омск оставлен был 14 ноября в 4 час. вечера. Мы вышли в 2 часа и пройдя 17 верст ночевали с дивизией морск[их] стрелков, шедших защищать Омск. Красноярск мы

⁶ **Бек-Мамедов Лев Хаджиевич** (1886 — 12.02.1966). Родился в Средней Азии. Окончил Московский кадетский корпус и в 1908 г. — Михайловское артиллерийское училище. Служил на Кавказе. Участвовал в Первой мировой войне в составе артиллерийских частей. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта. Командовал 3-м отдельным артиллерийским дивизионом Временного Приамурского правительства, а затем — Поволжской арtdружиной. Полковник. После поражения Белой армии эмигрировал в Маньчжурию. Жил в Харбине, взял псевдоним Илларион Суворов. В 1924 г. переехал в США, где женился на Н. Вонсяцкой — сестре основателя Всероссийской фашистской организации (позже — Всероссийская фашистская партия и Всероссийская национал-революционная партия) А. А. Вонсяцкого. С 1933 по 1939 г. был председателем исполнительного комитета ВФО. Вместе с женой владел рестораном «Русский медведь» близ г. Томпсон. Умер в г. Санкт-Петербурге (штат Флорида).

обходили с севера. 23 дек. 1919 г. Рожд. Христ. были на ст. Сорокино. 40 верст восточ[нее] Красноярска. На ст. Инокентьевской были 3 февр[аля]. В ночь с 10-го на 11-е переходили Байкал по льду. Лиственичное — Голоустное — Мысовая, где мы были 11 февраля 1 дня. Сделав 109 верст: Лиственичное — Голоустное (42) — Голоустное — Мысовая (67). В месяцах ошибки нет. Ну а в числах, прости, дорогой, я в это время болел всеми видами тифа, т. е. брюшным, сыпным и возвратным, ты там прочтешь о моем припадке страха в Инокентьевской, когда я жег в печке свои эксельбанты (аксельбанты. — А. О.), ленточки орденов, почему-то завернув их предварительно в носовые платки, ведь я болел более 2½ месяцев и некоторые слова, записанные больным довольно скверно, кроме того, стерлись, а сейчас, хоть убей, не могу прочесть. Даты же Забайкальской эпопеи записаны не были, а просто намечен месяц, год и место, а они верны, кроме того, о числах в Забайкалье. Я думаю, [должны] помнить и «Папа» п[одполковник] Борисов⁷ и пор[учик] Соколов, ведь они были с нами уже в Чите. Даже ранее в Верхнеудинске. В Верхнеудин[ске] я был больной, но запомнил фамилию подпор[учика] Соколова. Я думаю, что мои объяснения тебя удовлетворят, а если нет и еще чего не хватает, пиши скорей, только ты очень редко мне пишешь, поэтому мне кажется, что я заброшен на необитаемый остров, населенный предками, но которые знают слова: синема авиньон — аэроплан и другие, кроме того, в собрания — ассамблеи конституционные играют, кричат на углах «либераде, фратерниада и игналидаде», т. е. «свобода, равенство и братство», а на деле ты знаешь, я да и никто из моих родственников крепостными не владели, а читал, что много горя было. Ну так вот и здесь вся эта «сволочь» с разбойничьими именами, прикрываясь красивыми словами свободы и т. д., просто-напросто эксплуататоры в тысячу раз хуже наших помещиков, вот тебе пример, на фазендах здесь сейчас ввиду кризиса работают [за] один мильрейс и пятьсот рейс. 1 \$500 рейс, если тебе перевести по курсу, то будет 8 амер[иканских] центов, как тебе это нравится? Жизнь же для рабочего довольно дорога, для примера, мясо кило 2 мильр. Сахар кило — сырец = 1200 рейс, ботинки 20–30 мильр., рубаха 12–14 мильр., дешев рис — 60 кило 12–14 мильр. Мука-крупчатка кило — 2 мильрейса,

⁷ Вероятно, **Борисов Александр Александрович**. Родился в 1886 г. В годы Гражданской войны воевал в белых войсках Восточного фронта. Подполковник. В эмиграции в Китае (Харбин), затем в США. Умер в 1942 г. в Сан-Франциско (США).

поэтому хлеб здесь дорогой, мое лакомство! Покупают только богатые на семью 1 фран[цузскую] булочку на 5–6 чел., не разжиреешь от такого питания. На этом заканчиваю, а через неделю напишу еще. Жму твою руку, целую ручку Тамары Семеновны и привет всем.

Жена тоже очень рада и благодарит. DR.

Получено 10/1/34

26 окт. 1933 г.
Goliaz.

Дорогие Тамара Семеновна и Борис Борисович!!!

Сегодня день моего рождения и день моего Ангела. Поэтому я весь день ничего не делаю, хожу по комнатам и во все горло, что называется, пою старые романсы и солдатские песни. Я отправил вам 3 или 4 письма, а ответа все еще нет, вообще с Апреля я получил одну только открытку из Японии, что было для нас праздником, вообще вы не балуете нас письмами, но это, кажется, рекорд. Прости, дорогой Борис, но ведь это правда, я как-то писал тебе, чтобы ты уделил для меня только пять минут в неделю, ½ часа, а в полчаса можно накатать громадное письмо. Дорогой Борис, ты уже давно не посылал мне газет. Да! Ты читал книгу Капитана Апрелева, посвященную памяти покойного императора, интересная или нет? Не можешь ли послать ее мне. Если хочешь, я pošлю тебе на португальском языке «1-я Батарея — Огонь!». Это из истории революции, 1930 г. в сущности, дрянь, хотя и кричат о ней много, очень слабо написана, да и фактики-то подтасованы довольно неумело. Как подвигается твой труд?

Дорогой Борис! Не успел еще докончить письма, как вдруг неожиданное впечатление; получил от тебя письмо, помеченное 2-м августом, были мы ужасно обрадованы и с чувством и толком прочли его 2 раза. Признаться, на меня оно произвело печальное настроение, и, как я вижу, дела твои пошатнулись, это я в отношении твоей службы. Знаешь, этого было нужно ждать. Я горьким опытом убедился еще ранее, ведь всё это такая дрянь, как немцы, так и другие. Печально и с твоей книгой: написана интересно, издана прилично, что еще нужно публике. Нет, ты знаешь, что вся наша эмиграция ужасная дрянь — Стихензоты-то ведь все время не переводятся, знаешь, такие тихие, подхалимы с замашками Гамлета, а с делами Чичикова. Маленькие интересы, и мелкие чувства, а на словах-то ого-го! Знаешь, Борис! Я уже тебе писал, кажется, 2 раза, но пишу

тебе еще раз. Дело вот в чем. Брось ты (не говорю, что немедленно), но скопивши примерно 1000 долларов, брось всю эту службу — канитель и приезжай сюда. Здесь хотя люди и черствы, зато природа щедра. При твоих знаниях Английск[ого], фран[цузского] и немецк[ого] языков ты можешь устроиться преподавателем этих языков в Лицей или в колледж, оплачивается это примерно 800–900 мильр. в месяц. Кроме того, на эту же сумму найдутся еще и частные уроки. Мой дом к твоим услугам, а дальше моя идея такова: высмотрим и купим хороший участок земли, я построю для тебя домик «bungalow», потом засадим все это виноградом и через 2 года не нужна будет служба и т. д. Кроме того, ты можешь заняться здесь своим трудом в тиши; жизнь здесь дешевая, тихая, а главное, вдалеке от всей этой дряни эмиграции. Ты знаешь, я ведь уже не молод, мне ведь 47 стукнуло, но я чувствую себя здоровым, лучше, чем в Шанхае. Сейчас я забросил все эти топографические работы и только принимаю чертежные работы, а в свободное время столярничаю, за мной установилась слава хорошего столяра. Знаешь, он может делать швейные машины! — так говорят, в общем зарабатываю на жизнь. А вот с долгами-то туго, думаю, что до будущего года не выкручусь, да и должен то я всего 3.000 мильрейс и если бы мне попалась одна большая работа, то я выкрутился бы.

Но на мое несчастье наш идиот интервентор задум[ал] менять столицу штата и поэтому все выжидают, а он, видишь ли, задумал выстроить новый город, но пороку то не хватает, т. е. денег нет, поэтому постройка-то города мыльный пузырь, но все-таки все зажалось.

29 Окт. Продолжаю.

Ты знаешь, я пишу каждый день, а время-то идет, всё это потому, что нет денег на марки, вот и сейчас, окончу одну работу, получу 120\$ milreis, тогда пошлю, но думаю, что не ранее 2–3-го ноября у нас начался период дождей, хотя еще и не потом, ну да мой дом на горе, и не каплет, получил ли ты мои фотографии дома и виды местности?

30 утром! Ура, Борис! Получил от тебя письмо от 25 Авг. о твоих впечатлениях в Японии, читал я, потом жена, затем я переводил его на бразильский язык, жена не все понимает, очень замечательно удачная Ваша фотографическая карточка — прелесть, Вы оба как живые, жена

в восхищении от костюма Тамары Семеновны, для нее теперь мечта, но мечта неосуществимая, здесь днем с огнем не найдешь.

Дорогой Борис Борисович, ты писал мне, что постарайся послать мне какой-нибудь костюм, и действительно я очень в нем нуждаюсь, хожу рванный, заплатанный и т. д., нужно признаться, что даже иной раз стыдно, особенно это то, что нет ни одной приличной рубахи, все пришло в ветхость, хотя жена и усердно их штопает и чинит, и в этом достигла замечательного искусства, у меня сейчас обрезаны все рукава и вставлены новые груди, мой выходной костюм сейчас — рубаха хаки и такие же брюки. Ты знаешь, что за поношенное не нужно платить таможен[ных] сборов. И поэтому, если будет твоя такая милость, то будь добр, пошли то, о чем я писал, и теперь еще. Просьба. (Пишу это секретно от жены). Не может ли Тамара Семеновна у какой-нибудь знакомой дамы купить подержанное кимоно недорого, конечно, я хочу сделать сюрприз моей жене к дню ее рождения 22 апреля. Ты знаешь...

[нет окончания письма]

Получено 21/3/34

Goiaz 27.XI.33
10 часов вечера.

Дорогие

Тамара Семеновна и Борис Борисович! На днях отправил Вам письмо (простым, не заказное). А сегодня начинаю писать другое, и так: «Цыгане шумною толпой по Бессарабии кочуют, и вот сегодня под рекой в шатрах изорванных ночуют». Это из Пушкина Александра. А вот действительность: «Цыгане чинною толпой в автомобилях по Бразилии кочуют и вот сегодня у реки в коминьонах же ночуют» (коминьон — это автомобиль-грузовик). А дальше проза. Сегодня утром ко мне на дом явился старый-престарый цыган, он узнал от других, что я русский, поэтому счел своим долгом прийти ко мне с поклоном, т. е. с визитом, я, конечно, принял его радушно, усадил и начались взаимные расспросы. Он выбрался из России в 1921 г. через Польшу, очень тоскует по прежней России, он был главарем одного цыганского хора, поэтому хорошо знает Россию, а также хорошо знает быт и жите до революции и после нее. Узнав, что я офицер-артиллерист, он расчувствовался, чуть руки не целует, начал вспоминать хорошие Московские и Петербургские офицер[ские] фами-

лии, рассказывал, как умели кутить «господа офицера». Под политбеседы он пригласил меня к ним и сказал, что жена и дочери будут рады мне как родному «Барину». Вечером был у них. Встретили замечательно радушно, а я, дорогой Борис, был поражен, ты знаешь, вместо загнанных разбитых лошадей я увидел 6 грузовых автомобилей, выстроенных в ряд у реки, у автомобилей кузов переделан, сделан ниже, и затем стены и крыша из хорошей парусины; в каждый автомобиль на ходу помещается до 14–15 человек, у них свои механики, шофера, плотники, кузнецы и т. д. Усадили меня в большое плетеное кресло собст[венной] работы и опять начались расспросы; узнав, что я из Иркутска, один цыган принес гитару и сыграл мне нашу Иркутскую «подгорную» (плясовая). Потом старик закричал по-русски: «А ну, девки, уважьте нашего дорогого гостя, спойте «Две гитары».

Ну и пошло без конца после «штар»⁸: пели «Очи черные» потом, вышла одна цыганочка лет 20–19. Оказалась солистка, спела «Отойди, не гляди» и спела замечательно хорошо, пробыл я у них до 9½ час. и под конец мы со старыми цыганами выпили по рюмке водки, т. е. разв[еденный] спирт, и я распрощался со всеми за руку, пригласил их бывать у меня запросто, я сказал им, что я сейчас очень стеснен в денежн[ых] обстоятельствах, так как кризис, нет работы, старуха, жена старика, расчувствовалась и, утирая слезы, говорила: «А, Господи! До чего довела эта проклятая большевизия хороших господ». Так вот, дорогой Борис! Это, я понимаю = «прогресс»: цыган[е]-то прежние, но у них уже не разбитые клячи, а хорошие форды, а они механика и т. д. в нашем Гоязе они нашли, уже много работы, так первоклассные медники и цыганки уже не ходят по дворам с гаданием, а приходят к ним с просьбой полечить мула, лошадь и т. д. Ну, и по словам старика, на жизнь зарабатывают: «Нечего Бога гневить, жить можно. Вот машины купили, новые инструменты тоже есть, всякую вещь берем чинить: револьверы, ружья» и т. д.

1 дек. 1933 г.

Меня даже зависть взяла, подумал, грешным делом, хороша жизнь цыганская. Но, довольно о цыганах. Я сейчас, несмотря на дождь, нашел работу, обмер одной фазенды, взял очень дешево — 2 мильрейса

⁸ «Штар» (по-цыгански) означает «четыре».

алкер, т. е. 2½ десятины, всего наберется до 1200 алкер, но, думаю, что 50 милр. в день заработаю, ужасно дожди мешают, ну да я по старым заметкам съемку делаю мензулой с компасом, уже в неделю заснял 120 алкер с одним рабочим, ему плачу 4 милр. да 2 лошади в день стоят 6 милр. Итого расход 10 м. в день, а заработок 40, значит 30 мне, думаю, что работы, не торопясь, хватит на 2 месяца, да и буду тянуть до другой. Вторая новость: я уже натурализованный Бразильский «цидадон», т. е. гражданин тоже не фунт изюма, годика через 2–3 выставлю кандидатуру в префекты, т. е. в гор[одские] головы, не пройдет — не надо, а пройдет, так я им накажу, что такое «прогресс», ну, да не буду вперед загадывать, мое настроение в последнее время улучшилось = заткнул глотку более надоедливым кредитором и не ...

[окончание письма утрачено]

1934 год

Получено 19/7/34

Мая 1934
Goiaz.

Дорогие Тамара Семеновна и Борис Борисович.

На днях отправил Вам письмо, т. е. небольшую посылку, в ней мое письмо и журнал. Этот журнал я послал исключительно ввиду его иллюстрации. Карнавал в этом году был поистине грандиозен, несмотря на общий кризис, я даже шутил и говорил им, что это пир во время чумы. Ведь действительное положение отвратительно, вот-вот вспыхнет очередная революция (за время моего пребывания четвертая). Но, люди веселятся, хотя и многие на пустой желудок: знаете, здесь по моему наблюдению люди большие притворщики. Для примера: забежит хлопец в лавочку, дернет ханжи на 200 реис, т. е. на пятак без всякой закуски, а потом начинается «serenata», т. е. кричит во все горло под звуки расстроенной паршивой гитары частушки, т. е. «samba» по-местному, и это продолжается до полуночи. На беду, еще во время карнавала сочинили новые samb'ы «Морена» «Лоурилья», т. е. «шатенка» с «Бесидинка», ну и в большой они сейчас, даже люди поют в каждом доме от грудного ребенка до

седовласого старца-деда и поют, признаться, отвратительно. Я как-то был в ударе и спел «Черных гусар», так все окна открыли, слушали, а потом говорили — это я артиста. Это я-то артист — вот дурачье! Если бы они послушали, как пела моя 6 рота Финлянд[ского] стр[елкового] полка, так, наверно, подумали бы, что все артисты. Получил недавно одно предложение — отправиться в район реки Смерти. С экспедицией по разысканию одного английского полковника Фауссет: он в 1925 г. отправился с сыном в неисследованные еще области штата Матто Гроссо (Matto-Grosso) и там пропал без вести; в 1930 г. была одна экспедиция, снаряженная англ[ийской] газетой «Times», но участники ее, англичане, чего-то испугались и через три месяца вернулись ни с чем. А в прошлом году в Ноябре м[еся]це один бразильянец-топограф, бывший там, видел и через переводчика разговаривал с индейцами племени «шаванти». «Charante» это племя очень воинственно[e] и дикое, никаких сношений с культурными людьми не ведут, кроме того, они, как бы выразиться, ну в состоянии войны что ли, и еще не один белый не проникал на ихнюю территорию, конечно, были попытки некоторых искателей золота и приключений, но эти, я бы сказал, отважные люди исчезали бесследно. Так вот этот топограф в разговоре с ними спросил их о полк[овнике] Фауссет, одна индианка сказала, что «бледнолицый» находится в одной из деревень этого племени, он и сын его жив[ы] и к тому же сын его женился на дочери вождя этой деревни и имеет 2-х детей. С голубыми глазами. Ну, топограф, возвратившись в С.-Пауло, напечатал это в газетах, поднялась, как известно, полемика, образовалось общество, которое снарядило экспедицию в числе 8 человек: 1 медик, 2 топографа, 2 кино-оператора, 1 натуралист, 1 инженер и Начальник конвоя. Конвой из 25 чел. солдат, несколько слуг и 50 мулов с багажом и амуницией. Зная, что я военный, один из участников предложил мне должность Начальника Конвоя с жалованием 800 мильрейс, на всем готовом, и по возвращении премии в 3000 милрейс, я было согласился, но моя Викторинна поднялась на дыбы и сказала, что не отпустит, так как очень опасно и «este chavante mais feros a bravos indios do Brasil», т. е. эти «шаванте» очень дики и храбры во всей Бразилии, пришлось, конечно, отказаться. А путешествие обещало быть интересным. Знаешь, Борис, я ранее думал, что неисследованные области находятся только у нас на севере Сибири, но ошибся — здесь в Бразилии много еще земли не исследованной, как-то в штатах Матто Гроссо — Тараньон Пара, и река Амазонка, где на сотни километров еще не ступала нога европейца.

Работы у меня немного, т. е. почти нет, в поле работать как топограф поблизости почти нет, а добираться далеко нет расчета, дешево, т. е. почти не оправдывают расхода. Поэтому я живу, как писал, уроками англ[ийского] языка, сейчас нашлись еще охотники изучать Русский язык. Я для рекламы дал им несколько уроков бесплатно и назначил всего 25 милреис в месяц, таким образом моя пропаганда русских белых идей, можно сказать, на полном ходу. Кроме того, работаю как столяр-плотник, в общем для жизни достаточно, но экономить и купить еще земли не могу, так как нашел долг за этот год, я выплатил процентов и погасил долги почти на 2.000 милреис, сейчас имею еще на шее около того же, ну, да как-нибудь справлюсь, ты знаешь, мне бы одну хорошую работу на десять-пятнадцать тысяч и все было бы кончено с долгами. Борис! Ты писал мне, чтобы я посылал тебе забавные картинки из прошлого, ты знаешь, что этого материала у меня в голове, т. е. памяти, много, но с чего начать никак не могу придумать. Да к случаю: ты знаешь, когда мы в 1920 г. были в Чите, там в это время было много дуэлей, так вот один новоиспеченный за Ледяной Сиб[ирский] поход подал по начальству рапорт, в котором просил разрешить ему драться на дуэли в 12 час. дня на Александровской площади, фамилии участников не помню — не помню точно, каких они были частей, не знаю, рассказывал ли я о дуэли поручика Чебан с кап[итаном] Сергиенко. Подпол[ковник] Борисов эту историю хорошо знает, а произошла она из-за Льва Толстого. Дело было на квартире Комбата 1-й Кап[итана] Тимофеева, собралась теплая компания, любители выпить, ну и вот, когда все были на 2-м взводе, так Сергиенко пришла блестящая мысль побрить портрет Льва Толстого, что висел на стене. «Ибрагим! — кричит денщику, — тащи мыло, бритву и кисточку! Побрею эту старую шельму!» [нрзб] и т. д. Чебан запротестовал: «Как это? — говорит, — светило Русской литературы, апостол свободы духа, а такое надругательство!» Сергиенко же на это запальчиво возразил, что Толстой предтеча коммунизма и, конечно, мат самый сногшибательный. Чебан на это ему сказал: «Капитан, Вы не умеете себя вести! Здесь за стеной дама» (хозяйка квартиры, которая жила гр[ажданским] браком с военнопленным). Ну, Сергиенко, услышав это, не понижая тона, сказал, что какая, черт, дама — блядь она! Таскается с военнопленным, потаскушка, мать ее туда! Чебан кричит: «Капитан! Вы забываетесь, стыдитесь!» А Сергиенко кричит ему: «Поручик! Вы еще не выросли делать мне замечания», и за наган. Ну, их сейчас же растащили, обезоружили, а в полдень Чебан подал рапорт — в результате дуэль, «папа

Борисов секундонт». Я же в это время был завхоз 1-й. Так вот был у меня письмоводителем Шт[абс]-к[апитан] Ушанов, маленького роста, и ужасно любил петь фистулой «Дитя, не тянися весной за розой». Нужно сказать, что жили мы на Большой ул. № 43 и помещалось нас в доме 6 человек офицеров. Я, шт[абс]-к[апитан] Ушанов, подпор[учик] Фармаковский⁹, Прап[орщик] Корано-Мартынович из сербов, пр[апорщик] Могильников¹⁰, и забыл фамилию. Да, Чебан. Так вот после дуэли я спал на диване, Ушанов на полу, Чебан спал на обеденном столе, остальные на полу же в других комнатах. Хозяйка-вдова и ее сестра Дуся (сестра милосердия п. № 12) помещались в 2-х небольших комнатках. Так вот после дуэли, когда Чебан был убит, на стол ложиться спать стал Формакровский — прошла неделя и наш Формакровский перебрался снова на пол; я как-то спросил его: «Почему вы больше не спите на столе?» На что он сказал, что «Чебан спал на столе и убит — дурная примета!» На другой же день раскрылась истинная причина: он заразился от одной жидовки напротив, за которой ухаживал, ну я, конечно, не вытерпел, отчитал его по-отечески. Вообще в Чите пришедшие части, что называется, распоясались и не к чести сказать, многие вели себя отвратительно, пьянство, скандалы и т. д. Как-то я был дежурным по караулам и по обязанности посетил гауптвахту, там сидело 43 чел. «офицерай». Довольно любопытный был случай и там один раз, я был караульным Нач[альником] на гауптвахте — вот пришла смена от «Уфимска стрелка», ну, сдал караул, все честь-честью, под конец нужно расписаться в книге арестованных в сдаче и приеме. Но, новый караульный начальник Подпоручик Х. оказался неграмотный, за него хотел расписаться кар[аульный] ун[тер]-офицер; я воспротивился, вызвал Деж[урного] по гарн[изону] офицера и плац-адъютанта из Коменд[атуры] Управления. Ну и пришлось ждать другого офицера почти до 4-х часов вечера. Вообще время было сумбурное. Наш уральский отряд превратился в 1 стр[елковую] дивизию — ген[ерала] Круглевского. Артиллерия

⁹ Вероятно, **Фармаковский Вячеслав Николаевич** (21.08.1895 — ?). Из Самарской губернии. Окончил гимназию и 3-ю Петергофскую школу прапорщиков. В период Гражданской войны — в белых войсках Восточного фронта. На 17 апреля 1919 г. в составе 3-й легкой батареи отдельного Самарского артиллерийского дивизиона. Подпоручик.

¹⁰ **Могильников**. Служил в белых войсках Восточного фронта. Прапорщик. В эмиграции в Китае, служил в войсках Чжан Цзолиня, в 1927 г. — унтер-офицер 1-й конной бригады.

была сведена в дивизион 1-й сводный. Полк[овник] Романовский ушел во 2-й Корпус к уфимцам. После пасхи дивизия была переброшена в район Стретенска и ушла в поход, я же с хозяйственной частью батареи остался с больными людьми и лошадьми в Чите, где у меня на почве посылки караула к денежному ящику снабжения Корпуса разыгрался с Нач[альником] Снабж[ения] ген[ералом] Беляевым скандал (это написано в дневн[ике]). Затем мы 20 мая также были переброшены в Стретенск, где папа Борисов изображал К[оманди]ра д[ивизио]на, а подп[олковник] Соколов его адъютанта. Ты, конечно, знаешь, т. е. знал хор[ошо] Сапожникова, ну так этот нигде не унывал, лишь бы достать выпить. Даже в таком углу он по чутью находил собутыльников, а в общем был начитанный и интеллигентный человек «Вася», как я его звал, и когда бывал в ударе, то умел говорить хорошо.

В своем дневнике я, кажется, писал о нем немного, ты знаешь, он ужасно любил петь (когда подопьет) «О скалы грозные дробятся волны». Это из оп[еры] «Садко» и «Как король шел на войну» Шаляпинское, так я ему на картонке от папирос написал партитуру и сказал, что куплю ½ бут. водки, если он споет в дому напротив, там жил один врач-еврей. Ну, хорунжий ворвался в дом, вошел в столовую, где обедала семья хозяина, и как заорет «О скалы грозные дробятся волны», ты можешь представить весь переполох обитателей.

Дорогой Борис!

Сегодня 9 мая по н. ст. получил от тебя два письма и 2 посылки, одна с журналами, другая отрыв[ной] календарь. Дорогой мой, язык мой прилипает к гортани, от избытка чувства не нахожу слов, которыми бы можно выразить мою благодарность! Я так же несколько дней [назад] отправил тебе довольно увесистое послание. Это письмо пошлю в Субботу 12-го мая с/г., жена и я сердечно благодарим тебя и Тамару Семеновну. То, что ты пишешь новую книгу «Борьба на Урале», я думаю, будет хорошая вещь, так как у тебя есть богатые источники, в частности же, когда ты будешь писать про красноуфимское восстание, ты выпроси Прап[орщика] Могильникова, ведь он коренной красноуфимец и был в этом восстании участником, спроси его, какую роль играл богатый Красноуфимский помещик — имение этого помещика недалеко от с. Читы и помещик пользовался большой народной популярностью — фамилию я не помню. В общем личность очень значительная. Могильников знает почти всех руководите-

лей восстания, вообще историю восстания в Красноуф[имском] уезде тебе могут передать только участники, а это Могильников, Федреев, Мусихин, Гольшеманов и другие, но они, за исключением Могильникова, в Харбине. Наша же 3-я Иркутская стр[елковая] дивизия¹¹ пришла туда в сентябре, когда там были уже Рычаговские батальоны — Красноуфимский, Кыштымский, Саранинский, Бисерский и забыл последний, на батальонах были прапорщики Ярушин, Борчанинов, Боголюбов и один чех — унт[ер]-офицер. Отд[ельной] батареей из одного орудия командовал пор[учик] Алымов, потом пр. засов (прапорщик Засов? — А. О.) Дисциплина там была своеобразная. Начальников звали по отчеству «Петрович», «Иваныч» и т. д., обмундирования не было абсолютно и почти все были в лаптях, винтовки на мочалках, но дрались выше всякой похвалы, а в свободное время пьянствовали. Когда же я перевелся туда, там была уже бригада. Красноуф[имская] стр[елковая] бр[игада], как водится, со штабом с интендантством, и батарею также развернули в дивизион, я в первое время был К[омандир] бр[игады], а потом заделался адъютантом к кап[итану] Зеленому¹², на батареях же были сперва подп[оручик] Степанов, а затем пор[учик] гвар[дии] Лаврентьев. Бывший красн[ый] комиссар на 2-й бат[арее] был подпор[учик] Киперман — жид из гор. Шандринска из отряда ген[ерала] Смолина¹³, в общем тип не очень-то: хороший трус и ловчила.

¹¹ **3-я Иркутская Сибирская стрелковая дивизия** (13.07.1918 — [?].03.1920) — была сформирована 13.07.1918 г. после освобождения Иркутска от большевиков. Основной дивизии стали Иркутская подпольная военная организация полковника А. В. Эллерц-Усова и партизанские отряды из уездов губернии. Командир дивизии — полковник П. П. Гривин, начальник штаба — подполковник Савченко (затем капитан И. И. Попов, с 7 июня 1919 г. — подполковник). Штаб соединения располагался в Иркутске. С марта 1920 г. входила в составе 2-го корпуса Дальневосточной армии. По оставлении Забайкалья многие чины дивизии, не желая далеко уходить от родных мест, оставили её ряды и присоединились к Азиатской конной дивизии, ушедшей в Монголию. В Приморье из остатков дивизии был сформирован 3-й Иркутский стрелковый полк.

¹² **Зеленой Александр Ильич (Зелёный)** — командир артиллерийского дивизиона Красноуфимской добровольческой бригады, в 1919 г. — начальник артиллерии Красноуфимской бригады, с сентября 1922 г. — командир 2-й батареи 3-го артиллерийского дивизиона. В эмиграции проживал в Китае.

¹³ **Иннокентий Семёнович Смолин (Муттерперль)** (1 [13].01.1884 — 23.03.1973) — русский военачальник, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, генерал-майор (1919, Русская армия), генерал-лейтенант (1920, Дальневосточная армия, впоследствии отказался), видный деятель Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке.

Характеристику же к[апитана] Зеленого я уже описал в дневнике, очень слабохарактерен, поэтому могу сказать, что дивизионом командовал почти я и когда кто-нибудь из них что-нибудь не хотел делать, то я, пользуясь правом, писал, что к[омандир] д[ивизио]на «приказал», ну, они приказали, конечно, объясняться так в моем присутствии и кап[итан] Зеленой тоже подтягивал их слегка, но в общем жили дружно в бытность нашу в Елабуге, п[оручик] Зеленой был Нач[альником] гор[ода? — А. О.), а я замещал его должность в селе в 9 верстах к Мамадышу ближе, батареи же были при полках. Там же мы и получили пополнение 128 чел., там же, еще когда я командовал батареей, мы в с[еле] Арх. захватили лошадей какого-то кавалерийского полка красных, в общем все это мною описано сейчас, тороплюсь дописать и послать это письмо завтра. Я живу по-старому, т. е. не плохо и не хорошо, свободного времени у меня много, ты знаешь, Борис, я думаю заняться золотоискательством, поэтому ищу компаньона, ехать еще в малоисследованную область реки «Индио Гранде», там есть золото и бриллианты. Все дело за мулами и оружием, эта река от города 140 верст, и если найду, то в июле думаю на 2–3 месяца съездить, а может быть? Счастье-то и улыбнется, найду 2–3 бриллианта и довольно. Пиши мне, пожалуйста, чаще я жду и жду. Я и моя жена посылаем Тамаре Семеновне наш искренний привет и от души желаем вам счастья и успеха. Мой привет Носкову, Стихензону и другим, мой привет союзу Глудкинской бригады и всем и да хранит Вас Всевышний.

Твой Дмитрий Решетников.

Получено 31/7/34

Goiaz-capital
25 Мая 1934.

Дорогие Тамара Семеновна и Борис Борисович!

Сегодня исполнилось 4 года моего пребывания в штате С. Пауло — и Гояз — согласно регистрации властей и поэтому я имею право просить в правительство о так называемой натурализации, т. е. получить право гражданина Бразилии, поэтому мне и хочется закрепить свое гражданское положение, но, с другой стороны, не хочется потерять свое имя русского, т. е. иностранца, да и кроме того, неужели я здесь умру? Неужели я еще не увижу мою Родину-мать, не увижу наших занесенных снегом полей. Ах, как я соскучился по снегу, по холоду, по нашим лесам, опушенным инеем.

Да, представь себе, на бразильском языке нет слова «иней», и я никак не мог растолковать это слово жене, она твердит, что это «neve», т. е. снег, а я говорю, что не снег, а иней, но бесполезно. Мне ужасно надоело это вечное лето и жара, хотя жена и го...[нрзб] кутается в пальто, что сейчас ужасно холодно, ведь сейчас у нас зима, т. е., вернее, осень, уборка урожая — риса, бобов, кукурузу уже сняли, поэтому эти продукты сейчас дешевы, для примера, мешок риса 80 литров, т. е. 60 кило, стоит 12–15 милреис, т. е. 3–3,50 на Шанхайские доллары, много продают апельсин[ов] и очень дешево — 25–30 штук 1 милреис, т. е. 25–26 центов Шанхайских. У меня в саду апельсин[ов] еще нет, ведь сад-то молодой, всего 2 года, поэтому я купил два ящика за 4 мильрейс, так что на один милрейс 42 штуки апельсин[ов] хороших «Select», т. е. Селект больше двух за один раз не осилишь, а остальное у меня уже есть, как то — виноград, «мамон», лимоны, бананы, кажу, манго сара-митоза, «ип ями», не говоря уже про огурцы, редиску, морковь, капусту, а также и томаты, баклажаны, перец сладкий и т. д., в общем едим сами и продаем, что просят, так что на хлеб каждый день 2 мильрейса, деньги с огорода, а сейчас, Дорогой Борис!

Я писал тебе в последнем [письме], отвечаю «coisa toa», т. е. пустяки, «bobaј» — глупость, но не верят, один прямо-таки предлагал компанию, но делец не из довольно чистых, так я, конечно, поблагодарил его за его желание, но предложение отклонил. Моя мечта стать самостоятельно на ноги без посторонней помощи, чтобы никому не быть обязанным, я тебе как-то писал в прошлом году о нашем несчастье; ты знаешь, я был должен около 8 тысяч милр., сейчас же, благодарение Господу, мои долги не превышают 3,500 милрейс, как тебе нравится это? Правда, я ходил рваный, драный, в тухмах даже работал за неимением ботинок, приложил все мои силы оплатить самые опасные векселя, ну и справился, сейчас только 2 векселя — один на 1500, другой на 1200, я, конечно, переписываю их и аккуратно плачу %, ну, а остальные все мелкие 200, 100, 50. 300 — это все на слово, так что за этих я не боюсь, подождут, поэтому мое настроение неплохо и я бодро гляжу на будущее. Только думаю, не поздно ли? Дело-то в том, что часто прихварываю, то голова, то ноги, спина, почки, да всего не перечешь, знаешь, даже три бутылки элексира 914 выпил, очистить кровь, как здесь говорят, хотя я сроду худой-то болезни не имел, ну да выпил, а сейчас, знаешь, думаю, что хорошо сделал, потому что чувствую лучше, вот только ноги болят «acidourico», т. е. в почках

какие-то камни завелись, ну да как-нибудь и от них избавлюсь, я даже шутил. Когда [нрзб] говорил мне про камни, то вот говорю, «diamante» у меня, что значит Brasil-то.

Ну да заканчиваю, хочу скорей послать и через 92 дня получить ответ.

Ваш Решет[ников] Дмитрий.

P. S. На днях пошлю большое письмо с кое-какими заметками. DR.

Получено 31/7/34

2-го Июня 1934 г.

Дорогие Тамара Семеновна и Борис Борисович!

«Nada de novo no Brasil».

Задержал я последнее письмо, написанное 25 мая по независящим от меня обстоятельствам, т. е. не получил в этот день «пенязей», поэтому отправляю сразу два в одном конверте, нового у нас ничего нет, как гласит в кавычках вверху, я же сейчас веду важные переговоры, т. е. хочу купить в рассрочку на 5 лет еще земли 8400 метр квадр., земля хорошая, собственник просит 2400 милрейс, я же даю 2 тысячи по 400 в год, земля же стоит, конечно, больше, но ты знаешь, «всемирный кризис», все стало, опять же таки «Mudaiça da capital», т. е. перемена столицы штата и т. д. и т. д., ну, кажется, уговорю, я даже не думал, что обладаю таким адвокатским даром уговаривать, как делал это полу-жид, полу-милорд — Керенский, а земля эта мне нужна для будущей плантации тех семян, что пришлешь ты, поэтому, мой дорогой Борис, ты узнай все досконально, как садить, поливать, т. е. все, что касается плантации чая, быть может, ты знаком с кем-нибудь из Ханкоу из б[ывших] служащих и у них есть на этот счет какая-либо литература, одним словом, Борис Борисович, в твоих руках мое будущее, поэтому я тебя и прошу, отнесись к этому очень серьезно, ты знаешь, моя идея очень секретна и в городе ничего толком не знают, но знают, что «руссу» сеньор что-то затевает, а что я делаю, все выходит хорошо, ну и все пророчат будущее богатство. У меня уже было много посетителей выпытать, что я хочу предпринять, но я ...

[окончание письма утрачено]

Дорогие Тамара Семеновна и Борис Борисович.

Простите за долгое молчание, не писал Вам, потому что был далеко в лесу, делал съемки реки Мараньон, это от Гояза 480 кило. верхом на мулах почти без дорог по тропам, и прибыл я там 2 м[есяца] и 18 дней, заработал 3.000 мильрейс, но денег еще не получил, полностью приехал домой 21 Ноября, нашел от вас письма, газеты и журналы, писем 1 закр[ытое] и открытка, журналов 3 пачки, газеты за сент[ябрь] с/г. Я был очень и очень обрадован и сейчас читаю в запое, что называется. Нового у нас почти нет, вся эта политика дурацкая надоела до отвращения, и я уклоняюсь от всяких разговоров на эту тему. Лбом стены не прошибешь. А здешних идиотов-политиков нужно учить нагайками наших казаков. Коммунистическая пропаганда здесь прогрессирует очень быстро, всему виной идиотизм и близорукость здешних политиков, мои же проповеди, как горох в стену, так что на собраниях выборных я костил их на чем свет стоит, думал разбудить в них самолюбие, но куда там. День моего рождения провел в лесу. Очень много охотился, был даже на тигров, но неудачно, тигр вышел от меня далеко и луч моей электрической лампочки был слаб, поэтому взял на мушку неправильно и тигр раненый ушел. Дома у меня сейчас хорошо, много винограду зреет, думаю, на этот раз снять приблизительно, конечно, 600–700 кило. Буду делать вино. Ты, Борис, до сего времени мне не ответил относительно чайных семян, поэтому я тебя прошу, будь добр, узнай и пошли мне немного, ведь это мое будущее.

Очень порадовало Вашими успехами, исполать Вам, а особенно Тамаре Семеновне, люблю я людей энергичных, а у Там. Сем. энергии хоть отбавляй, горжусь Вами. Это брат не недорезанная интеллигенция, а люди Воли и труда. Ранее я Вам не писал, а сейчас пишу, моя дражайшая половина Викторiana опять очень горда, т. е. ожидаю прибавление семейства, кто будет, Знает Бог и, если мальчик, имя ему Борис, девочка Тамара — это решено, крестным отцом к мальчику запишу тебя, Борис, а к девочке Тамару Семеновну. Значит, итого на «Villa Russa», так зовут мой дом, будет 9 душ населения, не считая кур, конечно. Вот они: я, жена, 2 собаки, 1 кошка, будущий новорожд[енный], 1 змея, вернее, уж, 1 черепаха и 1 маленький жакаре (крокодил), все мы живем дружно, кошка очень дружит с черепахой и жакаре, едят же они все вместе, приходится смотреть за жакаре, он не прочь закусить кошечкой, я думаю. С большим

удовольствием прочел твои письма о Японии, у тебя, Борис, замечательный дар для пропаганды, а это очень хорошо. Жалею, что от тебя лично не было ни строчки, но я надеюсь, что ты в будущем справишься и будешь писать чаще, да признаться, и я стал тоже писать редко, но пожалуйста, не думай, что это лень, я ужасно устал от поездки да и года-то сказываются, ведь мне 48 стукнуло — усы, борода уже седые, очень болят ноги — вот они, Хабаровский и другие походы! Сказались! Это письмо спешу отправить, а завтра начну писать другое. Поздравляем Вас с Праздником Рождества Христова и Новым годом! От души желаем, чтобы ваши чулки, повешенные, где им полагается в рождественскую ночь, были наполнены Рождественским дедом настоящими, а не фальшивыми банкнотами, ну хотя бы американскими, хотя я думаю, что вы не обиделись бы, если б это были и Китайские. Ваши Дм[итрий] и Викт[ориана].

NB. Борис Борисович! Не откажи по доброте душевной, направь эти два письма по принадлежности. Д. Решетн[иков]

Господину Председателю
Союза 1-й Стр[елковой] Бригады (имени Глудкина)

Господин Полковник!

За дальностью расстояния я не имею возможности и чести состоять членом союза, но помня нашего незабываемого командира Подп[олковника] Глудкина, считаю своим долгом принести мои сердечные пожелания моим дорогим соратником и сослуживцам. В наступающем Новом 1935 году — счастья, успеха и бодрости душевной, а также единения.

Остаюсь искренне Вас уважающий

Шт. Капитан Д. Решетников.

Goiaz-Brasil.

Милостивый Государь.

Госп[один] Редактор.

Не откажите поместить мое нижеследующее письмо.

Дорогим сослуживцам по Сибири,
Забайкалью и Дальнему Востоку и Китаю.

Поздравляю Вас с светлым Праздником Рождества Христова и Новым Годом и от всего сердца желаю Вам исполнения Ваших, а также и моих

желаний. Видеть нашу многострадальную Мать Родину освобожденной от кроваво-красного зверя из бездны (коммунизма). Крепко жму Ваши руки и желаю счастья.

Дмитрий Решетников.

Brasil

Goiaz — capitán D. Rechetnikow.

Получено 31/10/34

Дорогие!

Тамара Семеновна и Борис Борисович!

Уже три месяца, как я от вас получил последние письма и сейчас не могу дождаться, когда-то я смогу получить весточку, редко Вы нас радуете своими письмами, ну да и за посланные письма мы очень благодарим и признательны. Борис, ты писал, что посылаешь два кимоно, я их еще не получил еще и поэтому думаю, не задержала ли наша Brasil alfandera — т. е. таможня, хотя они и помяты будут, но здесь воры-то американские — и мятым не брезгают. Знаешь, за какую цену здесь убивают человека? За три куска рападуры, т. е. за три куска прессованного сахара-сырца, по просьбе соседа-fazendeira один бразильянец убил 2-х человек большим ножом (бебутом). Как тебе нравится! А другой тип убил по пустяшной ссоре, тоже ножом нанес он противнику 283 раны и на допросе показал, что ему хиромантка Laupenda (Madam Orient) сказала, что ему нужно убить человека и выпить немного его крови, он должен нанести убитому 300 ран, но он ужасно устал и нанес только 283, на 17-м ударе он попробовал пить кровь из живота, но кровь была грязная, смешанная с остатками пищи (porcaria, т. е. свинячая), поэтому он выпил крови второй раз из шеи после 143 удара. Ты знаешь, я много видел гнусности на своем веку, ну хотя бы в гражданскую войну, но такого хладнокровия при рассказе не видел у других, а у этого зверя даже улыбка на лице и рассказывает довольно подробно. Ты знаешь, я пришел от этого в ужас. Ведь это какой-то выродец рода человеческого, да и вообще, чем я больше здесь живу, тем более вижу всякой дряни, поэтому пришел к выводу, хотя Бразилия страна новая, но вырождение и идиотизм с каждым годом прогрессируют и если бы не эмиграция, то это была бы страна идиотов, ты знаешь, я еще не видел здесь семьи — бразильской, конечно, — где не было бы дурачка или дуры, почти в каждой семье есть уроды, причиной всему — кровосмешение, ты знаешь, здесь

законом разрешено жениться на племяннице, на мачехе, брат женится на жене умершего брата, двое братьев женаты на сестрах, вообще родство здесь довольно призрачная вещь. Дорогой Борис. Вчера получил от тебя заказное письмо, а в нем второе письмо, писаное в 1930 году в Парану, с большим удовольствием прочел его, было очень интересно его читать, знаешь, много воды утекло с того времени и много нового в Твоей и моей жизни, знаешь, все-таки мы прогрессируем и поэтому слова из песни «Ермак» к нам обоим подходят и «Мы недаром в мире жили».

Дорогой мой, нельзя ли эти слова в книгу втиснуть, подзаголовок что ли. Как я вижу из твоих писем, ты сейчас действительно работаешь как Геркулес. Дай тебе Боже крепости и здоровья! Большое ты дело затеял, большое и хорошее на память потомству о нашей титанической борьбе с кровавым туманом, и кровь наших братьев пролита не напрасно. Много погибло «неизвестных бойцов». Открыто можно сказать, чтобы не кичились французы своими могилами неизвестных солдат. Ведь неизвестных-то солдат погибло больше русских, из русского корпуса.

Вообще много шуму у наших бывших союзников и у врагов о разных неизвестных солдатах, а ведь эти-то неизвестные солдаты, может быть, дезертиры или еще хуже, сдались в плен в тихом углу.

1935 год

NB. Посылаю несколько карикатур, не пригодятся ли тебе или Сарожникову (Саражу).

Дорогие Тамара Семеновна и Борис Борисович!

Сегодня получил от Вас заказное письмо, написанное 3-го ноября с/г., прочел я его с большим вниманием. Твоя идея, Борис, очень мне по душе пришлась и думаю, что это содружество, я пишу содружество, а не круг и не кружок, название «Святогор» очень хорошее.

Святогор

Литературно-Художественное Содружество.

В общем, дорогой мой, дело не в названии, а в идее, а идея твоя очень мне, брат, по душе, да и тебе мы сообщая кое-чем, быть может, и поможем, кстати, как правильнее: поможем? или поможем? Теперь относительно № 3. Д. И. Решетников действительно иркутянин, протестую против «самородка». Окончил не ремесленное, а Промышленное училище. Ремесленное училище не давало прав на вольноопределяющегося 1-го разряда, и окончившие Ремесленное училище держат дополнительный экзамен за 8 классов гимназий на 1-й разряд и за 6 классов на 2-й разряд, для моего же поступления в Военное училище было достаточно моих аттестатов. У нас в России был особый класс — техников — поэтому по окончании Промышл[енного] училища я имел диплом Гражданского Техника, в 1912 году в Институте Путей Сообщения в Петербурге держал испытания на Техника путей сообщения, но провалился, поэтому с 1912 по 1914 год, т. е. начало войны, служил на Кругобайкальской ж. д. сперва дорожным мастером, потом казенным десятником, а затем старш[им] каз[енным] десятником на 4 участке службы пути, а затем перед самой войной был назначен ревизором Материальной службы 7-го участка Заб[айкальской] ж. д., протестую также против «большой подрядчик». Между прочим, Кривош-то ведь приходил ко мне, просился поучить его, как сделаться подрядчиком, ну, это прошлое. В настоящем, брат, тоже не то, я не бразильский колонист, а если уже на то пошло, то я не колонист, а человек, насаждающий культуру и прогресс, ведь я отдаю свои знания, силы, здоровье, а что дают мне? Да ничего! Только то, что я имею кусок хлеба каждый день. Граф [нрзб] Байкальский я, не Бразильский, а с времен Герм[анской] войны и вот почему. Как-то на фронте, это было в 1916 г. в Вишневец, недалеко от ст. Кременец, был я еще прапором и вот встречаюсь там с военн[ым] собрат[ом], конечно, за карточным столом с дру-

гим прапором представляется друг другу, он называет фамилию Граф Семенов-Тяньшанский, ну, думаю, и наши не хуже ваших и также — Граф Решетников-Байкальский, ведь если может быть граф Тяньшанский, то может быть и граф Байкальский. Логически рассуждая, Семенов-то не сделал столько для Тянь-Шаня, сколько сделал я для Байкала, подумать только, японская война, я на практике на Кругобайкальской ж. д. прошел пешком по горам без дорог с съёмочной партией от ст. Байкал до ст. Танхой. 318 верст, а потом ведь станции Снежная, Утулик, Выдрино, Мурино, Слюдянка, Култук, Маритуй моей постройки и я еще до сего времени помню все эти места. Знаю там каждый камень, как свои пальцы. Из твоего письма к Третьякову в Чехию ты хотел бы выяснить вопрос о подчинении чехов Русскому генералу, то, насколько я помню, ни одна чешская часть в подчинение Русских воинских нач[альников] не входила и чехи действовали по приказам своих начальников, правда, позднее, во время Пермской операции и до этого еще во время нашего наступления на Кунгур в бою под Песчаной горой на правом фланге Ирк[утской] дивизии по линии ж. д. шли чехи, 6 полк, они и заняли ст. Шамары, я это видел лично, так как наша батарея была на правом фланге. Почти в стыке. После этого чехи были сняты с фронта и Гайда начал в Екатеринбурге формировать Ударн[ый] Сиб[ирский] Корпус (с костями и черепами). Я лично к чехам вообще, так как считаю, что даже имею среди них друзей, как то Ротмистр Билина и пор[учик] Паролек, но ведь это факт, что за нашими спинами, на нашей земле, под нашим прикрытием они вывозили награбленное российское добро, ведь если бы не они, то не было бы Красноярской трагедии, ведь и предатели сделали пробку своими эшелонами с награбленным добром, а этот отказ принять больных в свои эшелоны. Борис, это не забывается ведь. Один мой знакомый подпоручик М. заплатил им на ст. Клюквенная Сиб[ирской] ж. д. 30.000 руб. романовками и коня только за то, чтобы довели его до Иркутска, а коробка папирос — 200 рублей Сибирских. Я, Борис, не был их поклонником, но также не хочу быть и другом в общем, но могу иметь друзей и среди них. Но общее-то впечатление было далеко не в пользу чехов, вспомни выдачу адм[ирала] Колчака в Иркутске, да всего не упомнишь, у нас на востоке в разгар боев на Кругобайкальской мы были раздеты, без обуви и полуголодны, а они ели рисовую кашу со свиной, мы за пачку папирос отдавали свои последние гроши им же, захудалый чешский солдат (бывший пленный) свысока смотрел на русского офицера. В твоём письме

к Ефимову¹⁴ ты также упоминаешь о его недолюбливании чехов, стало быть, и он видел ихнюю пакость нашему делу. В письме к Третьякову у тебя почти в конце письма «ибо если б у нас были бы не г-да ахвицера, а и т. д.», так видишь ли, к числу «ахвицеров» принадлежу и я, и ты, и тысячи других — живых, но, Борис, мы были, есть и будем «достоиники» за наши прошлые ошибки, вернее, за наше преклонение пред полковниками Скалозубами мы заплатили страшной ценой, т. е. мученьями в большевицких застенках, смертью в боях, и скитаниях по чужбине без всяких человеческих прав и все это, отданное нами как жертва за наши прошлые грехи. Да, наши ли еще грехи-то! В письме к Хартлингу¹⁵ ты пишешь это

¹⁴ **Ефимов Авенир Геннадьевич** (7 (19).10.1888 — 25.04.1972). Из семьи офицера. В 1899 г. окончил Калужское реальное училище, в 1907 г. — Симбирский кадетский корпус, в 1910 г. — Николаевское инженерное училище и ускоренные курсы Военной академии в Томске. По окончании инженерного училища был выпущен подпоручиком в 16-й саперный батальон (Казань). Участвовал в Первой мировой войне в составе 16-го армейского корпуса. В сентябре 1917 г. был произведён в капитаны. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта — Народной Армии Комуча, участвовал во взятии Казани. С сентября 1918 г. — командир Ижевского стрелкового полка, затем офицер штаба Уфимского корпуса. С 24 февраля 1919 г. — начальник штаба Ижевской отдельной стрелковой бригады, развёрнутой в августе 1919 г. в дивизию. Участник Златоустовской, Челябинской операций, боёв на Тоболе и Ишиме. С 11 декабря 1919 г. — командир Ижевского конного полка. Участник Сибирского Ледяного похода. С 12 марта 1920 г. — командир Ижевского полка в Дальневосточной Армии. Полковник. Командовал Ижевско-Воткинской бригадой и колонной в Хабаровском походе. В сентябре 1922 г. командир Прикамского стрелкового полка. В ноябре 1922 г. эмигрировал с частями Земской рати генерала Дитерихса в Китай. Жил в Гирине и Шанхае, откуда в 1932 г. переехал в США. Был членом Общества ветеранов Великой войны, председателем Объединения ижевцев и воткинцев, редактором «Вестника Общества ветеранов Великой войны в Сан-Франциско». Печатался в журналах «Военная быль», «Часовой», газете «Русская жизнь» и др. Умер в Сан-Франциско, похоронен на Сербском кладбище.

¹⁵ **Хартлинг Кирилл (Карл) Николаевич** (21.2.1881 — 9.4.1937). Происходил из семьи российских шведов. В 1899 г. окончил 1-й Кадетский корпус, а в 1902 г. — Николаевское инженерное училище. Был выпущен подпоручиком и служил в крепостном минном батальоне во Владивостоке. В 1909 г. — штабс-капитан. Участвовал в Первой мировой войне, Подполковник. Во время Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта. В июне 1919 г. — командир роты и временно исполняющий должность командира батальона в Военно-инструкторской школе (Школа ИНОКСА) во Владивостоке. Полковник. После поражения белой армии эмигрировал через Шанхай на о. Яву в Индонезию, где прожил более 10 лет. Долгое время работал в электрическом отделе городского управления г. Соло (столица одного из Яванских султанатов). Автор многих публикаций в газетах и журналах, главным образом военно-исторического характера. В том числе сочинения «На страже Родины. События во Владивостоке: конец 1919 г. — начало 1920 г.» (Шанхай, 1935). Скончался после приступа астмы в Батавии (Ява, Индонезия).

стихотворение-былину Бунина. Борис! Прости, ты еще молод, я почти вдвое тебя старше и поэтому, как ты правильно указал, что за последнюю ¼ века не было ни одного хорошего писателя и это правда, и даже больше кончая Тургеневым, русская литература не имела писателей без нытья, даже Л. Толстой был фарисей и непротивленец-нытик, его роман «Война и Мир» ясный образец этого, а Чехов с его смехом сквозь слезы и другие подобные, если еще не хуже. А ведь на них воспитывалось наше поколение, из всей плеяды наших писателей больше всех уважаю В. И. Немировича-Данченко, Станюковича, бодростью веет от страниц, возвращаюсь к прерванному; так вот, мы, воспитанные писателями-нытиками и хуже — учителями, сыщиками типа Смердяковых, полковниками Скалозубами и генералами Дитятинными, выходя на широкую дорогу жизни, были запуганы, застрашаны «не рассуждать» и так далее, поэтому, в начале революции также по вбитой в нас привычке не рассуждать, пошли за нашими старшими, за нашими командирами, хотя и были отдельные случаи не идти вслепую за командирами, а противиться этой рутине. Вот тебе один характерный случай: дело было в 1917 г. 2 мая, мест[ечко] Глинны около Тарнополя (*21 Финл[яндский] стр[елковый] полк). Наш полк в дивизионном резерве, приказом отменены уже были наименования. «Ваше благородие» и т. д., разрешены митинги, полк на поляне (полковой митинг), присутствие офицеров обязательно, солдаты без оружия, без поясов с расстегнутыми воротниками и т. д., обсуждается предложение К[оманди]ра Корпуса (*Ком[андир] кор[пуса] ген[ерал] Гутер) о наступлении. К[оманди]р полка полк[овник] Имшинецкий¹⁶ (умер в Харбине генералом) в яркой речи доказывал, что

¹⁶ **Имшинецкий Александр Самуилович** (21.11.1871 — 10.01.1920). Из дворян Черниговской губернии. Сын священника. В 1891 г. окончил духовную семинарию и в 1893 г. — Чугуевское пехотное училище. Участвовал в Русско-японской войне. В 1905 г. за храбрость был награждён орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». В этом же году произведён в капитаны. После войны служил в Могилёве командиром 5-й роты 162-го Ахалцыхского пехотного полка. В 1910 г. произведён в подполковники. Участвовал в Первой мировой войне в составе 162-го пехотного Ахалцыхского полка и 21-го Финляндского стрелкового полка, был ранен. 25 сентября 1917 г. за храбрость был награждён орденом Святого Георгия 4-й степени, полковник. В годы Гражданской войны в белых войсках Восточного фронта. С 1918 г. командовал 1-м Казанским Добровольческим полком и 1-й Самарской стрелковой дивизией. Принимал участие в весеннем наступлении армий адмирала А. В. Колчака, в боях под Уфой, Златоустом, Челябинском. В 1919 г. был произведён в генерал-майоры с назначением командующим Волжской группой войск в составе Московской группы армий Восточного фронта. Умер от тифа в январе 1920 г. в селе Ук Нижнеудинского уезда в ходе Великого Сибирского ледяного похода.

нужно наступать, но все, т. е. почти все «оратели» были против наступления, одни говорили, что нужно укрепить позиции и ни шагу назад, другие, что нужно мир заключать скорей, третьи указывали, что во время царя были сапоги, хлеб белый, сахар и т. д., и начальство заботилось больше, а теперь «слобода», вот и ходят без сапог, и кому охота идти и умирать за такую «слободу». Тянулось это часа 3–4 без результата, полк[овник] Имшинецкий взволнованный, нервный, со слезами на глазах, старается что-то доказать последнему орателю, явному большевику (посл[еднее] револ[юционн]ое пополнение), а слезы, как град из глаз на землю, нас офицеров около 60 чел., лица опущены от стыда за командира. Разозлился я страшно, выскочил вперед солдата, да как рявкну. С кем разговариваешь, каналья! Что, кричу, под суд захотел, под арест. Я тебя научу, каналья, как говорить на митингах прилично, явиться завтра ко мне в учебную команду на политические курсы. Кругом солдаты вполголоса: «А вот это верно, што курсы эти нам нужны, штоб говорить научились», а я кричу: «фельдфебель, строй учебную команду и марш на квартиры с песнями», и обращаясь к к[оманди]ру, доложил, что учебная команда в наступление пойдет, обращаясь к команде, спросил, так ли говорю? «Так точно, гос[подин] Поручик!» Так ведь этот оратель, ефр[ейтор] Медведко, на другой день в команду не явился — дезертировал, полк же в наступлении 18 июня 1917 был. Да, в общем было лихое время, ты подумай, Шт[абс]-кап[итан] гвардии Дзевалтовский и убийца г. Духонина Крыленко¹⁷. Я их знаю лично: первый — жандармского типа, второй — настоящий недорезанный интел[лигент], худой, рыжеватый, близорукий, с козлиной бородкой, а ведь это были воспитанники наших времен, т. е. поколения 900-х годов, знаешь, были и трагикомические сцены; 642 пех[отный] полк (38 очередной) во время наступл[ения] 25 июня 1917, находясь в резерве, т. е. в 1-й линии немец[их] траншей под Зборовым, наш полк «рвал», т. е. вел атаку 3-й линии нем[ецких] траншей, так вот этот полячек открыл митинг: поддержать ли «Хвинлянцев», т. е. Финляндцев (мы просили резервы помочь); немцы увидели с аэростата кучу людей, передали куда следует, и вот вся находящаяся против нас немец[кая] артиллерия открыла бешеный комбинированный огонь. В течение 15–20 мин. обстрела, митингующий полк потерял

¹⁷ **Крыленко (Крыленков) Николай Васильевич** (2 [14].05.1885 — 29.07.1938). Сын чиновника. Прапорщик запаса Русской императорской армии, большевик, революционер. Верховный главнокомандующий русской армии после Октябрьской революции 1917 г.

640 чинов убит[ыми] и ранеными. Пока на этом заканчиваю. А знаешь, прочел я свою биографию в твоём описании и даже удивился, ведь вот, думаю, не знал я раньше, что натура-то моя авантюристическая (едва написал слово-то), как это будет по-русски! Борис, я уже давно не получал от тебя газет, пошли Христа Ради! Ведь при чтении я переносюсь туда к вам, ты знаешь, я так привязался к Шанхаю, а сознаться, хорош ведь этот Вавилон Востока! Жена и дочь шлют Вам Привет.

Целую ручки Тамары Семеновны. Крепко жму твою руку и желаю тебе скорей осуществить свою мечту. Дмитрий Р[ешетников].

NB. Лень купить перо, пишу карандашом.

Получено 4/3/36

16 янв. 1936 г.
Goiaz

Дорогие Тамара Семеновна и Борис.

Сегодня утром получил от тебя небольшое письмо. Сердечно благодарим за Ваше пожелание счастья и взаимно того же желаем Вам всем, т. е. Тамаре Семеновне, тебе и Славочке, прости, брат, я начинаю забывать уже русские имена, как перевести: Святослав или по-другому?

Мы от души поздравляем с новорожденным и желаем Seja felis (сежа фелис), т. е. пусть вечно будет счастлив. Мы очень и очень рады за вас, потому что дети — это счастье семьи. Я тебе еще не писал, а сейчас пишу, что я в марте или даже в конце февраля жду также приращения семейства, жена ходит последнее время и уверяет, что сейчас будет сын. Жена отдельно поздравляет Тамару Семеновну и как мать матери желает вырастить такого же сына, какой и отец, т. е. ты, Борис, советует также купить книги о воспитании ребенка, я же советую, Борис, ты своему сыну, когда исполнится 4 месяца, давай 2 раза ежедневно по столовой ложке Апельсинного сока, не эссенции, а сока, нужно выжать сок из апельсина и ребенок будет расти крепок и с хорошим здоровьем. Это письмо и другое также посылаю сегодня же, большое письмо немного задержал, поэтому посылаю вместе с этим. Прости, Борис, я ведь по натуре не нытик, поэтому твой упрек мне не к лицу румяна, я сейчас пишу мало, хотя из моего бытья в кит[айской] армии написал страниц 80 и отношусь более критически к себе, памятуя твои наставления, есть также отрывок

12 листов из жизни Гирина и Шанхая. Сейчас я много время трачу на виноградник. Я уже посадил еще 360 кустов. Чай не хочет расти, даже не дает ростков, сейчас написал в журнал «Сад и огород». Просил их послать мне, если есть, соответствующую литературу. Я, Борис, хотя живу и скромно, но выписываю 1 газету «Ежедневные новости» и 2 журнала «Иллюстрир[ованная] ночь» и «Сад и огород», а затем получаю как интегралист, т. е. Бразильский фашист, 1 газ[ету] и 1 журнал, я хочу послать тебе один № журнала для ознакомления, в общем чтения достаточно, но про Россию пишут такую клюкву, что даже зло берет. И один раз я нака-тал им протест с указанием, что во время империи в России было меньше в тысячу раз воров губернаторов и чиновников, чем у них в республике, «сейчас у вас крадут все кому не лень», писал я в 2 газеты, одна имела храбрость поместить мое письмо, другая прислала письмо мне с сообще-нием, что напечатать не может ввиду политической ситуации. Я же в общем работаю как сотрудник по Русским вопросам в газете «Sigma», это газе-та интегралистас, вот поэтому то мне и нужны газеты, журналы русские для перевода их на португальский, все статьи о коммунизме я перевожу и моя работа очень нравится нашим читателям, 3 раза выступал на кон-ференциях, конечно, препятствует еще мне знание языка еще не совсем хорошее, ну, да в общем работаю с финансами, у меня очень слабо, работы почти нет, едва-едва зарабатываю 400–500 мильрейс в месяц, много помогает мой виноград, за прошлый год продал достаточно, делал вино и т. д., в общем приезжайте летом на дачу сюда кушать виноград, хотя это смахивает и на лисицу из бас[ни] Крылова, помнишь, «Жалко, зелен, оскомину набьешь», можешь сказать, жалко, что далеко. Целую ручки Тамары Семеновны и крепко жму твою. Поцелуй за меня сына.

Твой Дмитрий Р.

NB. Да еще, Борис, могу я свои воспоминания писать на обеих сторонах листа, ввиду экономии бумаги и почты. Д.

Получено 19/2/36

5 Декабря 1935 г.

Дорогие Тамара Семеновна и Борис Борисович!

Вот уже несколько месяцев я не получал от Вас письма, и я также не писал Вам уже 2½ месяца, прошу извинения за долгое молчание, я мно-

го работал за это время в лесу, был очень далеко на реке Мертвых (Rio das Mortas), в общем был в таких местах, что там, пожалуй, не были еще европейцы, т. е. был на земле индейцев «Шаванти» (Chavante) — это самое непримиримое племя в Бразилии, был я там в компании с 2-мя американцами, одним голландцем и 15 чел. конвой, я как комендант конвоя на жаловании 60 дол. в месяц, расходы и пища за их счет, поэтому я за путешествие заработал 3000 мильрейс, а это, брат, не кот наплакал, кроме того, делал маршрутную съемку реки Арагваия (Парагвай. — А. О.) (680 километров) и реки Мертвых (1140 километров), съемку делал буссолью на моторной лодке, поэтому засечек не делал, а только наносил азимуты и углы, а также приблизительную высоту берегов, в общем, когда сравнили с картой, сделанной 8 лет назад, то моя оказалась точней и сейчас мне уже дают 500 милр., я же прошу тысячу; сейчас наношу ее на кальку и раскрашиваю. Жизнь наша, т. е. моя, жены и дочери, течет по прежнему руслу. Дочь Тамара растет и уже, как говорится, на ногах, славная девчурка, уже говорит «папа, мама, дай, нет асу», т. е. хочу пей — пить, она почти не плачет, т. е. плачет, когда хочет кушать или спать, в общем, Борис, я дочьрью, а ты крестницей можем быть довольны: и очень умная, и живая. Мой виноградник один восторг, знаешь, 3 урожая винограда в год в январе-июне — и сейчас я уже продаю виноград, а также и делаю вино. Другие фрукты тоже были в изобилии, поэтому едим, что называется, до отказа, жена очень часто вспоминает Вас и просит написать Вам от нее искренний привет и наилучшие пожелания, а также я и она поздравляем Вас с Праздником Рождества Христова и Новым Годом, от души желаем Вам всех благ и счастья. У нас в Бразилии не все благополучно, коммунисты подняли восстание в Пернабуко в ночь 25 на 26-е ноября нов. ст., положение было очень тяжелое, на сторону коммунистов перешло ½ батальона 29 стр[елкового] б[атальо]на и рота 22 Стр[елкового] б[атальо]на, Военная полиция осталась, к счастью, верна П[равительст]ву, и поэтому завязалась перестрелка, а когда пришли истребители и возд[ушная] эскадрилья, то красные были выбиты из города и засели в казармах военного городка. Потом были окружены и 28 сдались, результат — до 250 убитых, около 800 раненых и 1500 сдалось. В городе были ограблены банки, торгов[ые] фирмы на общую сумму 13 миллионов долл[аров], коммунисты, что называется, по первому абцугу распоясались и показали свою натуральную харю.

27 Ноября в 4 ч. утра подняли восстание в Рио Школа авиации и 3-й пех[отный] полк (2 батальона), 3-й батальон остался верен Пра-

вит[ельству], первым долгом восставшие расстреляли 6 офицеров, противников коммунизма, а затем открыли огонь против частей, оставшихся верными Правительству, но подоспевшими частями и артиллерийским огнем были загнаны обратно в казармы и там сдались в 12 час. дня. Всем этим движением руководит каналья-коммунист Луис Карлос Престес, он был в России и командовал войсками в Сибири после Блюхера, а потом согласно документов был командирован 3-им Интернац[ионалом] сюда комиссаром, с ним, как пишут в газетах, прибыло до 200 коммунистов русских, сейчас около 20 уже арестовано, в Рио арестовано 4, у нас в Го-язе спокойно, шеф Интегралистов предложил сто тысяч Зеленых рубах, но президент республики на этот раз с благодарностью отклонил предложение, заявив, что сам управится, ты знаешь, Борис, я от президента в восторге, храбрый парень, в Рио, судя по газетам, он лично руководил атакой казарм, и его адъютант-капитан был убит около него. Вот нам таких бы правителей-то! Может быть, не шлялись бы по белу свету. Тороплюсь отправить это, поэтому пишу скверно.

Прошу тебя, хотя и с запозданием, передать мой искренний привет Стихину, Носкову, Романовскому и всем-всем.

Посылаю отдельно лист, перешли в собр[ание] Глудкинской бригады и в газету «Слово» или «Заря». Крепко жму твою руку, целую ручки Тамары Семеновны и желаем вам счастья на долгие годы.

Ваши Димитрий, Викториана и Тамара Решетниковы.

Г-ну Председателю Общества чинов
1-й стр[елковой] Бригады (Глудкинцев).

Поздравляю Вас и дорогих соратников Глудкинцев с Праздником Рождества Христова и Новым Годом. В глуши Бразилии, несмотря на прошедшие годы, я свято храню память о славных днях нашей бригады в дни Хабаровского похода. Вечная память павшим и здоровья, силы и единения живым.

Шт. капит. Дмитрий Решетников 1-го стр[елкового] арт[иллерийского] д[ивизио]на (Глудкинцев).

Goiaz-Capital

Brasil

Dimitry Rechetnicow.

Goiaz-Capital

Brasil

Получил 16/10/35

Августа 24 дня 1935 г.
Goiaz

Дорогие Тамара Семеновна и Борис Борисович. Привет!

Несколько дней тому назад получил от Вас 2 пачки газет и в них семена чая и сейчас же посадил несколько семян на грядку и дожидаясь теперь, когда дадут ростки, а потом начну хлопотать о покупке земли, 20 десятин хочу купить в рассрочку на 10 лет в зависимости [от] цены, я думаю, что 20 дес[ятин] я куплю за 2–2½ тыс. мильрейс, ну это, конечно, еще проект. Сейчас же могу только мечтать, хорошо бы достать книги о чае «Чай и его Культура», здесь в Бразилии нет, я уже писал в многие книжные фирмы, но нет, не нашел, поэтому все придется делать на опыте. Вот если б ты, Борис, поспрошал там сведущих «китаез», да и написал бы мне, если можешь, то сделай, не торопясь, мне нужно знать не многое. 1-е) нужно ли удобрять землю, 2) Какую землю больше любит? 3) Нужно ли поливать? и время посадки кустов? вот и все. А теперь о нашей общей жизни — начну с Тамары. Тамара уже имеет 7½ м., поэтому пытается говорить на чистом китайском языке, к нашему с женой сожалению, нам непонятному. Но, она ясно произносит слова «та! та! дай, дай», а затем пускает пузыри, и довольная смеется, она почти не плачет, а когда хочет кушать, то громко кричит «ай! ай!» Очень забавная она, у нее уже имеется 5 зубов, весит 11 кило, т. е. более 22 фунтов, глаза у нее мои, зеленоватые, если б ты видел, Борис, ее, свою крестницу, то заранее уверен, что был бы в восторге от нее, я лично не думал, что я в состоянии просиживать с ней по часу и более, слушая ее лепет, и я бы сказал, пенье, она, ползая по полу, все время поет, как голубь воркует. Очень любит шкуру тигра, которому все время пытается из пасти вытянуть зубы. Жена моя, да и я также немного постарели, а вот Вы по-прежнему оба цветете, радуюсь за Вас от души. Жена много работает по хозяйству в саду — огороде, на кухне и etc. Мы ведь из экономии прислуги не держим. Я же с получением твоих газет с известием о переходе Кит[айской] ж[елезной] дор[оги] к Манжуго (Маньчжоу-Го. — А. О.), мечтаю продать все здесь, да поехать туда, т. е. к вам в Китай — Харбин. Ты знаешь, ведь моя профессия Техника-путейца. Там хорошо бы оплачивалась, с другой стороны, жалко бросать и здесь, ты знаешь, мой сад — это как рай земной, и все я имею собственное: виноград, Ананасы, Апельсины, Лимоны, Манго, каку тамоны, клубника Виктория только у меня, кофе посадил 5 кустов, через год

дадут и будет соб[ственное] кофе «Мосса». Томаты продаем каждый день 4–5 тарелок (тарелка — 1 мильрейс), Салат, цветная капуста, в избытке для нас лук 3-х сортов: Испанский, Африканский и Американский (1 луковица 700–900 грамм), опять же таки огурчики круглый год, Арбузы буду кушать в декабре, Хлебное дерево посадил, ну, 4–5 лет, даст хлеб. Что я еще покупаю на базаре, это: рис, мясо, св[инное] сало, сахар, соль, вина сделал сам, правда, вышло немного крепкое (переборщил со спиртом), но 60 бут[ылок] продал по 3 мильрейса, винограду продал 100 кило по 2 ½ мильр., уксусу виногр[адного] 50 бут[ылок] по мильр[ейсу]. Лимоны продавал на мильр. 40–50 шт. Апельсины 25–30 шт., в общем да все, что я продал с сада, более 1000 мильрейс выручил. Правда, это не много, но ты подумай, ведь со дня посадки прошло всего 2 ½ года, ты знаешь, я так удобрил и унавозил землю, что брось зернышко Апельсина и оно дает ростки, и мои расчеты оправдываются, а через год — 2, буду иметь 800–900 мильрейс в месяц, что вполне suficiente, т. е. довольно для прожития, сейчас же посадил еще 320 кустов виногр[ада], посадил «Jaca» (Жака), очень редкий фрукт до 15 кило весу, очень вкусный, душистый, А если ты попробовал моих ананасов, один восторг, тают во рту. Вот только никак не могу вырастить Яблоню, много усилий потратил, зерно дает росток, подымется на ¼ от земли и засохнет, сейчас у меня мечта купить несколько привитых кустов винограда «Pigovano», одна кисть этого винограда ве[сит] 4–5 кило, 70–80 сант. комплименту, т. е. одна кисть 70–80 сант. длиной. Один привитый куст стоит 60 мильрейс. Я уже имею предложение одного сеньора, дает 20,000\$000 — 20 тысяч мильрейс, по международному курсу это очень мало: немного более 1000 амер[и-канских] долларов. Но только продать за эту сумму, я просил 35 тысяч, ну, и не сошлись. Дела же Бразильские день от дня хуже, пропаганда красных усиливается, так что вот-вот нужно ждать коммунистической революции, все дорожает, ты знаешь, когда я приехал сюда, то фунт стерлингов стоил 42–45 мильр., сейчас же 94–94 ½ мильрейса, заработки же отвратительные, сейчас зарабатываю в среднем 500–600 мильр. а это мало, только-только на пропитание, для примера цены: мука-крупчатка 2 мильр. — кило, сахар 2.200, два мильр. 200 рейс, чай lipton 200 грамм 15 мильрей или 75 милр. кило, как это тебе нравится? А я же, грешным делом, люблю желудок-то прополоскать, ну и пьем поэтому чай местный «Mate», говорят, что очень полезный для здоровья, но я не нахожу это, да и всем говорю, что «Ma de India» лучше lipton. От полк[овника]

Ефимова¹⁸ получил пачку газет «Россия», поэтому написал ему благодарственное послание на 4 листах и 10–12 №№ Ил. журнала «Иллюстрированная Ночь», если ты имеешь желание, черкни, могу послать тебе за полгода журнал этот, ты уже отчасти знаешь, посланные тебе вырезки были из него, если хочешь, могу послать также мест[ную] бразильс[кую] газету «Imparsial», газета очень интересная, пишет дельно, и по моему мнению, критика действий Президента и министров справедлива: все они здесь дрянь первостатейная. Ты знаешь, на днях разговаривал я с одним сенатором Марио Каиядо (Mario Caiado), так такое от него вынес впечатление, что даже и сравнить нельзя с нашими думцами, а ведь он здесь величина изрядная, все находят, что — гении! Даже пишу не в скобках, а про депутатов так и писать не стоит «крепины», хотя мании величия хоть прибавляй, ну да я признаться не стесняюсь. С ними есть здесь один доктор «Iron Rocha», встретились мы как-то у моего знакомого, тоже федер[альный] судья João de Abreu (Жон де Абреу), ну и вздумал этот сеньор говорить со мной грубо на ты (vose). Ну я ему и дал урок вежливости, сказал ему буквально так: «Olha meu caro seuhor! Eu sou, não seu camarada, mas tambet doutor e ainda fidalhgo, e por isto peçu falar comigo como com fidalhgo e mais ainda eu sou official exercito Russo Branco mais do que 20 anos e penso que minha familia mais honesta como sua!»

Перевод: «Смотри, мой дорогой господин, я, собственно, не твой рабочий, но также доктор и дворянин и поэтому прошу говорить со мной как с дворянином, и еще больше я более 20 лет офицер Русской Армии Белой и думаю, что моя фамилия более благородна, чем Ваша!» Так этот сеньор потом сидел как на иголках, а мой судья хохотал как сумасшедший, а потом и говорил ему: «Ho de que? Recebeu lison? / Ну как, получил урок?»

Но в общем расстались наружно не врагами. Из прошлого ничего почти не пишу, хотя есть 35–40 листов, написано из жизни Шандунской группы Русск[их] Войск¹⁹. Также несколько листов из Шанхайской глуши, хотя я и повесил на стену расписание, но календаря-то нет, а ты забыл послать на этот год, ну и довольствуюсь бразильским, в этом году даже не знал, когда была наша Русск[ая] Пасха и, кажется, в этот день работал.

¹⁸ **Ефимов Авенир Геннадьевич** (7 (19).10.1888 — 25.04.1972). Участник Первой мировой и Гражданской войн. В белых войсках Восточного фронта. Командир Ижевского стрелкового полка, затем Ижевско-Воткинской бригады. В эмиграции в Китае и США.

¹⁹ См.: Воспоминания.

Ну да, я думаю, что Бог Всемилостивый простит, ведь трудился, а не пьянствовал. Теперь относительно этого, т. е. пьянства. Вот уже 4½ г. как я не был пьяным, правда, выпиваю, но виногр[адное] вино, да и то немного: 2–3 б[утылки] в месяц. Здоровье мое уже не то, без пенснэ не вижу (писать, читать), буквы сливаются, затем болят ноги, ревматизм это. Да и вообще не то, не то. И знаешь, Борис, не хочется умирать здесь, много о этом думаю, но что поделаешь. Кисмет! — судьба, на мое еще счастье, что хорошая жена, а то знаешь, исколесил бы я всю Южную Америку, к тому же война близко была, ведь дрались-то на границе Бразилии, тянуло меня туда. Знаешь, мои симпатии все время были на стороне Боливии, они хотя инесли урон (по газетам, конечно), но пядь за пядью продвигались вперед, отобрали почти все форты, городишки, а главное, нефт[яные] источники были в их руках, сейчас кончилась война, но демаркационная линия еще не обозначена, работает соединенная комиссия Южной Америки. Я сейчас много читаю по-португальски, т. е. Бразильский язык постиг хорошо, и думаю, что легкий для изучения и своеобразно красивый, для примера, несколько строк стихотворения поэта-патриота *auri verde pendon* = золотисто-зеленый пендон* (пендон — это вершина королевской пальмы) *Da minba terra!* Моей земли!

Ты попробуй вслух произнести эти строчки «аури верди пендон», недаром Бразильяны «да минья терра!» Гордятся этим поэтом. Я сейчас веду бешеную пропаганду против коммунистов, они здесь прикрылись маской и называются «*Aliança Nacional Libertadora*» и ихний вождь «*Luis Karlos Prestes*» был для изучения коммунизма в России, ну, и я, конечно, взял быка за рога и на одном собрании так разгромил эту шваль, что меня на руках вынесли из зала и все время кричали: «*Viva Brasil — abaixu aliancistas!*» — Абайшу, значит, долой. Теперь о твоём бытѳе? Как ты живешь? Что сейчас пишешь? Как Ваше здоровье? Что нового у Вас? Как живет Кеша Носков? *Stihenson*? Соколов, Мяздриков?, Архимандрит? и Борисовы папа и молодой, но лысый? Можешь им сказать от меня, что они «рогос»-свиньи, за пять лет не удосужились черкнуть пару строк, Носкову это неппростительно, он то, да и стихи могли бы написать, все-таки, читая, думал, что люди помнят наше прежнее, ты знаешь, Борис. Трудно вычеркнуть из памяти последние года, они у меня еще живы в памяти.

Ты, дорогой мой, прости, но прошу и молю тебя, посылай мне больше газет, журналов, книг. Будь добр, помести объявление о пожертвовании

старых читанных газет, книг и т. д. на голодающего по пище духовной в глуши Бразилии, и я думаю, что дадут, вот я и буду обеспечен чтением Русских книг и газет. Пиши, что всякое даяние благо!

Целую ручки Тамары Семеновны и жму твою. Д. Решет[ников]

Получено 31/7/35

Апрель 1935

Goiaz

Дорогие Тамара Семеновна и Борис Борисович!

Вот скоро пятая Пасха, как я здесь в земле Св. Креста, т. е. Бразилии и 3½ года здесь в Goiaz'e и столько нового в моей скитальческой жизни. Знаешь, Борис, если б я имел средства, я нанял бы стенографа записывать все, что я бы ему диктовал, а писать самому трудно, потому что мысли бегут быстро, я не успеваю писать то, что думаю. Жизнь наша течет по прежнему руслу, но знаешь, как-то веселей стало, ты знаешь, я сейчас нянчусь с моей Тамарой часами и она, кажется, довольна, потому что все время, когда у меня на руках, что-то лепечет, смеется и пускает пузыри, очень занятная, она почти не плачет и очень любит слушать мои песни, я пою ей все, что придет в голову. Засыпает она обыкновенно под напев вальса «На сопках Маньчжурии». Да, Борис, я думаю, что я здесь нашел то, к чему стремился в моей скитальческой жизни, а ведь много я пережил, Борис! Ах как много, все испытал, все перенес и было подчас очень тяжело на душе и приходит в голову назойливая мысль, не напрасно ли была эта борьба, борьба Титанов, борьба героев духа погибших в одиночестве, умерших в ночлежках Китая, Франции, Чехо-Словакии, Сербии и т. д., ради чего было пролито столько крови, ради чего было столько злобы! Вспоминаю прошедшее и с тоской вижу, какие бездарности были, сколько было интриг, подвохов и предательств. Вспомни смерть Глудкина²⁰, вспомни смерть ген[ерала] Гривина²¹, да что

²⁰ **Глудкин Пётр Ефимович** — командир 1-й Стрелковой бригадой Белоповстанческой армии генерала В. М. Молчанова.

²¹ **Гривин Пётр Петрович (Петерис Гривиньш)** (16 [28].04.1875 — 20.11.1919). Участник Первой мировой войны и Белого движения на Востоке России. Генерал-майор. Был застрелен генералом С. Н. Войцеховским «как не исполнивший боевого приказа и нарушивший основы воинской дисциплины».

говорить, а интриги ат[амана] Семенова, а измена ген[ерала] Зиневича и адмирал Колчак, окруженный интриганам и предателями (Сыровой, Жанен), и последнее Приморское правит[ельство], Т[оварищест] во брат[ьев] Меркуловых, сплошной фарс и ради чего все это было? Прочел я как-то здесь в Бразилии книгу «Жизнь и приключения Хулио Хуренито» Ильи Эренбурга (русский социалист-революционер). Так вот он рассказывает, что во время великой войны, на метаемых с аэропланов стрел было выгравировано «Брат, войди в Царство Небесное», ты знаешь, я привыкший ко всему худшему и видевший эти стрелы, удивился этому кощунству. Я, как ты знаешь, не особенно религиозен в отношении обрядов, конечно, и помни, что убивать себе подобных Русские, Немцы, Французы, все молили Бога помочь им одолеть врагов, спрашивается, неужели же Бог людей живых настолько кровожаден. Но, нет, Бог вселюбящ и всемилостив, но прикрываясь именем Его, люди творили и творят мерзкие и страшные дела. Ты не думай, что я не хочу уже бороться с коммунистами, нет, дорогой, моя мысль далека от этого и еще придет наш час, а когда он придет, верь, Борис, я брошу здесь все, заберу только своих жену и дочь и поспешу в ряды борцов. Я, Борис, считаю и считал раньше, когда был молод, всякие бредни о равенстве и братстве немислимы, а ты знаешь, я ведь со школьной скамьи был среди рабочих и также среди и демократии, так как в то время я тоже увлекался этим бредом, т. е. социал-демократией и даже «Труд» Карла Маркса 2–3 раза прочел, в 1905 г. был даже делегатом на съезде жел[езно]дор[ожных] служащих и вот там-то у меня и открылись глаза, посмотрел я и увидел, что собралась вся шваль и мразь интеллигентная, слизь какая-то и все их идеи тухлого яйца не стоят, потому что стары очень ведь все эти республики были и в древности все это сводилось даже до Рожд[ества] Христова, и вот на этом-то съезде я и выступил с моей речью или я чувствовал, или не знаю, где-нибудь слышал, но я сказал, что я не хочу больше быть соц. дек. (социал-демократом. — А. О.) и рабочие, меня пославшие, я думаю, что тоже не захотят, так как те, кто здесь заседают, будут только захребетниками и дармоедами, а для рабочих только одни слова, плотник всю жизнь будет плотник. Ну, поднялась буря и я вышел из партии сдеков. Увлекался также, правда, немного Толстым, но толстовцем быть не хотел. Ерунда это! Ты как-то писал мне, чтобы я писал картинки живые в своих записках, но брат, нет у меня этого — веселья-то, потому что жизнь-то была тяжелая и я бы сказал, несуразная, ты знаешь, я ведь

даже не думал о военной карьере. Я вот, поди ж ты, верой и правдой отбухал почти 20 лет, начиная с вольноопределяющего[ся] в 1908 году и кончая 1922 годом, ты подумай, с 1914 г. по 1918 г., война 4 года, а я за ранения имею 8 лет старшинства в чинах и на выслуге пенсии. Это все к тому, что все это сказалося, да и к тому же я думаю, что унаследовал характер брата моего деда, знаешь, был такой писатель Решетников, так вот он-то тоже мой дед, читал я его романы, повести, написаны они были от души, но тяжелым, топорным языком, он был почтовый чиновник, ну и описывает быт Приуральских городов — Пермь, Вятка, Чердын[ь] и т. д., но все сцены даже юмористического характера живы, но тяжело написаны. Если найдешь, советую прочесть его ром[ан] «Подлиповцы». Так вот у меня много общего с ним, в писании тоже топорные выраженья-то, ты знаешь, я думаю, что диктовал бы я лучше. Ты, Борис, о моих писаниях уже даже не пишешь, и я думаю, что ты находишь не подходящими к печати? Ну да это твое дело. Тебе видней, но думаю, грешным делом, что написал я не хуже ген[ерала] Вишневого. Ведь его «аргонавты» тоже топорное произведение. Это, к слову, конечно.

А вот если Стихин думает обработать мои бразильские письма и если понадобятся фотографии, я могу послать Вам пленки, фотографии С. Пауло, Парана и Гояз у меня есть штук 50, и при обработке действительно может кое-что получиться. А вот и оглавление «Жизнь и Приключения Русского в Бразилии» (Цена 5 коп. с картинками). Это внизу. Знаешь, Сытинские издания дешевые. Вспоминаю мое лесное сидение «смолокуров», сидим мы как-то вечером, а вечер теплый. Вот подпр[а-порщик] Новиц[кий] после моих рассказов проговорил: «и чево это ищо людям нужно, дерутся, дерутся, краю не видно, а тут еще черт еще эту леворюцию принес, выдумала разные новые слова: социал-демократия, социал-революционеры, большевики там разные, и опять как волки драться начали, я думаю, что это конец свету и антихрист народился, бают, что Ленин-то и отец этого антихриста-то», «почему ты так думаешь?» — спрашиваю. «Да потому, — говорит, — што жена-то Ленина бездетная была почти 40 лет, а вот как начала крупной кормиться, ну и зачала, а народ-то и прозвал младенца-то Крупским, потому что от крупы родился, ну и еще говорят, что парень-то родился здоровый и по 6 пальцев на руках-то. Ну и ясно, что от черта от самого — это демония», ну я не утерпел, так и покотился от смеха, а он на меня поглядел укоризненно и проговорил под конец: «Да што я знаю, што Вы не верите в чертей, то да дело-то

вишь ли чистое, на деревне-то болтают, што Ленин-то запретил в колокола-то звонить на церквах, потому что парнишка-то как услышит звон колоколов-то, то сразу с ним падучая приключается». Я ему, конечно, говорю, что Ленин детей не имеет. Сифилитик он, говорю, а жена его, говорю, Крупская фамилия, старая, говорю, сводня. А Сенников говорит: «Г-н Поручик, я читал, што она неве[н]чана в... не блядь в роде б-ди будто. Это говорю верно. Определил! Под конец-то войны многое на фронте болтали, — проговорил Сенников, — так что даже и я к большевикам было примкнул да потом вижу, дело не чистое, и отстал!» Вот, дорогой Борис, отрывок мнений людей более развитых, ведь у нас в лесу-то почти каждый день от ничего неделания, конечно, были собрания и я как нанятый, чуть ли не до хрипу в горле, говорил им о всей этой мерзости, говорил им о всей этой рвани, не щадя красок, говорил им о всей этой интеллигентной слякоти, которая примазалась к революции и на спинах крестьян и рабочих пляшет свой адский танец, под свист и улюлюкание каторжан и разбойников. Ты знаешь, я с грустью вспоминаю моих ребят, ах! Какие были люди, ведь таких бойцов надо было хранить, как глаз, ну, а наше близорукое начальство слало их на убой, а из бывших красных пленных формировало штабы и обозы. Ведь в 4-м Сибирском корпусе Ген[ерала] Гривина, а в частности, в 3-й Ирк[утской] дивизии Нач[альник] штаба был большевик и он был в штабе д[ивизи]и 11 месяцев, фамилию я его забыл, знаю, что был Подполковник, да Иркутяне его хорошо помнят, потому что когда обнаружилось, то он сбежал. А этот капитан из штаба дивизии Вержбицкого. Он застрелил одного из доблестных офиц[еров], команд[ира] 3 батареи Ирк[утского] Стр[елкового] Арт[иллерийского] д[ивизио]на. Офицера, который начал борьбу бойцом и почти 8 мес[яцев] был в строю как рядовой. И еще раз, Борис, опишу тебе мой инцидент с Нач[альником] Артил[лерии] Полк[овником] Розовым. Он приехал, видишь ли, в разгар почти развала Сиб[ирской] армии в с. Красный Яр, около Ново-Николаевска делать инспекторский смотр д[ивизио]ну, капитан Зеленой к этому времени уже смотался в Красноярск и д[ивизио]н вел я, ну а в тот день достали мы спирту, вестовой приготовил и для меня флягу, а за ужином я приналег на флягу-то, знаешь, тоска, впереди что ждет, неизвестно, ну поэтому и надрался, приехал он вечером, уже огни были, я, конечно, распорядился на счет ужина и чаю, ну и предложил ему выпить, отказался, ну, говорю, я выпью, Г-н Полковник. «Вот, — говорит, — через это пьянство и через таких пьяниц, как Вы, и Россия-то гибнет». Виноват, говорю,

Г-н Полковник, не через таких пьяниц, как я, а вот через таких старых перечниц, как Вы, мы гибнем! Развели, говорю, себе штабы по штатам военного времени, а бойцов-то в полках нет. Вы, говорю, г-н П[олковни]к, для чего держите 56 человек, когда, говорю, всей-то артиллерии, что в Вашем ведении меньше батареи мирного времени, вспомните, у меня в д[ивизио]не 7 орудий, из них 2 негодных, действ[ующих] 5, т. е. 2½ взвода, а у вас Штаб 56 чел., у вас есть кузница, слесаря, ветеринары, портные, писаря, телефонисты и еще всякой твари по паре, а в Кыштымском полку всего 500–600 человек осталось, т. е. 70–80 стрелков на роту, а вы из полков еще к себе людей сманиваете. Вот, говорю, поэтому-то мы и гибнем, а Россия не погибнет, она была и будет. Так мой старик и замолчал. Улегся спать и утром рано, я еще спал, уехал, не захотел и выводку посмотреть. Ну, что дела минувших дней, расписался я сегодня, сейчас 11 час. ночи, мысли мои далеко, там, на снежных полях моей Сибири. Вспоминаю довоенное время. Проезжал по Сибири какой-то поэт (фам[илию] забыл) и написал он потом стихотворение, что наши девушки дурны, холодны и т. д. Ну так мы, ученики Пром[ышленного] училища, коллективом тоже в стихотворной форме написали ответ, вот и сейчас помню начало.

«Нет не хули
Моей землячки!
И злых напраслин
Не пиши!
Ведь ты не знаешь
Сибиря[ч]ки!
Не разгадал ее
Души!
Она, как и Сибирь
Моя родная,
Сурова, мрачна
Холодна.
Все снежной пылью
Заметая
Порой не ласкова
Она».
и т. д. и т. д.
Забыл дальше-то.

Да дело-то не в этом, а в том, что мерещится мне наш байкальский простор и эти горы, подернутые синевой, этот воздух горный, чистый, легкий и ароматный летом от цветов.

Так вот, Борис, прошла жизнь как сон, и чувствую я себя старым, уставшим от жизни человеком, жизнь прошла! и ведь недаром, я думаю, ведь я что-то делал для блага моей земли и если Бог не дал нам победы, то не моя вина.

Дорогой Борис. Сегодня 29-е мая, а я еще не послал тебе письма, начатого в апреле, сегодня после 29 дней лежания в постели я поднялся.

Я был сильно болен, у меня до ужаса болела левая нога и рука, нога была почти парализована, боли были невыносимы, приехавший медик (лучший в городе) нашел ревматизм, прописал несколько лекарств, но вся эта латинская стряпня не помогла, я стонал день и ночь почти без сна, наконец доктор сказал, что нужны уколы *jadinjectol-salisile*, и вот сегодня после 2-х внутримышечных инъекций я почувствовал себя легче и встал с постели, чувствую себя усталым и как бы разбитым, поэтому хочу послать тебе это письмо, но в общем чувствую себя отвратительно, все это время без работы, т. е. без ресурсов для житья, ну и снова влезаю в долги, хотя на днях заключил условие с одним фазендером сделать съемку его земель, думаю, тысячи 1½–2 заработаю. От тебя тоже что-то очень и очень редко получаю. Дочь моя Тамара растет, и я радуюсь, когда она смеется и что-то лепечет, окрестил ее в католической церкви в 1-й день Св. Пасхи, крестил епископ Гоязский и Бомеринский. Не хотел было дать имя Тамара, да я настоял на своем, ты записан крестным отцом, поэтому, мой дорогой друг, соратник и кум — кума твоя довольно представительная дама Леопольдина Гомес-Pereira da Silhva. Хотя это и поздно, но памятуя, лучше поздно, чем никогда. Наш Сердечный привет и Христос Воистину Воскрес!!!

Мой искренний привет Носкову, Стихину, Романовскому и всем меня помнящим,

Твой, т. е. Ваши Vict. и Дмитрий.

Послал бы тебе винограду да боюсь, испортится у меня виноградник, полон фрукт, буду делать вино.

Твой Дмитрий.

Посылаю тебе это старое писание. Быть может, тебе пригодится!
Д. Реш[етников]

М. Г. Г. Р.

В Далекой Бразилии в глуши (штат Гояз находится [в] 1600 кил. от С. Пауло) я получил №№ Вашей уважаемой газеты и книгу пор[учика] Б. Б. Филимонова «Белоповстанцы». В №№ от 12, 13 и 14 Апр. 1932 года я прочел критическую статью ген[ерала] Сахарова²² с выпадами по адресу автора книги. Затем я прочел и книгу Пор[учика] Филимонова. Книга на меня произвела глубокое впечатление, изложение фактов вполне правильно и выпады ген[ерала] Сахарова не вполне правильны с точки этики, и с точки обще[ственной] морали, во всей статье так и звучит «Да как он смеет, распропоручик, с трехмесячным стажем, свое суждение иметь»; ген[ерал] Сахаров так и пишет, что он «имел еще возможность ознакомиться и даже дал рецензию». Первое, что ген[ерала] Сах[арова] поразило, это критика, вернее, правдивое описание действий конн[ого] отр[яда] под его командой. Я хотя и не участник Персидского похода, но герм[анскую] войну начал в 14 году в составе 7-й Сиб[ирской] дивизии и меня трехмесячным стажем не ушибешь, и если ген[ерал] Сахаров со-знается по его выражению в «глупейшей фразе» «Да что я мог сделать больше». А сделать он мог очень много, имея отряд в 500 сабель, хотя и без подрывных снарядов, и ген[ерал] Молчанов был прав, когда делал ему замечание, что можно было выпустить воду из резервуара, заморозить стрелки и залить путь — это один способ, а второй более простой, перебить водопроводные трубы очень легко ломami, затем можно было отвинтить перья стрелок и увезти их за 4–5 верст (перо стрелы весит 8–9 пуд.). Свалить водонапорные краны тоже очень легко, для этого не нужно особых знаний. При нашем отступлении от Ново-Георгиевска все разрушения по линии дороги делали за недостатком инж[енерных] частей стрелковые полки, а разрушали так, что немцы в 2 недели не могли исправить. Далее действия конного отряда не вполне правильны, ген[ерал] Сахар[ов] пишет, «если бы ему было дано задание разрушить и удерживать занятый район, то он бы может и не ушел, поэтому мне хочется напомнить г[енера]лу Сахар[ову], не нужно было держаться за буквы прик[аза], памятуя Имп[ератора] Петра Великого: «Не держаться устава

²² Речь идёт о генерал-майоре **Николае Павловиче Сахарове**.

яко слепой за стену», где же, спрашивается, самостоят[оательный] почин? Ген[ерал] Сах[аров] пишет, что это исключало бы «глав[ную] задачу отряда» т. е. выход на Амур[скую] ж. д. Ген[ералу] Сахарову нужно было бы на Амур[скую] ж. д. не выходить, зная слабость коней 1-го Кав[казского] полка и не преступно ли вести 1-й Кав[казский] п[олк], «который был обузой», зная это и зная, что полк почти не существует и нужно было бы держаться до подх[ода] глав[ных] сил в Дормид-ке. Это сохранило бы силы коней. Как участник похода я вполне согласен с автором о неполноте знаний военного дела г. Сахаровым. Поясняю, при нашем движении по Амурской протоке, шли мы без всяких мер охранения, походн[ых] застав не было. Не было и завесы конных дозоров, шли, что называется, вслепую, хочется напомнить Его П[ревосходительст]ву, что движение колонн, почти полк воен[ного] врем[ени], 2600 чел., в доброе старое время полк высылал вперед авангард, один батальон, а авангард высылал пох[одные] заставы. Что было при нашем переходе и подходе к Владимировке: никакого аванг[арда], никаких застав, а шла толпа бродяг бездомных к водам Амура из далеких стран! Была красивая картина, когда при переходе Амура ген[ерал] Сахаров, сидя на коне, не знал, что предпринять, и на наше слепое счастье, что у красных не было караулов в нашу сторону, ведь к Владимировке мы подошли, было уже светло и я рассыпал своих в 100 шагах от деревни, далее, при завязке боя офиц[ерским] взводом, я также был введен в заблуждение и даже отдал приказание идти без стрельбы, думая, что там наши, и только когда красные начали стрелять, я подал команду «В атаку! Ура!» В Покровке так же была г. Сахаровым сделана ошибка. Это остановка на ночлег. Автор был прав, что части рвались вперед и что энергия не была израсходована, хотя бы потому, что много солд[ат] и офицеров побежали на станцию за обмундиров[анием] и т. д., и если бы сделали ночной марш до ст. Волочаевка, то красным пришлось бы мотать до ст. Иначе²³ и картина была бы другая. Далее наше наступление на ст. Волочаевку, это было что-то поистине вне всякой тактики, и автор прав, выражая сомнение в неполноте знаний военной науки г. Сахаровым. Шли мы опять одной колонной и без охранения, я по крайней мере не видел охранения да и его не было, так как подходя к «опытн[ому] полю» в 4 верстах от Волочаевки г. Сахаров да и другие к[оманди]ры не знали, что находится перед ними, и если бы была пох[одная] застава

²³ Вероятно, имеется в виду станция Ин.

впереди, то она во всяком случае предупредила бы колонну наступающих войск и мы имели бы возможность стать на позицию для встречи поезда. Ошибка автора в том, что он нигде не указывает на это, быть может, это новая тактика, или в Персидском походе так шли? Не думаю. В доброе старое время, повторяю, батальон на походе высылал головную роту на 1–2 версты для охранения на походе.

Ген[ерал] Сахаров свидетельствует, что добров[ольческие] части от снарядов не бегали, вероятно, под Волочаевкой не видел, как стрелки и офиц[еры] Поволжской бригады бежали вправо в лес, ну а я-то видел, ведь в мое орудие попал снаряд и убил коней, орудие было остальными лошадьми свалено в канаву глубиной до 1½ арш. Ген[ерал] Сахаров, конечно, прав, что дело не в фуражке, папахе или погонах, а в том, кто их носит, судя поэтому, то и его Пр[авительст]во по ошибке погоня-то носит. Ему бы батальоном командовать, а по погоням-то чуть не Нач[альник] див[изии], поэтому поменьше бы нужно сарказма по адресу автора, а действительно в полевой устав нужно было бы посмотреть, прежде чем выходить из Покровки, тогда бы и автор не писал про изучение вообще военной науки и не было бы напрасных потерь под Волочаевкой, да и колонну в 1200 чел. ввиду линии совместно с обозами не ведут, ведь можно было везти на интервалах 200–300 сажень, при походных же заставах и этого было не нужно. И если автор упоминает о движении параллельных колонн, то это, как я понимаю, вот что. Из Покровки на Никол. завод есть дорога и через дер. Даниловка, из дер. Даниловка на Волочаевку прекрасная дорога. Удаленность этих пунктов от линии ж. д. не более 3–5 верст. Жел[езная] дор[ога], конечно, не страшилище, но ген[ерал] Сахаров, вероятно, не видел, как мы двигались по дороге около линий, дорога, эта времянка узкая, местами испорчена, что лучше было вести орудия целиной, измуч[енным] №№ приходилось несколько раз выкатывать орудие на руках.

В Великую Войну с 1914 г., и Гражд[анскую] Войну с 1918 г. и по 1922-й год проделал, а Великий Сиб[ирский] поход сделал. Туда, т. е. на Урал и Каму и обратно до Читы, так что Перс[идский] поход Вашести — это прогулка, а не поход, если сравнить. К слову сказать, воевать-то мы все разучились, вспомните Сиб[ирский] «понужай», так и в Хаб[аровском] походе мы сперва понужали туда, как Бог на душу Вашему Превос[ходительст]ву положит, а затем понужали и обратно тоже, как бог на душу положит. Что же касается знаний военной науки и изучения ее, то труд

напрасный. Суворовы и Наполеоны ведь рождаются, а не учатся, и не изучают, но все-таки Суворовых то в столетие 1–2, не больше.

Критикуя же неугодное его Пр[евосходительст]ву и не давая в своей крит[ической] статье ни одного ответа на правдивые нападки автора, ген[ерал] Сахаров, как один персонаж комедии «Горе от ума» бессмерт[ного] Грибоедова, говорит: «Фельдфебеля я Вам в Вольтеры дам, он в две шеренги Вас построит, а пикните, так мигом успокоит!» Так вот и его П[ревосходительст]во, так же как полк[овник] Скалозуб, «не рассуждать» кричит.

D. Rechetn.

Получено 31/5/35

18 Марта 1935 г.

Дорогие далекие!

Тамара Семеновна и Борис Борисович, вчера получил от Вас письмо и посылку — 2 кимоно и рубашку, жена и я от души благодарим за присланное, так что я все свободное время в кимоно, жена же только по утрам и вечером надевает, я же ходил купаться на реку и произвел фурор своим появлением. Затем я получил от Вас открытку и письмо, в котором краткая пометка: «от Д. И. ничего нет», поэтому опишу сейчас свое молчание, я был в лесу, правда, всего 42 версты от города на фазенде у одного здешнего типа, сделал ему почти даром съемку, заснял 18 кв. километров, т. е. площадь 3×6 килом., правда, просеку делал он, я же с буссолью без горизонталей обошел это в 10 дней и ожидаю сейчас платы 1200 милрейс, мои расходы выразились 720 милр. и таким образом я за 10 дней заработал 480, а это не густо, а когда вернулся, нужно было работать в винограднике. Мой виноградник, скажу не хвастая, 1-й в городе, правда, я убиваю почти все время за уходом, почти каждый день осматриваю все кусты и чуть что замечу червячков или что другое, сейчас же дезинфектирую и т. д. Время стоит дождливое, каждый день как из ведра льет и льет.

Да знаешь, Борис, с получением кимоно на почте с меня содрали пошлину, я заплатил 51 милр. и 800 реис, т. е. стоимость кимоно в Японии, пожалуй, даже больше, я, конечно, это опротестовал, демонстративно вскрыл посылку на почте и пригласил Нач[альника] почты свидетелем, а затем составил протокол и теперь начали работать все канцелярии

штата, почта, казначейство и т. д. Мне посылают запросы в громадных конвертах, на которые я отвечаю в таких же конвертах, ну, одним словом, пошла писать, чиновники при встрече смеются, говорят, на год работы хватит, мне же посылают справки декретов, а я им копию обертки с словами «old clothing» и затем на листе бумаги объясняю, что значат эти слова. Борис! Крестница твоя Тамара уже начинает что-то говорить на своем языке, я понимаю только одно слово «умгу, умгу», растет очень быстро, почти не плачет, когда же захочет кушать, то кряхтит «ух, ух». Она вылитый мой портрет, мой лоб, носик, губы, глаза, глаза как звездочки, очень живые. На наше несчастье жена не имеет молока, кормим ее молоком от коровы, затем даем овсянку, и Манзену. И благодарение Богу, все идет хорошо, даже очень редко жалуется на животик. Ты знаешь, Борис, я ведь уже не молод и характер-то у меня (от пережитого, конечно) не миндальный, а вот поди ж ты, я готов просиживать у ее кровати часами, молча смотреть в ее глазки, и главное, что замечаю, это мне даже приятно, смотреть на нее и думать, думать о прошлом, о будущем, а главное, о прошлом, пою я ей старые русские песни, романсы, которые почти позабыл, и не печаль и грусть о прошлом, вспоминаю мое детство без радости, учение, а затем эту войну — революцию со всеми ее ужасами, и все это мне кажется таким далеким и темным и тяжелым сном. Сейчас же я, как-то мне кажется, охладел к прошлому, но ненависть моя к коммунистам не охладела, нет, Борис, моя мечта, мое желание — это еще раз сразиться с ними, и истребить их с корнем со всеми их выродками. Поэтому нужно призывать не к борьбе с коммунизмом, а к уничтожению его, я не знаю, что делают наши белые вожди, но думаю, «окопались и рыпаются», когда нужно развить бешеную пропаганду, кричать во всех углах мира, ты знаешь, коммунизм здесь прогрессирует, в витринах последние новинки, коммунистические книги, последняя, для примера, «U.S.S.S. (U.S.S.R. — А. О.) и Лига Наций», авторы т.т. Литвинов и Ворошилов, много книжек Ленина, Троцкого и других. Все это продается по дешевой цене. Ясно, что это пропаганда, книжка «U.S.S.S. и Лига Наций» в магазине стоит 2 милр. 500 реис, т. е. 60 центов Шанхайских, издана на хорошей бумаге и довольно прилично.

Сейчас о другом. Ты, вероятно, читал в телеграммах о новой партии — это интеграллисты, много общего с фашистами в Италии и «Наци» в Германии. Насколько тебе известно, Бразилия — это соединенные штаты Южн[ой] Америки. Общее только, президент, деньги и почта, каждый же

штат управляется своим выборным президентом, который для помощи имеет депутатов в штате, и также посылаются депутаты в ассамблею в Rio de Janeiro, и знаешь, родство, кумовство и протекционизм здесь в большом ходу, по пословице «как не порадеть родному человечку», и от этого взяточничество, беззаконие и etc. После войны с штатом С. Пауло, в С. Пауло один патриот и 6 его друзей повели пропаганду Единая Бразилия, и вот прошло 2½ года, сейчас интегралистов уже 600.000 человек во всех штатах, а также и у нас в Гоясе нашлись последователи этой идеи, а идея такова: Единая Бразилия, беспощадная борьба с коммунизмом, разумное управление страной, всемерная помощь рабочим на фабриках и фазендах, охранение нравственности и святости домашнего очага. Девиз Интегралистов «Deus patria e familia», т. е. Бог, Родина и Семья. Читая газеты, я заинтересовался этим и был приглашен поручиком Вильсон Коутиньо посетить одно собрание, пошел, вынес хорошее впечатл[ение], пошел в другой раз и затем вступил в партию. А так как Интегралист «Солдат Бога», то мы имеем свою Милицию, и я Начальник Милиции интегралистов штата. Наша форма: зеленая рубашка, черный галстук и шлем, милиция делится на 2 группы. 1-я группа — милиция охранения порядка. 2-я гр. «Tropa assalto», т. е. милиция нападения, поэтому разницы, я бы сказал, внутренней почти нет, а наружная такова. Знамя милиции порядка зеленое, белый круг и греческая буква сигма зеленая. Tropa assalto, знамя зеленое, круг, вернее, кольцо красное и сигма черная, у меня сейчас 108 милицианов, занимаюсь с ними полным курсом, что нужно солдату знать. Ходим в поле, роём окопы, наступаем, пеший строй ввел Русский, повороты, маршировка русские, ввел дисциплину старой нашей армии и нужно отдать справедливость: молодежь старается и есть очень толковые ребята, конечно, веду самую бешеную пропаганду борьбы с коммунизмом и т. д., показываю им снимки в Твоих книгах. Рассказываю им весь ужас пережитого нами, белыми воинами («Gereiros brancos»), стараюсь объяснить, почему мы были побеждены, и знаешь, Борис, все причины нашей неудачи были в нас самих, в проклятой канцелярщине и немогузнайстве, а также и ловкачеству и втира[ни]ю очков, нас съели штабы и интенданты и канцелярская волокита, а также, конечно, недоверие добровольческой массы к штабам и ахвицерам, их заселившим. Не секрет, конечно, и для тебя все это, вспомни Хабаровский поход, ведь в белоповст[анческих] штабах за немногим исключением сидели «шкурники», не умевшие 3-м свиньям щей разлить, а они ведь руководили нами, а колоритные ведь фигуры

были все эти Добровы, Бобровы и другие. Мне вспоминается одна личность из начала гражд[анской] войны — это царь Берендей — т. е. атаман Красильников²⁴. У него в отряде собрались все офицеры-дезертиры из других частей Сиб[ирской] армии, а он, потряхивая своей большой бородой, говорил «плевать на все и с всякой св... порядок поддержать можно». Он со своей штурм-бригадой к нам на Сиб[ирский] фронт пришел к шапочному разбору за месяц до падения Омска, он умер от тифа. Да многих забыл. Стояли мы около Елабуги, вернее, на берегу р. Вятка. Как-то в Воскресение в начале мая привели к нам группу пленных, вижу, один бравый с виду красноармеец, захотелось мне его взять к себе. Спрашиваю, «мобилизованный»? — «Так точно, Ваше Благородие! Ст[арший] фейерверкер 5-й бат[ареи] 39 Арт[иллерийской] Бригады!» — «Хочешь ко мне в батарею?» — «Так точно, очинно хочу!» — «А у коммунистов в какой части служил?» — «В Морском-Конно-Горном отряде!» Вот думаю, чушь-то, но, оказывается, правда, такой отряд у большевиков был. Вспоминаю нашего преподавателя топографии, он тогда читал лекции-то, смотрел в потолок, поэтому мы его звали Звездочет, а топографию окрестили Остромографией. Как-то на топографической перспективной съемке юнкер лежит на траве и усердно рисует трубу кирпичного завода, но ему, вероятно, показал[ся] рисунок малоубедительным, поэтому он на верху трубы написал «труба», подошел наш профессор, очи к нему и плачущим тоном: «ну вот, ну вот, юнкер! Нарисуешь собаку, а напишешь верблюд, и верь тебе после этого!» Близлежащие юнкера так и рассыпались со смеху. На тактических занятиях был другой, тоже потешный, вели мы как-то наступление ротой на другую роту, которая оборонялась в деревне, я был взводным 3-го взвода, ну в кустарнике как-то оторвался от своих и был окружен противником, т. е. 2-й ротой, 4 юнкера окружили меня и говорят: «Г. порт. юнкер, вы взяты в плен, извольте отдать нам винтовку и следовать за нами». Ну, говорю, господа, вы ошибаетесь! Русские добровольно оружия не сдают, попробуйте взять винтовку силой! Они ко мне, а я одному слегка дал прикладом по голове, другому с «боку прикладом бей» тоже не сильно, а на других с криком «ура» да в кусты, ну и убежал, конечно. А после маневра входят наши командиры рот и юнкер, которого я сшиб

²⁴ **Красильников Иван Николаевич** (24.06.1888 — 04.01.1920) — генерал-майор, командующий 2-м Степным Сибирским корпусом, казачий атаман, участник Белого движения на Востоке России.

прикладом по голове. Ком[андир] роты обращается ко мне, спрашивает: «Это вы, юнкер, ударили по голове князя Х.?» — «Так точно!» — «Как было дело?» Докладываю, что произошло. «Ведь это же маневры! — сказал ком[андир] роты 2-й, — ведь их было больше!» Я с серьезным видом ему докладываю, что я маневр считаю подготовкой к бою действительному и поэтому принял это как настоящий бой. «Ну, а если бы они тоже на вас со штыками, тогда что? — Тогда, г[осподи]н капитан, я бы заколол 2-х–3-х из них — они еще не знают, как колоть, а я уже был на фронте и имею крест 4-й степени и ни на маневрах, ни в бою живым не сдамся». — «Хорошо сказано! Юнкер». Смотрю, а сзади Нач[альник] училища.

Ну, поэтому я и отделался дешево, а то не миновать бы мне «чижа»-карцера.

Все это прошло, а вот настоящее-то действительно меняется. Прогресс, дорогой Борис, и знаешь, попала мне новая книжка Бразильянская, описание русской жизни и такая, брат, старь, что почище развесистой клюквы описывается в ней рязанский мужик — «Mujik de Riazane» и также баба, хотя автор и называет ее сеньорой. Мужик на картинке — борода лопатой, босиком и рубаха-толстовка, без шапки, на картинке падает снег. Ну я, конечно, смеялся до упаду над рисунком и над текстом, и в библиотеке пояснил, что этого сейчас в России нет и наши сеньоры и сеньориты шьют платья по моде и надевают ботинки с каблуками Людовик 15-й, знают употребление пудры и т. д., так представь себе, не верят ведь.

А вот тебе другая картинка. Еще до моей здесь женитьбы был я на одной небольшой фазенде и дочь этого фазендера, 18 лет девушка, не разу не была в городе, не знает, что такое синема, театр, не умеет читать, но красавица писаная, знаешь, очень редко встречаются такие идеально красивые девушки, я же на счет этого не особенно, но, тут не вытерпело ретивое, ну знаешь, разговор с фазенд[ером] папашей, принимает благосклонно, вижу, что не прочь породниться.

Решил я поухаживать за ней, но дорогой мой, дика и тупа как пень, т. е. никаких понятий о ухаживании не имеет, и ужасная грязнуха, босые ноги грязны, потому что у свиней была, волосы растрепаны и т. д.

Вот в одно воскресенье купил я пудры банку, кусок мыла, чулки и ботинки на высоких каблуках — ей подарок, поехал туда, приняли ничего, развертываю свою покупку и говорю, что привез подарок Франсиске, передаю ей, развернула, обрадовалась, даже спасибо не сказала, убежала, ну, думаю, увижу ее сейчас чистой, умытой, но куда тут, она

на грязные ноги надела чулки, не смыв грязи с лица, напудрилась на полбанки и возвратилась в столовую. Так знаешь, как на духу скажу. Все мое желание жениться на ней как рукой сняло. Ну, думаю, появлюсь я с своей женой в России в обществе, а она в кулак сморкаться начнет, а выучить ее. Я-то буду к тому времени полуразвалина, так она другим куры будет строить — по этому размышлению на ней и не женился, а ведь красавица! Ну сегодня довольно, завтра отправляю это письмо. Стихин, может, это клеит в будущую книгу из моих писем о Бразилии, если ему нужны справки, пусть пишет, отвечу. Носков тоже лодырь, за пять лет не удосужился ни одного письма написать, стыдно должно быть. Мой ему совет — ехать сюда, а я ему здесь такую невесту найду, малина, а не невеста. Привет всем. Целую ручки Тамаре Семеновне. Ваши Д и В и Т. R.

NB. Борис, на днях пошлю тебе наши бразильские журналы с снимками карнавала и подчеркну наиб[олее] интер[есные].

Получено 4/4/35

Января 30 дня 1935 года
Goiaz Brasil

Дорогие!

Тамара Семеновна и Борис Борисович.

Вчера получил от Вас 2 книги — «На путях к Уралу» и «Аргонавты Белой мечты». Дорогой друг и кум! Моей радости и признательности нет границ и не могу подобрать слов благодарности нашей. Твоя книга издана прекрасно, и я сказал бы — шикарно. И содержание книги настолько правдиво и художественно, что я, читая книгу, переживал прошлое, оно как бы было пред моими глазами, настолько это было что (ты знаешь, я не из чувствительных), но слеза не раз туманила взор. И так хочется еще раз вновь пережить это, только без прежних ошибок, я не участник борьбы в Зап[адной] Сибири, но насколько я знаю, там были действительно богатыри духа. Дело твое, Борис. Я бы выразился, святое. Да поможет тебе Всемогущий!

Как я думаю, я от тебя это еще не слышал, но думаю, что это так. Ты хочешь написать Историю Гражданской войны на Востоке, т. е. в Сибири и в Приуралье, поэтому тебе в следующих книгах придется возвращаться назад. Так как борьба с большевиками началась еще до чехов,

для примера, Атаман Дутов²⁵. Когда я возвращался домой в последних числах декабря 1917 г., то наш эшелон дезертиров был задержан на ст. Пермь почти на сутки, так как пропускали эшелоны 17-го Сибирск[о-го] стр[елкового] полка, который был снят с фронта около Зегевольда (Север[ный] фронт). Как изъявивший желание идти драться против гидры контрреволюции, т. е. Ат[амана] Дутова, я уже писал тебе про мое возвращение нелегальное под нарами теплушки, но в открытую дверь видел проходящие эшелоны и слышал все разговоры. Затем Восстание Ижевцев и Воткинцев, ведь оно было тоже зимой 17–18 годов, а затем восстание крестьян Красноуфимского и др. уездов Пермской губ[ернии], ведь оно началось 9 мая 1918 г., в моих записках есть о этом, правда, немного, но тебе в этом может много рассказать прапорщик Могильников, он в Шанхае и коренной Красноуфимец. Поэтому тебе, я думаю, нужно поместить объявление в Шанхайских и Харбинских газетах с вызовом уцелевших чинов Красноуфимской стр[елковой] бригады Поручика Рычагова. Так как в конце 1919 г. была сформирована 2-я Красноуф[имская] бригада и она никакого отношения к Красноуфимцам не имеет. Насколько я знаю, от нашей бригады уцелел мой артдивизион и после Красноярской трагедии я видел только 17 человек из штаба бригады, в числе их был делопроизводитель-чиновник, два или три офицера, я в это время был уже больной и потому для меня все было безразлично. Когда же ты будешь писать о востоке, то мои записки, начиная с Иркутского неудачного восстания в июне, тебе пригодятся. Да и мое сидение в смолокурах тоже было не зря, я с мая месяца был регулярно осведомляем, потому что у меня на ст. Байкал был один хороший друг. Жел[езно]дор[ожный] агент, имя его (это только для тебя) Михаил Иванович Чистяков, он по последним сведениям от 1925 г. был еще там, кроме того, я и мои наблюдатели, начиная с марта м[еся]ца, видели проходящие чешс[кие] эшелоны, но, как сообщал Кисилев, эшелоны шли безоруженные, так как большевиками было оставлено только по 30 винтовок на эшелон, поэтому-то они на ст. Иркутск не задерживались а без остановок драли на восток и кап[итан] Гайда, начиная со ст. Красноярск, двигался с русскими дружинами Томской, Барнаульской и Ново-Николаевской, в Красноярске казаки сформировали пеший д[ивизи]он, точную цифру не помню, но не более 140 чел.

²⁵ **Дутов Александр Ильич** (05 (17).08.1879 — 07.02.1921) — участник Белого движения, атаман Оренбургского казачьего войска, генерал-лейтенант.

На нашем восточном направлении был 6 Тетранский стр[елковый] полк в составе 8 рот и не более 100–120 чел. в ротах. Затем был 1-й Кавалерийский Яна Искры из Бриндиза эскадрон, впоследствии полк, командир ротмистр Билина, ведь я по роспуске смолокур был 2 недели на службе [у] чехов, занимал должность колонновожатого с окладом 600 рублей. А затем был назначен Начальником охраны Байкальского Побережья, но не выдержал интриг и, бросив все, уехал в Иркутск в формируемую Иркутскую стр[елковую] дивизию. Там было 3 полка: Иркутский, Нижнеудинский и Байкальский и Арт[иллерийский] див[изион], в полках людей было в среднем 500–600 чел., в дивизионе в 2-х батареях без орудий 180–200. Я был в 1-й батарее как офицер-инструктор пешего строя, и у меня значилось 93 чел. офицеров и солдат, офицеров было 28–29, остальные — солдаты и молодежь — гимназисты. Да все это есть в посланных тебе записках. Ты только прости, кум? Ты в последнее время ничего не пишешь относительно моих воспоминаний, написаны они, конечно, слабо, вне всякого сомнения, но думаю, что под твоей обработкой они будут не хуже (Аргонатов Белой мечты), ну, да тебе видней, ты знаешь, так много прошло времени, что много улетучилось из памяти, но я все-таки кое-что когда вспомню, записываю, сейчас есть 14–15 листов, пошлю.

Получено 27/2/35

Дорогие! Тамара Семеновна и Борис Борисович!

На днях получил от Вас письмо, Я и жена сердечно благодарим за то, что Вы нас не забываете, я уже отправил тебе, Борис, одно письмо, с описанием (правда, кратким), что я работал в лесу, ну а сейчас отдыхаю, т. е. сравнительно, потому что мой виноградник был сильно запущен и сейчас работаю по его очистке и сажу новые кусты, я сейчас уже имею 120 кустов, а в марте буду садить еще 400 кустов, так как я купил еще земли 860 метров квадр., земля эта граничит с моим участком, поэтому является как бы продолжением моей. Вот план [прилагается рукописный план] и выходит на другую улицу. Поэтому я на новокупленной земле построю небольшое бунгало и сдам его, а остальную землю всю использую под виноградник, дело это довольно выгодное, здесь мой виноградник всего будет иметь в марте 1935 2 года, а я уже ем мой собственный виноград, кроме того, виноград здесь дает в год 2 сбора в феврале и сентябре, куст винограда дает в среднем 15 килограмм винограду, помножь это

на 120 кустов, т. е. 1800 кило 2 раза в год, итого 3.600 кило; отбросив 600 кило, что съедим мы, я могу продать 3000 кило по цене 3 мильрейса, иначе говоря, 9000 мильрейс или по курсу 600 америк[анских] долларов и ведь это только виноград, а если Бог поможет, я буду делать вино. Кило винограда дает 2 бут[ылки] виноградного вина и 1 бут. коньяку! 2 бут. стоят 4 милр. Бут. коньяку — 5: итого 9 мильрейс 3000 к. $\times 9 = 27000$ милрейс или 1800 долларов, а ведь это деньги, как ты думаешь? Если все будет благополучно, я с помощью Божьей через 3 года буду иметь 500 кустов, т. е. в 4 раза более, чем я сейчас имею, а это, иначе говоря, 7200 долларов в год, эта рента недурная, можно будет плевать с высоты моего дома на всяческую работу, конечно, это мечты, но 4-я часть их уже осуществилась. Денег еще за землю не заплатил, нужно будет где-то добыть 700 мильрейс. Я сейчас, благодарение Господу, из долгов вылез, но на носу уже висят новые, жена ходит последний месяц беременности и поэтому на носу новые расходы, ну, да Бог поможет, бывало хуже, мне достать бы еще одну-две работы, правда, что мне очень трудно в лесу, сильно болят ноги, потом шалят почки, ужасно устаю в ходьбе, знаешь, я уже не могу пробежать бегом 100–200 шагов, глаза тоже слабы и это письмо пишу с очками, купил пенснэ да сломал, поэтому купил паршивенькие очки за 10 мильрейс. Конечно, это назойливость, но моя жена просит напомнить о кимоно, она говорит, что для нее это «отчень хорошо», по-русски она говорит отвратительно, никак не может сказать «вилка», а говорит «вивка», а также слово, что она произносит шито! Да много шиворот-навыворот: меня зовет Дюма, фамилию выговаривает Рештничкоф. Ну, в общем успехи ее по русскому: 3-. Живем мы с ней дружно, знаешь, за 2 ½ года мы еще не ссорились, я всплую, хочу наговорить грубостей да не знаю их по-португальски, покрою по-русски, она не понимает, ну и хохочем потом оба, как-то не вытерпел, я обложил одного сеньора 3-х этажным матом, так она 2 недели не давала мне покоя, прося объяснить значение моих слов, и старалась усердно произносить их правильно, но я притворился не понимающим ее слов, хотя она и доказывала, что она говорила «Руски слова», я же ей отвечал по-португальски «пãо comprehendo!» Т. е. не понимаю, сошло, сейчас забыла. Так вот, дорогие! Сделайте это великое одолжение, пошлите хотя бы поношенное, она будет рада как девочка, получение от вас писем, газет для нее самое большое удовольствие, и она ярая пропагандистка Русского языка, я же был уже здесь учителем русск[ого] языка и английского тоже, но это для меня не

подошло по моему динамическому характеру, поэтому отказался, да и не могу я сидеть сложа руки, долбя балбесам глаголы to do — to be или целый урок объяснять значение слов — homag. Бросил все это и нахожу португальский язык гораздо легче и лучше английского. О чае ты, Борис, не забудь, пошли, а также не найдешь ли так что-нибудь о виноградниках. Я писал в Сан Пауло, но там нет, вот и все.

А сейчас о смерти Краля (короля Югославии. — А. О.) Александра. Смерть короля Александра на меня лично произвела громадное впечатление. Белые Русские лишились одного из лучших друзей и покровителей, в местных, т. е. Бразильских газетах много писали по этому поводу, поэтому я вырежу тебе все заметки и пошлю. Думаю, что они пригодятся для тебя, ну, а переводчика, я думаю, ты в Шанхае найдешь, да в случае обратиться в Консульство, там помогут перевести на английский, а остальное для тебя пустяк, ведь ты спикаешь как американец, я же еще на свои знания в Бразильском языке не особенно надеюсь, а дело это важное, это не какой-нибудь пустяшный перевод рассказа. Ты, Борис, ничего мне не написал по поводу моего 2-го перевода «Электрофикация ада», ведь это пародия на коммунист[ическую] пятилетку, затем, как подвигается работа твоя по обработке моих записок? Или они не подходят. Ты знаешь, я думаю, что слабо выйдет. Ты знаешь, за пять с половиной лет борьбы было так много пережито, что не хватает памяти восстановить все это, да и в сущности говоря, ведь все это было несерьезное. Бои происходили как-то по-игрушечному, несерьезно. Были они начинаемы и кончаемы как-то стихийно, без воли Начальников и водителей, а когда за дело взялись старые перечницы, то пошло еще хуже, потому что развели такую бумажную стратегию, что жутко было, ведь такую чушь понесли, что только ахай. Ты знаешь, наша Красноуфимская стр[елковая] бригада насчитывала до 2 тыс. штыков и сабель, а с интендантством и едоками до 6 тыс. с лишним согласно последнему приказу подполков[ника] Рычагова в Инт[ендантской] бригаде было 563 подводы и когда приказано было разгрузить интенд[анство] и обозы 2-го разряда, то это оказалось не под силу даже Рычагову.

А наш арт[иллерийский] див[изион] — ведь это было что-то гомерическое, обозы батарей (2-х) были так громадны, что все сводилось к их передвижению и расквартированию, в 1-й бат[арее] было 42 фургона парных и всяких еще тарантасов, телег до 30, во 2-ой было не менее и вся громада обслуживала в общем 300 человек, а орудий всего было только 4. У меня же в Штабе д[ивизион]на было всего с разведчиками,

телефонистами и т. д. 37 чел., все это вместе с канцелярией размещалось в 2-х–3 домах и было всего только 9 подвод, т. е. повозок и двуколок, в том числе телеф[онная] двуколка, 4 станции и 30 верст провода. Конечно, прошлого не вернешь, сама себя раба бьет, что не чисто жнет! А были в общем интереснейшие типы, а сцен с природы отбавляй. Когда мы в октябре откатываясь, были уже недалеко от Омска, я со шт[абом] дивизиона разместился в одной деревушке, забитой обозами, и вот ночью, в доме, где я спал, был еще какой-то делопроизводитель. И так вот ночью вдруг крик: «Красные! Спасайтесь!» И делопроизводитель в одной рубаше и кальсонах выбивает головой раму, выскакивает в палисадник перед домом, продолжая вопить о помощи, поднялась страшная суматоха, из деревни стали «мотать» обозы, а так как делопуп-то дальше палисадника бежать не мог, то там его и поймали, и все выяснилось к общ[ему] благополучию, это он, видите ли, во сне увидел. Я кажется уже писал, что было на ст. Тайга, там от одного пьяного выстрела «драпало» до 20 тыс. человек, а когда одумались, то уже почти все смотались и ст[анция] была чиста.

В дер. Боровской в 12 вер[стах] от с. Тайга было так забито людьми, что я решил выступить, в 12 ч. ночи отдал приказ, приготовились, отдаю приказ трогаться, спустились в овраг, а он весь забит до невозможности и какой-то капитан с наганом в руках не пропускает никого дале[е]. Я был в кошеве и на мне было надето генеральское пальто. Погоны-то я забыл снять, ну а тут пригодились. Разведчик докладывает мне о угрозе капитана. Я к нему. «В чем дело, Капитан?» — он было хотел грубостью ответить, да вдруг видит при свете костра генер[альские] погоны и сразу тон на 5 баллов ниже. «Ваше Пр[евосходительст]во, сейчас я хочу пропустить мой обоз, поэтому и очищаю дорогу, обоз мой вот здесь в стороне в овраге». Вот что, говорю, капитан. Ваш обоз в стороне, а мой на дороге, потрудитесь поэтому пропустить меня вперед и следуйте за мной, я вам дам в помощь моих разведчиков. «Слушаюсь, Ваше Пр[евосходительст]во, а сколько подвод имеет, Ваше Пр[евосходительст]во?» — «223», — говорю ему первое попавшее в голову число, ну и в общем он козырял мне, а я отмахивал ему по-генеральски рукой, в результате расстались довольные друг другом, и я выскочил из этой ловушки, потому что утром там были красные и много осталось у них в руках, ведь дорога на Анжерские копи единственная, идет по лесу и завалена снегом.

Борис! Письмо это хотел послать в ушедшем на покой 1934 году, но обстоятельства не позволили. Поэтому оканчиваю сегодня, 2 янв.

1935 года н./ст. Можешь, дорогой мой Борис Борисович и Тамара Семеновна, поздравить меня с прибылью в семействе. Вчера в 1 и 25 минут дня у меня жена разрешилась от бремени дочерью и согласно ее и моему также желанию дать русское имя, я написал на бумажке 3 имени — Нина, Тамара и Вера и заставил жену вытащить одну записку, жена вытащила имя Тамара. Поэтому я зарегистрировал [дочь] к большому удовольствию жены «Тамарой». В честь ее крестной матери Тамары Семеновны, о чем я прошу моего извинения пред моей кумой Тамарой Семеновной и кумом Борисом Борисовичем.

Девочка родилась хорошенькая, с темно-голубыми глазами и сейчас пишу под аккомпанемент ее «ия-ия», я очень доволен и рад, что обошлось благополучно, даже медик не потребовался. Жена еще, конечно, в постели, но слава Создателю, чувствует себя хорошо, и также просит передать вам ее сердечный привет. Так вот, Борис! Я и отец, поэтому чувствую особую гордость — отцовскую. Ты подумай, только зарегистрирована она в переводе на русский язык так:

2-го янв. 1935 г. у Благороднейшего сеньора Димитрия Решетникова и у [нрзб] Маркизы Di Bastos-Rechetnicow родилась законная дочь «Lejitima» Тамара Дмитриевна Маркиза Di Bastos-Rechetnicow. Поэтому вчера я немного выпил коньяку и т. д. и поэтому был на 1-м взводе. Завтра 3-го янв. я отправлю это письмо. И прошу тебя и Там. Сем. не забывать нас, Бедных Бразильянцев, своим вниманием.

Вырезки о смерти Короля Александра собираю усердно и пошлю их в следующем письме, так как письмо получилось довольно большое. Теперь, Борис Борисович, немного о Шатохине. Я послал ему письмо, но не зная его настоящего адреса, адресовал его на ред[акцию] Шанхайской «Зари» и при случае, если встретишь его, полюбопытствую, получил он мое письмо или нет, и также я прошу напомнить ему о том, что он мне должен 60 с чем то долларов, а ведь это здесь для меня деньги. Ты знаешь, если бы удалось с него получить, на эти деньги купил бы помпу для колодца, мне очень нужно добыть 20 фунтов английских. Даже хватило бы 15, но и 60 долларов — это по курсу сейчас около 500 милрейс, очень тебя, Борис, прошу, ему напомнить при случае. Я сейчас перечитываю все полученные от тебя книги. Наш искренний привет Вам и Всем, меня помнящим.

Да поможет Вам Всевышний в Новом году.

Ваши Викторiana и Дмитрий.

1936 год

10/6/36

Goiaz
26 Февраля 1936.

Дорогие! Тамара Семеновна и Борис Борисович.

Вчера получил от Вас отрывной календарь, от души благодарю за посылку. Сегодня также, читая наши, т. е. Бразильянские газеты, я в телеграммах прочел о начинающейся войне в Мансжу-го (Маньчжоу-Го. — А. О.). Дорогой Борис! Ведь это пахнет нашей свободой в России. Ты подумай только, что пришлось нам перенести на чужбине и что перенес там в России народ, сколько было крови и слез, и вот теперь мелькнул первый луч, первый блеск зарницы. Ты знаешь, все мои мысли там на востоке и страшно хочется попасть туда, чтобы поспеть вовремя, а не к шапочному разбору. Напиши, как твое мнение, серьезно там началось или так себе? Наша жизнь течет по-старому, стало еще немного хуже, я почти не имею работы, так как сейчас идет постройка нового города, называется этот город «Гояния», от нас 140 килом., ехать работать туда не могу, жалко бросать дом и сад, конечно, можно было бы сдать в наем, но боюсь испортят виноградник, да и жена вот-вот разрешится, она ходит последнее время. Я сейчас много отдаю времени на организацию кооператива виноделов, уже было несколько собраний и уже в проекте посадить 100.000 кустов и открыть винный завод, дело как будто налаживается, сейчас уже собрано до 8.000 долларов, т. е. 90.000\$ мильрейс, на эти деньги мы сможем посадить 30 тысяч, а через 3 года выпустим вино и садить далее. Я выбран на собрании как администратор, т. е. я буду руководить всеми работами по постройке и посадке, мне будет положено жалование 6 тыс. мил. в год, это, конечно, не много, но принимая во внимание безработицу и т. д., я согласился, да и затем я могу в то же время работать, и у меня я еще имею возможность посадить на моей земле 600 кустов, и в будущем это хорошая аренда, в прошлых письмах я уже делал тебе приблизительный расчет, а он верен, мои расчеты, оправдывающие с точностью. За прошлый год я продал 60 пудов по 40 мильрей., кроме того, сами ели вдосталь, пью собств[енное] вино, правда, качества не особенно хорошего, переборщил со спиртом (положил много), но коньяк вышел чудесный, не хуже былого Дюпрэ Петербургского, правда, сделал я всего 6 бут[ылок]

и израсходовал 2 пуда белого винограда, сахар тож и других специй, так что бутылка коньяка для меня стоит 11 – 12 мильрей, и когда я назначил ему цену 20 мильр., нашли дорого — а за иностранную дрянь здесь платят 40–45. Для примера, Коньяк Henesse здесь 45 мил., но довольно о этом, ведь тебя как непьющего это не интересует.

Жду обещанного большого письма и книгу. За последнее время я не получил от тебя газет старых и журналов тоже, поэтому вновь перечитываю. Борис, ты, пожалуйста, не сердись, что я в каждом письме все прошу, а ничего не даю. Ах! Если б ты мог читать по-португальски, я мог бы тебе послать много, а впрочем, если хочешь, конечно? То могу посылать здешние журналы. Я уже тебе писал, что я интегралист, т. е. «Зеленая рубаха», так вот, мы издаем здесь свою газетку 1 раз в неделю, название газеты «Сигма» (Σ), я один из сотрудников, перевожу с русского на бразильский статьи из русских эмигрантских газет, это наша пропагандная борьба против коммунизма. Жалко, что имею под рукой мало наших газет, вот поэтому-то и прошу тебя, Мне очень пригодились несколько №№ «Наш путь»²⁶, «Россия»²⁷ и друг[ие]. Мне нужно сейчас какие-нибудь цифровые данные о России, хорошо бы скотоводство, земледелие, лесопромышленность раньше и теперь. Мои переводы пользуются успехом, подписываю их «Rusotio» — в переводе «Русский дядя».

Семья моя скоро-скоро увеличится. Тамара уже говорит по-русски, «дай-дай, на, хоч, не» и вечером перед сном поет со мной на русские мотивы — ла-ла-ла, а потом кричит «у-вва» и подымает ручонку вверх. Очень забавная она. Как здоровье вашего bebi? И знаешь, советую, когда исполнится твоему сыну 3 месяца, давать ему утром и вечером по столовой ложке сок апельсина, т. е. выжать апельсин и дать столовую ложку, это предохранит его от гастрических заболеваний, потом не кутайте его слишком и регулярно кормите через 3 часа, молока чистого не давайте, разводите водой сперва наполовину, а потом одна треть вода, и рассчитайте так, чтобы давать чистое молоко, когда, если будет 9–10 месяцев, Тамара почти не питалась молоком Викторины, все время молоко от одной коровы, а начиная с 6 месяцев я начал давать ей овсянку, квакер,

²⁶ «Наш путь» — ежедневная газета, основанная 3 октября 1933 г., выходившая в 1933–1938 гг. в Харбине, а затем в Шанхае. Газета являлась официальным органом Российской фашистской партии.

²⁷ «Россия» — газета, издававшаяся в Шанхае в период с 21 декабря 1924 г. по 12 ноября 1930 г.

потом Maisena — маизена — это приготовленная кукурузная мука, а сейчас даем ей сухие фрукты, как сырые, так и приготовленные, конфет, шоколада не даю, еще Тамара очень любит виноград, достаточно показаться в винограднике, как она, показывая на виноград, просит «дай, дай ува»? Ува — это по-бразильски виноград. Эх, Борис, если б у меня было хоть тысячу долларов, так посадил бы я виноградник тысяч 15–20 кустов, вот это было бы дело. Знаешь, через 3–4 года был бы обеспечен доход приблизительно 20 тысяч долларов.

Нигде в Бразилии, да, я думаю, и на свете, где бы виноград давал два урожая в год.

Прости, Борис! Доканчивая это письмо сегодня 1-го марта 1936 г., было некогда писать, 27 и 28 был на одной заимке. Вернулся вечером, а утром жена почувствовала себя плохо, после кофе легла на кровать, а я побежал за бабкой акушеркой, в 9 ч. 35 м. утра родился сын Дмитрий — имя, выбранное моей женой, мое желание было Вадим, Борис; жена — Дмитрий; я написал 3 билетика с этими именами, положив в шляпу, сказал Тамаре «дай-дай», и она вытащила один листок с словом «Дмитрий», поэтому, да будет по сему. Так что фамилия моя прибывает, так что годиков через 6, пожалуй, до полдюжины наберется, ведь подумать только, ведь это уже 3-й! Не много ли это, Дмитрий Ионович, в 4-то года? Думаю, что придется подать команду «слезай».

В общем же жизнь тянется монотонно. Весь мой интерес сейчас сосредоточен в моей семье и в делах там у Вас на востоке. У вас назревают, т. е. в Манчжурии назревают по моему мнению грозные события, и я думаю — что без войны там не обойдется, в Бразильских газетах пишут о мобилизации в Совдепии, а ведь это наш «белый козырь». Я не знаю твоего личного взгляда, конечно, но мое мнение: Русскому народу не вырваться из лап «Зверя из бездны», и я поэтому согласен на оккупацию России, временную, конечно, да и даже. Допусти, Борис, такую гипотезу; какая-то соседняя держава объявила войну коммунистам, победила (в этом не может быть сомнения), так вот сбросить гнет иностранцев будет гораздо легче, чем коммунистов, ведь тогда все партии, все группировки соединятся в одну общую идею «борьба за независимость», на это указывают и примеры истории как Русской и, так и Всемирной. В России — татары, поляки, в Европе Александр Македонский, Карл Великий, Фридрих Великий, Наполеон, вспомни, чем кончились их завоевания? Завоеванные народы неизменно освобождались и это, Борис, закон тяготения племен.

Поэтому-то нам, Борис, как истинным патриотам, не нужно бояться ни интервенции, ни оккупации, хоть с чертом, но против коммунистов! Вот наш девиз.

Если же мы будем дожидаться, когда коммунизм эволюционирует, то не поздно ли будет? Ты только подумай, ведь там в России народилось новое поколение, но которое хоть отчасти, но все же знает и слышало от старых людей, что «раньше то лучше было», и если придет еще 20 лет, то народится еще новое поколение, которое уже не услышит, что раньше лучше было, а услышит, что «раньше было хуже», потому что отцы их видели и восприняли только эпоху «Великой бескровной», в кавычках, конечно, и эпоху военного коммунизма, когда людей били как мух всеми способами, какие были известны большевикам, жгли живыми, вырывали языки, выкалывали глаза, спички тушили, глаза выжигали и выкалывали гвозди в плечи, били — звездочки прикалывали, да всех способов не перепишешь. Так вот, народившееся то поколение, пожалуй, не захочет вернуться к таким временам, а потому резюме: не видать нам родины как своего затылка.

Конечно, наша задача, задача эмиграции, насколько это возможно, больше оставить памяти для грядущих поколений, а поэтому я лично приветствую каждого автора, пишущего о России дореволюционной, России Императоров Александра III и Николая II, и если Богу будет угодно осуществить тебе и нам задуманную тобою идею о издании намеченных тобою книг, то можно будет сказать и сказать громко: Да, мы исполнили свое назначение и там на полях смерти и здесь в эмиграции. Я, Борис, как ты знаешь, монархист чистой воды. Исколесивши почти полсвета, я не видел нигде истинной свободы и равенства, не говорю о братстве, всюду гнет, интриги, политиканалая и эксплуатация невежественности и бедноты, хотя бы вот здесь, в Бразилии, самая низкая политическая игра, и шантаж и воровство процветают, а народ в общей массе хранит теплую память о последнем Императоре Бразилии Петре II, умершем в изгнании. Внук и правнук его сейчас приехали и живут в С. Пауло, а когда они приехали в прошлом году, то в газетах писали, что такой манифестации Бразилия еще не видела. От порта Сантос до С. Пауло 91 верста — все было покрыто народом, [по] приблизительному подсчету было до миллиона, поезд был буквально завален цветами и зеленью, в С. Пауло толпа смяла полицию и на руках несла автомобиль до гост[иницы] «Еспланада», т. е. около 2 верст, так что власти переполошились, боясь монархической

революции. И сейчас монархическая партия увеличивается с каждым днем. Мы же интеграллисты = зеленые рубахи, вполне сочувствуем этому движению, потому что против коммунистического и дермократического засилья. Ну, уже час ночи, слипаются глаза, да и Тамара что-то ворочается на кровати, я один сижу и пишу, жена еще не здорова, спит, спит также и новорожденный Дмитрий Дмитриевич Решетников. Знаешь, Борис, я пишу сейчас с большими ошибками, т. е. много вставляю бразильских букв и слов. Точка.

Все-таки, кум, ты не забывай посылать мне газет, нужны для пропаганды. Я тебе pošлю наш Журнал «Пан», т. е. «Сатир», там есть много из русской революции. Сплю.

Сегодня, 3 марта, встал с тяжелой головой, поэтому ничего не делал, ходил с Тамарой гулять на речку, от моего дома речка 250 метров, плохо то, что нужно спускаться вниз по камням скалы, вода чистая, теплая, ну и мы купались на славу, Тамара даже кричала от восторга, жене немного хуже, лихорадит и почему-то начала опухать нога, был доктор, что-то прописал и сказал, что это молоко играет, ну, думаю, что плохие игрушки. Новорожденный весит 3 кило 200 грамм, немного тощеват, но ничего, здоров, пошел в мать: волосы, глаза черные, а у Тамары голубые, она будет блондинка, ужасно любит прыгать, ну, думаю, 2-я Анна Павлова. Жизнь наша очень сейчас неважная, прислуга одна, тоже как у тебя дуреха, да еще вдобавок с африканской кровью мулатка. Так вот, кум, вообрази, что эта черная рожа употребляет белую пудру и румяна, и эти палочки, чем губы красят, самого яркого цвета, ну чисто кукла черная, вся рожа с белыми пятнами пудры и ярко-пунцовыми губами и эти белки у глаз какого-то молочного цвета. Я ей серьезно посоветовал купить черной пудры, а губы белишь, ну так вот эта мулатка «и швец и жнец и на дуде игрец», и за все это она получает 60 мильрейс и стол, конечно, это недорого, но готовит отвратительно, каждое блюдо так перчит и солит, что даже есть невозможно, а она в простоте душевной говорит, что у нас-де в Баие все так едят. Баия — это один из штатов Бразилии. Слово баия означает берег залива, это первый клочок земли, что увидел Кабрал в 1492 г. со своего корабля и поэтому назвал его «Baia dos Santos» = Берег всех святых. Под конец письма опишу тебе, как я попал домой в 1918 году.

Наш полк 21 Финл[яндский] стрелк[овый] стоял в местечке Финн. около Анненгофа в 40 верст[ах] от Ревеля, я с учебной командой был расположен в замке баронессы Менгден, за время революции полурас-

хищенный, с выбитыми наполовину стеклами. 5 дек. 1917 г. объявлен декрет главверха Крыленко о выборном праве солдат, поэтому на ротных митингах почти все ротн[ые] команд[иры] были сменены и очутились или бойцами или писарями. Наш ком[андир] полка полк[овник] Имшинецкий был выбран полковым адъютантом, а командиром полка Ефрейтор Даденко — безграмотный тыловик и трус. Я, правда, не был смещен, был выбран Нач[альником] уч[ебной] к[оман]ды, потому что у меня в уч[ебной] команде было 139 георг[иевских] кавалеров, из них 18 холод. подпрапорщиков с полным бантом, т. е. 4 креста и 4 медали, поэтому сохранить в команде дисциплину было нетрудно, но среди моих офицеров нашелся один прохвост и трус прапорщик Садовский, полуполяк, он начал интриговать и повел пропаганду против «скуловорота» = это я. Я, признаться, был довольно суров и за дело бил зубы, чего таить, но за дело, например, за воровство, за пьянство, мародерство, все это было известно, потому что предлагал на выбор на гауптвахту и под суд или в зубы, выбирали второе почти все, даже потом еще благодарили. Так вот, после 5 дек[абря] решил я из армии убираться домой, 8-го ночью собрал уч[ебную] к[оман]ду, объяснил им все и предложил им также идти по домам; не имея права дать им уволь[нительные] билеты на 1 месяц, я приказал желающим написать 3–4 увольн[ительных] бил[ета], каждый на 7 суток, что и было сделано почти всеми, в уч[ебной] к[оман]де осталось 9 чел. с прап[орщиком] Садовским во главе, а я, споров погоны, сфабриковал себе удостоверение: «Нестроевый старш[его] разр[яда] Дмитрий Ионов, уволен в отпуск в гор. Вятку по болезни, сроком на 8 недель», и вот с этим документом сел в поезд на Нарву, в Нарве у меня ужасно разболелась голова, побрел я в госпиталь 39 запасный и попал как раз на комиссию, в приемной до 200 чел. всех возрастов и видов, а также, думаю, и чинов, выкликают по списку. Выкликнули: Петр Бердов, никто не отзывается, а я почти лежу, мой сосед толкает меня в плечо и говорит: не вас ли, гражданин, а там снова: Петр Бердов, — я, говорю, Я! Прошел в кабинет, а там комиссия: 3 тов[арища] из совдепа, 1 фельдшер и зубн[ой] врач, жид, один из них читает: «Зауряд чиновник 17-го Сиб[ирского] стр[елкового] полка, болезн. легких и невралгия». Ну, думаю, теперь я буду врать, но врать почти не пришлось, один из членов, совдепщик, говорит, да что там экзаменовать, видно, что болен, выдать документ на отпуск, ну, думаю, Слава Богу, вырвался. Отворили другие двери и сказали: подождите здесь. В коридоре нас было также чел. 70, нашлась одна сердоб[ольная] сестра, дала мне

2 порошка пирамидона, в 2 часа снова выклика и выдача проходил[ого] свидетельства мне в город Камышлов Тоб[ольской] губ[ернии], ну, думаю, везет как становому приставу. Пошел я на станцию, забрал свой чемоданчик у коменданта и вечером сел в поезд на Петроград, куда приехали ночью, долго стояли на станциях. На Николаевском вокзале грязь, сырость и громадное скопище, кое-как в углу на полу дождался утра, утром решил сходить на Невский, оставил чемодан в комнате хранения багажа и вышел. Товарищи красногвардейцы покосились на мою грязную без погон шинель, но пропустили. Невский представлял собой безобразную картину, сугробы снега, обрывки бумаги, мусор, много зданий с разбитыми окнами, в Гостином дворе мерзость, а запустение и также сугробы снега, прошел до адмиралтейства, решил вернуться на вокзал и сегодня же уехать в Сибирь, на Невском нашел открытой «Польскую столовую», дом № 49. Вошел, на стене бросился аншлаг: хлеба нет. Пообедал какой-то водицей, изображающей суп, на 2-е кусочек конины, жаренной под бифштекс, выпил стакан жидкого чаю и за все это заплатил 40 руб. керенками, чувствую себя голодным, на углу стоит тип в солдатской шинели, предлагает бутерброды: 2 кусочка хлеба велич[иной] со спичечную коробку, в середине ломтик подозрительной колбасы, купил 2, заплатил 20 руб. керенк[ами], у другого типа купил за 5 руб. романовских коробку папирос 250 шт., у входа на Николаев[ский] вокзал толпа граждан, двери закрыты, за дверями куча красногвар[дейцев], спрашивают пропуск, объясняя, что издан декрет, воскрешающий выезд из города, спросил, где могу достать пропуск, говорят, Лештуков переул[ок], № 2. Ну, что же делать, пойду туда. Нашел этот переулок, вижу мрачное здание казен[ного] типа, на двери наклеена надпись Чека. Ну, тут первый раз в жизни струсил, решил не входить, ведь у меня под полой шинели Наган, и в кармане Браунинг, поэтому, дай Бог ноги, уже вечерело, тускло светят уцелевшие фонари, бреду без цели с желанием устроится на ночлег, попал таким образом на Забалканский проспект, вижу на одном здании 139 Зап. госпиталь, решил просить заведыв[ающего] о разрешении переночевать, после долгого стука в дверь дверь отворилась, из нее недоверчиво высунулась голова, а затем и появился обладатель ее, одетый в офиц[ерскую] тужурку, попросил его о ночлеге, он недоверчиво покосился на мою шинель, а затем как-то нерешительно произнес: войдите! Знаете, говорит, время тревожное, а ночами поблизости стрельба из винтовок, ну да он как-нибудь устроит. Устроил в операционной, я с удовольствием разделся

и, повалившись на пол, моментально уснул, проснулся от звуков стрельбы, ну, чисто как в траншеях, редкая стрельба наблюдателей то тут, то там, и заснул снова, проснулся я в 7 час., искал воды, но не нашел, решил уходить, стрельба уже утихла, крадучись как вор, я нашел дверь на улице, — вышел, мозглый туман на улицах, решил идти на вокзал, и опять та же картина — пропуск. Повернул на Литейный, набрел на толпу солдат, они о чем-то горячо говорили, подошел, прислушался, говорят о каком питат[ельном] пункте — где дают чай и хлеб, решил и я идти с ними, нас человек 50–60, идем толпой, некоторые с винтовками — это бросившие фронт добрались до Садовой. У одного гром[адного] дома громадная толпа, 2–3 тысячи, говорят, что это регистр[ационное] бюро Крас[ной] Армии, поболтали тут около часу, пришли две броневые машины с типами в кожан[ых] куртках и фуражках, я решил уходить подобру-поздорову, на углу Невского нашел вчерашнего солдата, продающего «бутервроты», купил на 40 руб., подкрепился, тут же разговорился с солдатом, оказался Пермск[ой] губ[ернии], сказал ему, что я тоже из Камышлова, т. е. земляк, да вот никак не могу вырваться из Петрограда, не имею пропуска, а он и говорит, да, по обличью, т. е. по лицу, вижу, что вы Ваше Высокоблагородие, если хотите, я вам сегодня пропуск достану за 200 рублей, подумал я и решил рискнуть шкурой и деньгами. А где говорю, тебя найти, земляк? Он говорит, что живет тут у кума-дворника и что если я желаю, то могу идти с ним, быть может, и переночевать можно будет.

Решил идти, пошли, пришли, на Невском же громадн[ый] дом какого[-то] Вел[икого] Князя около моста.

Вошли в ворота и через минуту я очутился в чист[ом] подвальном помещении в квар[тире] дворника, приняли довольно радушно, предложили фрукт, чаю, но без хлеба, говорят, что нет хлеба уже 2-й день, мой солдат исчез, я в разговоре с хозяевами рассказал им правду, чувствуя доверие, они предложили мне пожить у них несколько дней, пока кум добудет документ, а также сказали, что хорошо было бы офиц[ерскую] шинель снять, а надеть солдатскую, папаху тоже заменить солдатской, тогда и будете походить на «товарачча» (выговор пермский), попросил их сделать это для меня. Афанасий исчез, через полчаса принес шинель, папаху я отдал ему свою, и папаху решил оставить на память. Вечером солдат вернулся, сказал, что много народу за пропусками, да он завтра или послезавтра мне достанет, а Вы тут отдохнете, Ваше благородие, здесь люди хорошие — земляки. Ну что ж, поживем, увидим, что даль-

ше. Прожил я у них до 14 дек[абря] 1917 г., за эту неделю я бродил по улицам Петрограда как настоящий товарищ, был на митингах в Соляном городке, видел всех «вождей» революции, т. е. видел Ленина с его калмыцкой рожой и бегающими мышиными глазками, видел Троцкого, тип настоящего жида-торговца галантереей или портного, видел Каменева с красным одутловатым лицом, видел Луначарского — тип вечного близорукого студента, видел Коллонтай — тип из разряда содерж[анок] публичного дома хорошего тона, видел толстую рожу Крупской, видел Сталина с его крючковатым большим армянским носом и глазами сытой свиньи, в общем на взгляд какая-то шулерская компания, ни одной честной рожи, а этого Дыбенко, ведь это хорошо упитанный боров с серьгой в ухе, с толстой красной рожой. «Крысы русской революции». Были среди них и симпатичные лица с изящными манерами, типа пшютов²⁸. Невольно вспомнил я 1905 год, когда я был выбран делегатом на Всероссийский жел[езнодорожный] съезд, а я по рождению и по образу моего воспитания и идей был демократ, и вот когда я увидел всю эту мразь, засевшую во дворцы с желанием властвовать над мужиком и рабочим, решил, что мне с этими демократами не по пути, и я дал себе слово бороться против ихнего произвола до конца моей жизни. Наконец-то мой приятель Петр Савельич (солдат) достал мне пропуск: в Пропуске значится, что Ефрейтору 156 Елизаветпольского пех[отного] полка 5 роты Петру Савельеву Брагину разрешается выезд из Петрограда в свой полк как окончившего полит[ические] курсы. «Так вы уже, Ваше Благ[ородие], осторожней, не забудьте, что Петр Брагин», проводил меня до вокзала, я же с самым революционным видом, т. е. шинель без ремня и т. д., поднялся на крыльцо вокзала и на вопрос ст[аршего] крас[но]гвар[дейца] долго шарил по карманам, затем, не торопясь, вытащил завернутый в платок пропуск, старший посмотрел на печать и сказал: проходи, товарищ. И вот я на вокзале, тысячи солдат мечутся туда-сюда без толку, пассажирские поезда на Москву переполнены до отказа, люди сидят даже на крышах, а ведь декабрь, сходил к коменданту, офицер по виду, решил просить его также открыто. Так и так говорю, т. Комендант, у меня украли бумажник и проходное свидетельство в гор. Омск, не будете ли добры снабдить хотя бы каким-нибудь документом, хорошо, говорит, придите через час, еще успеете, поезд на Сибирь идет в 6 ч. вечера. Почему-то не лежало мое

²⁸ «Пшют» — устаревшее, пренебрежительное слово, которое означает «пошляк», «фат», «хлыщ».

сердце идти через час, решил я ехать без документа коменданта, кое-как дождался вечера голодный. Наконец звонок и сторож кричит: поезд на Сибирь на восьмом пути, много людей бросились на восьмой путь, по виадуку за ними и я, громадн[ый] состав теплушек, забрался в одну на нижнюю полку и измученный заснул как убитый, проснулся ночью, стоим на какой-то станции, опять заснул, проснулся опять на станции, решил вылезть, купить что-нибудь, был голоден как волк, прошел по перрону и около станции нашел человека, продающего колбасу, купил 2 фунта по 40 р. керен[ками], вернулся в вагон, улегся и лежа съел почти половину колбасы, оказалась картошка и немного мяса, ну да сыт, а там видно будет, подумал и заснул; проснулся на ст. Вологда, вечером на другой день здесь уже было гораздо свободнее, в вагон[е] и на ст. продавали хлеб 20 руб. фунт, купил, наелся до отвала и в вагон. Через час поезд отправили, дорогой поднялся спор и крик на верхних нарах, хотели выбросить одного молодого солдата (как я думаю, ряженный офицер, как и я). Я вступил в спор, принял сторону молодого и заявил им: так как я принадлежу к партии большевиков и окончил курсы по политике, то и прошу во имя революции этого контрреволюционера дать мне, а в Вятке я его передам в комитет. Все время разговора я держал руку в кармане, приготовил Браунинг и в случае отказа хотел пустить его в ход, оба револьвера были заряжены полностью, так что я мог их человек 14–15 ухлопать. Ну, да все кончилось благополучно. По прибытию в Вятку вечером. Я вывел моего соседа, прошли в станцию, спросил его: есть деньги? Есть, говорит, 200 руб. Ну идемте, говорю, в буфет, пришли, попросили ужин, съели, он хочет платить, нет, говорю, заплачу я, а куда вы едете? В Сибирь! Кто Вы? Прапорщик Зверев, говорит, ну так вот что, говорю, я тоже с липовыми документами, но меня еще не раскрыли, вам же опасно ехать в этом эшелоне, оставайтесь здесь и поезжайте с другим поездом и, если будете в Иркутске, заходите Преображенская, 17. Назвал свою фамилию, и мы, пожав друг другу руки, расстались. И больше я его не видел, в Иркутске он не был (до сл. письма).

Под конец же письма вспомнил, что скоро Пасха, поэтому, дорогие мои Тамара Семеновна и Борис Борисович и Слава; я, Викторiana, Тамара и Димитрий сердечно поздравляем Вас с Высокоторжественным праздником Св. Пасхи и от души желаем вам в радости и веселии провести оную.

Воистину Христос Воскрес!

Остаемся Ваши искренние и уважающие Д. В. Т. д. Решетниковы.

Борис, пошли мне кое-что читать!

И обещанную книгу жду

окончено Д. Р.

2 апреля 1936 года

Ты прости, что писал долго это письмо, зато 10 листов, я думаю, что надоест читать.

Д. Р.

Получено 5/8/36

12-VI-1936.

Goiaz

Дорогие Тамара Семеновна и Борис Борисович!

Посылаю Вам наше от души сердечное пожелание здоровья Вам всем. Жизнь наша течет по прежнему руслу мещанского благополучия, я же сейчас по горло занят на моей земле, сажу, копаю, рублю дрова как германский отст[авной] император Вильгельм II, правда, с небольшой разницей, он рубит от скуки, а я ради хлеба насущного, Тамара уже ходит, очень любит ночью смотреть на звездочки и луну, звёзды она зовет «сёзы», луна — луа, лошадь для нее почему-то «вавака», любит также журналы, переворачивая страницы, она быстро говорит «биз-биз-биз», она слышит, как я читаю, поэтому копирует меня, также и с едой, когда я пью кофе, она также хочет пить и говорит «da leite» = «дай молока», пьет маленькими глотками и с хлебом, точно, как я пью кофе.

Тороплюсь закончить это письмо, дабы послать вместе с большим пакетом моих записок. Всякие работы я прекратил, сейчас очень занят с землей, там у меня рубят, копают, жгут и т. д., готовлю к посадке 5 русских десятин, хочу садить табак, кукурузу, рис и виноград, а также делаю гряды для посадки капусты, томатов, редиски и т. д., дрова продаю, продаю сах[арный] тростник, сладкий картофель и т. д., в общем работаю, насколько хватает сил.

Моя половина = Викторiana даже сердится, говоря, что я больше люблю быть там, чем дома, и что не хочу даже повозиться с Тамарой как ранее, ну, да все это пустяки. Наш искренний привет Вам Всем, т. е. всей Тройце, т. е. тебе, Тамаре Семеновне и Славочке. Жду от Вас газет или книг старых, Борис, жаждущего утоли! Д. Р.

Goiaz.
18 Июля 1936 года.

Дорогие!

Тамара Семеновна и Борис Борисович. Давно собирался послать Вам фотографию моей дочурки и только сейчас нашел возможность это сделать. На фотографии Тамара снята, когда ей было 1 год и 5 месяцев. Не хвастаясь, скажу, что дочурка моя красавица и умница, лепечет сейчас на 2 языках, т. е. на Русском и Бразильском говорит почти всё и довольно правильно, даже произношение по-русски — чистое. Я, Благодарение Все-вышнему, очень доволен моими детьми, Димитрий также быстро растет, хочет догнать Тамару, мальчишка довольно забавный, пускает пузыри и старается что-то говорить, но еще не понятное. Получил ли ты, Борис, мою посылку (записки). Я сейчас очень занят на своей земле, поэтому почти забросил писать, но все-таки листов 20 из бразильской жизни есть, думаю, что на 10 листах я допишу до настоящего времени.

НВ. Здесь же посылаю 11 листов, Бразилия²⁹. Д. Р.

Очень много работаю на земле, сейчас сажу апельсинные деревья и уже посажено мною 500 деревьев. Посажено также 5400 ананасов, в октябре буду садить виноград, думаю посадить 2000–3000, в сентябре посею рис, кукурузу и табак 3 гектара, т. е. каждой 1 гектар. В августе — сентябре и октябре буду готовить гряды под огород, и буду в феврале садить морковь, капусту, лук, помидоры и т. д. Ах, Борис! Как жалко, что я немножко стар, ведь скажу по секрету, мне ведь в октябре 50 лет стукнет, ну и сил прежних-то нет, под вечер устаю ужасно, ломит поясницу, болят ноги, Викторiana советует, конечно, беречь себя ради детей, как она говорит, но, а если я не буду работать, то чем они будут жить в будущем, если я умру, вот тут, брат, и думай как знаешь. Правда, что просить милостыню мои дети не пойдут, имеют дом, виноградник дает доходу в год 3.000 мильрейс, это 250 в месяц, на эти деньги прожить здесь можно, поэтому-то я и хочу, чтобы мой доход дошел до 12 тысяч мильрейс или, как здесь говорят, двенадцать контов, на это уже можно жить хорошо, поэтому-то я так усиленно и работаю и если я в 2–3 года посажу всё, что я надумал, то мой доход с оплатой всех расходов даст 20 контов, т. е. более 1.000 америк[анских] долларов,

²⁹ См.: Воспоминания.

ну и тогда, конечно, и я отдохну, работать уже не буду, а только ука- зывать, т. е. руководить, но если же вспыхнет национальная революция в России, конечно, все продам и двинусь туда на борьбу с изуверами. Мы часто с женой вспоминаем Вас. Жена сетует, что редко пишете, она по-русски еще не научилась как следует, а из пятого в десятое. Живем мы дружно, даже не ссоримся, как ни странно, но я до сих пор не знаю бранных слов. Т. е. знаю, как-то (Осел — Бурру), (Собака — Кашоро), Каналья и Каналья, как по-православному, я думаю, что слово каналья на всех языках одинаково. Полковник Ефимов присылает мне изредка газету «Россия». Писем же от него получил только 2. Посылал ему журнал здешний, так просил больше не посылать, говоря, что только посмотреть картинки, а что написано, он не понимает, ну и поэтому малоинтересно. Ты же, Борис, если хочешь посмотреть картинки, то я могу послать. Пиши! С этим письмом я думаю послать тебе кое-что из Бразильской моей жизни, но только думаю, мало интересного работать в С. Пауло, в Парана — исколесил почти пол-Бразилии и вот судьба — засел в этой трущобе Гоязе, и знаешь, мне это отчасти нравится, нравятся эти здешние сеньоры, которые щеголяют со шпорами на босой ноге, и эти контрасты, ты только подумай, у соседа воеет радио, 2 раза в неделю прилетает аэроплан, почта, а дорога во время дождей непроезд- на, и другой сосед (претендующий на образование) меня спрашивает, а далеко ли эта China, дальше, чем эстадо Пернамбуко? Смеясь в душе, я ответил, что гораздо ближе, сразу же после Сан Пауло! Странно, сказал он, я близко [от] С. Пауло, China не слышал. Не было случая, говорю! А эти серенады, а еще забыл тебе написать про танцы. Назы- ваются они Танцы Дивино, т. е. танцы Всемогущей Троицы, заключаются они в следующем: собираются 15–20 парней, черных, конечно. Делают себе индейские костюмы, ну и как наши ряженные, ходят из дому в дом, где и пляшут, разыгрывают комедии, все это делается ночью, почти до утра, все эти лодыри целый месяц не работают, а пляшут, им полагается давать водку, угощение и даже деньги, и ты подумай, это в век Радио и авиации, и что еще странно, они все, т. е. и доктора и другие грамот- ные, смешивают Великую войну с войной Бразилии с Парагваем, и когда узнают, что я был на войне и офицер, то почти каждый задает вопрос, не знаю ли я маиора или капитана такого-то, который-де тоже был на войне. Я, конечно, с серьезным видом говорю, что да, знаю, что я-де после одного дождя вместе с ним у костра сушился, промокли ужасно,

ну еще говорю, на это время бобов и мандиоки не хватало, так варили солдатские ботинки. И вкусно было? Ничего, говорю, есть можно, Ты знаешь, что я по натуре не комик, а тут какое-то дарование нахожу, с открытыми ртами смотрят на мои раны и удивляются, что я еще жив. Знаешь, в жизни моей не думал, что за границей найду таких сиволапых мужиков, думал раньше, что только у нас в России сохранился этот тип мужика, интересно их здесь называют Капира (Caipira), очень меткое выражение, это означает мужик-вахлак, т. е. придурковатый.

Поэтому-то мне здесь и нравится, еще ты знаешь, что здешний дом получше называется и пишется паласет, т. е. дворец, а этот дворец без потолка и [с] глинобитными полами, поэтому я на вопрос «где живу?» серьезно отвечаю: «Паласети Russo!», и знают, что действительно мой дом — паласет, потому что имею стекла в окнах, крыша крыта французской черепицей, веранда, сад, гараж, правда, не оконченный (храню дрова). Двери филенчатые, полы под паркет в зале даже натертые, жена запрещает даже мне входить туда в ботинках, а только в туфлях. А за сим (как писали в старину) почтительнейше припадаю к ручкам Тамары Семеновны, обнимаю тебя, друже и кум, и от души желаем Вам от Господа Бога счастья и здоровья. Ваши Д. Вик., Там., Димитр. R.

Boris-Borisovich!

Получил от тебя сегодня рукопись моих записок, обработанных тобой. Ну, брат!

Ведь ты, дорогой, настоящий волшебник, из моих сумбурных заметок сделал действительную повесть, пишу это, дабы ты знал, что я получил ее, подробно же напишу тебе в следующем письме через неделю.

Борис! Я не знаю слов для благодарности, да их и нет на бедном человеческом языке — я очень и очень рад. Вещь очень удачная. Меня же ты захвалил, брат, и самородок-то я и медовый-сахарный, я же думаю, что я и наполовину не такой, а просто хочу жить.

Ну, до следующего письма.

Твой преданный Дмитрий.

Письмо-то посылаю большое, тяжелое, ну, экономлю на марках и бумаге, поэтому пишу на лоскутке. Мои же примечания я пошлю через неделю, но даже и их не потребуется много, получил ли ты мою рукопись

о Китае и Гирине³⁰? А также пленки фотографические? И можно ли их будет обработать?

Вообще же все это на твое полное усмотрение, «card blanc», как говорят и пишут, а знаешь, Испанские-то дела ведь не на шутку, и там товарищи показали себя. Я тебе пошлю наш журнал с испанскими видами революции.

Покойной ночи, 12 часов уже.

14 Сентября 1936 г.

Гюз.

P.S. Пишите, я жду ответа на вопросы! И пошли что-либо читать, я ведь книжный шкаф сделал и положил основание библиотеке для детей моих.

Дорогие!

Тамара Семеновна, Борис и Славочка. Я, Викторiana, Тамара и Дмитрий-сын, шлем Вам от души искренний привет и желаем Вам здоровья, сил и успеха в делах. Наша же жизнь течет по прежнему руслу реки времен. Крестница Тамара растет довольно быстро, говорит почти все, очень забавная, ужасно любит кататься со мной на лошади. Дмитрий тоже уже говорит слово «мама», и далее на языке предков наших, т. е. непонятно, и тоже занятный мальчишка. Я работаю на своей земле, т. е. сажу, копаю, посеял 2 десятины рису, 4 десятины кукурузы, 1 дес[ятину] табаку, сделал большой огород, но садить буду в декабре = картофель, капусту, редиску, морковь и томаты.

Дорогой кум и друг, все работы я забросил и поэтому в денежном отношении туго, на землю я уже издержал 4 тыс. милреис и сейчас высчитываю, что я получу риса, сниму в среднем, по моему подсчету, 640–650 пудов, оставив на мои потребности 50 пуд., я 600 пуд. продам на 1800 милр., кукурузы продам на 1200–1400 милр., огород мне

³⁰ **Гирин** — город на северо-востоке Китая. После поражения Белой армии использовался как самый крупный лагерь русских войск, во главе которого стоял генерал М. К. Дитерихс. В течение 1923 года войска Земской рати, находящейся в Гирине, были переведены на положение беженцев, которые разъехались в Харбин, Шанхай и другие города. Согласно донесениям ИНО ОГПУ, русская колония в Гирине существовала и после расселения армии по городам Китая.

даст 2000 мильр., апельсины дадут 3 тыс., ананасы 2100, и другие фрукты 800–1--- мильр., в общем 10–11 тыс. мильр., расход же следующий: 2 рабочих по 100 мильр. в мес. = 2400, семена 300, удобрение и химическ[ие] продукты для дезинфекции 300, инструменты 500, 2 лошадям корм 240, вот и все — итого расхода 3740 м., значит для меня остается от 6 до 7 тыс., да мой виноградник при доме 3000, значит 9–10 тыс., а это уже недурно. Кроме того, я думаю ананасов посадить до 15–20 тыс. Сбыт здесь есть. Ухода за ними почти никакого. Затем буду садить виноград, думаю посадить 5 т. кустов, пней, как говорят, и если я посажу это в течение 2–3 лет, то согласно закона, получу от правительства премию по 2 мильр. за куст, т. е. 10 тыс. это будет уже и на моей улице праздник.

[концовка письма утрачена]

20 Ноября 1936 г.

Goiaz

Дорогие

Тамара Семеновна и Борис Борисович. Поздравляем Вас всех, т. е. Тамару Семеновну, Бориса Борисовича и Славика, с светлым и Высокопраздничным Праздником Рождества Христова и Новым 1937-м годом, сердечно от души желаем Вам провести их в радости и веселии. Поздравляю также всех наших (грудкинцев). Кум Борис! Прошу великодушно меня простить за долгое молчание, с этим письмом посылаю тебе письмо, написанное 15 сентября с/г и мною не отправленное по следующей причине. Как ты знаешь, я кое-что смыслю по пароходной части, а к нам сюда приехал один голландец Кено, который хочет строить на реке Арагваие (Парагвай. — А. О.) три парохода, поэтому он пригласил меня с собой для осмотра реки, постройки пристаней и т. д., обещая за все хорошо заплатить.

Я хотя и с неохотой, но согласился, и 17 сент[ября] мы в сопровождении 8 чел. выехали на 2 автомоб[илях] в Лкополдино, 200 кил. от Гояза, а затем нашли там большую лодку, приспособили мотор и я стал капитаном этого судна «Есперанса» (Да, кстати, в моей Шанхайской Биографии по забывчивости пропущено мое служение на пароходах в 1926 г., когда я плывал 3½ мес. в качестве сагентер'а), ну так вот, это здесь мне пригодилось отчасти, сразу же завел морскую дисциплину, научил их всех отвечать «иес, сэр!», ну и дело пошло, спустились мы вниз по реке 1300 километ. до порогов (Кашугира они здесь называются), так как река

Арагваия широкая, но в сухое время мелкая, поэтому пароходы нужно строить плоскодонные и мелко сидящие, что я и высказал, пристани же нужно строить плавучие, т. е. баржи, так как вода во время дождей поднимается до 14–15 метров. На все это потребовалось для нас 27 дней, на обратном пути Кено решил исследовать большие притоки реки, т. е. река Агуяра и Река Мертвых («Rio das Mortas»). По реке Агуяра мы поднялись на лодке на 318 кил., а дальше плыть было невозможно: пороги, водопады, камни и индейцы, могу с уверенностью сказать, что я был там, где европейцы не были, мы были окружены самыми свирепыми и непримиримыми индейцами «Шаванти» — Chavante, мои спутники, получернокожие молодцы, ужасно боялись, поэтому спали мы все на лодке, на середине реки, я завел часовых, мы были хорошо вооружены: 8 винт[овок] Маузера 20000 патрон[ов], 4 револьвера Смит-Вессона кал[ибра] 44, т. е. маленькая пушка. К счастью, все обошлось благополучно. Правда, один раз чуть было, я с Кено не влопались, мы отошли от реки 500–600 метров, я был с винтовкой, и Кено с Маузером-пистолетом, я шел впереди и вдруг заметил шагах в ста убегающую фигуру высокого голого человека с длинными волосами и красной кожей (индейцы красят тело одной растительной (трава) краской — это для защиты от комаров), далее я заметил, как по сторонам убежавшего индейца шевелятся ветки, поэтому я полушепотом сказал Кено «ложитесь», мы легли, и только успели лечь, как характерный свист стрелы, напоминающий шипение змеи, и стрела над нашими головами впилась в дерево, да так, что я ее не мог вытащить. Определил я направление и дал 2 выстрела низких, а затем говорю, что нужно уходить, сперва ползком, а затем на четвереньках мы собрались до реки, где наши уже были все ужасно встревожены и чуть нас было не пристрелили с перепугу. Кено дальше не очень-то понравилось оставаться здесь, и мы спустились в Арагвайю, через 2 дня были на Rio das Mortas, здесь индейцы уже цивилизованы, знают цену деньгам, а женщины уже стыдятся появляться голыми, а закрывают стыдливые части куском тряпки, Кено захотел снять группу индейцев, так один из них заявил, что нужно заплатить каждому из них 5 мильр., стрелы, копыя, луки не меняют как ранее, а продают: стрела 2 мильр., копые 10, лук 20, так что я заявил, что буду в Гоязе делать копыя и луки и продавать иностр[анным] дуракам за индейские.

В общем цивилизация уже проникла к ним, среди них есть уже сифилитики — это ли не прогресс, в общем я хохотал каждый раз, когда Кено постигала неудача с обменом и он обиженно заявлял: «так зачем

пишут, обманывая, что все дешево и только обмен». 2 ноября прибыли мы в Леополдину, а 8 н/ст., т. е. в день моего рождения были в Гоязе и я слег больным, простудился, и лихорадка, так что неделю провалялся в кровати на радость эскулапу и аптекарю. Сейчас же чувствую себя хорошо, но Кено оказался каналья и за 2 почти мес[яца] заплатил мне всего 800 мильрейс, я же думал получить 2000, поэтому мы разошлись холодно, кроме того, я ему еще сказал, что он не голландец, а похоже, жид, ведь подставлять свою голову под стрелу за 400 мильр. в месяц дешево как будто, кроме того, я составил ему богатую коллекцию деревьев более 180 видов, нашел много кристаллов, намыли мы 19 грамм золота, да вообще, я был и капитан, и ботаник, «и швец и жнец и на дуде игрец».

Земля моя уже засеяна, засажена и начались уже дожди, и поэтому очень много работы на заимке по чистке от сорных трав, которые здесь растут очень быстро, дохода пока еще нет, расход же порядочный, 3 рабочих ежедневно, а мой заработок очень небольшой, поэтому сокращаем расход по дому. Борис, ты давно уже не посылал мне наших журналов, газет, пошли, Бога ради! Я все перечитал уже 15–20 раз. Как у Вас там реагируют на дела Испанские, где красные распоясались было, ну и вкладывают им националисты ген[ералов] Франко и Моли. Бразильские газеты пишут, что много-де русских эмигрантов помогают националистам. Я же лично доволен, что скоро, скоро начнется и у нас в России, ну, а так, держись, Красные. Еще раз привет всем от всех нас. Викторинны, Тамары, Дмитрия-сына и меня.

Остаемся по [нрзб] Вас уважающие.

С Праздником! Д. Решетников.

1937 год

Получено 30/6/37

Goiaz

9 мая 1937 года.

Дорогие!

Тамара Семеновна и Борис Борисович.

Я давно Вам не писал, был в лесу почти 3 месяца, что называется, зашибал деньгу, но зашиб-то не много, а возвратился-то больной, про-

студился и на этой почве на ноге открылась старая рана, поэтому передвигаюсь с костылем, т. е. с палкой, сейчас уже лучше, много помогли горячие ванны, ну и конечно, снадобья латинской кухни. Думал, что по приезде домой найду кое-что от Вас, но мои ожидания были напрасны, нашел я только пачку газет от Ефимова из С. Франсиско. Он меня не забывает. Сейчас в лес я уже не поеду, буду работать у себя на земле, садить и сеять. Жена моя вам посылает привет, она, сла[ва] Создателю, здорова, детишки растут, Тамара уже говорит хорошо на двух языках, ей уже 2 года и 5 месяцев, Дмитрий уже ходит и тоже говорит на всех языках, за первую храбрую попытку ходить я произвел его в канониры со старшинством 29 февр. 1937 (этот год не был високосным. — А. О.) года, в общем он доволен, потому что, когда ему что нравится, он кричит «ия! ия!», мальчишка растет здоровый, веселый. Тамара же немного слаба, жизнь наша течет, как по руслу реки, ведь ходить мы никуда не ходим, изредка в кино, да и то, когда идет картина с Русскими артистами, других развлечений в городе нашем нетути. Я сейчас много сажу винограду и к осени буду иметь 5 тысяч пней, т. е. кустов, уже посажено 250, апельсин[ов] посажено 312, ананасов 11 тысяч, думаю, посадить ананасов 20 тыс., апельсин[ов] 500. Ну, конечно, большой огород, масса помидор[ов], редиска, сладк[ого] перца, баклажан, спаржи, капусты 15 гряд, картоф[еля] ½ десятины, гороху тоже, рису 1 десятина, в общем запас всего более чем на год и, кроме того, посылаю продавать вразнос на улицах.

Так что на 20–25 мильрес в день, что за вычетом расходов дает приблизительно 10–12 мильр. дохода. Жизнь стола, конечно, лучше, так что молоко, масло сл[ивочное], сметана, сыр имеется всегда. Мне доктора запретили есть мясо, поэтому, значит, на зелени и молоке, т. е. на подножном корму, зрение стало очень слабое, без очков не могу читать, даже вообще работать трудно без очков. Да, дорогой кум! Года-то уходят, а детишки-то еще малые, ну и приходится работать много, мне ведь в октябре будет 51 год, не кот наплакал, столько годов прожить, переписки я ни с кем не веду, русские в наш тигровый угол не заглядывают, далеко от жел[езной] дороги. Да, Борис, очередная просьба к тебе, пошли, пожалуйста, что-нибудь для чтения, ты сделай там сбор в пользу духовно голодающего и пришли мне, а то ведь я абсолютно забуду русский язык и еще прошу тебя, пришли ты мне, Бога ради, орденских ленточек Владимира, Анны, Станислава, Георгиевской каждой ленточки по четверти,

хочу я сшить себе на случай форму, ну и, конечно, нашить ленточки, это чтобы здешние немцы не кичились своими ленточками, будь добр, пошли, пожалуйста, я буду ждать, получил ли ты последнее письмо? Отправленное в декабре пр[ошлого] года.

От тебя же я не получал почти 8 месяцев и хочется, конечно, знать, что и как там у Вас, как растет Ваш Славик? В общем я с нетерпением жду от тебя письма и газет, а также обещанную фотографию. Викторiana говорит, что Вы нас «забили», она ведь до сего времени еще не научилась говорить, как следует, на нашем прекрасном языке, ну и говорит вместо забыть — забить или «нишаво», «корошо», вообще потеха с ней, я хохочу, а она сердится.

Мой искренний привет всем нашим, Тамаре Семеновне целую ручки и крепко жму твой, поцелуй за меня своего Славика!

Ваш Дмитрий Решетников.

Описание пленок.

№ а — Памятник Русским, умер[шим] в Шанхае в войне 1905 г.

№ 1. Б/п (бронепоезд. — А. О.) Тайшан на позиции.

№ 2. Я в форме кит[айского] офицера.

№ 3. Наши вестовые б/п Пайшан.

№ 4. Наши песенники.

№ 5. Наша разведка занимает станцию.

№ 6. Кит[айская] пехота на марше у Танчжоу.

№ 7. Кит[айский] эшелон среди пути (нет воды у паровоза).

№ 8. Кит[айские] торговцы у б/п.

№ 9. Б/поезд у ст. Танчжоу.

№ 10. Наш поставщик яиц.

№ 11. Вход в Кит[айский] монастырь у Цинана.

№ 11а. Там же алтарь.

№ 12. Заряжание орудия б/п Ан Чен.

№ 13. Носка воды из озера на паровоз эшелона.

№ 14. Команда б/п на занятиях в поле. Недалеко от Лояна.

№ 15. Бой близ реки Желтой (резервы).

№ 16. Русские на походе после брошенных поездов Лоянской ж. д.

№ 17. Киданск. Бога монаст[ырь] у Цинана.

№ 18. Эвакуация Пенгпу.

№ 19. Вахмистра б/п Тайшан.

- № 20. Панихида (военный городок в Цинане).
№ 21. Китайские солд[аты] раненые, на бронепоезде.
№ 22. Маршал Чжан Зу Чан осматривает войска, снята в Мачане.
№ 23. Могила подполк[овника] Л. К. Припуты.
№ 24. Пулеметная рота на смотре (китани³¹).
№ 25. Японские корреспонденты в Танку.
№ 26. Прибытие марш[ала] Чжа Зу Чана на ст. Лютай. Русский почетн[ый] караул.
№ 27. Прибытие (г.-м. Трочковского с б/поездом) Чан Чен.
№ 28. Мост через реку Желтую у Цинана в последний момент перед взрывом.
№ 29. Б/п на ст. Ханку, после Тянзина.
№ 30. Китанские³² домики у моста через р. Ханку (fort de Uv.).
№ 31. Наши инвалиды. Снята в Лютае.
№ 32. Резервы у моста р. Желтой.
№ 33. Не дураки выпить — кап[итан] Шапошников (Флястик) и (майор= вахмистр Лысков).
№ 34. 1-е орудие, команда орудия.
№ 35. На вечерней перекличке, ст. Мачан.
№ 36. Кит[айские] раненые на площ. б/п у ст. Танку.
Далее будут пленки путешествия в Бразилии и жизнь в Бразилии.

Получено 11/11/37

20-го авг. 1937 года
Goiaz.

Наши дорогие Тамара Семеновна и Борис Борисович. Вот почти уже год как я не получаю от Вас ни строчки, грустно мне и я не знаю, что думать, здоровы ли вы? Что у Вас нового? Как твои литературные дела? Как издание новых книг? Каюсь, что и я пишу редко, но мне нужно работать и работать, семейство прибавляется, думаю, в конце этого месяца еще будет новый член семьи, кроме того, сейчас приходится работать очень далеко, я с января до мая м[еся]ца был за 1700 килом. от Гояза на реке Токантинс и даже был там, где еще не были белые, т. е. европей-

³¹ Вероятно, китайцы.

³² Вероятно, китайские домики.

цы, на Рио Шаванти, где кочуют индейцы «Каража», нужно было сделать маршрутную съемку 420 километров, ты, Борис, можешь вообразить эту работу по дороге, а я ее сделал по тропе, а то и по целине, шли с проводником от одного тригоном[етрического] пункта к другому. Проводник часто сбивался, нужно было возвращаться назад, брат, приблизительное направление по допотопной топографической карте, а карта без масштаба издана 65 лет тому назад, ну и наврано в ней до ужаста, я за это дело получил 6 тысяч мильрейс, вернулся больной, простудился, ну, пролежал месяц в постели, сейчас мне хорошо, мой виноградник — одна красота в этом году, в июле жена сняла винограду до 100 пудов, часть продала, часть обратила в вино, поэтому в сентябре буду разливать, думаю, будет 240–300 бутылок, для меня, конечно, праздник, буду пить собственное вино каждый день, бутылка, ты знаешь, Борис, я хоть и старею, но выпить-то как и ранее (мастак — как говорили у нас в Сибири), но одно могу сказать, что водку Бразильскую не пью, противная как китайская хана. Апельсин[ов] в этом году снял мало, 2 тыс. с чем-то, ананасов снял 640, сейчас хорошие результаты дает огород, я посадил много капусты, репы, моркови, картофеля, помидор[ов]. Израсходовал я на семена и на рабочих 1800 мильр., сейчас каждый день продаю на 30–40 мильр., думаю, тоже заработать на огороде 2,500–3,000 мильрейс.

Кукуруза меня подвела, было посеяно 2 десятины, дождей выпало мало, и я снял всего 300 пудов (акробас). Имею две лошади, одна хорошей породы «андалуз», раса похожая на наших Донских, другая лошадь очень выносливая и сильная, возит дрова, овощи и т. д., держу в имении 2 рабочих только, сейчас думаю нанять 3–4 чел. для подготовки земли под кукурузу и рис, да рису я снял 86 мешков, продал 60 по 40 мил. мешок. Довольно хорошо продал и, кроме того, сейчас, что я покупаю, это хлеб, сахар, мясо, остальное имею. Правда, не имею коровы, молоко тоже покупаю, покупаю кофе, банан[ы] и продаю в неделю на 20 мильр., в общем могу сказать, что нужды больше не испытываю большой, с долгами расплатился и сейчас никому не должен, послал в июле 50 мил. инвалидам во Францию, а когда в январе сниму виноград, пошлю в Сербию инвалидам, в Шанхай инвалидам пошлю в будущем году, если Бог поможет. Политическое положение в Бразилии очень скверное, здесь большевики ведут громадную агитацию, и я думаю, вот-вот будет восстание, одно уже было в 1935 году, было, правда, подавлено правительством, ну а сейчас снова ползут слухи, а толком никто ничего не знает, правительство же никаких

мер не принимает. В нашей организации фашистов бразильских = «integralistas» идет усиленная предвыборная кампания, я со своими прохожу курс строевой службы, сейчас рассыпной строй и окопное дело, и так натренировал, что хоть куда рассыпаются, рюют и применяются к местности лучше, чем солдаты действ[ительной] службы, моя милиция имеет 167 чел. и называется батальон Камизас Верди, т. е. батальон зеленорубашечников. Я в общем ими доволен, вот каковы будут в бою, не знаю, но если будут исполнять как на занятиях, то будет недурно. Ну, да думаю, что до драки не дойдет, ведь здесь в Южной Америке все революции опереточные, т. е. много шуму на словах, а затем все кричат «Viva Brasil!» и кончена революция на 4 года, т. е. до новых выборов.

Наш кандидат Плинио Сальгадо, вождь интегралистов, парень энергичный, и думаю, что будет как Гитлер в Германии. Ты знаешь, Борис, что в Бразилии 42–45 миллионов населения, а выборщиков всего-навсего 3 миллиона, за нашего будут голосовать по приблизительным подсчетам 1 миллион членов нашей организации, 1.600.000 чел., но почти половина не уча[ст]вует в выборах по безграмотству и наберется тысяч 200 сочувствующих, интегралисты имеют в Бразилии 3240 отделений «nucleo», издаем 34 газеты, 8 журналов, открыли 1800 школ бесплатных, у нас работают до 500 врачей, 300 дантистов, имеем 60 питат[ельных] пунктов, где также выдают молоко для детей и одежду для бедных. Выпустили в продажу по дешевой цене (себестоимости) до 100 книг, наша секретная полиция работает лучше правительственной, и наши следят за каждым шагом коммунистов, коммунисты в свою очередь стараются как можно больше вредить нам, надевают зеленые рубахи, скандалят и безобразничают на улицах и т. д., т. е. провоцируют публику. Ну, довольно политики, сегодня 12 сентября и [у] меня большой праздник, после годичного перерыва Викториана получила посылку от Вас, газета «Слово», 7 номеров [нрзб.] с/г. Ты видишь, Борис, там кляксы, это, брат, не вода, а мои слезы, слезы радости, рад я был как ребенок, стар уже становлюсь, из и нервничаю, значит, очень и очень рад, что еще не забыли вы нас, живущих в глуши Бразилии, а то ведь в последнее время все я передумал, как вы там, ведь у нас здесь пишут, что у Вас там творится какой-то Тихий Ужас и в газетах никак не поймешь, то ли Китайцы бьют иностранцев и японцев, то ли японцы бьют китайцев. Была даже телеграмма, что китайцами подорвано минами 3 транспорта и 1 крейсер японские, и что убито и утонуло до 50 тысяч человек, я, конечно, усомнился, но оспаривать в разговорах не

стал, думая, чем черт не шутит. К тому же за спиной китайцев орудуют ведь Красные, в общем не верил, сейчас же я уже прочитал в «Слове», как я думал. Наш искренний «привьет», как говорит жена слово привет, пишете, как вы живете и как ваш «Гаучо», т. е. «gaucho» = ковбой? Маленькие мои же, благодарение Бога, растут. Так что, когда получите это письмо, то нас будет не 4, а 5, потому что вот-вот прибудет еще один на пополнение 1937 года.

Ваш Дмитрий.

1938 год

Получено 6/4/38

22-I-1938

Дорогие мои!

Простите, пожалуйста, что долго Вам не писал, да уж такая штука, видишь ли ты, вышла, я написал к Вам письмо 1-го декабря пр[ошлого] года, а тут подвернулся случай сделать немного денег, ну я и уехал и забыл жене сказать, чтобы она послала это письмо к Вам, письмо-то я оставил на столе и она его видела, но без моей просьбы не открывала, поэтому оно и лежало до 18 числа с/м., когда я вернулся, так оно и лежало на столе, посылаю его вместе с этим. Большое спасибо за присланные газеты, я получил одну пачку газет шанхайских и 2 пачки своих, газету «Россия» из прочитанных газет, вижу, что у Вас там было по-настоящему, я, конечно, кое-что и читал из местных газет, но были такие небылицы, вроде того, что китайцы в одном бою уничтожили 3 крейсера, 15 аэропланов и перебили до 50 тысяч японцев, и все это произошло в городе Киангбанг близ Шанхая, ну, была чистейшая утка газетная, ну а Бразильяны-то все за чистую монету принимают. Я и не старался их разуверять, сегодня получил Ваши поздравительные карточки, за которые сердечное спасибо. На днях напишу Вам большое письмо и пошлю фотографии моей земли, а сейчас устал здорово. Да, Борис, и ты тоже зрением-то слабоват, как пишешь в письме, ай, ай, ай, какой стыд. Ну, брат, тебе-то бы еще рано, ну, а я ведь уже старый волк-то, ты подумай только, ведь в этом году, если бы я был в России, то юбилей бы был 30 лет военной службы, ведь я призыва 1908 г., это,

брат, не кот наплакал, кроме того, приходится работать при керосиновой лампе, потому что, где мой дом, на этой улице еще нет электр[ического] освещ[ения], ну а днем-то я еще без очков обхожусь, а тебе советую, покупай очки недорогие за 2–3 доллара Шанхайских и выбирай только очки для работы. Жена и дети также благодарят за поздравление и также сердечно Вам того же желают, т. е. Радости и счастья.

Ваш Дмитрий.

Получено 6/4/38

Печать Рио-де-Жанейро
23.2.38.

Goiaz
1-го Декабря 37 г.

Наши дорогие Тамара Семеновна и Борис Борисович.

Вот прошел уже год, а от Вас ни строчки. Что с Вами? Я из местных газет знаю, что у Вас там опять очередная война, так не дай Бог, не случилось ли чего худого с Вами, на мои письма я не получаю ответа, а посылаю их заказными, так что затеряться не могут, Христом Богом молю ответить хотя бы открыткой, а то очень уж на сердце-то неспокойно.

Мы живем по-прежнему, я уже больше не езжу на съемки, занят со своей землей, дело идет, хотя и не так хорошо, как думал, но что же делать, я уже ведь не тот, что был раньше, как говорится, «был конь да изъездился», зубов уже во рту осталось 8, борода и усы седые, так что смахиваю (когда небритый) 65–70 летним. Семья моя еще умножилась, и я уже имею 3 детишек: Тамара, Дмитрий и Вера, нехорошо это, конечно, на старости-то, но кисмет-судьба, как-нибудь дотяну до 60 лет, ну и все будут в школе, а там что Бог даст, конечно, хотелось бы видеть их среди русских, а вырастут нехристями.

Тамару я уже учу говорить по-русски, и она знает уже много русских слов, мне-бы букварь нужно достать, я ведь русский алфавит-то забыл, никак не могу написать по порядку, спутываюсь, да и не все буквы пишу, а потом, где это воткнуть ы, где э, где ю, хоть убей, не помню. Зрение мое стало слабое, пишу, читаю, работаю с роговыми очками, но все-таки еще работаю косой лопатой и граблями, ведь плуга я не имею и всю землю приходится копать вручную, а тут еще жара эта тропическая, ну,

рубаху-то хоть каждые 10 минут выжимай. Жена Вам посылает «привьет», говорит она по-русски отвратительно, Тамара гораздо лучше, это письмо пишу короткое, а вот скоро начнутся дожди, так напишу под шум дождя большое и водянистое, опишу Вам мою здесь борьбу с коммунистами и, как думаю, борюсь с успехом.

Дорогие наши. Поздравляем Вас с Светлым Праздником Рождества Христова, а также и с Новым 1938 годом и желаем Вам от Создателя всего и всего наилучшего, сердечно и заочно крепко Вас обнимаем.

Борис! Чует мое сердце, что этот год 1938-й несет нам освобождение от ига каторжников, еще раз крепко жму Твою руку и целую ручки Тамары Семеновны и Светику привет.

Ваш Дмитрий.

NB. Борис, не пошлешь ли что-нибудь читать, молю Христом Богом, я ведь в сотый раз перечитываю все и кажется...

NB. Скоро напишу другое письмо и также пошлю фотографии моих детишек. Димитрий как будущий военный уже начинает командовать Тамарой, у которой очень спокойная и...

NB. Да, жаль Суханова, скапутился «тольки»-то а? Царство Небесное ему. Борис, пошли это письмо по назначению в союз и передай привет всем нашим.

В Союз чинов 1-й Отдельной Стрелковой Бригады (Глудкинцев).

Господин Председатель.

Из далей Бразилии шлю Вам и моим бывшим соратникам мой искренний и сердечный привет и от души поздравляю Вас с Высочотрожественным Праздником Рождества Христова и Новым Годом. Из глуши Бразильских лесов шлю свой горячий привет и пожелание о скором возвращении на Родину. Слава России!

Шт. Капитан отдельного Арт[иллерийского] дивизиона 1-й Отд[ельной] Стр[елковой] Бригады

Дмитрий Решетников.

Штат Гояз

Бразилия.

Адрес: Goiaz — Brasil

D. Rechetnikow

Мои дорогие

Тамара Семеновна и Борис Борисович, прошу великодушно простить меня за молчание, был страшно занят на постройках, спешу пояснить, что землю я забросил. Какой из меня землероб! И сейчас вот уже месяц, как живу отдельно от семьи, правда, недалеко, 102 километра, я живу сейчас в городке по имени Иньумас и занялся я старым ремеслом. Т. е. строительством, взял две большие постройки и сейчас работа идет полным ходом, строю кинематограф за 160 тысяч мильрейс и 2-хэтажный дом за 75 тысяч и думаю обе постройки закончить до периода дождей, т. е. до Октября с/г. Сейчас спроектировал госпиталь на 50 кроватей, сделал расчет на 95 тыс., думаю, что работа будет моя, а также получил предложение спроектировать церковь, поэтому сейчас работаю ночами над чертежами и т. д., на прошлой неделе урвал день и поехал в Гояз, где пробыл 1½ дня, жена и дети, Слава Создателю, здоровы, жена просила послать ее привет Вам всем. Теперь думаю выписать ее сюда с детишками погостить, правда, квартиры я здесь не имею, живу в отеле, занимаю комнату, плата с=за стол и комнату 200 мильрейс в месяц, дороговато, но что делать, приходится по делу принимать людей деловых, и снимать частную комнату как то неудобно, но в общем жизнь идет полным ходом, а энергии у меня хватит, да и умом Бог не обидел, и если сделаю смету, то комар носа не подточит.

Получил от тебя, Борис, журнал «Луч Азии»³³ и 2 книжечки, жена все переслала мне, теперь посылаю их ей в Гояз, а также получил от Ефимова 2 пачки газет, одна твоя, а другая его лично газ[ета] «Россия»³⁴ за нояб[рь] прошлого года, для меня было очень кстати знать подробности похищения ген[ерала] Миллера, я о этом похищении читал в наших, но без подробностей, ну, дорогой мой, живу я 50 с лишком лет и никогда не думал, что в среде нашей военщины окажутся предатели высшей марки, какая подлость со стороны этого ген[ерала] и какая наивность наших руководителей и начальников, 2 аналогичных похищения — Кутепов, по-

³³ «**Луч Азии**» — ежемесячный журнал, который издавался в Харбине с 1934 по 1945 г.

³⁴ «**Россия**» — еженедельная газета, издававшаяся в Нью-Йорке с 1933 по 1973 г.

том Миллер и знаешь, я думаю, что все это делалось под покровительством французского правительства и полиции, ведь правительство там тоже полукоммунистическое с Лево́й Блю́мом во главе. А потом это наше миндальничание с коммунистами, ведь иника [нрзб], т. е. единственное средство на террор отвечать террором, а мы как кроты зарылись в свои дела и делишки и даже не протестуем громогласно, а как страусы голову под крыло. Знаешь, Борис, начинаю разочаровываться в военной эмиграции, слизни какие-то оказались, раньше я разочаровался в этой так называемой интеллигенции, была тоже склизкая, ну а теперь очередь за нашими военными душками, бывшими без кавычек, словом, единичные люди борются, а таких очень мало, ах, побольше бы нам Солоневичей. Ужасно мне хочется прочесть ихние книги с правдой о России, ну, пока заканчиваю. Посылаю тебе последние фотографии, снятые в июле с/г. в г. Иньумас, на них я и мой подрядчик кирпичных и штукатурных работ, он итальянец-фашист, имя его *Victorio Ferrasi-Baratella*. Целую ручки Тамары Семеновны, крепко обнимаю тебя и Славочку. Да, чуть не забыл, спасибо за «Луч Азии» и 2 книжечки сказок. Д. Реш[етников].

30 сентября 1938 г.

Дорогие наши Тамара Семеновна, Борис Борисович и Слава! Из глуши далекой Бразилии шлем наш сердечный привет нашим родным, куму и куме, и просим великодушно простить нас за редкие письма. Дорогой Борис! Я очень занят на работах, работаю день и ночь, днем на постройках, а ночью чертежи, так что ложусь с петухами и встаю тоже с петухами и начинаю разворачивать дело на весь штат, и мои чертежи здесь в большой славе, но чувствую, что еще слабоваты, выписал массу альбомов, но недоволен и поэтому прошу тебя, кум Борис! Если в Шанхае есть в книжных магазинах альбомы зданий, домов в стиле Модерн и недорого, будь добр, пошли мне, если ты в журналах увидишь фотографию какого-нибудь дома, типа «bungalow» или модерн, вырежь и присылай мне, за все буду тебе бесконечно благодарен, я сейчас работаю над двумя чертежами: одно здание суда, другое префектура, я уже имею принципиальное согласие, что эти работы будут мои, если я в расчетах не выйду из рамок сметы, а сказать по секрету, я смету здания уже знаю и поэтому не бью вслепую, а иду наверняка. И если заполучи[ть] эти работы, то по окончании можно подумать и об отдыхе, то есть съездить

в Rio de Janeiro и S. Paulo отдохнуть, вместе с этим письмом посылаю Вам фотографию моих детишек, Тамары, Дмитрия и Веры — справа налево на фотографии. Я скоро Вам напишу и это письмо заканчиваю с пожеланием Вам всех благ. Уже 2 часа утра, а я сегодня очень устал, да и пишу стоя, красным для чертежей, храни Вас Св. Троица.

Ваш Дмитрий Решетников.

NB. Вчера написал отвратительно, половина букв Русских, половина Бразильских, но посылаю. Прости, брат, разучился писать по-русски. Д.

1939 год

Получено 15/5/39

6-го Марта 1939 г.
Goiaz

Дорогие наши Тамара Семеновна и Борис Борисович и Славочка, простите меня, старого дурня, что пишу Вам очень редко, зашился я с работами с моими, я к тому же был болен, сказываются, знаете ль, эти всякие походы Ледяные и прочие, ну и все время то ревматизм, то еще какая-нибудь дрянь приключится, т. е., что называется, отрыгается, я и переливание крови устроил и уколов с патентованными средствами без числа сделал, и хоть бы что, ну и думаю, сейчас, что видно, старость это. В общем случае это логично, ведь 52 слишком стукнуло. Работал я эти месяцы как вол, т. е. ноябрь — декабрь пр[ошлого] года, январь — февраль этого года не был дома ни разу, к тому же начались дожди, нужно было хотя бы покрыть здания, а тут нехватка материалов и т. д., так что носился туда, сюда как угорелый, не заметил, как Рождество прошло, Новый год и Карнавал, сейчас же дома сижу с больной ревматизмом ногой, боль по ночам хуже, чем от ранения. Мои все, слава Всевышнему, здоровы и растут довольно быстро, я уже подумываю о перемене жительства, думаю, Борис, переехать на житье в Сан Пауло, потому что учить ребят здесь негде, а в С. Пауло есть и Русская школа, хочу я, чтобы детишки научились говорить по-русски, а то как-то странно, семья русская, а дети все ни бум-бум по-русски, поэтому я исподволь сейчас все подготавливаю, хочу ликвидировать дома, землю, и если очистится для меня 20 конта,

т. е. около 1.500 долл. Американских, думаю, что будет достаточно на первое время, а там видно будет, хотя, признаться, и жаль бросать все, что сделано моими руками, ты подумай, только я имею виноград. Продаю, сами едим вволю, другие фрукты тоже в обилии, вот и думаю, менять опять это на что-то призрачное и опять же нужно учить детей. Ты знаешь, или я по натуре, или еще почему-либо — русское образование считаю не в пример лучше, чем здесь, знаешь, как-то странно слышать здешних лицеистов 5-го класса, когда в разговоре с ними они не знают Тригонометрии, — физику проходят элементарную, физических приборов почти нет. О Всеобщей истории и Географии смутное представление, Геометрия — неполный курс. Священная История совсем не проходится, молитв не один не знает, но зато все прекрасно знают последние марши карнавала, самбы, и все венерические болезни (прости за дурн[ое] слово). Ты только подумай, девица из приличной семьи, окончившая колледж, свободно говорит в присутствии родителей о сифилисе, я как-то был в кинематографе и во время антракта вижу, одна из приличной семьи девица обмахивается от жары веером, ничего это, конечно, пусть обмахивается, но дело в том, что веер-то пропагандный, этих препаратов, и на веере крупными буквами выведено слово «Cifilis», это, брат, думаю, что хуже нудизма, т. е., как я убедился, здесь отсутствует чувство стыдливости, так присущее нам, или на купании приходят вот такие девицы и тут же рядом скинут все, и как Евы, т. е. ни капельки стыда. Я в таких случаях одеваюсь, ухожу скорей. Вот и хочется мне, чтобы мои дети не были похожи на здешних, ну а в Гоязе все такие бесстыдные, я получил от тебя газеты, журнал «Луч Азии». Книги получил 2 марта, за что шлю тебе свою искреннюю благодарность, прочел в одну ночь Чхеидзе «Страна Прометей» и в чувствительных местах слезы на глаза наворачивались, хорошо пишет хорошая поэтесса Соколова, тоже прочел ее поэму с большим удовольствием, если она в Шанхае и ты ее знаешь, передай ей, что и в глуши Бразилии она имеет поклонника своего таланта, дай ей, Создатель, долгой жизни. Наше Русское движение на освобождение родины, как я вижу из газет, на тех же рельсах, а реального нет ничего. Эх, брат, все мы начинаем мхом обрастать, а жизнь-то идет, спорим, кричим, галдим, а воз-то и поныне там же, раком, брат, пятимся, верна Русская пословица про лежачий камень, ведь и правда, вода-то под нас не течет, все эти клики, лозунги до тошноты приелись, ах, хоть бы нам небольшого Хитлера или ген[ерала] Франко и какого черта еще ждуть? Ведь почти 20 лет мы приготавливаемся и еще не готовы! Да скоро

ли? Просто стыдно за наших «вождей» и у вас там в Шанхае Генерал-Вахмистр Гл-в на темных делишках засыпался, а другие, Боже царя и — Вив ля Франсе в одно рыло и в два голоса выводят, у остальных же песок из известного места сыпется. Талдычат о каких-то Тихо- и Великоокеанских проблемах, а мировые вопросы решают, а вот наш насущный вопрос жизни и смерти ни полслова, у кого это уже, забыл, «все Жомини, да Жомини, а об водке ни полслова». Так и у нас в эмиграции, ведь если б боролись с красными теми же методами, коими борется сейчас ген[ерал] Франсо в Испании, то давно бы были дома, я всегда проповедовал и исповедовал одно. На террор отвечает еще большим террором, вот читаю я орган младоросса «Наша Правда» и опять вижу только слова и слова — ты, может быть, знаешь кого-нибудь из них, из этих писак, так прошу тебя, скажи им следующее: что есть в Бразилии один старый человек, отец семейства и т. д., и который готов бросить все, если они начнут сейчас же уничтожать коммунистов, т. е. если они открыто объявят беспощадный террор всем коммунистам и за границей и в России, скажи им, что я думаю, довольно болтать языком, пора за дело браться, а то слов хороших много, а дела нет, так пусть помнят — «Вера без дел мертва».

Дорогой Борис! Изболело сердце, не хочу я умирать здесь, тянет меня туда, на простор моих родных Сибирских лесов, страстно хочу я увидеть мой Родимый Байкал, хочу еще раз подышать нашим воздухом горных высот. Ах, дорогой Борис! Нет краше моей родной Сибири. Исколесил я почти весь свет, видел много, но, Борис, такой красоты нет в мире, как наша, ты подумай, гора Белуха: 180 верст от Байкала по Тункинскому тракту, а в ясный день видна как на ладони, искрится ее снеговая вершина как бриллиант, а вода Байкальская прозрачна почти на 100 сажень, где найдешь такую другую, и холодна, не надо как здесь машинного льда покупать, а охота, Борис, ведь я не сходя с места бил 15–18 рябчиков, 12–15 тетеревов, а гусей на перелетах били десятками, а рыба, таймень, нельма, хайрус [хариус. — А. О.], а ягоды, нигде нет как у нас брусники, морошки, малины, черемухи, всего не опишешь, и вот, Борис, помня все это, как-то душно здесь, простора, правда, и здесь много, но душно здесь, дико, дика эта тропическая глушь со всеми ее богатствами красок. Письмо это я немного запоздал послать, посылаю его только сегодня, 27 марта н/ст. И, дорогой Борис, Поздравляю тебя, Тамару Семеновну и Твоего Наследника Славу с Высоко Торжественным Праздником Св. Пасхи, от всего сердца желаем Вам Веселья и радости.

Христос воистину Воскрес!

Крепко жму твою руку и обнимаю крепко, крепко, тебя, носителя русской культуры. Писал я в С. Франциско полк[овнику] Ефимову, от него изредка получаю пачку газет «Россия», за что очень его благодарю. Живем мы скромно, даже в кино ходим, раз-два в год, все мое удовольствие — это книги, которые ты прислал, читаю, перечитываю их, ну, время и идет. От всех моих поклон.

Твой Дмитрий Реш[етников].

1940 год

Получено 22/5/40

20 января 1940

Дорогие наши!

Тамара Семёновна, Борис Борисович и Славочка. Вы, я думал, уже получили наше последнее письмо (поздравительное). Я же от вас не получаю с июня прошлого года. Вы, как я уже писал, знаете о перемене моего адреса, знаете, конечно, и причину этой перемены, поэтому я не буду вдаваться в подробности, скажу только одно, что работаю как вол, и думаю, к чему... трачу силы, здоровье и... Мы живём по-старому, почти без перемен. Детишки растут. Тамара уже ходит в детский сад. Дмитрий — сорванец, каких мало, ведь ему уже 3 ½ года, скоро будет 4. Вера ему не уступает в шалостях, ей исполнилось в сентябре 2. Я и жена стареем. Я уже почти без зубов, борода седая, но, Борис, дело не в бороде, но ужасно хочется отдохнуть, не работая и главное, не думая ни о чём, а тут, как назло, думы-то лезут в башку, а главное война эта, а я не там. Кто бы мог сказать о том, что делается там по ту сторону «Чертополоха», какая-то мошка (Шари-вари), т. е. Финляндия, бьёт Красную Армию и в хвост и гриву. Какой ...! Если только у этой красной рвани есть чувство позора, орали-орали о своих успехах в авиации и технике военной и при первой же попытке рылом в г...о, да и ручку Гитлера чмокают. Ты знаешь, конечно, из газет, из радио, [по]тому писать не стоит, одно только обидно, что ведь имя Русское треплют ж всем странам, а ведь Русского-то там только «серая святая скотинка», т. е. солдаты, а остальные все — интернацио-

нальная рвань коричневая, для которой Россия-то только дойная коро-ва. Ты знаешь, наш 6-й Финляндский стр[елковый] полк был расположен в Гельсингфорсе, и я по делам моей учеб[ной] команды в январе м[еся]це был там, поэтому поверхностно, но всё же немного знаком с местностью, ведь там никаких операций в большом размере вести невозможно, к тому же зимой. Ты знаешь природу Амурской области, болото, леса, горы, бездорожье, в общем ужасно напоминает Волочаевку-Ольгохту. А красные головотяпы вообразили себя стратегами, ну и сами в лужу и ещё съдут, пока не истощится терпение у кобылки, ну а там бы и началось свержение красных кумцев во главе с вором Джугашвили (Сталин). Я думаю, что этим и окончится.

Хоть бы Бог помог раскатать там, ну а дальше пошло бы как по маслу. Дорогой Борис! Стар я стал, но тянет меня туда, отдал бы остаток силы моей России; душу заложил бы, чтобы помочь России сбросить эту красную нечисть. Дорогой кум, ведь нас миллионы, а ведь это сила, но все мы погрязли в житейской мути, и борясь за существование, забываешь её, мученицу святую — Россию. Но, Борис, верую и ещё не поведаю, что воспрянет ещё она и ещё покажет миру своё величие и силу, потому что с нами Бог! Разумейте народы и покоряйтесь, яко с нами Бог! Про Бразилию тебе ничего не пишу, да и собственно говоря и писать-то нечего, правда, нашёлся у Бразилии человек с твёрдой волей и характером, послал всех партийных кликуш в преисподнюю и работает не покладая рук, уча как надо жить и работать... со всеми говорильнями в два счёта, правда, что нам иностранцам сейчас, как в Германии жидам, ни на какую должность не принимают, а сейчас выселять начали, я думаю, что и меня заденут, но думаю, шалишь, я ведь [на] 50% бразильянец и отец 3 бразильянцева, маленьких, правда, но всё-таки для очистки совести зарегистрировался, заплатил там контрибуцию 11.200. всё это, конечно, ерунда, но жалко, когда не хватает девятой заклепки в голове у головы.

Да, ещё почти забыл, ты пиши мне заказными, вот адрес: Anapolis estado de Goias Brasil Dimitriy Rechetnicow Caixa postae 3 u 53 — Каиша постал три и 53 — это мои почтовые ящики на почте. Ящик — Caixa каиша.

Ну, пока, я все думаю, скоро напишу опять, да и боюсь писать много по случаю цензуры, ведь Бразилия на осадном положении. Целую ручки дорогой Тамаре Семёновне, обнимаю тебя и Славочку. Жена

посылает также сердечный привет и детишки тоже. Тамара просит крёстного благословения.

Дай Вам Бог всем здоровья и радости.

Ваш Решетников

От Ефимова давно ничего нет, какие известия от него и других «Святогорцев». Жду газет и журналов.

1941 год

8 мая 1941

Дорогой мой кум, брат, друг и соратник.

Получил я твоё письмо, посланное через Ефимова, и очень тебе благодарен за него, я послал тебе и А. Г. недели 3–4 тому назад письма: тебе заказное, а А. Г. простое. Борис мой, и у тебя уже седина пробивается, а? Как годы-то идут, 16 лет ты сидишь у Кунста и я уже 12 лет в Бразилии, но слава Всемогущему Богу, жив, ты жив, я, жёны у нас хорошие — помощницы, а не трам-блям, детишки тоже есть, радио, ты пишешь, мебель там разная, книги тоже, а в общем-то проработали чуть ли не двадцать лет, и ты, как и я, пришли к Нолику (0). Я брал здесь хоть землёй и домиками обзавёлся на всякий пожарный случай (мебели-то), и говорить не приходится, правда, всё мной сделано. Страшные дела творятся в Европе. Бог наказал французов, накажет и англичан за то, что оставили они нашу Россию в страшные годы, так теперь пусть на себя пеняют, на меня произвело некоторое впечатление твоё письмо в смысле о твоём переезде куда-то в Сербию, в Карпаты, в С. Америку, наконец, мой Борис, ты о братьях-славянах пока позабудь. Тошно им сейчас всем там под тяжёлым немецким сапогом: С. Америка ещё туда-сюда, да думаю, что не под силу будет привыкать к ихней жизни-то, жизнь в Китае, как я вижу, не из важных, но всё-таки думаю, что лучше, чем в Карпатах или Сербии, я уже не говорю о чехах, задавили их немцы, как и поляков, пропала ихняя «Слобода». Смахнул Фюрер рукавом, как пыль со стола, домазурились они все без «Всея России-то», ты представь себе, что я доволен ведь, что гонор польский-то сбили. Это, думаю, вам не Храм русский разламывать в Варшаве-то. Тут брали было чистое, пришёл немец, гаркнул, и позалезли в щели все «папье».

Ну, да дело не в этом, а вот с чем я, конечно, по-старости, быть может, и не так здраво рассуждаю, но всё-таки хочу тебе также об этом, т. е. о твоём переселении куда-то написать. Вот, видишь ли, живу я здесь 12 лет, скажем, работаю, дурака валяю, но никто мне ни этого ни другого делать не мешает, я по моему стариковскому размышлению, если тебе перебраться, так это сюда, в Бразилию или Аргентину, а причины к тому следующие: в отношении Бразилии: 1-е) громадные земляные пространства, 2) разнообразный климат, 3) малая населённость, 4) громадные богатства всевозможных минералов, 5) громадные неразработанные по недостатку рук культурные земли, 6) недостаток рабочих рук во всех отраслях труда, 7) с каждым годом все увеличивающаяся промышленность и строительство и 8) низкий процент так называемых интеллигентных профессий — это большие плюсы здешней жизни, профессия, как твоя, здесь называется «*gegente*» — жеренте, т. е. управляющий, дало бы тебе в месяц, по моему мнению, от 2400 до 3000, это в переводе на американский доллар 125–150, на эти деньги здесь жить можно очень хорошо. И если экономно, то можно 20–30 долларов откладывать на чёрный день. Ты знаешь, что я не люблю экономить и ни в чём себе не отказывать в смысле одежды и пищи, конечно.

Жизнь здесь дешёвая, это можно сказать, ты знаешь, мне это сейчас не странно уже, а вот тебе цены этого года: 5 ананасов 1//000 один мильрейс, т. е. на доллар 5 центов, 100 хороших апельсинов — 10 центов, литр молока 200 рейс, т. е. один цент, мясо 1 кило — 10 центов, сливочное масло 1 кило 30 центов. Эта, так сказать, небольшая таблица тебе покажет до некоторой степени стоимость здешней жизни, я ухитрялся с семьёй жить в начале 1932–34 годов на 200/000, т. е. на 10 американских долларов, сейчас расходую гораздо больше, но это уже роскошь, как то вино, сыр, ветчина, колбаса, чай (который здесь очень дорог: 80//000 кило, т. е. 4 американских доллара). Если кум и друг переселятся, так это только сюда, на моё мнение, единственная страна, где ещё можно свободно жить и работать, если что здесь и плохо, то лично для меня неимение других русских. Но в центрах — как-то Рио де Жанейро, Сан Пауло — там уже много русских. Я тебе писал как-то про Комиссарова, он работает как электро-монтёр в Рио, зарабатывает 1600/000, т. е. 80 с лишним долларов, а я знаю, что он не расходует более 20 долларов. В России вернуться, я думаю, нам уже не придётся, не знаю, что там делается, но надежду я потерял на возвращение, из газет ничего нельзя узнать, пишут много, но не верю, года мои уже ушли, здо-

ровые тоже, я сейчас полуглухой, т. е. открылась старая контузия в левом ухе, и доктор говорит, что трещина очень большая и, пожалуй, что не закроется, два раза выкачивали из уха гной, доктор боялся, как бы гной не проник в мозг, но Бог избавил, но на ухо ничего не слышу. Ты, Борис, подумай об этом, всё взвесь и напиши мне, что ты думаешь.

Ты будешь думать об изучении языка. Могу сказать одно, язык лёгкий, а при твоей способности, ты научишься [за] 5–6 месяцев говорить, читать и писать, в смысле воспитания сына могу тебе сообщить, что образование в общем среднее, т. е. наша гимназия 5 лет — есть лицеи, нормальные школы и т. д., стоимость обучения в гимназии $2^{1/2}$ американских доллара в месяц, в лицее $1^{1/2}$ доллара в месяц, гораздо дороже в военных школах, т. е. школах кадет. Я плачу за Тамару в детском саду 10//000, т. е. 50 центов, [за] Димитрия 25 центов отдал, чтобы привыкали к школьной обстановке. Ты, брат, подумай, да и там в Шанхае можешь в консульстве навести справку и получишь все сведения от консула бразильского. Там сейчас какой-то полковник. Я могу здесь узнать и сообщить его фамилию, переезд сюда тебе, я думаю, обойдётся на японском пароходе 500 йен. Почему я думаю, что здесь лучше, это ещё потому, что здесь не хватает истинно образованных людей. Как я вижу из твоего письма, ты очень много работаешь над книгами. Дай тебе Всевышний силы и здоровья. Пошли мне Бога ради что-нибудь читать, всё перечитано тысячу раз. Тамара, смотря на твою и Тамары Семёновны карточку, говорит, что, когда крёстный приедет, она сама попросит благословения (бенсао) — бенсонь.

Сейчас 12 часов ночи, 8 мая, pošлю это письмо 10-го, а завтра напишу ещё один листок.

15.05.1941

Обещал продолжить письмо 9-го, а сегодня 15-е, и только сегодня нашёл свободное время и ещё только после 11 часов вечера. Был ужасно занят, только сегодня освободился от всяких смет, счетов и т. д., нужно тебе сказать, что я сейчас веду переговоры об одной очень громадной работе, приблизительно 550–560 тысяч американских долларов, и если это удастся, то, я думаю, на мою долю даст по меньшей мере от 12 до 15 тысяч долларов, а потом уже можно и не работать и купить одну хорошую фазенду и жить, но дело не в этом, живу я и сейчас буду жить, пока Бог грехам терпит. Знаешь, как я уже писал, потерял я надежду на

возвращение в Россию, да и если случится, что можно будет ехать, то что я буду там делать? В Армию стар, работать слаб и будут на меня смотреть как на обузу, или как на корнета Савина, а другое, что будет с женой и детьми при тамошнем укладе жизни и холода, всё это меня глубоко занимает. Встретил я здесь года 4 назад бывшего матроса с броненосца Черноморского флота «Петропавловск», ты, я думаю, читал, это восстание лейтенанта Шмидта. Ну как этот матрос после мытарств с другими несколькими очутился здесь в Бразилии, и когда я ему сказал, что сейчас там, мол, правительство-то ваше, почему не едет туда. Так вот его буквальный ответ: «а ну их к Я здесь, слава Богу, не кобылка какая-нибудь, а имею землю, жену и детей, хороших ребят, один вон уже ун[тер-]офицер, другой тоже на ногах, а я побуду туда, что делать? Нищих плодить, там говорят, что сейчас только жида хорошо живут». Так вот и я тоже думаю, но в общем вывод из моего писания следующий, если невозможно жить в Китае, то лучше ехать сюда, чем в Европу или Сев[ерную] Америку. Ты смотри, в Европе война, С. Америка помогает Англии вооружением, снабжением и т. д., несмотря на это, в С. Америке 5 миллионов безработных. Теперь и рассчитывай на что-нибудь приличное, конечно, [у] А. Ген. сейчас всё кажется хорошо, правда, если бы ты, как и он, выбрались туда в те года, то ясно, что сейчас бы приспособились там. Вот живу я в штате Гояз 11 лет, сначала много перенёс и [в] материальном и моральном отношении, сейчас начинаю, Слава Всевышнему, выправляться, т. е. зарабатываю прилично. Детишки растут здоровые, жена и я, правда, стареем, но, быть может, поставлю их на ноги, а там и умереть не грешно, можно будет сказать: «И мы недаром в мире жили», дрались с врагом, боролись за «Свободу народа» от красного засилья, а также и в изгнании обзавелись семьёй, детьми. У тебя радио там, книги, у меня вот земля, сад, домики там небольшие и всё такое прочее. Ну а жизнь-то идёт себе, кажется, как речная волна, мне вот одного не хватает, это звона здесь нет нашего колокольного, зимы также нетути, ах, снежку бы на 2–3 четверти, морозцу бы градусов на 25.

Помнишь Хабаровский поход? Помнишь, как в снег зарывались, что-бы согреться, «папа» там с раненым пальчиком. Лысый Борис там, пьяный на санях, кричит «О! раіте», Окорков-Бандура³⁵, покойник Соколов там

³⁵ Вероятно, речь идёт об офицере Иркутского стрелкового артиллерийского дивизиона поручике (позже — капитане) **В. Д. Окоркове**. См.: Воспоминания.

в арт[иллерийском] образце фуражка. Глухой кавалерист П. Бешинхер, изображавший Рыцаря Печального Образа на своём Росинанте, Казакевичи, Бор Машина в санях, жующая галеты, и подмочилась бедная с переляку в санях-то. Владимировка была лихое дело, была Н. Гордеевка, печальная история наше Ивановское сидение, а там Зем ране (Земская рать. — А. О.), воевода опять же с немецким именем (Дитерихс. — А. О.), всё это прошло, но стоит пред глазами. Кончилось. Наш искренний и сердечный привет Тамаре Семёновне и Славочке, мы вас всех очно обнимаем и целуем, Борис, я тебя Бога ради прошу, не найдёшь ли ты там орденских ленточек Георг[иевских], Владим[ира], Анны, Станислава, если есть, пошли ты их мне каждой лент четверть. Если же не найдёшь, напиши, я написал в 1939 в Париж, но ответа не получил, так что пропали 50 франков, которые послал Орехову³⁶. Потом, какой мой портрет у тебя есть, как ты пишешь в альбоме, я что-то не помню. А вот если есть моя фотография в форме китайского офицера, то жена ужасно просит тебя прислать копию или подлинник, если же у тебя нет, то я знаю, есть у Шатохина-кобеля, быть может, он тебе его отдаст. Ну, до следующего письма. Твой Д. I. P.

А ещё вот, если бы что-нибудь почитать, послал бы ты, да хорошо, если бы нашёл старые №№ «Часового», я там прочитал письмо Красн[ова] и был ужасно доволен его выводами.

1947 год

Письмо Решетникова полковнику А. Ефимову

20 ноября 1947

Полковнику А. Ефимову

Дорогой господин Полковник.

Пишу это уже третье письмо, но ответа не получаю. Писал также Борису Борисовичу Филимонову в Шанхай и также ответа не получил. Вам писал в 1943–1945 годах, потом потерял Ваш адрес и только сегодня

³⁶ **Орехов Василий Васильевич** (17 (29).09.1896 — 06.07.1990) — капитан, русский зарубежный военный и общественный деятель, публицист, издатель журнала «Часовой», член Русского Обще-воинского союза (РОВС), основатель «Русского Национального Объединения» (РНО).

нашёл, поэтому спешу Вам написать, быть может, это письмо Вы получите. Сообщаю вам в кратких словах про мою жизнь за эти года. Мне уже 60 лет, но Слава Богу, ещё не могу жаловаться на моё здоровье, я уже два года работаю как инженер на постройке дороги «Franc-Brazilian», эта дорога почти 5 тысяч километров. Работы очень много, что не хватает, это денег, получаю я шесть тысяч cruzeiro (крузейро), на Ваши деньги немного больше 300 долларов: доллар здесь стоит сейчас 18 крузейро. Правда, жаловаться не могу, жить на эти деньги можно хорошо. Правда, всё стало дорого, не как раньше. Моя резиденция в Анаполисе, имею дом, имею небольшую фазенду (имение), 42 километра от Анаполиса, приблизительно 180 десятин, развожу скот и поставил небольшую лесопилку, даёт немного заработать. Я почти всё время в разъездах, очень мало бываю дома, сейчас до Рождества буду дома в отпуске. Я уже почти разучился писать. Русских в Анаполисе, кроме меня, ещё два. Один механик и один фотограф. Живут тоже хорошо, оба имеют дома и зарабатывают прилично. 3–4 тысячи в месяц. Когда получу от Вас ответ, опишу Вам более подробно про нашу жизнь и впечатления от войны. Я имею хорошее радио, поэтому во время войны служил (слушал Москву? — А. О.) в Москве почти каждый день. Прошу Вас, господин Полковник, ответить мне и, если Вы знаете что-нибудь о Филимоновых, где они? И что с ними? Я буду очень рад и очень благодарен.

Ваш Дмитрий Решетников

1948 год

Борис Филимонов
Shanghai

Получено 15.04.1948

Дорогой мой. 4 дня тому назад отправил вам довольно большое письмо. Это письмо — продолжение отправленного, пишу его медленно, признаться, уже разучился писать по-Православному, много времени не писалось, я некоторые буквы мешаю, пример, русское р здесь пе, русское н здесь h — ха, а русское н — это п, слово х здесь шиз и редко употребляется, русское в здесь бе, а в пишется v VICTORIA, с большей

частью русское к. Слова я нет, пишется ia, я по-бразильскому eu, да наше у здесь (...) и, е русское и, здесь у, поэтому всё это сильно смешалось в голове, и когда нужно писать по-русски, забываешь. Русское е здесь и, е: пример, Gu (te) — я и мне — те (ми). Сейчас у меня много свободного времени, идут дожди, а дороги здесь отвратительные, в дождливое время непролазные, правда, есть авиация, частные компании, цены не дороже. Anapolis от Rio de Janeiro 1480 километров, билет стоит 645 крузейро, т. е. 35 американских долларов, по железной дороге 5 дней, 4 пересадки и билет стоит 315 крузейро, в Бразилии уничтожили старую монетную систему, мильрейс называли крузейро, упразднили один по миле, но улучшить на бирже не смогли, раньше, когда я приехал, доллар стоил 8 кр[узейро] и 40 центов, и писали 8.400 oito mil e quatrocentos mil — тысяча quatrocentos — четыреста, сейчас пишется \$ 8.40. И доллар сейчас стоит 18.00 кр[узейро]. Здесь в Аннаполисе есть русский — литовец-фотограф, бывший русский солдат, большой патриот русский, он выехал из Москвы в 1937 году и хвалил тамошние порядки, он часто у меня бывает сейчас, моя работа начнётся в мае, а до этого времени я почти ничего не делаю, вожусь с виноградником, сажу, чищу, удобряю и время идёт. Много читаю, имею несколько десятков русских авторов в переводе на бразильский, большинство — сов[етские] писатели Эренбург Илья, Щелоков (Шолохов. — А. О.), Шмелев (русский писатель-эмигрант. — А. О.), Романов и др. Читал и последнюю новость (повесть. — А. О.) Виктора Кравченко «... liberdade», по-русски «Предпочёл свободу», советую прочитать. Щелокова (Шолохова. — А. О.) читал «Don silencioso» («Молчаливый (Тихий. — А. О.) Дон»). Жизнь Донских казаков тоже понравилась. Да, дорогие мои! Время идёт быстро. Старое старится, молодое растёт. Не могу жаловаться, что живу плохо, с женой не ругаемся, тихо живём, она очень хорошая женщина, хорошая мать, экономная, и большая патриотка, для неё нет лучше в мире страны, чем Бразилия, а я подчас не выдержу и покрою бразильянцеv, говоря, что бразильянцеv — это раса лодырей и рабов. И правда, Борис, здесь ужасно медленно работают, хуже, чем китайцы. Работу, которую можно сделать за час, делают целый день, ворочаются как «Galinha morta» (курица мёртвая). Я так прозвал рабочих на работах и это привилось, даже мои старшинки тоже... ленивых так ругают. Домик у меня в Аннаполисе в центре города, недалеко от женской гимназии, один квартал, стоила мне построиться и земля [в] 1941 году 42 тысячи крузейро. Сейчас мне за него предлагают 180 тысяч, т. е. 10 ты-

сяч долларов. Думали мы с женой в прошлом году продать и переехать в Сан Пауло. Купить там *chacari* — [нрзб] поблизости С. Пауло. Но потом раздумали, здесь жить вольготнее, чем в С. Пауло, всё есть, мясо, молоко, фрукты, а по газетам, в С. Пауло того нет, другого нет, ну и решили подождать 2–3 года, если я буду жить, конечно. Правда, я чувствую себя хорошо, ноют, правда, ранения, глухой на левое ухо, старая контузия, из уха течёт уже 3 года. Врачи же здешние ни к чёрту не стоят, хуже наших фельдшеров, лечили мне ухо, лечили, и в результате лопнула барабанная перепонка в ухе, и я ничего ухом сейчас не слышу, зубов у меня уже нет в верхней скуле, усы уже седые, волосы на голове тоже, ходить тоже уже не могу много, устаю. Смеюсь и думаю, а что, если ещё сейчас сломашь Хабаровский поход. А! думаю, что не выдержал бы, память тоже слабеет, но [нрзб] ещё делаю, хорошо, думаю, что старость пришла. Теперь прошу тебя передать мой привет П. Романовскому, я думаю, что он уже старик. Также мой привет Соколову, Дмитриеву и вообще всем, кто меня помнит. Ты не пишешь про Бормашину. Как там крутится Шатохин. Как живёт, если жив, генерал Дитерихс. Хотелось бы мне его книгу о убийстве Императора, и жива ли жена Дитерихса, если увидишь, передай привет от посажёного отца (я), когда венчали В. С. Гришковского и дочь Гришковских, и его жена Анна, Бологову привет от меня, хороший мужик, где сейчас командир полка Уральского, где Мяздриков, а папа-то не добром кончил, жалко Носкова, и Пызин тоже жив, знаешь, Борис, я никак себе не мог представить, что время так быстро течёт, а ведь я уже в Бразилии 18 лет и 16 лет женат, Борис, на конверт наклеено марок на 16 тысяч, какие это деньги? Китайские? Сколько ты зарабатываешь сейчас?

Что-то там, как у нас в Сибири, 1919, или ещё хуже. Из Радио я знаю, что там война и думал, что Шанхай здорово был потрёпан. И знаешь, англичане подгов.... Там [в] Гонконге и Сингапуре всыпали им япоши, ты знаешь, я ужасно был доволен, это защищают Севастополь и Царицыно (Сталинград), и горжусь, что Русские всыпали немцам, отомстили за нас, и Русские солдаты топчут Берлинские улицы. Дорогой мой Борис, ведь там Русская Армия не Красная, а Русская, ведь коммунизм умрёт, а Россия никогда, ведь она «Русь Вековечная», многострадательная, и в Красной Армии Русский дух, русская храбрость. А я 28 мая 1942 года со слезами на глазах слушал молебен в Москве на Красной площади по случаю прибытия Сибирских полков, и когда Митрополит Сергей и многотысячная толпа пели «С нами Бог разумеете языцы Яко с нами Бог», я плакал от

умилениа. Там люди что-то делают, несмотря на все коммунистические махинации. Там строят будущую Россию, и Сталин уже бьёт отбой, уже там и знаки отличия, и погоны, чины даже маршалы, орден Суворова, орден Кутузова, в Сипета я видел здесь фильм советский «Полтавский бой». 3 недели шла картина в С. Пауло, другой фильм был «Взятие Берлина», 5 недель шёл без перерыва. Я был в Сан Пауло, и когда Русские солдаты атаковали Александер-плац, все поднялись на ноги, и толпа запела Старый Русский гимн «Боже Царя Храни», пели все, литовцы Латвии, поляки из окрестностей С. Пауло, приехало много баб-литовок в платках, которые пели «Спаси Господи люди твоя» и плакали, я это не забуду, ведь это любовь к России, а не коммунистам. Читал «Второй день сотворения мира», это из жизни рабочих на постройке Кузнецкого комбината в Сибири, там рабочие мёрли от холода, голода и болезней и работали не для них, а для будущей России.

А мы, Борис, боролись, дрались не для нас ведь, а для будущей Великой России. Сейчас в Бразилии [нет. — А. О.] наш[ей] Русской газеты, а в Шанхае есть? И не можешь ли ты мне послать что-нибудь читать, книги, журналы, газеты. Всё приму с благодарностью. Пиши мне, как возможно, чаще. Документов пока не посылай, если будет нужно, я напишу, и ещё следующее, если я здесь начну хлопотать, то нужно будет твоё прошение на имя Президента Республики, оплаченное марками и т. д. Поэтому, если у тебя ничего с Америкой не выгорит, я напишу это прошение тебе здесь и pošлю его тебе подписать, ты подпишешь, приложишь какие нужно документы и отправишь это прошение, а я здесь, когда получу от тебя сообщение, тоже [буду] просить Министра Овба (образования. — А. О.) [нрзб] и Здоровья Доктора Клемента Марини ускорить процесс. Уже час ночи, буду писать завтра, сегодня устал уже. Сегодня целый день идёт дождь, и я чувствую себя не очень важно, болит голова, сегодня получил телеграмму от нашего Архиепископа Дона Эмануэля де Goia Mitropolita (католический), в которой он сообщает, что скоро я буду вызван в Гоянию (новый губ[ернский] город), чтобы получить за исполненные работы в 1946 году (церковь), они мне должны 30, 744 юзера уже два года почти, я грешным делом думал их даже в суд тащить, ну а потом раздумал, нехорошо против духовенства, подумают, что коммунист. Дорогой Борис, не найдёшь ли ты там в Шанхае орденские ленты, мне очень нужно, Владимира, Анны, Станислава и Георгиевскую, если найдёшь, пошли, пожалуйста. Я для моей смерти сшил Русский френч, галифе и сапоги,

не хватает погон и фуражки, думаю заказать в С. Пауло. Хочу быть похороненным в Русской форме. Да и хотелось здешним офицерам показать, как одевались русские офицеры, здесь офицеры одеваются неважно, но знаешь, жалование гораздо больше нашего, для примера, капитан здесь получает 3,600 кр[узейро], это 200 ам[ериканских] дол[ларов]. Подпоручик 2,400 кр., поручик 3,000 к., обучение поставлено неважно (французская система). Мы живём скромно, правда, питаемся хорошо. Вот наш дневной бюджет: мясо 8 кр., хлеб 6 кр., кофе, сахар 2 кр., масло 2кр., рис, ... (бобы), сало (maucipbo) (это жарить что-нибудь) 4 кр., затем разная мелочь — перец, овощи, фрукты 5 кр. Вино виноградное, 1 бутылка, 6 кр., чаю здесь сейчас нет, есть чай браз[ильский] (mate) мате, очень дешёв и очень хорош для желудка и почек, стоит кило 4 кр. Я пью его в холодном виде. Анаполис город новый, очень грязный, улиц... нет воды, имеем колодцы, у меня есть мотор качать воду, прислуги имеем одну чёрную, она помогает жене на кухне и стирать бельё. Детишки жену почти не слушают, она очень их распустила, без меня они ходят на головах и делают что хотят, правда, учатся хорошо, ну а когда я дома, боятся. Тамара ужасно любит радио, целые дни [слушает] радио, девочка очень тихая, почти никогда не плачет. Дмитрий — это плакун. Вера — это сорванец-девка, даже в гимназии другие девочки её боятся. Она хочет учить русский язык, уже кое-что знает. Д[а] есть здесь один адвокат Ворба, он где-то научился русскому языку, говорит ужасно ломаным языком, он часто приходит ко мне и просит что-нибудь спеть. Напел ему: Волга, Скажи-ка дядя, Дивный терем, Ария Ленского, Садко ... и другие, ну, лично надоедает мне, чтобы ноты написать, а я, признаться, сам их плохо знаю, не учился этому в Промышленном училище — а в военном (там мы без нот пели). Это письмо оканчиваю только сегодня, со мною случилось небольшое несчастье, и я сейчас в госпитале английском, сделали мне операцию (Hernia), я не знаю, как по-русски, кажется, грыжа. Это от... и сегодня две недели, как сделали операцию, сейчас чувствую себя хорошо. Слава Создателю! Это письмо поэтому пролежало 2 недели без движения, вчера я написал в Рио одному другу в министерстве, нельзя ли что-нибудь для тебя сделать, чтобы ускорить твой приезд сюда. Dr. Edgard... инженер-архитектор Министерства, а он для меня, я знаю, расстарается, сделает, что он может. Это письмо посылаю, как оно есть, чтобы не задерживать. Мой привет всем и целую ручки Тамары Семёновны и Славика обнимаю. Ваш Димитрий.

Милые, дорогие мои,

Борис, Тамара Семёновна и Слава. С большой радостью получил Ваши два письма 26.02.1948, с радостью узнал, что вы, Слава Создателью, живы и здоровы, спешу вам ответить, но от радости не знаю, с чего начать. 6 лет — большой промежуток в нашей жизни, много воды утекло в это время, знаешь, Борис, мне уже трудно писать по-русски, и ты меня прости, если я буду вставлять бразильские слова. Я уже 6 лет не читаю русских книг и журналов. Знаете, я уже старик, мне уже 61 год, дорогие, славные мои! Жизнь проходит, не думал я, что буду оторван так от моих родных сердцу. Правда, имею семью, жену, детей, но всё это не то! Правда, работаю ещё, но уже не так, как раньше, нет уже такой силы воли, да и физически слабею с каждым годом. Я из Гояса переехал в Анаполис [в] 1939 году, дом в Гоясе сдал в аренду, имею здесь дом — правда, небольшой, 3 спальни, зала, кухня, ванная во дворе. Имею ещё небольшой домик, моя мастерская и склад инструментов... фазенду (имение), но продал, нужно было много работать. Было у меня земли больше, чем 1200 десятин, рабочих здесь найти хороших очень трудно, хоть я сейчас работаю для министерства (Educacao e saude), по-русски — министерство образования и здоровья. Имею контракт сом (Patrimonio Hestorico e Artistico Nacional conservacao jos Monumentos macionaes). Мне трудно это перевести на русский. Национальный исторический и Арктический комитет и мой контракт рестаурасан (на реставрацию. — А. О.) этих монументов, т. е. памятников, большей частью в штате Гояс, церкви. Починяю их, восстанавливая, как они были раньше построены, не жалею, зарабатываю. 50, 60 тысяч крузейро в год, если перевести на американский доллар, это будет 3,000–3,400 долларов. Жить на эти деньги здесь можно хорошо, жизнь здесь в последнее время стала дорогая, цены поднялись на 200–300 процентов, т. е. это иностранные товары, местные же поднялись в цене 3–4 раза. Для примера, сахар 3 крузейро кило, а был 1 крузейро, мясо было 1 крузейро, сейчас 5, сало было 2, сейчас 10, сигары раньше 1, сейчас 3, материал раньше зефир 1, сейчас 8, шевиот раньше 140–150, сейчас 700–1000 крузейро, ботинки мужские раньше 50–70, сейчас 180–400. Дорого, правда, по все... здесь курица стоит сейчас 19 крузейро или 40 центов на американский доллар. Правда,

в С. Пауло или в Рио де Жанейро жить дороже, особенно снять домик в С. Пауло не в центре, конечно, за цену 1000 крузейро ещё можно, в центре апартаменты 3–4 комнаты, стоит 6–8 тысяч.

Помнишь, Борис, когда я тебе советовал ехать сюда, я не ошибался в расчётах, я понимал и понимаю, что всё это время я, ты, другие думали, что вот там в России переворот или ещё какая-нибудь штука, и мы возвратимся на щитах или костылях, я лично уже не думал почти. И мы о возврате, что я буду так делать, это ясно. Правда, тянет меня к русским, и в день взятия Берлина, на манифеста, где я от лица русской колонии выступил с речью, говорил о Величии России, о храбрости русских солдат, о страданиях, переживаемых в России, о народе, который борется с невероятными... за свою культуру и своё славное прошлое, была громадная овация мне устроена, коммунисты считали меня своим и другие тоже своим. В общем марка русская поднялась. Это письмо будет очень большое. Буду писать... всё и без всякой связи, тебе это понятно, потому что всё, что нужно написать, не укладывается в порядке в мозгах. Сейчас про твоё прибытие сюда. Слушай, Борис, ты там с американцами работаешь, через них ты можешь много сделать. Сейчас есть декрет — не давать виз русским, мы все сейчас как бы виновные, что коммунисты будоражатся здесь. А американцы всё могут сделать (Бразилия — колония для американцев) — и денщик Трумана (Пр[езидент] Республики Бразилия).

Я живу от Рио де Жанейро 1600 [км], и иност[ранное] министерство протянет это дело годами, для тебя, чтобы ускорить, важно: узнай, есть в Шанхае Бразильский консул сейчас, если есть, ты добудь от американцев письмо или какой-нибудь документ, удостоверяющий твою личность и семьи, конечно, иди в бразильское консульство, подай письменное заявление о твоём желании ехать в Бразилию к дяде (это я), который имеет земли в штате гоуаз, и что ты знаешь земледелье. Не пиши в заявлении, что ты бухгалтер, а пиши, учился в агрономической школе, если консулу будет нужно письмо или какие документы от меня, я тебе всё это здесь сделаю, что нужно по законам. Это гораздо ускорит твой приезд сюда, если же там нет бразильского консула, узнаю, кто защищает там бразильские интересы. Он тоже может тебе сделать, что и консул.

Теперь относительно проезда ты можешь узнать тоже у американцев, раньше были японские пароходы, проезд стоил, Шанхай — Santos, 234 доллара через Панамский канал. Это с пищей 3-го класса, сейчас

я не знаю, но сюда приходят много американских пароходов. 10–15 каждый день, ты это всё можешь сделать в Шанхае, всё, что будет зависеть от меня, я сделаю, и не забудь, что я твой дядя Димитрий Ионович, живу в штате Гоаз, имею фазенду-де, культура (Криасао — рогатый (de gado) скот), и я тебе пошлю все бумаги, которые будут тебе необходимы со всеми печатями... Действуй, Борис, энергично и, быть может, к концу года ты будешь здесь. С твоими знаниями языков и бухгалтера ты в Бразилии можешь зарабатывать в месяц 6–8 тысяч крузейро, т. е. 180–220 долларов. Это в С. Пауло и Рио де Жанейро, здесь в Гоязе, скажу тебе, будет трудно без знания языка, а фирм иностранных нет, но прожить можно. Я не боюсь, что ты сядешь на шею, только приезжай, всё устроим, для всех нас хватит, советую тебе сейчас же заняться изучением португальского языка. Язык очень лёгкий для изучения. Изучай англо-португальский, чтобы не быть, как я, в начале tudo (без языка).

Много писать, я думаю, не нужно, ты всё это поймёшь сам. Я живу здесь 19 лет и уже привык к этой бюрократии, чтобы тебя ускорить, ты нажми на американцев, а если имеешь хороших, они тебе всё сделают, ты знаешь, красные здесь подг..., а бразильское правительство порвало дипломатическое отношение с СССР. Правда, всё это под давлением Северной Америки, потому здесь сейчас настоящего Президента Республики называют Денщик Трумана. Я в политики здесь не мешаюсь, ну их к... правда, пользуюсь популярностью, но всё это пустяки. Жить здесь можно и без политики, слава Богу, никто меня не преследует, здесь люди очень любят русских (я говорю про народ, газеты же, это как у нас называли, КВД — куда ветер дует, что вчера было хорошо, сегодня плохо. Для примера, газета «Утро» (a Manh... [в] 1943 г. писали: «Геройский Русский народ, единственный в мире»). И та же газета пишет сейчас: «Трусливый и жалкий народ Московский, без всяких принципов цивилизации, Орда Монгольская» и т. д., по этому поводу я написал им открытое письмо и только газета «Ноје» («Сегодня») его напечатала, ты пишешь, что из Шанхая много едут в Россию, здесь то же самое, уехало из Бразилии через американское консульство до 4 тысяч человек и у нас здесь тоже были «...», один барон собрал здесь 100 тысяч для раненых Красной армии и вручил их Советскому консулу, а сейчас их судят, много арестовано литовцев и эстонцев. Отправляю тебе это письмо сегодня, 1-го марта, в день рождения моего сына, он учится в гимназии в 4 классе. Вера в 3, Тамара не учится русскому языку, я их не учу, не к чему. Тамара очень

большая, посылаю Вам фотографии, сняты на Новый год. Я занимаюсь немного фотографией, имею хороший аппарат. Вслед за этим письмом через 3–4 дня пошлю другое, написанное более хладнокровно, тебя же прошу отвечать мне немедленно. Обнимаю тебя, старый дружище, целую ручки Тамары Семёновны и обнимаю Славочку. Моя семья тоже всех вас обнимает и желает скорого сюда прибытия.

Твой Димитрий.

Письмо Д. Решетникова Б. Филимонову, без даты

Кончилась бумага, пишу в тетради.

Думаю, тебе их послать в конце февраля с/г.

В этом же письме посылаю тебе то, что я нашел в Бразильских журналах о смерти короля Александра. Правда, очень скудно о этом писали, здесь больше интересовались боксером Примо Карпера и футболом, ты знаешь, почти во всех газетах Бразилии 2–3 страницы посвящены спорту. Даже коммунисты не отстают, в их газете «Avante», т. е. «Вперед», также помещается спорт и... хиромантия, я думаю, что ты не ожидал этого, самая, друг, настоящая хиромантия Бабушки Солохи с предсказаниями и гаданьями на бобах, картах, зеркале и т. д., разница только в том, что на русском языке неблагозвучно «Гадалка Бабушка Солоха», а тут, брат, тон много выше, «Мадам Клеменсия Ориентал» (Madam Clemencia Oriental), ну, знаешь, я думаю, что наши русские коммунисты покраснели от стыда, вообще, если они еще не разучились краснеть, хотя, что я, они и так ведь красные, где уж им краснеть! Ну а Бразильские-то коммунисты, эти, брат, без стыда и совести, как и все — только они забыли, что это, как и религия, опиум для народа, по словам заживо протухшего ихнего пророка Ленина. Кстати, здесь всем коммунистам русским, т. е., которые в России сейчас, здешние газеты приклеили звание «fidalggo», т. е. дворянин, даже Леву Бронштейна Троцкого возвели в дворянское сословие. Так что не выдержал я и послал им по почте матерное письмо и подписался полным именем моим с перечислением чинов и орденов, но каналы молчат до сего дня. Я вообще здесь борюсь не покладая рук, и у некоторых стоит на меня зуб, свести со мной счеты, так что, знаешь, без револьвера не хожу. Ну, да это все ерунда. Дочь моя растет и сейчас уже 55 сантиметров роста. Борис Борисович! Кумом я записал тебя по следующей причине.

Я не знаю имени папы и мамы Татьяны Семеновны, а здесь это нужно. Твоих же я немного помню, поэтому и записал, что ты лейтенант, сын генерала, что тебе 32 года и т. д., когда я получу документы на руки, то pošлю их тебе заполнить. Ты знаешь, я уже ведь не молод, и в животе и смерти Бог волен, так, думаю написать духовное завещание, а тебя буду просить и прошу быть опекуном моей дочери, конечно, ты возра-зишь, что очень далеко и т. д., но я еще думаю лет 10–12 протянуть, а там я сделаю следующее, напишу здесь и засвидетельствую нотариальным порядком, что после моей смерти дома и землю продать, на вырученные деньги отправить мою дочь к тебе на воспитание в Русском духе. Вот моя идея, к тому времени стоимость земли, сада и домов, как я думаю, достигнет до 8–10 тысяч долларов, а этого будет достаточно для ее воспитания, с женой я говорил по этому поводу, она также находит, что это хорошо. Если же к этому времени я еще буду жив, то и я думаю вернуться в Шанхай, но с деньгами здесь же воспитать не хочу, здеш-нее воспитание не годится для жизни. Поэтому я думаю копить и копить деньги, дабы было на что прожить остаток жизни и кое-что оставить для дочери. Пожалуйста, напиши мне, что думаешь ты на этот счет?

А затем Наш искренний и глубокий привет, а также и мой привет всем соратникам и сослуживцам.

Твой Дм. Решетников.

приложение вырезки из журналов. DR.

Предположительно, письмо написано в середине 1934 г.

Дорогие Тамара Семеновна и Борис Борисович!

Я не писал Вам уже 1½ месяца, все время жду от Вас, чтобы ответить на Ваши вопросы, но от Вас нет и нет, правда, в феврале в первых числах получил пачку газет 1931 года, у нас поэтому было большое чтение, два или 3 дня, ты знаешь, Борис, я был болен, да и сейчас хожу с палкой, сильно болит правая нога, доктор говорит, что болезнь «acidourici», что за болезнь, я на русский язык никак перевести не мог, не в порядке, говорит «Rins», т. е. почки. Я же по простоте душевной думаю — ревматизм, а впро-чем, не знаю, перепробовал все снадобия — латинской и местной кухни, т. е. фармации, а толку мало, нога болит по-прежнему, ну а в общем, не так уж страшно ходит[ь] с палкой, только знаешь, работать-то в лесу на съемках не могу, поэтому работаю дома и очень мало, и ты, брат,

не смейся, я ведь преподаватель английского языка, ты знаешь, с моими паршивыми познаниями в этом языке, я все-таки оказался для Гояза приличный «профессор» английского языка, у меня уже группа 8 учеников, два раза в неделю платят каждый 30 мил реис в месяц, а это для Гояза очень дешево, профессор в Колледже зарабатывает до 1200 миль реис, много работаю в саду-огороде, все растет-цветет, ты знаешь, жду не дождусь, когда у меня будет много винограда, тогда жить будет легче, в последнем письме я хотел послать тебе перевод «Электрофикация ада», да забыл, поэтому посылаю сейчас, если заинтересуешься, то помести где-нибудь. Ты знаешь, мне бы хотелось как-нибудь устроится поспокойнее, да все «капиталов не хватает», я много думал купить земли 20–25 десятин, ты знаешь, правительство продает землю почти за бесценок, а именно 1 алкер 48.000 кв. метров 100 миль реис, а ведь это 5 десятин русских и земля на выбор, в 4–5 лет такую можно создать фазенду, что любо смотреть. Край здесь благодатный, палку воткни в землю, и она растет, дает плод (мандиока).

Дорогой Борис! Только сейчас получил твое письмо от 4-го февраля с/г, а посылку Журналы «Парус Часовой» и «Ситиансин» — нашей радости и благодарности нет границ, я не знаю, как и благодарить, настолько обрадованы я и Викторiana. Твоя мысль забросить службу недурна, я очень одобряю ее, но, конечно, тебе нужно будет подготовить почву, т. е. где бы все это пристраивать, все ты знаешь, жизнь требует денег-то, я думаю, что ты зря-то не сунешься в воду без брода, поэтому и мой совет впустую. Очень тебе благодарен за твою похвалу, что я недурной рассказчик, но знаешь, одно дело рассказывать — другое писать, вот если бы мне стенографистку, то много бы можно рассказать, а начнешь писать, выходит не то, я думаю, что у меня нет этого, как его, таланта что ли, и написанное не удовлетворяет, сам вижу, сухо выходит. Ну, да для опыта посылаю тебе одно описание из жизни гарнизона гор. Иркутска во время Вел[икой] войны. Описанный случай — факт и офицеры-иркутяне, быть может, этот случай помнят. Ты, вероятно, сейчас получил мое письмо с предложением моим, как ты на него смотришь? Конечно, я уже думал над этим немало, но так и не пришел ни к какому выводу, жизнь здесь отсталая, единственное развлечение «синема», да и с издательством-то трудно, в Париже, правда, гораздо лучше, но лучше всего там в Шанхае, меньше издателей, ближе Америка, да и недалеко Франция. Тебе же давно было бы нужно заняться литературно-из-

дательской частью. У тебя на это громадные способности и терпение, чего нет у меня.

Я от всей души тебе желаю успеха. Еще, дорогой мой, ты пишешь, что отправляешь полк[овнику] Ефимову книги, а он пошлет их мне, я очень благодарен тебе за это и буду рад получить адрес полк[овника] Ефимова, так как мне также хочется и связаться с Америкой Норте. Ты пишешь мне Suol America, а по-бразильски Sul-America (Солнечная Америка, Сил-Америка), все это от радости, что получил от тебя долгожданное письмо, поэтому моя папка увеличивается письмами, а этажерка книгами и журнала[ми], так что к твоему, Бог даст, приезду у меня и библиотека будет, но думаю, что ты не приедешь, и знаешь почему. Ты человек города и лихорадочного темпа жизни, здесь же, в сущности, ужасная скука, а я ведь, Борис, со школьной скамьи привык к жизни вдали от городов. Да, кстати, я в будущем 1935 году 1-го марта справляю свой 20-тилетний юбилей в офицерских чинах, ведь это, брат, не кот наплакал. А в этом году исполняется 25 лет моей Военной службы, тоже юбилей.

И в Марте исполнилось 16 лет борьбы с большевиками, т. е. начало моих скитаний и «смолокуры». Так что юбилеев, «паря», хоть отбавляй. Но довольно о этом. Скажи, пожалуйста, т. е., вернее, спроси Носкова, Стихина, почему они до сих пор не удосужились написать мне хотя бы по короткому письм[у], я же с своей стороны обязуюсь обоим ответить, вообще отвечу на все письма, кто бы мне не написал. Да, чуть не забыл, Борис! Ради Создателя, узнай через своих китаез в Конторе и, если можно, купи семян чайного дерева (куста), мне нужно их очень «поку» — мало 15–20 штук, я хочу попытаться вырастить их здесь в Бразилии, ведь чая собст[венного] нет, а Липтон стоит кило 80 мильтрейс, т. е. 20 долл[аров] Шанх[айских]. Так что ты, пожалуйста, достань, сложи в конверт, они ведь, я думаю, легкие, и немедленно пошли мне, я с удовольствием бы послал тебе собст[венного] садов[ого] винограду, да знаешь, очень далеко, думаю, что там дешевле купишь, раза в 3–4. Да, еще, хотя и поздно уже. Поздравляю Вас с Светлым Праздником Пасхи и Воистину Христос воскрес!

Целую ручки Тамары Семеновны. Крепко жму твою, а также и Носк[ова], Стих[ина] и друг. Заочно обнимаю. Твой D. Rechetn...

ПИСЬМА Б. Б. ФИЛИМОНОВА Д. И. РЕШЕТНИКОВУ

1934 год

4-ое февраля 1934 года

Вох 2006

Дорогой Дмитрий Иванович:

Большое тебе спасибо за письмо с поздравлением с праздниками. Нет, нет, да и напишешь ты нам. А я вот никак не могу собраться с силами и писать тебе более или менее регулярно: прямо так заработался, что ехать дальше некогда. Все, до последней минутки, у меня использовано. Гулять, совсем не гуляю. Отдыхать, не отдыхаю. Ношусь, можно сказать, как сумасшедший. В конторе работаю с 8–½ до 6–½, очень часто до 7, а иногда и даже с лишком. Приезжаю домой через полчаса после конца занятий, а тут — ужин наскоро и работа. Подчас приходится пробежать туда, либо сюда. Живем мы сейчас на Рю Молиер, это между Ляфайет и Валлон, Пер Роберт и Массене. Представляешь? Живем в одной, нижней комнате. Хозяйева (две хозяйки — сестры), их сродственники — все молодежь, но порядка особого нет, насчет чистоты слабовато. Тем не менее живем с 10-го окт[ября] и пока переезжать не собираемся. Из общих новостей? Говорят о войне, но пока что только говорят и говорят... Положение в общем такое же, как и раньше: город растет, русские работают то там, то тут, очень многих поддерживают различные забастовки, а в общем редко, кто чувствует себя крепко. Перейду в частности: недавно был у Доможирова³⁷ (по делам новой книги «Борьба на Урале»). Он все служит в полиции, живет в полицейском депо в районе Янгцепу ро[у]д, вздыхает, жалуется, а в общем выглядит, как и раньше. Бываю теперь чаще у Носкова: он стал активно содействовать мне: чертит для меня карты (пока что переснял с немецкой карты часть Урала: Пермь — Уфа — Челябинск — Ирбит). Большое спасибо ему, без него работа шла бы медленнее. Бываю у нас Стихины. Сейчас оба они без работы. Стихин потерял свое место осенью, жена — несколько дней тому назад. По газетам китайский суд постановил до 500 различных магазинов закрыть, дабы они ликвидиро-

³⁷ Возможно, Доможиров Анатолий (Алексей) Григорьевич.

вали свою задолженность. Не так давно приезжал в Шанхай Вержбицкий³⁸, а также и Петров³⁹ — для суда чести над генералом Афанасьевым⁴⁰. Последний был обвинен в связи с советским консульством, кроме того, он нечист на руку. Суд под председат[ельством] Вержбицкого постановил: ввиду запутанности теперешнего положения несвоевременным кого-либо судить и дело так и осталось открытым. Твое письмо я передал в бригаду, кроме того, поместил в обеих шанхайских газетах заметку от твоего времени [имени. — А. О.]: поздравление. Это поздравление читали многие и невольно их мысли возвращались к тебе. Так что ты безусловно молодец, что напоминаешь о себе. Относительно Шатохина — Тамара Семеновна не так давно видела Шатохина, говорила ему о тебе, он ответил: «да, да, хорошо, деньги ему я вышлю, пожалуйста, не беспокойтесь, адрес его у меня есть». Конечно, врет, но как его за хвост поймаешь? Кобелирует, и денег, надо полагать, у него маловато, во всяком случае не хватает. В своем письме ты пишешь, что вкладываешь письмо на имя Шатохина. Его в конверте я не нашел.

Теперь о моей работе: из предыдущих строк ты видишь, что времени зря я не теряю. Надеюсь, с помощью Божией, к осени закончить и быть может даже выпустить третью книгу — БОРЬБА НА УРАЛЕ, примерно стра-

³⁸ **Вержбицкий Григорий Афанасьевич** — генерал-лейтенант, видный деятель Белого движения в Сибири.

³⁹ **Петров Павел Петрович** — генерал-майор. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Видный деятель Белого движения в Поволжье и Сибири.

⁴⁰ **Афанасьев Лукьян Васильевич** (29.06.1869 — 1934). Начальное образование получил в Иркутской военной прогимназии, по окончании которой летом 1885 г. был зачислен в Иркутское пехотное юнкерское училище. Выпущен 1 сентября 1887 г. подпоручиком в 6-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон. С 1 сентября 1891 г. — поручик, с 15 марта 1898 г. — штабс-капитан. Участвовал в китайской кампании (1900–1901) и Русско-японской войне. 6 мая 1900 г. был произведен в чин капитана. В 1905 г. за боевые отличия был произведен в подполковники (со старшинством от 18 июля 1904 г.). Служил в 18-м Восточно-Сибирском стрелковом полку и 6 декабря 1910 г. был произведен в полковники. Участвовал в Первой мировой войне, командир 27-го Сибирского стрелкового полка. Был награжден Георгиевским оружием. С 1915 г. — генерал-майор (со старшинством от 6 декабря 1914 г.). После Октябрьской революции генерал Афанасьев уехал в Сибирь, служил в белых войсках на Востоке России. Командовал 8-й Сибирской стрелковой дивизией, занимал должности помощника командующего войсками Иркутского военного округа, генерала для поручений по заведованию военнопленными, генералом для поручений при штабе 3-й армии. После поражения Белой армии эмигрировал в Китай.

ниц 180, это операции в Зап[адной] Сибири и на Урале, июнь — октябрь 1918 г. Продолжение (ноябрь — май) должно будет последовать в дальнейшем. В этой работе мне помогают: Смолин, Брзиловский, Вишневский, Доможиров, Ленков, ты, Могильников, Латышев, Бушуев, Стихин, Манжетный⁴¹ и еще ряд лиц. Книга должна получиться приличная: сейчас уже готово 70 страниц. Жду еще ряд показаний, но не знаю, как придут они ко мне. Когда книга будет готова, то конечно, пошлю тебе. Сейчас я посылаю несколько книг: «ПАРУС» № 11, 12, 15, «Симиасин» № 1–12, кроме того, через некоторое время ты получишь из Сан-Франциско от полк[овника] Ефимова несколько книг Колесникова (эти книги я сейчас направляю ему, он прочтет и пошлет тебе). В следующем месяце, если мы будем живы-здоровы, пошлем Викторianne Бернардовне и тебе по одному кимоно, они будут нарочно помяты и запачканы.

Относительно твоих писаний: я предполагаю выпустить твои записки. Пока же ты пиши еще в дополнение и развитие уже написанного. Было бы весьма интересно получить твои блестящие штрихи, ты ведь удивительный мастер рассказывать, об этом все наши вспоминают. Пиши картинки (я не говорю о рисунках, но о писании не столь сухом, сколь красочном): тот прапор, что пошел в Иркутск с денщиком на глазах своей возлюбленной «топиться», о Бек-Мамедов[е], забавные сценки в Красноуфимском дивизионе, Сводно-Артиллерийском, Иркутском, наконец на Лиственничном заводе, дома. Все это красочное и блестящее я помещу в твою книгу и тогда не нужно будет особенно подробно останавливаться на сухом и деловом материале, когда будет живой материал. Если хочешь, будет время, то пиши о своем мотании в китармии (фотографии у меня сохранились) и в Бразилии. Это можно будет выпустить интересными книгами. Я думаю, все более серьезно заняться писанием и изданием, иными словами, стать на собственные ноги, иначе контора страшно тебя разбивает, а дает ... обман. Конечно, не везде такие мошенники, как у нас, но у нас-то... ой-ой...

Пиши, буду поджидать от тебя вестей. Тебя мы не забываем, но обстоятельства, отсутствие свободной минутки и пр. и пр. и пр.

Будь здоров, храни Вас обоих Господь Бог. Тамара Семеновна поздравляет Вас обоих с праздником Св. Пасхи, она не за горами.

Я, также Носков, Стихин, Суханов и пр. шлют привет. Твой.

⁴¹ Офицеры и генералы Белого движения на Дальнем Востоке и Сибири.

25-ое февраля 1934 года.

Дорогой Дмитрий Ионнович:

Совсем я заработался. Времени нет. Все собираюсь написать тебе, да то, да се. Сейчас посылаю тебе копии моих писем. Также буду делать и в будущем. Из этих копий ты увидишь мои дела и можешь следить за нашей жизнью. Когда чуть-чуть полегчает, то напишу тебе толково и подробно.

Будь здоров. Пиши. Как твои дела? Тамара Семеновна шлет свои искренние пожелания Викторianne Бернардовне и тебе.

Вслед за выпуском третьей моей книги намереваюсь с помощью Божьей приступить к твоим запискам: «ЗАПИСКИ БЕЛОГО БОЙЦА». Начиная с развала фронта до начала формирования Иркут[ского] стр[елкового] дивизиона исключительно. Если у тебя есть время, то боря свое скверное настроение, пиши и пиши. Выпустим толковые книги.

Подарок для Викторianne Бернардовны будет. Еще раз привет. Позавчера были на именинах у «бормашины». Т. С., Екатерина Яковлевна (жена Стихинзона), сам Мойша Стихинзон и я явились к «бормашине» (Наум⁴² был на службе) со своими пирожными и вареньем и распили чай. А вернувшись домой, мы попали на именины к нашей соквартирантке и до 2 или 3 час. ночи не спали. Хорошо, что следующий день была суббота, — вернувшись в 2 часа дня из конторы, мы легли спать и проспали до 5 час. вечера.

Привет.

Твой.

1936 год

27-ое января 1936 года

Дорогой Дмитрий Ионнович:

С прошедшим Рождеством Христовым,

С наступившим Новым Годом и

С приближающимся Светлым Христовым Воскресением:

Тамара Семёновна, Славочка и я поздравляем тебя, Викторianne Бернардовну и маленькую Тamarочку со всеми этими светлыми и велики-

⁴² Речь идёт о **Науме Харитоновиче Суханове**, офицере отдельной батареи 1-й Отдельной стрелковой бригады полковника Глудкина.

ми днями. От всей души все мы желаем всем и каждому из Вас полного счастья, здоровья и радости.

Из всех одновременных трёх поздравлений только последнее придет к тебе своевременно.

За последнее полугодие направил тебе ряд писем с копиями моих писем различным лицам. Тебе же самому не писал ни одного. Прошу простить. Затем отправил тебе новый календарь Союза Инвалидов на 1936 год, а задолго до этого книгу Хартлинга — «На страже Родины». Получил ли ты что-либо из этого?

Я и Тамара Семёновна не один раз вспоминали Вас. Особенно последнее время. Тамара Семёновна говорит: «Не случилось ли чего с ними?». Такое большое расстояние — являешься совершенно беспомощным. Если на это письмо ответа не получу, то придётся писать по-португальски, дабы кто-либо ответил, что с тобой такое.

Я советовал бы на всякий случай дать мне адрес твоей родни или одного из твоих друзей, дабы в подобном случае мог бы навести справку.

Всё же Тамара Семёновна и я надеемся и молим Господа Бога, чтоб с тобой и семьёй ничего не случилось, и мы получили бы от Вас радостное сообщение.

Как поживает моя крестница? Вероятно, она теперь уж большая. Хотелось бы получить её фотографию, равно как и Ваши. Мы с женой собирались послать ей подарок (креста, к сожалению, послать по почте невозможно — наверняка украдут золотую вещь или подменят дешёвенькой и медной) — кое-что из одежды, но из-за неполучения от тебя вестей оттягиваем.

О нашей жизни — как домашней, так и внешней ты знаешь из ряда тех писем, что были посланы тебе мною. Сейчас кое-что тебе поясню.

В мае 1935 года я выпустил книгу Хартлинга, которую, собственно говоря, сработал из его рукописи. К ноябрю 1935 года закончил «Борьбу в Зауралье», а к настоящему времени сработал несколько глав «Белоповстанцев», книга 3-ая, и пятнадцать страниц ТВОЕЙ книги. Как мы её назовём? «Смолокуры» или «Путь гонимых»? Или ещё как-либо? Эту книгу я хочу выпустить от твоего имени. Пишу в третьем лице. Стараюсь кое-что воскресить из твоего юмора, но так как сам я не юморист, то это нелегко. Тамара Семёновна всё же говорит, что выходит (15 страниц) хорошо, а если б подправить, то было бы блестяще. Ну посмотрим. В эту книгу — она будет такого же размера и объёма, как книга Хартлинга, я полагаю

включить твою историю со времени оставления тобою русско-германского фронта и до присоединения к белым сибирским войскам. Как видишь, время берётся именно такое, что «Путь гонимых» будет, пожалуй, самым подходящим, а «Смолокуры» слишком кратким и охватывающим лишь часть книги. Но быть может, ты сам или кто-либо иной предложат более удачное название. Скажу тебе, что с книгой Хартлинга было так — по памяти — хотели назвать «Тыл белой Сибири», «Крушение белой окраины» и т. п. Были ещё «Борьба с крамолой». Остановились — сейчас не помню на чём. Обоим понравилось, но... когда Хартлинг получил книгу, то прочёл: «На страже Родины», впрочем, название это, что я САМО-ВЛАСТНО утвердил в последний момент, ему понравилось. Я хотел бы к декабрю выпустить и 3-тью книгу «Белоповстанцев» и ТВОЮ и, само собою разумеется, что «Борьбу за Зауралье» выпустить с Божьей помощью к лету. Задержка тут за малым — за деньгами. Младенец и прочее, совместно с неудачной прошлогодней нашей квартирой, дали приличный минус, и я пока сижу в долгу.

С кем я работаю теперь: с Ефимовым — он проверяет «Белоповстанцев» и даёт советы по ним, с Хартлингом — он пока ничего строго определённого не делает, с Носиковым — он сейчас также ничего не чертит, с Третьяковым — он работает над хронологией «Русско-Германской войны 1914–17 гг.». Вот тебе основа. Затем следуют: поэтесса Юлия Глаголева (Батавия)⁴³ — она хочет издавать с моей помощью стихи, отец Герасим Шорец (Поневеж — Литва) — с его помощью разыскали родителей Глудкина, поэт-полковник Петрушевский (Бандунг на Яве)⁴⁴. Сегодня получил письмо от генерала Чернавина (из Праги) — хочет также связаться и совместно работать. Кроме того, поддерживаю связь с Быковым (Дайрен), Беловым (Циндао), Ореховым (Париж). Старик — Сахаров также написал — просит издать вторым изданием его «Чешских легионеров в Сибири». Из этого перечня ты можешь видеть, что успевай только поворачиваться, и дей-

⁴³ **Глаголева Юлия Константиновна** — русская эмигрантка, поэтесса, писатель. Жила в Китае, затем в Индонезии (о. Ява). Писала рассказы для журналов в Шанхае и Сербии. Автор книги «Жар-птица в изгнании» (Шанхай, 1937).

⁴⁴ **Петрушевский Владимир Александрович** — полковник, учёный-вулканолог, поэт, нумизмат и библиофил. Эмигрировал в Индонезию. Был инициатором первой русской православной Благовещенской церкви в городе Бандунг на о. Ява. В течение нескольких десятков лет он исполнял обязанности церковного старосты и казначея этой церкви.

ствительно я мечусь как белка в колесе. «Всё спешно, экстренно», а при- были — шиш. Для урегулирования дел, большого порядка и частичной саморазгрузки (как-то выйдет на деле) я решил устроить общество-круг Святогора. Хартлинг занялся этой идеей. Ефимов согласен — просит со- общить конкретные цели и пути. Надо полагать, что ты и Третьяков также выскажетесь положительно. Тогда, пожалуй, и тебе станет веселее, так как письма будешь получать не от одного меня.

Что же касается всяких там Романовских, Стихинзонов, Борисовых и Бобок-лысых, то... грош им цена. Возьми хоть историю с Глудкинскими родителями: по получении от родителей письма я в августе месяце сооб- щил Романовскому и предложил ему — то-то и то-то. Однако никакого ответа прямо не последовало, а косвенно (через Борисова) ты узнал: «а мне какое дело». Сказал в начале октября Доможирову, перед тем послал два письма и через Васильева на словах в третий раз, «Комрыж» обещал, но... его обещание висит и по сей день. В конце ноября сказал Александрову. Тот ухватился и сейчас готовится «ГРАМОТА» родителям Глудкина.

29-ое января 1936 года

Вчера был день моего рождения. Конечно, работал в конторе, но вернулся домой несколько раньше — в 6 часов. Поздно вечером пришёл брат Т. С. ... [в]от и все поздравили. Продолжаю о Стихине: сей госпо- дин воображал, видимо, что на своих книгах я делаю тысячи долларов и потому решил было также «работать» по этой линии, но, как скоро он увидел, что здесь надо работать, а о прибылях в виде серебрушек и бу- мажек не особенно-то думать, то через три месяца своей «продуктивной» работы отстал и духовную, военно-историческую работу променял на место члена исполнительного Комитета собрания 1-ой стр[елковой] бри- гады — воистину сменял «первородство» на «чечевичную похлёбку», как когда-то то сделал один из его предков. Не правда ли? Смеха ради могу сообщить тебе ещё один его проект обогащения: в Шанхае появились письма, между русскими на английском языке, суть коих та, де, мол, клуб обогащения предлагает Вам послать первому из семи, стоящих на лист- ке, 20 центов и разослать 7 Вашим друзьям семь копий этого письма, но с той разницей, что фамилия первого будет уже зачёркнута, и на первом месте будет стоять 2-ой, Вы же сами будете стоять на последнем. Когда же

очередь дойдёт до Вас, и Вы будете стоять на первом месте, то Вы сразу получите от 830,746 персон 166,149.20 долларов. Однако тут маленькое мошенничество: не 830,746 персон, а только 118,678 персон, а потому и всего то 23,735.60 долларов. Но самое главное, что всё это полнейший абсурд. Где же Вы найдёте 140,000 форменных идиотов. Нельзя забывать, что это относится к Вам, находящемуся в 7 ряду — Вы, так сказать, являетесь одним из 118,678 идиотов, а сколько же надо таких «умняшек», чтоб Вы из 7 ряда поднялись до 1-го??? Ведь тогда получатся чисто астро[но]мические цифры, а простяк Стихин приставал с этой теорией ко мне целых десять дней, и даже когда я дал ему «шкалу идиотов», то и то он не совсем согласился, а вытаращил глаза и, видимо, из духа противоречия заявил: «А вот Боб уже начал получать». Боб или Борис лысый стоял в этом списке № 3. Эта история была вот уже месяцев 9, надо как-нибудь спросить его об «успехах». Отмечу, что первый раз он ко мне пришёл в 9 часов вечера, в дождь. Я был очень уставший и хотел идти спать, так ему и сказал. Он же: «только одну минуточку. Хотите подработать?». Распрощавшись со Стихиным, мы с Тамарой Семёновной от души хохотали над его затеей. А ведь он почти инженер-бетонист.

Теперь о другой: Мяздрикков умер⁴⁵. Его похоронили месяца два тому назад на Люкавее. Расходы взяли на себя бывшие офицеры батареи. На брата пришлось по 15 монет. Умер он от чахотки — ведь болел-то он уж несколько лет. После похорон были поминки. На них были: Романовский, Соколов, Носков, Борисов, я и Шурка Романовский. Последний некоторое время тому назад принял католичество. Да, ещё забыл Стихина.

От Леонтьева получаю изредка письма. Он — без пяти минут инженер. Оканчивает этой весной. Пишет — надоело учиться. Беттихер служит по-старому на заводе в Крагуеваце.

Соколов изучает масонство (настроен враждебно к нему).

Кобелирующий Шатохин попадаете мне очень редко. Конечно, с него взятки — гладки.

3-е февраля. Продолжаю и оканчиваю. Вчера мы с женой зашли к её новой знакомой (у той также родился сын, но на два месяца раньше). Там мы снимались, а затем я разговорился с хозяином относительно его сестры, только что приехавший из Тяньтзиня (Тяньзина. — А. О.). Он называет фамилию «Марко». «Что-то знакомое», говорю я. Подумал,

⁴⁵ **Мяздрикков** — капитан. В эмиграции жил в Шанхае. Умер в конце 1935 г.

подумал, да и вспомнил. И так Борис Сергеевич вот уже шесть лет женат на некоей харбинской уроженке Федорчук. У них есть хорошенький сыночек Игорь — 3 лет. Сам Марко преподаёт в Тяньцзиньском английском языке. Он теперь «грек» и стал писать свою фамилию через «с» на конце. Его жена симпатичная. Вот как тесен свет: туда повернёшься, сюда — смотришь, везде знакомые и родные.

Теперь другая новость: госпожа Марко сообщила, что два месяца назад у Пызина умерла жена в Харбине от печени: была у неё одна болезнь, а лечили от другой. Она очень была славная особа.

Твоей книги «Путь гонимых» я уже проработал двадцать пять страниц точно таких же, как этот листок. Это должно дать до 35–40 страниц книжного текста, как «На путях к Уралу» или «На страже Родины». Поработаю ещё следующее воскресенье — одно или два и тогда пошлю тебе для проверки и исправлений и дополнений. На отдельном листке я напишу тебе и укажу те места, кои я хотел бы расширить, внося каламбуры и вообще твои характерные штрихи (тебе в этом надо отдать должное — ты умеешь коротко, ясно и ярко подчеркнуть характерные стороны различных лиц).

Ну, а пока кончаю — сейчас ровно 11 часов вечера. Довольно. Завтра рано вставать — идти служить. Глаза у меня слипаются.

Будь здоров. Поцелуй от меня мою крестницу, а также ручки Викторины Бернардовны.

Храни Вас всех Господь Бог.

Искренне твой.

11-ое мая 1936 года

Дорогие Викторина Бернардовна, Дмитрий Ионнович и Тамарочка:

4-го февраля я послал Вам последнее свое более или менее обстоятельное письмо. После того послал одну лишь поздравительную карточку ко дню святой Пасхи. От Вас мы имеем письмо, полученное 19-го февраля, другое письмо (от 16(1)36), полученное 4-го марта, третье письмо, полученное 9-го марта. Больше пока не получали.

Теперь мы поджидаем от Вас весточки с сообщением о том, кто у Вас родился: наследник или наследница?

Надеемся, что у Вас все благополучно и Вы все трое находитесь в полном здравии, так же и мы.

К сему письму прилагаю два листка с различными хронологическими данными, которые, быть может, пригодятся тебе, затем 100 различных марок (20 — германских, 30 чехословацких, 15 — СССР, 20 — китайских и 15 — различных (югославянские, литовские, голландской Индии, Манчжуго (Манчжоу-Го. — А. О.), Японии) и, наконец, нашу последнюю фотографию: снимались 1-го мая в день германского национального праздника. Надеюсь, что наша группа понравится Вам.

От Вас будем поджидать такой же группы, а затем — в обмен на посылаемые марки 100 штук Бразильских и (при случае) иных южноамериканских государств. При этом не стесняйся — посылай самые обычные — то, что обычно у Вас, то не совсем обычно у нас и наоборот.

Одновременно с сим письмом посылаю так же рукопись нашей 6-ой книги: «ПУТЬ ГОНИМЫХ»: записки офицера иркутянина-финляндца Дмитрия Ионновича Решетникова-Байкальского, обработанные Б. Б. Филимоновым.

Само собою разумеется, что это самый ЧЕРНОВОЙ проект. В нем, быть может, многое нужно переделать, быть может, придется перечеркнуть 75 %.

Бью челом и прошу не обижаться, если твоя почтенная личность кое-где выглядит (так тебе, быть может, покажется на первый раз) не в совсем привлекательных тонах. ВСЕ, ЧТО ТЫ СОЧТЕШЬ НУЖНЫМ ПЕРЕДЕЛАТЬ, можно будет переделать, повторяю — это только проект.

Я хотел писать живо, ярко и правдиво, так, как-то ты в свое время рассказывал, но, к сожалению, должен признать, что таким талантом рассказчика, как ты, я не обладаю. Юмор у меня не всегда получается. Ты ведь знаешь: один штрих к картине Великого Репина: «Убийство цесаревича Иоанном Грозным» и вместо великой трагедии получилась бы одна великая комедия, шарж. Это признают все. Но ходить по такой головокружительной грани дано Господом Богом весьма немногим, а потому ... еще раз прошу тебя — не обессудь. Если не понравится, то все можно бросить в печь. ДО ПОЛУЧЕНИЯ ОТ ТЕБЯ ОТВЕТА Я НИКОМУ РУКОПИСИ ПОКАЗЫВАТЬ НЕ БУДУ. Пока же дал прочитать: Тамаре Семеновне, одной ее приятельнице, ее мужу и Носкову, а также кое-что посмотрел и Баитов, который собирается тебе написать. (Он взял у меня твой адрес).

Заключения всех перечисленных персон в общем благоприятное: Тамаре Семеновне понравилось, но она считает, что твоя фигура местами вычерчена не в достаточно положительных для тебя тонах. Ее приятельнице

записки чрезвычайно понравились и твоя фигура так же. Ее муж с удовольствием прочел (он бывший военный — кавалерист, мой однолетка). Ведь об Иркутских восстаниях и его освобождении ничего НЕ известно. Он сказал, на мой вопрос: «Нет, это фигура самого обычного русского офицера, ничего дурного про него на основании этой книги сказать нельзя, такова была правда. Такую книгу интересно будет прочесть всякому». Баитов, просмотрев местами, например, встречу с чехами на большой дороге, и вспомнив твои рассказы, сказал: «да тут он значительно уступает своим рассказам. Я помню, как он рассказывал. Тогда с затаенным и напряженным вниманием слушал и вникал в каждое его слово. Там была красочность. Здесь значительно серее. Там прямо чувствовал, точно сам лежишь за камнями, а на тебя идут люди». Носков также сказал: «Значительно слабее его рассказов, но он ведь слишком много заливает, вы достаньте иркутян, тогда их спросите».

Я все же думаю, что работа положительная. В каждой работе есть ошибки и тут, если книга не будет претендовать на чрезмерную историческую точность и, если, записки скрыть за словом «ЗАПИСКИ, ОТРАБОТАННЫЕ В ПОВЕСТЬ» или что-либо в этом роде, то, я полагаю, НИКТО НЕ ПОСМЕЕТ из серьезной публики бросить в тебя и меня камешком, что же касается всяких шалопаев, то ВЕДЬ НА КАЖДЫЙ ЧИХОК НЕ НАЗДРАВСТВУЕШЬСЯ. Так ведь говорит пословица.

Во всяком случае жду твоих вестей.

С твоими письмами о чехах и тому подобном я, КОНЕЧНО, согласен, но политика требует иногда смотреть на кое-что сквозь пальцы (я скажу не в прошлом, когда чехи безобразничали, а в настоящем, когда у нас нет зацепок). Это большая философия, но, по-моему, лучше иметь сто скрытых недоброжелателей, чем 10 открытых и ярых врагов. КОЛЧАК МНОГИМ содействовал гибели и белой Сибири, и всего Белого движения, благодаря своей резкости и неполитичности. Это дело прошлое, но есть пути, которые заводят и людей и государства в тупики и вот избегать таких тупиков нам следует сейчас. НЕ НАДО ДЕЛАТЬ ЛИШНИХ ВРАГОВ, их и без того у нас немало. Крепи свои силы. Это вовсе не проповедь беспринципности, как тебе, быть может, покажется на первый взгляд. В общем же, конечно, Третьякова я НЕ знаю, и по каким заданиям он работает, тоже не так легко сказать. Во всяком случае правительство там масонское и порядки жидово-социалистические. О народе же не будем говорить — это что дошло, куда повернешь, туда и вышло.

Наш Ярослав — Ярополк — Ростислав — Мстислав — Константин — Петр — Михаил — Федор чувствует себя великолепно: крепкий мальчугашка. 7-го ему исполнилось ½ года. Как быстро бежит время, прямо не успеваешь его ловить. В субботу 9-го мая мы ездили к Фарковым (они живут на берегу Сычао-крик, наискось почты, там он заведывает огромным домом). У Фарковых сынок Федя. Ему 8½ месяцев. До его рождения, а следовательно, и до рождения нашего Славика, г-жа Фаркова раз грубо и глупо сказала: «Наш будет бить Вашего». Хорошо... Прошло с тех пор месяцев 10 и два парнишки встретились и что же... Наш пришел, когда Феде не было дома. Вот Федя появляется на горизонте. Улыбается, но вдруг видит нашего и начинает смущаться (Федя почти не видит маленьких детей, наш же все время играет с ребятами от 5 лет и до своей ровесницы включительно). Наш улыбается малышу, а тот чуть не в слезы... Потом уже погода положили их на одну кровать. Федя ползает всюду, наш едва-едва. Однако наш храбро тянется и к игрушкам и к Феде. А тот боится. Когда наш на него не смотрит, то Федя пытается подползти к нему, но вот Славочка перевернулся лицом к Феде и Федя, как отъявленный трус, бежит (ползет) скорее к своей маме. Смех... Наш без боя овладел ВСЕМИ игрушками Феде, а Федя прижался к своей мамаше и полуплачет... При прощании та же картина. При моем благосклонном участии Славочка тянет ручонки и хватает Федею за рубашонку, а тот в рев... Вот и наука: не говори загодя «наш Вашего бить будет»...

В заключение расцелую тебя и от наших общих имен пожелаю всем Вам счастья, радости и полного успеха. Будь здоров, храни вас Господь-Бог.

1937 год

11-ое грудня (ноября) 1937 года

Дорогие наши Викторiana Бернардовна,
Дмитрий Ионнович, маленькие Тамарочка и Митенька:

Сегодня в обед получил я твое письмо, начатое 20-го августа, а законченное 12-го сентября. Большое спасибо за него. Перед тем имел от тебя письмо от 9-го мая, полученное мною 30-го изока (июня) с. г. А еще

раньше того 14-го и 15-го просинца (января) получил два твоих письма от 14.9.36 и от 20.11.36.

Вам же нами было отправлено: 21-го листопада (октября) с. г. пачка газет. Затем 6-го серпня (сентября) через Шореца и Ефимова Вам была отправлена другая пачка газет о текущих событиях в Шанхае. 23-го червня (июля) — печальное письмо с сообщением о смерти Хартлинга и Наума Харитоновича⁴⁶. 9-го червня (июля) была произведена другая отправка (газеты или письмо? думаю, что газеты). 13-го цветня (апреля) отправлены поздравительные пасхальные карточки (в одном конверте, но Вам отдельно от малышей). 8-го декабрия прош[лого] года — поздравления к Рождеству Христову и Новому Году. 18-го червня (июля) прош[лого] года твои записки, получение коих ты подтвердил.

Из твоего сегодняшнего письма вижу, что Вы сейчас имеете мои газеты от 23 червня с. г. (?) 9-го (?) Не так ли? Но тогда неужели же поздравительные карточки к Рождеству и Пасхе не добрались до Вас?... Сообщи.

Эти строки пишу при зареве колоссальных пожарищ в Путунге и Нантао. 2 ноября япоши взяли в клещи китайцев в Чапее и те спалили Чапей, а позавчера япоши высадили значительный десант у Чапу — Минхонга и к сегодняшнему дню взяли китайцев во вторые клещи к югу от Шанхая. События с невероятной силой развиваются сейчас у нас. Китайцы собираются «воевать» с японцами, но чем?... У них нет ни аэропланов, ни зенитной артиллерии, слаба вообще артиллерия и кадры их армии (очень приличные, если не хорошие) просто изничтожаются, так как они не имеют нужного вооружения. Идет приблизительно то, что было в 1915 году с русской армией... Море и воздух под полным контролем япошей. К этому письму я прилагаю «круговое», из него ты почерпнешь подробности. Сейчас к событиям возвращаться не хочу, а перейду на личные дела.

Славчику (Ярославу) 7-го ноября исполнилось 2 года. Он молодец. 16-го листопада (октября) благодаря мне он сломал ключицу правой руки. Первую неделю обходился без всякой медицинской помощи. Потом прошел к доктору Кузнецову, кой ничего не нашел. Но еще через неделю попал к врачу Мозэ, сделали рентгеновский снимок и... нашли. Вот уже две недели он гуляет с притороченной ручонкой. Обходится отлично одной

⁴⁶ **Суханов Наум Харитонович**, капитан, сослуживец Д. И. Решетникова и Б. Б. Филимонова.

левой. Он очень терпеливый и живой парнишка. Весит 30½ англ[ийских] фунтов, а росту — 35½ англ[ийских] инчей. Это очень и очень хорошо по таблице английского издания (там вес 2-х летних определяется от 22 до 32 фунтов при росте от 30 до 37 инчей).

Своей крестнице Тamarочке я все собираюсь составить альбом. Поверь, что к весне приведу это в исполнение. Тогда она получит от крестного подарок. Как же у нее дело обстоит с крестиком? Это ведь обязанность крестного.

Приятно было бы получить фотографию Вас самих и Ваших малышей.

Как думаешь назвать свое третье чадо? Конечно, рекомендовать и советовать не имею права, но так как идеи рождаются от соприкосновения с идеями других, то я осмелюсь предложить тебе так же имя ЯРОСЛАВА. Оно тебе может быть удобным по той причине, что такой святой имеется и у православн[ых] (князь Муромский Ярослав-Константин Святославич, живший до 1127 года) и у католиков (есть у чехов и поляков — кто он такой, сказать сейчас не смогу, но узнаю у знакомого униатского священника и тогда сообщу). Таким образом, крестя сына Ярославом, ты можешь его считать ярим православным (именины 21-го мая старого стиля) и в то же время легко обойтись с формальн[остями] при крещении католическим священником. Есть еще Никола-Святоша (Святослав) [нет строки]. Если ж девочка, то есть имена: Ольга, Вера, Людмила (за два дня до Веры Предислава-Ефросинья (5-го мая), Анна Кашинская, Ирина (жена Ярослава Мудрого) и т. д. Ну, довольно об этом. Вам там виднее самим.

Живешь не так, как хочется, а как приходится. Вот причина неравномерности моих писем. Ведь, дорогой мой, я также служу и если не разъезжаю по тайге тропической, то все же порой бываю так переутомлен и перегружен работой конторской и хлопотами житейскими, что нет минутки и духа для письма.

Оба года: 1936 и 37 были для меня весьма тягостны и неблагоприятны. Была масса неприятностей, хлопот, волнений, томления и волнения духовного и душевного. О всем и не перескажешь, но кратко: каждый месяц что-либо новое и малоприятное: то сам неладно чувствуешь, то с сынишкой, то невеста брата валится с ног, то она умирает, то в Шанхае война, то Хартлинг умирает, то Наум Харитонович, то еще и еще... Этих еще было слишком много.

Моя домашняя работа стоит с марта прошлого года на мертвой точке. Причины — выше приведены мною. Все собирался возобновить

осенью, но тут события Шанхайские. Наконец и что весьма так же существенно: сегодня я в первый раз печатаю вечером (сейчас уж 9 с лишком). Я здорово испортил свои глаза. Это было еще (уже) давно: в 1930–31 г.г. от большого ума я дома занимался при лампочке в 150 свечей и... результат налицо: стал скверно видеть. Еще осенью прошлого года собирался приобрести очки, но по финансовому вопросу отложил до сего года. Но и в сем году до сих, но по тем же причинам не мог собраться. Теперь думаю в месяце феврале — марте 1938, а пока что хочу беречь глаза. Сейчас бью по клавишам, а сам не читаю. Быть может, что и наврал.

Я понимаю, дорогой мой друг, твою оторванность. И вот помочь, пожалуй, могу лишь тем, что дам адрес отца Герасима Шорец — он бывший гусарский священник Уфимской кавал[ерийской] дивизии, попал в плен к красным под Красноярском, потом был при восстаниях в Западной Сибири, а потом пробрался в Литву, так как сам родом оттуда. Близь него живут старики Глудкины — они его прихожане. В 1918 году он был священником в одном из сел Тобольской губернии. Церковь в его селе сожгли, и он тогда-то и стал гусарским попом. (Вся эта его биография — для тебя лично и ты при переписке с ним, пожалуйста, ею не пользуйся, а то он, может быть, будет в претензии на меня, что я доверил его сообщения другим лицам. Знаешь, как теперь, тем паче, что его родня проживает в СССР). Шорец и Ефимов по смерти Хартлинга — двое наиболее близких мне людей. Я думаю, что Шорец ответит тебе и Вы сможете переписываться. Вот его адрес:

В связи с этим мне на ум опять приходит мысль об установлении более крепкой связи между людьми, желающими поддерживать связь и переписку — то, что я с Хартлингом намеревались назвать «Святогоровым кругом» и на что имеется твое полное согласие. Если все мы (ну, скажем, человек 5–10) войдем в тесное сотрудничество и обязуемся пересылать регулярно свои материалы по кругу, то эти материалы будут обтекать всех нас, и все мы при минимуме затраты своего времени будем получать максимум сведения от друзей. Поверь мне, дорогой граф, что я пишу много вообще и мало каждому в частности и все мною недовольны (ты, Авенир Геннадиевич, Шорец и т. д.), а я не имею времени для серьезной работы по трудам, отдавая все свободное время одной лишь текущей переписке. Вот каковы, брат, дела.

Вашим вестям мы очень рады. Благодарим Вас за память и тебя дружище особенно. Но сейчас пора кончать... Будьте здоровы. Храни всех

Вас Господь-Бог. Крепко целую Мительку, крестницу-Тамарочку, целую ручки Викторianne Бернардовне и обнимаю и целую тебя, старый друг Дмитрий Ионнович. Тамара Семеновна шлет Вам свой привет и целует малышей. Славочка также всех лобызает и говорит «досиданья» (Он начинает уже говорить).

1938 год

25-го дня, Сухий 1938 года, март

Христос Воскресе:

Дорогие и милые Викторianne Бернардовна, Дмитрий Ионнович,
крестница Тамарочка и малышка Митя:

Маленький Славочка, Тамара Семёновна и я от всего сердца поздравляем всех Вас с наступающими праздниками св. Пасхи и от всей души желаем Вам счастливых и радостных праздников, а также и вообще хорошей, спокойной и радостной жизни.

11-го ноября /грудня/ прошлого года получил я твоё последнее письмо, дорогой Дмитрий Ионнович, от 12.09.1938. С тех пор прошло уж более четырёх месяцев, а от Вас нет ни слуху, ни духу. Как и что у Вас там делается? Не случилось ли какой неприятности? Или, быть может, уж слишком занят и не имеешь минутки оторваться и послать нам о себе весть. Правда, вести от тебя я привык последнее время получать раз в 5–6 месяцев. Поэтому, глядя с этой точки зрения, беспокоиться о тебе и всех Вас ещё время, как будто бы, не наступило, но, с другой стороны, были праздник Рождества Христова, Нового Года, а к этим временам я привык от тебя иметь что-либо. Вот и сейчас надвигается Велик День, как говорят наши хохлы. Буду надеяться, что напишите нам. Ведь, как я понял из твоего последнего письма, так ты ж ожидал даже как будто бы прибавления семейства. Ну, уж об этом-то следовало сообщить старому другу.

Если в первой половине 1937 года я отправил тебе всего лишь одну весть — 13.04.1937 короткое поздравление со св. Пасхой, то за вторую я дал о себе восемь вестей, из них:

Письма 09.07, 23.07, 12.11 (большое) и 02.12 (поздравление)

06.09 через Шореца и Ефимова отправил пачку газет

21.10 непосредственно к тебе газеты

08.11 большой календарь с видами Шанхая

24.12 через Ефимова пачку газет.

В этом же году до настоящего времени я ровно ничего не собирался тебе послать. Из «кругового» письма и копии моего письма Авениру Геннадиевичу Вы познакомились с положением дел у нас, как в общих чертах, так и в частности.

Сейчас хочу отписать тебе кое-что из дел батарейных:

Романовский по-прежнему управляет хозяйством Русского православного госпиталя. Сидит крепко, врос туда полностью. Его вторая жена умерла, и он опять на холостом положении — ухаживает, как слышал, за сестрицами. Кроме того, состоит пожизненным главой Урало-Сибирского Общества Взаимопомощи, кое образовалось в 1931 году. В настоящее время в нём состоит 103 члена (из них 53 бывших артиллериста и уральца), остальные 50 — члены-соревнователи (чужие — элемент пришлый). В обществе капитал — 11,000 шанхайских долларов. Общество занимается «ростовщичеством», выдачей ссуд под % и гарантии. Со своих дерут 12 % годовых, а с чужих 18 %. В правлении кроме Романовского состоят: Эссен, Шишелов, Пономарев, Шмелев и Химичев. В ревизионной комиссии (на сей год) папа-Борисов, Соколов и я.

Шурка Романовский больше не Шурка. В первых числах февраля месяца сего года он женился на молодой «разведёнке» и теперь живёт семейной жизнью. Его супруга — человек исконно-православный и она вернула, как будто бы, Шурку из лона римско-католической, назад в православие.

Андрей Алексеевич по-прежнему в полиции. После двух несчастий с ногой в 1934 году он всё время гуляет с палочкой.

Папа Борисов продолжает торговать газолином и керосином в своей «Верден Сервис» близь угла дю Руа Альберт, на Жоффре. Его Мария Фёдоровна хорошо здравствует и продолжает работу сестры милосердия.

В позапрошлом году перебралась на Харбина мадам Мерам с двумя своими сыновьями и вот уж год как живёт в соседней с нами квартире. Её мальчики учатся в русском коммерческом училище, а сама она работает сестрой в Госпитале Православного братства.

«Бормашина» после смерти Наума сжалась в одну комнату, остальные сдаёт. Лечит зубы, но не знаю, кто к ней ходит, так как она не особенно опрятна, да и собаку тут же держит, хоть и красавицу, но злую, так что сидеть надо не шевелясь, а то и гляди вцепится в тебя (покойный Наум Харитонович, между прочим, великолепно относился к Славочке).

Стихин опять перекочевал: свою «Яичную» фабрику сменил уж во-второй раз «Мыловренной». Так что служит с Соловым и Вовкой Дмитриевым. Носков и Сажин продолжают служить на «Яичной». Там же одно время служил приехавший из Тянтзиня Селивестров. Из этих пяти дней он лишь два был на службе, а остальные три пьянствовал, за что и был вышиблен с треском. Госпожа Стихина, по закрытии «Марселя» осенью прошлого года, нигде больше пока устроиться не может и сидит без службы.

Камкин, нарастив груды долгов, бежал в Тянтзинь, где, вероятно, тоже занимается «гешефтами».

Фёдор Давиденко уехал в прошлом году в Пекин, где поселился в миссии. Как прошёл у нас здесь слух, то осенью прошлого года, во время военных действий его убило случайно. Жаль беднягу, а с другой стороны, он ведь болтался уж долгое время между небом и землёй: ни дела, ни службы — жалкая была его доля. Помогали ему кое-кто. Но вряд ли это ему хватало. Летом прошлого года он жаловался мне на судьбу, но помочь я ему не мог, ибо у меня самого было коротко.

Тарас Баитов служит сторожем на китайской фабрике. Как сейчас, со всеми неприятностями в Шанхае, не могу сказать — уж два года как его не видел, но слышал, что жив. Он живёт с одной адвентисткой. Побаливает — язва в кишечнике.

Шатохина не слышно и не видно.

Леонтьев, я получил от него с большим запозданием поздравления к Рождеству Христову, окончил курс наук и стал инженером. В первую минуту уцепился за прокладку труб в Крагуеваце, но подумывает о более солидном, а для этого нужно подданство, вот он и начинает о нём хлопотать. Его супруга служит, чем помогает мужу.

Мой братец, после смерти своей невесты в июле прошлого года, послал мне лишь одну короткую открытку. Как и что у него?

Беттихер, видимо, живёт и служит по-старому на заводе в Крагуеваце. Он никому из наших здесь не пишет и о нём я узнаю от Леонтьева. Вот, кажется, и отписал тебе о всех и вся.

Передавай Тamarочке, что альбом — русский для неё — готовится её крёстным и скоро придёт.

Ну, пока, Тамара Семёновна шлёт Вам ещё раз свой низкий поклон и привет. Славочка помахивает ручонкой. И я ещё раз крепко христосуюсь со всеми Вами и желаю от всего сердца всяческого благополучия.

Храни Вас Господь Бог.

Искренне твой.

1939 год

5-ое ноября /Грудня/ 1939 года

С Рождеством Христовым,
С Новым, счастливым Годом:

Дорогие и милые Викторианна Бернардовна, Дмитрий Ионович, Тамарочка, Митенька и Верочка:

Тамара Семёновна, Славочка и я сердечно поздравляем всех Вас с наступающими праздниками и от всего сердца желаем, что бы Вам русский дедушка Мороз принёс в этом году прекрасный и чудесный подарок — то, что является предметом Ваших постоянных дум и мечтаний.

В последний раз отправил я Вам давным-давно — 2-го мая — букварь Тамарочке. С тех пор по одной, то по другой причине никак не мог собраться с силами и написать, просто даже послать. За это время перемен в моей жизни не произошло, но вообще в свете много нового появилось.

От тебя, дорогой друг и кум, получил я 15-го мая письмо от 27-го марта. Редко ты мне что-то стал писать — занят, вероятно? Да и годки берут своё?

Мы Вас, конечно, никогда не забываем и на нашем камине постоянно красуются две фотографии — тройка Дмитрия Ионновича и моя крестница.

Сейчас тоже не буду много писать: шлю лишь восемь страниц моего кругового письма, копию письма отцу Герасиму Шорец и набросок оглавления моей будущей книги, первую часть которой сработал почти что целиком, равно как и половину третьей части. Вторую же часть и половину третьей ещё не трогал. Книга будет называться «Россия, Словене и Иные Народы» — книга на животрепещущий момент.

Кроме того, прилагаю поздравительную карточку. Возможно, что в этом году моё поздравление поспеет к Вам вовремя или же чуть-чуть опоздает.

Пиши, дорогой Дмитрий Ионнович, о себе и детях подробнее.

Альбом Тамарочки всё никак не могут докончить, да теперь это и понятно — в связи с падением китайского доллара в июне, а потом июле новые открытки совершенно не появляются на рынке, так что и не знаю, что и вклеить. Пожалуй, следует отправить так — в незаконченном виде

с тем, что позднее, когда появится у нас открытки подходящие, то куплю их и пошлю тебе. Поэтому ждите альбома в самом скором времени, но в виде незаконченного.

Наши шанхайцы живут прежним порядком: Романовский, Прокофьев, Борис Стихин, Соколов, Дмитриев, Бормашина. У Носкова же перемена — за пьянство его уволили весной с фабрики и с тех пор он без определённой службы и работы. Леонтьев в мае был болен и лежал в Белградском госпитале. В октябре он ожидал прибавления семейства. Пызин плавал радио-телеграфистом на пароходах. Шатохина в Шанхае нет. Доктор Казаков по-прежнему в братстве. Киркор «удирал» в Америку, поймали, сидел в тюрьме, теперь снова гуляет по улицам и творит аферы. Дожиров⁴⁷ и Александров по-прежнему в полиции и как встарь они воюют друг с другом. На этом окончу, дорогие друзья, пожелав Вам добра. Ждите следующего письма.

1940 год

4-е мая 1940 года
Травня

Дорогой друг Дмитрий Ионнович:

От имени Тамары Семёновны, Славочки и своего шлю всему твоему дорогому семейству самые лучшие пожелания и запоздалые весьма поздравиения с праздниками, кои только-что истекли. Когда это письмо к тебе доберётся, то у нас будет разгар лета, а у тебя период дождей.

К сему письму прилагаю копию моего письма Авениру Геннадиевичу Ефимову. Из него ты узнаешь ряд моих и наших новостей. Кроме того, в концерт вкладываю письмо Михаила Александровича Стихина. Наконец-то он собрался написать тебе. Хотел послать свою карточку, но что-то не может найти её у себя дома.

6-го января получил я твоё письмо от 15-го ноября. Тебе же на него, прости, друг, не ответил до сих пор. В январе, марте и апреле я почти никому не писал, отправив партию писем в феврале и сейчас вторую. Так-что моим последним письмом является моё письмо от 8-го ноября прошлого 1939 года. С альбомом для Тamarочки — моей крестницы всё никак не

⁴⁷ Вероятно, **Доможиров**.

могу закончить. Так незаконченный он и лежит. Сейчас же новых открыток достать невозможно — сам понимаешь, когда один американский доллар скакнул чуть ли не в 10 раз против нормального: кто будет выписывать и покупать такой дорогой товар. Ведь не американский доллар поднялся, а китайский упал, так что валюта любой страны теперь у нас как драгоценность. Пришлѐшь ты мне, напр[имер], чек, как дворнику на чай, а у нас это после перевода на китайскую монету получится министерским окладом.

Как твои ребятишки? Пиши о них. Как супруга и ты сам? Пиши, не забывай.

Батарейцы все живы и здоровы и всё идёт по-прежнему. Леонтьев поправился. Через два годика Андрей Алексеевич уходит по возрасту в отставку, «Комрыж» же через год, пенсии оба они не вытягивают. Особенно обидно это Андрею Алексеевичу, так как ему совсем-совсем малого не хватает до неё.

Ну, пора идти в контору. Хочу сегодня отправить своё запоздалое письмо.

Надо ещё кой-кому написать, не сейчас, но в этой партии писем.

Будь здоров со всей своей семьёй и Господом Богом храним. Не забывай нас. Искренне твой.

9-ое ноября 1940 года

Добрый вечер, дорогие
Дмитрий Ионнович, Викторьянна Бернардовна,
Тамарочка, Митенька и Верочка:

Целую вечность не писал тебе, дорогой мой друг, наконец-то сегодня заставил себя сесть и начать писать тебе. От тебя последней вестью имею твоё письмо от 25/1/40, полученное мною 22/у (V. — А. О.)/40. Перед тем имел от тебя письмо от 15/XI/39, полученное мною 6/1/40. Тебе же я направил в этом году письмо 4/у (V. — А. О.) и пачку газет 7/IX.

Когда это письмо доберётся до тебя, то у Вас на носу (если не за носом) будет Рождество Христово и Новый Год. поэтому покорнейше просим от имени нас троих (Тамары Семёновны, Славочки и моего) принять наши самые искренние поздравления и самые лучшие пожелания на весь наступающий год. сейчас по всему миру идёт гроза, хочется верить и надеяться, что после этой бури придѐт мир нашей дорогой Родине — России, невольно вспоминается предсказание святителя Серафима Саровского,

сказавшего, что ровно через 100 лет после его смерти среди лета будет святая Пасха. Если мы отмеряем эти сто лет, то получим лето 1942 года.

Если же теперь мы возьмём слова грешного человека Григория Распутина, то мы услышим, что после его смерти погибнет царь и его семья, а с ними погибнет и Россия, но через двадцать пять лет в России снова будет дворянство. Если мы отмеряем от смерти Государя 25 лет, то получится тоже лето 1942 года. Такие выкладки ещё три-четыре года тому назад большинство признало бы за бред свихнувшегося мистика, но, пожалуй, теперь, после событий 1938–1940 г.г., любой и каждый скажет, что в этом мире всё возможно и ничего нет невозможного. Иными словами, почему бы нам и действительно через каких-нибудь полтора-два года не оказаться снова, как по мановению волшебной палочки, на нашей дорогой Родине? Если данные фразы и мысли тебя утешат, подбодрят, то я буду только счастлив, что написал о всём этом в своём письме.

Теперь о другом: в давнишние времена я сообщал тебе, что начал готовить подарок своей крестнице, дорогой Тamarочке. Слава Богу, сейчас эту работу я почти что закончил: осталось самая малость: две карточки и карта России, а также все подписи и надписи. Всё же в самом непродолжительном времени я намереваюсь закончить эту работу. С этим же письмом я посылаю тебе для Тamarочки листок с описанием (перечислением) всех снимков в альбоме том помещённых. Надпись на альбоме я делаю на имя всех трёх твоих детишек, так как, в конце концов, тебе будет самому виднее, кто больший интерес будет проявлять к прошлому России — моя ли крестница или кто-либо из ея меньших. По-моему, тому и альбом следует передать. Собрать всё то, что я там поместил, было нелегко — все последние годы (лет пять уже) открыток в Шанхае было очень немного, а за последние два года и совсем ничего (объяснялось это страшным падением китайской валюты по сравнению с европейскими). Теперь же, после разгрома Польши (где печаталось 80% русских открыток) и Франции (где печатались остальные 20%), и при желании ни за какие деньги не выпишешь. Сейчас как будто бы начинают печатать открытки в Харбине, но эти издательства не выдерживают никакого сравнения с Польскими и Французскими изданиями. Всё же я надеюсь, что подарком моим детишки твои, Викторянна Бернардовна и особенно ты сам будете довольны. Если как-либо смогу сбить время, то в ближайшие два года постараюсь дать более или менее подробное описание всех помещённых картин в этом альбоме. Дав все ссылки и указания. Таким

порядком, детишкам твоим можно будет исподволь пройти курс русской истории, ознакомившись со своей заморской Матерью — Родиной.

Теперь ещё другое дело: вслед за сим письмом тебе пойдёт пакет детских русских книг. Их всего пять штук:

1. Ершов — Конёк Горбунок;
2. Пушкин — Сказка о рыбаке и рыбке;
3. Индийская сказка — Дочь дровосека;
4. Русские народные сказки — Два Мороза, Дочь пастуха, старая хлеб-соль забывается;
5. Русские народные сказки — Царевна лягушка, Правда и Кривда.

Эти книги уже куплены и лежат у меня. Отправка их задерживается следующим обстоятельством. Эти книги — подарок твоим детишкам, как знак внимания к тебе, и вместе с тем культурная работа господ офицеров нашего дивизиона. Таким образом, за книги тебе надлежит благодарить официально не меня, а батарею, хотя, между нами будь сказано, всё и проведено исключительно по моему предложению и почину и с одобрения папы-Борисова. Остальных никого и не спрашивали. А подоплёка всему делу такова: с некоторых пор «папа» Борисов стал собирать по полтиннику с головы в месяц на нужды нашего «дивизиона» или «батареи»: в газету объявление о панихиде поставить, крест на могиле Мяздрикову покрасить и т. д. и т. п. Короче, он собирал все полтинники на «панихиды». Полтинников сих я не платил, так-как сказал, что я принципиально против этих слишком уж частых панихидных дел. Ну, скажем, раз, два в год — это понятно, но нельзя же чуть не каждый день или месяц все похоронные дела творить. Конечно, покойников забывать не следует, но нужно памятовать и о здравствующих. С неохотой я изредка давал свой полтинник и таким образом за мною образовалась недоимка 15 рублей. Нажим на меня со стороны «папы» усилился, а я не уступал и в конце концов мы «помирились» (хотя и не ссорились) на том, что твоим детишкам будет послано книг на 10 долларов (китайских). Между прочим, полтинники эти не тратятся все полностью, а кое-что откладывается на чёрный день. Таким образом, сейчас в «артиллерийском» фонде лежит 10 кит[айских] долларов (примерно). На данных книгах наши г-г. офицеры должны (по замыслу моему и папиному) расписаться собственноручно. Сбор подписей займёт, вероятно, недели три, а то и целых четыре, т. к. живя в большом городе, не все часто посещают папу Борисова. Но, в общем, в скором времени жди заказного пакета с книгами.

Чуть не две страницы посвятил я уже тебе, а ничего, собственно говоря, и не написал ещё. Это-то вот и показывает, как непросто писать письма далёкому другу.

Я надеюсь, что все вы, с Божьей помощью, живы и здоровы, веселы и счастливы. Дай Бог тебе сил и здоровья, чтоб поднять и на ноги поставить твоих милых детишек. Я думаю, что сейчас Тamarочка уж настолько велика, что могла бы и «писульку» своему крёстному написать. Это не в укор, но для сведения.

Первую страницу сего письма я умышленно отпечатал на бланке Архива 93-го и 269-го полков. Из заголовка ты можешь увидеть, что я вступил в сношения с группой совершенно новых лиц и кроме того, что моя давнишняя мечта о выпуске книги о 269-ом, как будто бы, близится к осуществлению. Ведь ещё в своей первой книге «Белоповстанцы» я ставил объявление в 1932 году о сборе материалов по сему предмету и вот... через 8 лет ты видишь заголовок «Архив 93-го и 269-го пех[отных] полков». Это показывает, что время и труд всё перетрут. Полковник Еленский — сверстник (почто-что) моего покойного отца. Харжевский — был в 1914 г. прапорщиком запаса в полку моего отца, а в 1919–1920 г. боевым генералом и командиром 2-го Дроздовского стр[елкового] полка на юге России. О Прокушинском говорить много не приходится — он был в 1912–14 г.г. адъютантом в 93-м полку, из выделенных кадров коего мой отец создал 269. Думаю, что эти строки всецело удовлетворили часть твоего любопытства по сему предмету, а потому перехожу на другое.

Бедняга отец Шорец видимо пропал, попав в лапы агентов СССР. От него я получил от первых чисел июня: 1) заказное письмо; 2) книгу — подарок; 3) краткую открытку, в которой он писал дословно: «перевожусь в другой город. Пока не пишите. Сообщу новый адрес». Эта открытка была датирована за два дня до полного овладения страной советчиками. Что с ним стало, где он — нечего не знаю. Писать же в Социалистическую Литву не решаюсь, как бы ещё более не повредить ему, если он жив ещё.

Примерно такая же история произошла с одним Новоржевцем, находившимся в Риге. Где он и что с ним — один Господь ведаёт.

Где и что с Петрушевским, тоже не знаю. Он был в Риге в момент объявления войны в прошлом году и в дни ввода в Латвию советских гарнизонов. Удалось ли ему удрать до «самовозсоединения» — не знаю.

Между прочим, и у нас дела не особенно-то веселы: того и гляди и нас всех как бы не отправили в милую страну Советов. Скверно, когда идёт в Китае война между японцами и китайцами. Скверно потому, что нет торговли. Но если б японцы ушли, то вряд ли б нам стало лучше: Совет[ы] через китайцев-коммунистов могут воздействовать. Слухи же о том, что Советы домогаются «возвращении им всей Маньчжурии до Порт-Артура включительно, а также и Кореи, у нас порой ходят. Некоторые русачи восхищаются такой «великодержавности», но, в общем, соседство — это будет тогда совсем на манер «Литовского» или «Эстоно-Латышского», так как на Финляндию городок наш совсем не похож и Маннергейма пока-что тут не рождалось.

Некоторое время тому назад, ты, дорогой мой приятель и кум, потрясал из-за моря кулаками и собирался сдвинуться с места и кой-кого двинуть. Но на мой взгляд куда лучше тебе сидеть, да детишек своих растить. А вот когда их вырастишь, то тогда и дело для блага будущей России сделаешь, если воспитаешь добрых граждан. А нам с тобой воевать сейчас уж поздно — и не только года, дорогой мой, но техника-то, пожалуй, на первом месте.

От Жиховского я имел в августе прошлого года приглашительную карточку на его свадьбу, состоявшуюся 7-го августа 1939 года, но 1-го сентября у них грянула война и с тех пор также ни слуху, ни духу.

Третьяков жив, находится в Праге, но ничего не пишет. Как его дела? Трудно, видимо, зарабатывать кусок хлеба. Эмигрант в своей собственной стране.

Авенир Геннадьевич Ефимов здравствует. От него я имел письмо от августа сего года. Служит, работает и занимается в свободные минуты своим любимым делом. Пожалуй, если ты ему напишешь письмо, то он тебе вышлет кой-какие газеты, бумаг. Он очень славный.

Как и всегда, дорогой Дмитрий Ионнович, я очень и очень занят. В конторе работы теперь, правда, очень мало работы, но всё же большая часть дня уходит на неё: занятия в ней идут с 9 до 12 и с 2 до 4. По средам и субботам занятия только утром, а после обеда гуляем. Всё это было-бы очень приятно и хорошо, если б не пахло б скверными последствиями. Ведь при таких «делах» (вернее, без всяких дел) контора может прихлопнуться в любое время. Найти же новую службу сейчас почти невероятно, так как большинство контор именно так и работает — по полдня, некоторые (американские) совсем прихлопнулись. Что день грядущий нам готовит — этого никто не знает.

Жизнь страшно подорожала и дорожает всё больше и больше. Жалования же не прибавляют. Теперь в Русском Эмигрантском Комитете произошли перемены — Мецлер был убит в августе, сейчас временный председатель — судья Иванов. Но возможен переход власти к каким-нибудь крайним фанатикам — приверженцам соседней державы, покровительствовавшей в оные дни жёлтым лампасам. В Харбине, напр[имер], содрали со всех эмигрантов обручальные кольца, нательные золотые кресты и т. д. Теперь воспретили женщинам даже губы мазать. Вот тебе отрывка «тоталитарной» системы. В Харбине главный начальник — генерал Кислицын. А вот в Тянтзине дела куда хуже — там начальник бывший калмыковец — Пастухин. Там-то эмиграцию согнули [в] бараний рог. Что будет у нас — один Бог весть. И так плохо, а так ещё хуже. Вчера французы передали суд на своей концессии в руки «Нанкинского» правительства, т. е. ставленников Японии. На Селементе⁴⁸ пока что царит суд «Чункинского» правительства. Американцы эвакуируются почём только можно. Англичане же уже укатили в конце августа. В общем, всё очень грозно. Одна надежда — на Царицу Небесную, да Господа Бога.

С майского № (168) Вестника Военных Ветеранов Великой войны в Сан-Франциско начала печататься моя работа — «БОРЬБА В ЗАУРАЛЬЕ», написанная мною ещё осенью 1935 года. Печатается она примерно по 10 страниц на №, но в год выходит всего 6 номеров. Так что окончится печатанье это лишь летом или осенью будущего 1941 года. Мне должны отпечатать несколько отдельных экземпляров. Тогда я вышлю тебе на память.

Быть может, мне удастся где-либо пустить в печать и «Путь гонимых» (твои записки), но пока что этого не удалось.

В сентябре с. г. я перепечатал набело первую часть своих записок «Конец Белого Приморья» — «На мирном положении» (апрель — август 1922 г.). в течение сего и следующего месяца я намереваюсь перепечатать вторую часть «Последний поход» (сентябрь — октябрь 1922). Тогда вышлю тебе один экземпляр в рукописи.

Моя работа «Русь, Словене и Иные Народы» пока что стоит на месте, хотя я кое-что прочёл за это время, сделал кое-какие выписки. Так что подготавливаю материал. Но конца этой работе не видно.

⁴⁸ **Шанхайский международный сетлмент** (Шанхайское международное поселение) — территория Шанхая, находившаяся под международным управлением с 1842 по 1943 гг.

Начал я это письмо в 6.30, а сейчас уж 9.30, написал, в общем, не так уж много, по существу, но устал порядочно. Буду кончать на сей раз.

Поцелуй крепко от меня всех твоих детишек, руку Викторины Бернардовны, Тамара Семёновна и Славик шлют всем Вам ещё раз свой привет и лучшие пожелания. Славик отлично знает, что, когда он спит, Тamarочка гуляет, а когда он гуляет, то Тamarочка спит. Славик ходит уже в детский сад французского муниципального колледжа. Получил первую награду — «табло д, онер». Объясняется немного по-французски, гораздо лучше по-английски. Крепко целую тебя, дорогой друг, и жму твою руку. Храни всех Вас Господь Бог. Не забывайте нас. Пиши. Всегда рад твоим вестям. Батарейцы все здоровы и шлют тебе привет, вот только Стихинзон что-то ослаб — не туберкулёз.

Искренне Ваш.

1941 год

2-е марта 1941 года

Дорогой Дмитрий Ионнович и Викторинна Бернардовна:

Христос Воскресе: давно что-то мы не имеем от Вас весточки. Как-то проживаете Вы сами, как детишки? Альбом Тamarочки всё ещё не могу собратья отправить — всё наклеено, но нужно сделать несколько соответствующих надписей и подписей на различных страницах. Всё же обязательно постараюсь сделать это в ближайшие две недели. Получили ли Вы пачку детских книг, кои я направил детишкам в январе месяце? Пожалуйста, сообщи.

К сему письму, точнее, записке, прилагаю копию моего письма Аверниру Геннадиевичу на 3-1/2 страницах. Из них ты узнаешь ряд новостей моей личной жизни, нашего дальневосточного положения и книжного вопроса. Относительно наших батарейцев сообщу: всё более или менее находится в старом положении. Имеется лишь ряд мелких отклонений больше по форме, чем по существу: Госпиталь Православного Братства перешёл теперь в руки Эмигрантского Комитета, так сказать, проделали «национализацию», «социализацию», как хочешь, так и называй. Козакову с его братством за 17 лет работы вставили в известное место перо. Романовский остался в Госпитале, но не совсем доволен переменой, хотя отношение к нему со стороны новых «демократических» или «национал-фашистских» сил, кажется, вполне корректное. Между прочим, среди

членов «контрольного отдела» имеются твои знакомые: «Комрыж»-Доможиров и фашист Стеклов⁴⁹ (бывший подполковник Ижевец-Гродековец), последний особенно привязчив, как я то слышал. Соколову и Стихину делали «вдувания» в лёгкие, т. к. у них начался было туберкулёзный процесс — результат очередной простуды. Об остальном в следующий раз. Будь здоров, старый дружище. Жена и сын шлют всем Вам привет.

1945 год

Б. Б. Филимонов

16 декабря 1945 года

Р.О. Вох 2006

Шанхай.

Д. И. Решетникову
Гойац-Капитоль, Гойац, Бразилия

Дорогие Дмитрий Ионнович и Викторина Бернардовна:

После более чем четырёхлетнего перерыва пишу Вам первое письмо, посылаемое по «нормальной» почте (Весной истекающего года я направил Вам и ещё кое-кому письма через «Красный Крест»).

Мы все трое, Слава Богу, благополучно пережили всю войну, которая каким-то чудом миновала нашего богоспасаемого Шанхая. Были у нас, конечно, малоприятные моменты, но всё, в общем, обошлось благополучно. Теперь живём в тумане и надеемся, что судьба благополучно пронесёт и через неизвестное будущее.

Как Ваши дела? Как детишки? О всём мы будем с большим нетерпением поджидать Ваших вестей. Между прочим: летом 1941 года я направил Тamarочке альбом открыток по русской истории, но до начала

⁴⁹ **Стеклов Константин Алексеевич** (урождённый Георгий Николаевич Жиряков). Участвовал в Первой мировой войне. В 1918 г. в чине поручика участвовал в антибольшевистском восстании в Ярославле, позднее служил в штабе Воткинской дивизии начальником службы связи. В Приморье состоял во 2-м корпусе генерала Смолина. Штабс-капитан. После поражения Белой армии эмигрировал в Китай. Служил в Русской группе войск армии Чжан Цзунчана, был командиром 105-го пехотного полка. С 1 ноября 1925 г. — полковник китайской службы. На август 1926 года — старший инструктор Инструкторского отряда 165-й бригады. Был активным членом Всероссийской фашистской организации. С 1930 года жил в Шанхае, где работал телохранилем.

войны я так и не получил твоего подтверждения о получении этого альбома Вами. Пожалуйста, сообщи об этом теперь.

За время войны, т. е. за 4 года, я проработал мою новую рукопись — «НОВОРЖЕВЦЫ», давшую около 1,200 страниц печатного текста. Эту рукопись надо ещё перепроверить, дав её на прочтение кой-кому. Не знаю, впрочем, кто из наших сотрудников пережил это страшное время. Во всяком случае, от А. Г. Ефимова я уже имею письмо. Жду таких же и из Европы.

Моя мама погибла в Ленинграде ещё 7-го декабря 1945 года. Что произошло с братом — не знаю: последняя весть от февраля 1941 года.

У нас в Шанхае 1-го ноября 1941 года скончался от туберкулёза Михаил Александрович Стихин. Перед самой же Пасхой 1942 года умер от простуды Иннокентий Петрович Носков. Он серьёзно болел тифом в декабре 1941 года. Затем у него последовало осложнение, перешедшее на грудь. В феврале — марте 1942 г. он был совершенно здоров, но в апреле снова простудился, слёг в госпиталь и больше не встал. Борис Николаевич Пызин ушёл с кораблём, как радио-телеграфист, ещё [в] 1940 г. и с тех пор о нём нет вестей. Был слух, что он, вместе с кораблём, погиб, но... кто знает, быть может, и жив окажется. В самом начале этого года умер Дронников, а в мае — Штральман. Наконец, уже после капитуляции Японии, от водки свалился Владимир Павлович Борисов. Недели три он лежал парализованным и, наконец, через несколько дней после официального торжества победы, он скончался. Однако, водка его и погребла с честью: свою газолиновую лавочку он, во время войны, превратил в шинок, а тут наехали американские матросы... Сам Владимир Павлович умирает, а шинок даёт колоссальную прибыль. Он умер, но и после его смерти Мария Фёдоровна с компаньоном продолжали разворачиваться. Похоронили самого «папу» с честью и памятник ему поставила... и всё это на заработанные деньги (перед капитуляцией же дела у «папы» были дрянь).

Во время войны страшнейшую пронацистскую пропаганду вёл по радио, с немецкой станции, Унтербергер, в теперь... он гуляет на свободе, в ус не дует... Всеволод Иванов, с советской станции, вёл противоположную работу и весной этого года укатил в Москву.

С 4-го октября я работаю у американцев, проливаю чернила в конторе. Однако, работа эта только временная. Оплачивается поденно и в каждую минуту может закончиться. Во всяком случае очень долго она

не продлится. Место службы не в самом городе, а далеко за концом Янгцэ-ру. Езжу туда и обратно на казённом американском грузовике. Переезд берёт много времени; таким образом на работу убивается весь день. Для себя почти ничего не остаётся. В самом же городе банки только что открываются, торговых же дел пока ещё нет.

Славочка уже большой мальчик. Сейчас он уже в 7-ом классе и до окончания школы ему остаётся ещё 6-1/2 учебных лет. Им мы пока вполне довольны.

Думаю, что на первый раз моё письмо достаточно прост[ое]... а потому и закончу его, выразив надежду на скорое получение от Вас обстоятельного сообщения о Вашей жизни и перспективах на будущее. Никогда ни от чего не следует зарекаться, а потому был бы тебе благодарен за сообщение относительно возможностей на переезд всего моего семейства в твой край. Твой взгляд на эти вещи, денежный расчёт и т. п.

Адрес мой, как ты видишь из заголовка, остаётся без перемен.

Итак, будьте все Вы, впятером, здоровы и удачливы во всех Ваших делах. Да хранит Вас Господь Бог. Тамара Семёновна и Славочка шлют всем Вам сердечный привет. Крепко жму твою руку, старый дружище, и поздравляю с наступающими праздниками Рождества Христова и Новым 1946 годом.

Искренне Ваш.

1946 год

Б. Б. Филимонов

12-ое мая 1946 года

Р.О. Вох 2006

Шанхай, Китай.

Д. И. Решетникову

Гойац-Капитоль, Гойац, Бразилия

Дорогие Викторианна Бернардовна,

Дмитрий Ионнович, Тamarочка, Митя и Верочка:

Война окончилась. Я написал Вам после этого уже несколько писем (одно из них по воздушной почте), а ответа от Вас никакого нет. Как Вы поживаете? Не переселились ли в какое иное место? Живы ли, здоровы ли?

О всём этом хотелось бы узнать, но повторяю, пока от Вас нет ничего. Посему, к этому письму прикладываю так же и письмо на португальском языке с тем, чтоб в случае Вашего переезда, официальные власти дали бы нам какую-нибудь справку.

Мы все трое, слава Богу, живы и здоровы. Живём пока что все на той же старой квартире, где поселились ещё в 1939 году: Наньянград, близь ферри ро[у]д — так хорошо памятной тебе, старый дружище.

До настоящего времени я выяснил: 1) моя мама умерла ещё 7 декабря 1941 года в Ленинграде. Причина смерти мне неизвестна. В то время Ленинград был уже блокирован, и германцы громили его своей артиллерией. 2) Из Сан-Франциско, от Авенира Геннадиевича Ефимова получил 4 открытки и посылку на Рождество. Он жив и здоров, но много работает; условия жизни изменились в худшую сторону. 3) Несколько дней тому назад получил первое письмо из Чехословакии, от Юрия Николаевича Третьякова. Он жив и здоров, произведён в след[ующий] чин Штабного Капитана, награждён орденами, медалями и т. п. Это всё: о брате, Леонтьеве и других нет ни слуху, ни духу.

Мельком, стороной слышал, что Борис Николаевич Пызин якобы жив, был в плену в Греции, где его держали немцы, после того как его корабль был потоплен в Средиземном море. Якобы его видели живым и целым уже по окончании войны. Дай Бог...

У нас всё очень смутно и неясно. Как бы «обычная» война в Китае не разгорелась бы в более серьёзное. Плохо то, что концессий теперь нет, а потому бои могут развиваться всюду и везде. Это, конечно, не то, что было здесь и в 1926 и 1927 и 1932 и 1939 годах.

Я пока служу у американцев, в конторе, за городом. Платёж мой, в общем, приличен. Но это только ВРЕМЕННАЯ РАБОТА, а НЕ служба. Сегодня она есть, а завтра, может быть, и ничего не будет.

Есть у нас мысль: НЕ переселиться ли к Вам, в Бразилию, да именно к тебе, в Гойаз? Напиши поэтому подробнее по сему предмету и освети весь вопрос со всех сторон. Был бы премного благодарен от имени всех нас.

В Маньчжурии сейчас идёт гражданская война: пути все прервались. Сообщения у нас с Харбином нет. Что там творится — Бог ведает.

Ну, будем поджидать Ваших вестей. Храни Господь Бог всех нас. Искренне Ваш.

1948 год

5-ое февраля 1948 года
Борис Борисович Филимонов
Почт. Ящик № 2006
Шанхай

Д. И. Решетникову
Руа Бенжамин Константе, 10
АНАПОЛИС, Гойац, БРАЗИЛИЯ

Дорогой Дмитрий Ионныч:

Только-что получил от Авенира Геннадиевича твоё письмо ему от 20-го ноября пр[ошлого] года. Понимаешь сам, как мы все несказанно обрадовались твоей весточке. Признаться, считали тебя уже совсем в другом свете. Авенир Геннадиевич чрезвычайно любезно направил письмо по воздушной почте, и я получил его на 5 день.

Прежде всего скажу тебе, что все мы, т. е. Тамара Семёновна, Славочка и я, благодарные Господу-Богу, живы и здоровы. Надеюсь, что вся твоя семья великолепно здравствует. Мы же живём на той же квартире, куда въехали в 1939 году. Славик усталось до окончания средней школы (т. е. по-английски — «высшей») только 3 года с маленьким хвостиком (4 месяца). Я же с 4-го октября 1945 г. служу у американцев, государственная организация; служил в отделе найма гражданских служащих, а с декабря прош[лого] года — бухгалтером в торговой организации на подобие Гвардейского Экономич[еского] Общества.

Но всё это мало нас сейчас радует. Мы хотим как можно скорее навести свои лыжи отсюда. Но об этом ниже.

Последнее от тебя письмо я получил 15-го мая 1941 года, оно было написано тобою 3-го апреля того же года. Я тебе отправил в июле 1941 года пакет для Тамарочки: альбом русских художественных открыток, приличной толщины. Получили ли Вы его?

Во время войны, через Красный Крест (Швейцарский) я отправил краткое письмо в 25 слов. Ответа на него не было.

По окончании войны 16-го декабря 1945 года послал тебе заказное письмо воздушной почтой, но оно вернулось назад. Сейчас возвращаю его тебе в том же запечатанном виде, как я получил с почты. Это было летом 1946 года, вскоре после отправки мною тебе второго письма —

12-го мая 1946 года. Это второе письмо назад не вернулось, хотя тоже было и воздушным, и заказным. Кроме того, как помнится, писал тебе ещё.

Как видишь по конверту моему: писал я на ГОЙАЦ, а ты был в АНА-ПОЛИСЕ. Не моя это вина. Но, вот, брат, твоих писем я так и не получил. Как ты их писал? Авенир Геннадиевич также сменил свой адрес.

На днях, в прошлое воскресенье, был у меня в гостях Александр Николаевич СОКОЛОВ. Вспоминали тебя. Он, вместе с Борисом Николаевичем ДМИТРИЕВЫМ, служит всё там же на Мыловаренном заводе. РОМАНОВСКИЙ, старик, жив. А вот его сынок — Шурка — выбрал советский паспорт. Вообще, от нас за прошлую осень уехало в СССР около 6,000 человек, совершенно добровольно. Но и сейчас много осталось ещё новоиспечённых советских в нашем городе. Эмигрантов же всего осталось 5,000 человек. Возглавляет их БОЛОГОВ — наш знакомый по Ивановке. За истёкший год умерло 600 и выехало 500 эмигрантов.

Вообще, делать в Шанхае и Китае быломu человеку абсолютно нечего. Больше того, положение во многом напоминает 1919 год в Сибири. Чем всё это кончится — неизвестно. Но мотать надо возможно скорее. Вспоминаем теперь твоё предложение 1930 года, когда ты усиленно звал нас в Бразилию. Теперь выезд для нас становится делом насущной необходимости. Поэтому и обращаюсь к тебе с покорнейшей просьбой: —

Спешным порядком обращай в МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ своей республики и высылай нам таким же спешным порядком визы на выезд в твой край.

Какие там формальности нужно проделать: не знаю. Наверное, надо согласие твоего муниципалитета и проч.

Копию этого письма я направляю через Авенира Геннадиевича и через него же ты получишь наш старый китайский паспорт и удостоверение от полиции о нашей благонадёжности. В следующем письме пошлём и наши официальные фотографии, а также несколько удостоверений личностей наших (от американ[ских] властей и русск[ой] эмигрант[ской] ассоциации).

Пожалуйста, напиши, не откладывая в долгий ящик, и вполне откровенно и прямо: можешь ли ты что-либо сделать для нас и в какой срок. Ты нас хорошо знаешь и с тех пор своей энергии ни я, ни Тамара Семёновна не потеряли, а опыт у нас значительно возрос. Поэтому на шею твою мы не сядем и в тягость тебе не будем. Но, посуди сам: —

В марте 1946 года советские оставили Мукден, куда вошли войска Центрального китайск[ого] правит[ельства] (Чжан-Кай-Ши). Тоже случилось и с Чань-Чунем, но до Харбина правит[ельственным] войскам добраться не довелось. Затем, в начале 1947 г. произошёл разрыв между кит[айским] правит[ельством] и кит[айскими] ком[мунистами]. И началась гражданская война. Наступления, отступления. То же, что на Урале, Тоболле и т. п. Зимой этой шли больше бои у Гирина и Чань-Чуня. Нац[иональное] правит[ельство] имело там громадные победы, а теперь из Мукдена эвакуируют по воздуху, товарищи атакуют Лаоян, но после больших побед правит[ельственных] войск Тянтзинь оказался теперь вне опасности. Так пишут газеты. Разговоры же идут различные, но их принимать в [ра]счёт мы не будем.

Теперь о другом: — В марте 1947 года БАИТОВ был ещё жив — он лежал тогда в туберкулёзном отделении тянтзинского госпиталя (русск.), что произошло с тех пор — не знаю, ибо с Тянтзином связь очень плохая (только по воздуху). От Женьки ЛЕОНТЬЕВА получил письмо в октябре 1947 года: он жив, находится вместе с женой в ГАННОВЕРЕ, в Германии, в английской зоне оккупации. О ПЫЗИНЕ новостей нет. Вдова Михаила Александровича СТИХИНА взяла советские бумаги ещё во время войны, в 1946 г. она от туберкулёза слегла в Дженераль Госпиталь и осенью прошл[ого] года уехала в СССР. Жива ли она или нет — Бог ведает.

Ты помнишь, конечно, АКСЮТУ — подполк[овника] Уральского полка, владельца пекарни. Так вот, он тоже взял сов[етские] бумаги, затем продал свой дом своему же консульству и уехал «домой». Он продал за 12, 000 амер[иканских] дол[ларов], но половину получил здесь «черепками» (по офиц[иальному] курсу), а вторую половину «угольками» во Владивостоке (тоже по офиц[иальному] курсу). От всего этого «удовольствия» он протянул ноги, о чём и сообщила его вдова. В союз уехали также твой друг ПОНОМАРЕВ и другой уралец — шт[аб]-кап[итан] ХИМИЧЕВ. Взяли бумаги, но сидят в Шанхае БЕЛЬДИН, ГОЛДОБИН — тоже уральцы. Уехал также и старший Егерь — Шт[аб]-кап[итан] СУРЬЯКОВ, а АЛЕКСАНДР находится ещё с начала войны в Австралии. Туда же уехали ПРОКОФЬЕВ, Андрей Алексеевич, БАЛАНДЕНКО и ГРУДИН, а также СОЛНЦЕВ (сибказак). Ну, пока. Жду письма. Целую ручки Викторiane Бернардовне, целую мою крестницу, Митеньку, Верочку и тебя, старый дружище. Твой

15-ое июля 1948 года
Борис Борисович Филимонов
Почт. Ящик № 2006
Шанхай

Д. И. Решетникову
Руа Бенжамин Константе, 10
АНАПОЛИС, Гойац, БРАЗИЛИЯ

Дорогой Дмитрий Ионнович:

Хотя последнее письмо твоё я и получил 15-го апреля, но всевозможные дела никак не давали мне возможности **ОБСТОЯТЕЛЬНО** написать тебе. Сейчас тоже пишу наспех. Огромное тебе спасибо за все твои обещания: делай, пожалуйста, что можешь. К сему письму прилагаю копии **МЕТРИЧЕСКОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА** о нашей свадьбе и о **РОЖДЕНИИ** Славика. Другие документы вышли месяца через ДВА, их надо добывать через **ЭМИГРАНТ АССОЦИАЦИЮ**. Как твоё здоровье? Надеюсь, что поправился? Как супруга и детишки? Тамара замечательна, даже Митя и Вера не уступают. Ефимов писал мне, что ты руганул Бека, то-бишь «Кутузова — Суворова»⁵⁰ и т. п. Он того и заслуживает. К этому письму прилагаю для твоего ознакомления страницу заглавную 73-ей главы «б» из **НОВОРЖЕВЦЕВ**. В этой главе фигурируешь и ты, согласно твоих записок, посланных мне много лет тому назад: смотри № 15, 33. В Шанхае нет Бразильского консульства, и кто его представляет: неизвестно. (Раньше был в конце Дюбайль). Положение у нас не стало лучше, а во много раз хуже. Хлопочи, дорогой Дмитрий Ионнович. К сему письму прилагаю два моих старых письма, вернувшихся ко мне назад. Большущее тебе спасибо за карточки детей. А нет ли у Вас групповой: всего семейства? От Ефимова давным-давно ничего нет. Сейчас, в данную минуту, Тамара Семёновна и Славик за городом, в горах — **МОКАНШАН**. Я получил за июнь месяц гроши: 180,000,000; в других организациях на моём месте получили по 430,000,000. Всё дело объясняется так: там «базис» америк[анского] доллара, а у нас — «китайские», хозяин же один и тот же. Вот порядок-то, только держись. Славик здорово простудился в самом начале апреля и проболел апрель и май, поэто[му]-то они поехали в горы, но сейчас он прекрасно себя чувствует. Сегодня 1 фунт хлеба —

⁵⁰ Полковника Бек-Мамедова, известного в эмиграции под именем Иллариона Суворова.

280,000; копеек... не пишу нигде. Получил на днях письмо от Леонтьева — он в Ганновере. Пызин нашёлся и сейчас в Шанхае. Остальное всё без перемен. Пиши, старый дружище, не забывай и хлопочи. Шатохин взял у меня твой адрес, хочет тоже просить о высылке визы. Целую ручки Викторины Бернардовны, тебя самого и всех детишек. Будьте здоровеньки. Шлю, заочно, привет от Там. Сем., Славочки. Романовский старик с сыном и Соколов просили передать тебе привет огромный. Жду письма. Искренне твой.

ВОСПОМИНАНИЯ

ЗАПИСКИ ШТАБС-КАПИТАНА Д. И. РЕШЕТНИКОВА⁵¹

...Канул в лету проклятый 1917-й год. Давно хотел заняться записями того, что происходит с нашей страной и вот только сейчас удалось сделать. Многое, конечно, забыто из прошлого, с тяжелым камнем на душе оглядываюсь назад и перед глазами стоит, как в тумане, прошедшее время войны и революции.

Да, кончилась война и вновь я дома. Приехал 2-го января, живу у себя, ничего не делаю. По совету жены поехал на станцию Байкал в село Листвяничное с целью поступить на службу. По прибытии в Листвяничное подал заявление и после опроса в профсоюзе (о том, где я был во время декабрьского восстания юнкеров в городе) я был принят на работу в качестве плотника, на жалование 395 рублей. И сейчас же приступил к работе. Ремонтируется ледокол «Ангара» и другие пароходы. Но работы идут очень плохо. Частые митинги. Все кажется странным. По наблюдению, на заводе большевиков очень немного. Не более 100 человек, что на 5000–6000 населения — пустяки.

В нашем уезде их совсем нет, а больше всего таких, которые называют себя эсеры-оборонцы. Я веду с ними беседы на разные темы, рассказываю, что видел и испытал на войне раньше и во время революции. И меня охотно слушают. Всем интересуются и вспоминают, когда я приезжал к ним в 1916 году после ранения. В 17-м году я был в отпуску уже, в октябре. То есть в разгар революции, перед приходом коммунистов. Вспоминают мои слова об анархии.

Март 1918 года

Вот и еще месяц прошел. А сколько перемен даже здесь, в этом медвеьем углу. Попал я в самый водоворот разгоравшихся страстей. Запишу по порядку все, что произошло и происходит.

⁵¹ Впервые были опубликованы на сайте «Добровольческий корпус». — URL: <https://www.dk1868.ru/history/reshetnikov11.htm> (дата обращения: 26.02.2026).

В последних числах февраля нам в Совете депутатов разрешили собрание фронтовиков. И на этом собрании я единогласно был избран председателем Союза фронтовиков. Союз насчитывал всего 274 члена, из них офицеров — только я, да прапорщик Рукавишников, не бывший, правда, на германском фронте.

Я лично надобности в Союзе не видел, но все-таки, не желая, чтобы Союз распался, принял в нем участие. Были выделены секции инвалидов и увечных. На заводе же, между тем, организовалась из большевиков Красная гвардия — 27 человек. В Союз были посланы делегаты для того, чтобы дали инструкторов для обучения их строю.

Мною было созвано общее собрание фронтовиков, на котором страсти разгорелись, и после горячих прений собрание постановило: фронтовики инструкторов не дадут. Это было 4 марта. А 9 марта из Иркутска прибыли представители Красной гвардии. Миронов, Трилиссер⁵², Шумяцкий Борис⁵³, Трофимов — бывший прапорщик и другие.

⁵² **Трилиссер Меер Абрамович** (псевдонимы — Михаил Александрович Москвин, Мурский, Анатолий (01.04.1883 — 02.02.1940). Из семьи сапожника. Окончил Астраханское городское училище. В 1901 г. в возрасте 18 лет вступил в РСДРП и стал профессиональным революционером. В 1907 г. был арестован и приговорён к пяти годам каторги, которую отбывал в Шлиссельбургской крепости. После Февральской революции 1917 г. переехал в Иркутск, где работал редактором социал-демократической газеты, а в октябре 1917 г. стал членом Центрального исполкома советов Сибири, управляющим делами Сибирского СНК, членом сибирской ЧК и членом Военно-Революционного комитета Сибири и Забайкалья. В этом качестве организовал борьбу с антибольшевистским движением в Сибири, разработал систему разведки и конспиративной связи большевиков, создал большую агентурную сеть. После образования в 1921 году Дальневосточной республики был назначен эмиссаром ДВР в Амурской области и членом Государственной политической охраны ДВР, выполнявшей функции контрразведки. Затем по предложению Ф. Э. Дзержинского был назначен в закордонную часть Иностранного отдела (ИНО) и с декабря 1921 г. стал работать помощником начальника ИНО ВЧК, одновременно был заведующим Дальневосточного отдела Исполкома Коминтерна, вёл работу по экспорту революции в Монголию, Китай и сопредельные страны. В марте 1922 г. М. А. Трилиссер был назначен начальником Иностранного отдела ГПУ (ИНО ГПУ). За время работы в ИНО ГПУ организовал систему внешней (закордонной) разведки ВЧК — ГПУ, наладил работу резидентур и подобрал кадры советской разведки. В 1926 г. М. А. Трилиссер, продолжая работать во внешней разведке, был назначен заместителем начальника ОГПУ СССР, а в феврале 1928 г. — уполномоченным ОГПУ при СНК СССР. 23 ноября 1938 г. был снят со всех постов, исключён из ВКП(б) и арестован. 1 февраля 1940 г. приговорён к высшей мере наказания по ст. 58-1 «а» («измена Родине»), 58-11 («участие в к.-р. заговорщической организации правых в органах НКВД») и в ночь на 2 февраля 1940 г. расстрелян. В 1956 г. был реабилитирован.

⁵³ **Борис (Бер) Захарович Шумяцкий** (04 (16).11.1886 — 29.07.1938). Родился в семье бедного ремесленника. С 1898 г. — ученик в вагонном цехе читинских желез-

Гудком были созваны администрация и все рабочие на митинг в завод. И, как всегда, приехавшие «товарищи» обратились к рабочим с призывом о поддержке революции, которая находится в опасности, так как из Маньчжурии наступает атаман Семенов. Предложенную резолюцию все приняли поднятием рук, что также сделал и я.

Но когда выскочил вперед один из наших большевиков товарищ Власов, с призывом записываться в Байкальскую боевую дружину, то записалось только всего 7 человек с Власовым. Тут-то и произошел инцидент, который и отозвался на моей дальнейшей судьбе. Видя, что так мало записывается в отряд, на токарный станок вскочил помощник командира Красной гвардии Трилиссер, который закричал, что «ползучие гады» свили себе гнездо, но он этих гадов растопчет сапогами своей 30-ти тысячной гвардии.

нодорожных мастерских, а затем — там же — рабочий. В 1903 г. вступил в РСДРП. Участвовал в революции 1905 г., командовал большевистским боевым отрядом. После подавления революции в Красноярске был арестован и приговорён к смертной казни, но в январе 1906 г. бежал. Некоторое время скрывался от полиции в Харбине и Аргентине. Вернувшись в Россию, был арестован в Красноярске и после 6 месяцев тюрьмы отправлен в солдаты. Вёл подпольную работу в частях Красноярского гарнизона. После Февральской революции 1917 г. стал заместителем Председателя исполкома и членом Красноярского Совета рабочих и солдатской депутатов. После Октябрьской революции находился на ответственных партийных постах, занимался идеологической работой. В октябре 1917 г. был направлен уполномоченным ЦК Сибири и Монголии. Избран председателем Сибирского районного бюро ЦК РСДРП(б), председателем Центрального исполкома Советов Сибири (Центросибирь). Руководил ликвидацией мятежа в Иркутске, был ранен. В период Гражданской войны был одним из руководителей партизанского движения в Западной Сибири. Был председателем Тюменского губернского ревкома и губкома РКП(б), председателем Томского губернского ревкома, председателем Дальбюро ЦК РКП(б) и министром иностранных дел Дальневосточной республики. С февраля 1921 года — руководитель Дальневосточного секретариата Коминтерна в Иркутске, уполномоченный НКВД на Дальнем Востоке. В 1920-х — 1930-х гг. находился на дипломатической, партийной и административной работе. 21 ноября 1930 г. Б. З. Шумяцкий был назначен председателем правления «Союзкино», в 1933 году — начальником Главного управления кинофотопромышленности. В период руководства Шумяцким советской киноотраслью были созданы фильмы «Чапаев», «Весёлые ребята», «Юность Максима», «Тринадцать», «Цирк» и многие другие. 7 января 1938 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) Шумяцкий был снят с должности начальника Главного управления кинематографии, обвинён в «парадной шумихе», «пустословии» и «развале советской кинопромышленности». В ночь с 17 на 18 января 1938 г. он был арестован по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации, шпионаже и 29 июля 1938 г. расстрелян.

Стоящие кругом меня плотники просили меня ответить что-нибудь оратору. Я прошу слова. В это время Власов подходит к председателю товарищу Миронову и что-то ему шепчет на ухо. Получаю разрешение говорить. Задаю вопрос: «Скажите, товарищи, а кто здесь ползучие гады?» Товарищ Миронов отвечает на это: «а вот разные бывшие офицеры, инженеры, попы и лавочники». Тогда я говорю, что здесь на собрании, кроме разных попов и лавочников, есть разные Трилиссеры — жида, Мироновы, Трофимовы. Поэтому это тоже ползучие гады, как и те. И если логично рассуждать, то их тоже надо раздавить сапогами народа.

Поднялся шум, меня хотели арестовать, но рабочие не дали, и поэтому меня за оскорбление Красной гвардии предали суду революционного трибунала, который должен скоро прибыть для разбора дела.

19 марта

Революционный трибунал прибыл, и меня вызывают в качестве обвиняемого туда. Жена в слезах, мама тоже, утешаю насколько могу, а в душе — нехорошо. В три часа явился в училище. Начинается допрос меня. Председатель — толстый, высокий, бывший машинист Чередниченко. Товарищ председателя товарищ Лапин — конторщик службы движения Забайкальской железной дороги. Секретарь — конторщик службы тяги Видура.

Задают вопросы — кто я, сколько мне лет, чем занимался и занимаюсь. Отвечаю, что я офицер, сейчас работаю здесь плотником, из дворян. Прочитали мне, в чем я обвиняюсь, то есть в оскорблении Красной гвардии. Беру слово и говорю, что я не понимаю, за что меня судят, я ничего не украл, ничего не сделал такого, за что меня нужно судить, а если я что и говорил про Красную гвардию, так это все правда, раньше на военной службе для защиты Родины воров и святотатцев, и хулиганов не брали. Им было место в тюрьме, а не в армии или в гвардии, хотя бы и красной. Разве, говорю, это не воры в гвардии, если они грабили квартиры и хвастались серебряными ложками? Разве не святотатцы те, которые во время декабрьского восстания пакостили в церкви и ломали иконы? Разве это не хулиганы, останавливающие проходящих женщин и девушек и предлагающие гнусности?

Председатель говорит мне — докажите, укажите фамилии. Ну назвал им Ощепкова, Преображенского, Владимирова и еще, не помню кого.

Во время перерыва подходит ко мне бывший жандарм Шостак, уже старик, и говорит, что меня вор судит. А вор, говорит, Лапин. Он был

конторщик на станции Байкал и в 1916 году украл из цейхгауза станции ящик вина. Я, говорит, составлял протокол. Да потом пришла свобода, ну и дело застыло.

Нет ли, говорю, у тебя копии этого протокола.

Есть, говорит.

Принес он копию и только заседание возобновилось, обращаюсь я к председателю и говорю, что меня, честного человека, не может судить вор. Председатель закричал: докажите! Это оскорбление трибунала!

А вот, говорю, пожалуйста, — копия протокола на товарища Лапина. Сразу же сделали перерыв, ушли совещаться и уже обратно вышли без товарища Лапина. Заменяли.

Начался допрос свидетелей. Мои показывают, что я ничего не говорил, а противная сторона ссылается один на другого, а сами они тоже ничего не слышали. В общем обвинение доказано не было, но я все-таки был приговорен к двум с половиной годам принудительных работ в Черемхово, но имею право подать апелляцию в высшую, то есть в губернскую инстанцию — Иркутский Совет рабочих депутатов. А для того, чтобы я не скрывался, меня арестовывают — мера пресечения.

Кошмарное время было. Что только не переносит человек у этих извергов человеческого рода.

В течение четырех с половиной суток я испытал все — до дула нагана у лица включительно. В течение этих кошмарных суток у меня не было крошки хлеба. Перетерпел всяческие издевательства, вплоть до битья прикладами.

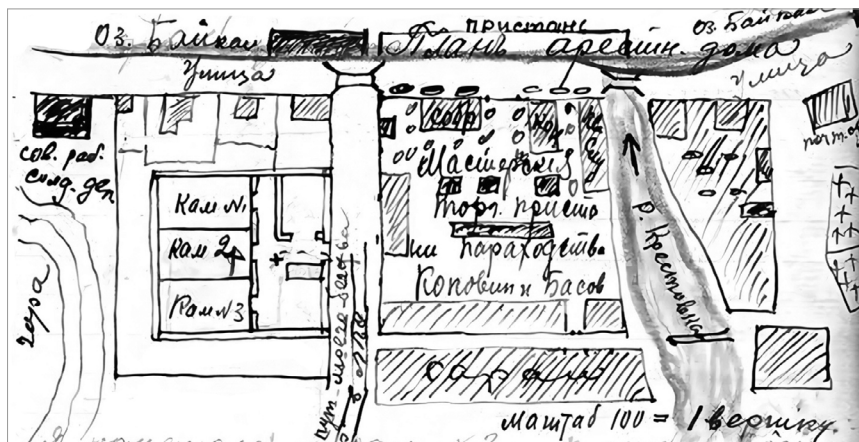
На пятые сутки, на мое счастье, был арестован бурят, привозивший на продажу рыбу и самогонку, которую у него конфисковали. Караул устроил поэтому выпивку — жарили рыбу и пили отборный самогон (состав караула — караульный начальник Куприянов, разводящий Антосян, на посту красногвардеец Преображенский, А. Рябич, Гр. Рябич, Гарей, Дукман и Ощепков).

Часов в 11 вечера у них все утихло. Подойдя к двери, я был удивлен стоящим на посту (вернее сидящим) Гареем — молодой, лет 19-ти парнишка, не умеющий обращаться с винтовкой. Я тихонько подозвал его и, зная о нем, как о маслодельщике парохода «Лейтенант Малыгин», попросил у него выпить воды. Гарей сказал, что воды у него нет, а есть самогон и подал мне большую чашку самогонки. При этом добавил, что ему очень

меня жалко. У меня, как молния, мелькнула мысль — бежать. Бежать во что бы то ни стало.

Поблагодарив его, я отошел от двери и лег в угол, думая, как бы удрать.

Прошел томительный час. Караульные окончательно затихли, должно быть, уснули. Я снова подошел к двери и попросил Гарея приоткрыть немного дверь.

План арестантского дома

Я помещался в камере № 2, против поста внутри, против дверей моей камеры выходила дверь на улицу. Учтя все это, я решил сделать так. Воспользовавшись оплошностью, я брошусь на часового и отберу у него винтовку, и выброшу на улицу, а так как ночь темная, то я постараюсь уйти в тайгу, а там проберусь как-нибудь в город.

Окликнув Гарея еще раз, я заметил, что он дремлет на стуле около плиты.

Распахнув быстро дверь, я одним прыжком был у Гарея, выхватил у него из рук винтовку и, выскочив на улицу, на бегу открыл затвор. Но винтовка была заряжена всего на два патрона. Поэтому я решил, что я сразу же должен сбить их со следа, поэтому я бросился на речку Крестовку. Сзади слышались беспорядочные выстрелы и крики. По наледи, без дороги я пробежал почти две версты и очень устал от пережитых волнений. Решил забраться в кустарник и дожидаться утра. Лег плотнее в снег и не заметил, как заснул.

Проснулся я после обеда, когда солнце уже закатывалось, долго не мог сообразить, где я и что со мной. Придя в себя, я радостно думал, что я на свободе. А что я буду делать в тайге без хлеба, без вообще ничего — об этом не думал. Думал только одно — уйти в станционное селение Голоустное и там попытаться перейти Байкал. За Байкалом же меня никто не знает. Притвориться солдатом с фронта, инвалидом и понемногу пробираться к атаману Семенову. Все это казалось легким после пережитых мучений.

Выйдя на дорогу и пройдя по направлению прииска Залмановича версты четыре, я неожиданно столкнулся с местным охотником Витязевым, у которого я забрал винтовку Бердана, 130 патронов, 1 ½ сумки пороха и фунта два свинца, котелок, краюху хлеба, соль и чай. На душе стало веселей. Теперь, думаю, не пропаду. Попросил Витязева никому, кроме матери, обо мне не говорить. Бодро двинулся к прииску Санникова, что в 22-х верстах от Лиственничного.

Мои скитания по тайге и организация партизанского отряда

Таким образом, в день Благовещения, то есть 25-го марта по старому стилю, я был уже далеко от Лиственничного. Прибыл на прииск под вечер, на другой день после встречи с охотником. Облюбовал себе баню (на прииске никого не было), так как контора была большая и неудобная.

Дни были теплые. Я ходил по лесу вокруг прииска, забирался на горы, охотился и для пропитания собирал прошлогоднюю бруснику. Жить в бане было тепло, так как я аккуратно топил, благо, что дров было сколько угодно. На прииске среди брошенного инструмента были топоры, пилы, ломы, кайла и прочее. От нечего делать занялся промывкой золота. Очень угнетало меня одиночество и тоска по семье, но показаться куда-нибудь я даже боялся думать. Отсутствие хлеба и недостаток питания переносил легко и радовался как ребенок, когда в кладовой нашел банку слежавшейся муки. Так прожил пять дней.

Однажды, придя со сбора ягод к себе в баню, я сел на крыльце и вдруг заметил идущих по дороге людей (8–9 человек). Не зная, что это за люди, я схватил берданку, патроны и убежал в гору, на прииск. Лег за камни, наблюдая за незнакомцами, одетыми в полувоенные костюмы. Незнакомцы обошли вокруг конторы, подошли к бане, зашли в нее и, выйдя, о чем-то совещались. Потом я услышал голос, кричавший:

«Господин капитан! Это мы!» И я узнал своих солдат-фронтовиков — Сересенко, Рукавишников, Сенникова, Храброва, Черных, Сизова, Рыжева, Остапчука. Они пришли ко мне в тайгу, тоже скрываясь от преследования большевиков. Рассказали, как меня искали, арестовывали маму, жену... Пришли они вооруженные, то есть 5 винтовок, 600 патронов, 4 берданки. Это для тайги — сила!

Отряд смолокуров (как мы учились гнать смолу)

Таким образом, 30 марта 1918 года было положено ядро партизанского отряда (смолокуров) в количестве 9 бойцов. На общей беседе я был выбран начальником будущего отряда. Казначеем — старший унтер-офицер Сенников. Моими помощниками — Рукавишников и Сересенко и потом Новицкий (бывший фельдфебель 25-го Сибирского стрелкового полка).

4 апреля решено было пробраться на другую стоянку в район Большой Речки, в теплые зимовья и там расположиться. Я, как начальник отряда, приказал выставлять на день один пост для окарауливания. 8 апреля, утром, пришел с 16-ю человеками фельдфебель Новицкий. Нас уже стало 25 бойцов. Принесли хлеба и мне — письмо из дома. Сказали, что еще в тайгу много собирается народа, так как большевики не дают прохода и все время угрожают расправой.

9 апреля часовой поднял тревогу, так как показалась большая группа людей. Моментально приготовились к обороне. Подходящая группа выслала вперед несколько человек. Оказалось — наши фронтовики с ефрейтором Орловым и с ним пришли 37 человек. Орлов рапортовал, что прибыл благополучно, с командой. Я поздоровался с ними и сказал, что очень рад и горжусь, что мне Бог посылает таких храбрых людей. Затем объяснил им наш дневной порядок: беспрекословное подчинение мне и поставленным мною старшим. Приказал сделать все необходимое для равномерного распределения старшему унтер-офицеру Сенникову. Затем со всеми перецеловался и сказал, чтобы они устраивали себе жилье и т. д.

Итак, партизанский отряд был сформирован, но что делать — я не знал. Куда идти, с кем начать? Поэтому я решил сделать небольшую пробу — произвести налет на большевицкую секцию топлива, расположенную от нас верстах в 12-ти, ниже по реке. А для этого, чтобы узнать, я выработал план.

Первый налет на секцию топлива иркутского городского самоуправления (все большевики)

План мой был такой. Большевики не знают, что мы за люди, так как они не местные жители. Я и еще несколько человек идем к ним (с целью разведки), предлагаем им поставку для нужд городского управления древесный уголь и смолу, в которых город Иркутск очень нуждался.

Задумано — сделано.

Утром, 12 апреля, взяв с собой пять человек, пошли. Пришли на станцию, спрятав в кустах винтовки и оставив одного наблюдателя. Спросили комиссара — нам его указали. Нужно добавить, что нам очень помогла наша наружность. Мы в тайге не брились, не стриглись и у нас, а особенно у меня, была борода. Костюмы, правда, были полувоенные, но это не беда.

Войдя в контору, я обратился к заведующему топливным отделом товарищу Мяздрикову и сказал, что мы организовали здесь смолокурное дело. Но зная, что сбыт для нас отдельным лицом не выгоден, так как не имеем больших средств, то мы и просим секцию топлива принять от нас уголь и смолу, снабдив нас продуктами и инструментами. Мяздриков очень любезно согласился довести до сведения городского управления о нашем предложении, и мы расстались очень довольные друг другом. Мои ребята под шумок вывели, что тут большевиков всего 8 человек с винтовкой и 300 рабочих-путейцев.

Возвратясь в лагерь, я выработал план нападения (см. план местности). 20 человек занимают ночью контору и никого не выпускают. Я с остальными людьми окружаю контору, где жили большевики. В случае сопротивления берем контору с боя, забираем, что нужно, уничтожаем документы и уходим.

Вечером выступил Новицкий с 20-ю людьми, занял бараки китайцев. Окружил дом и в половину двенадцатого ночи мы ворвались в дом. Большевики не оказали сопротивления и были так напуганы, что все оружие, то есть 10 винтовок, 2 нагана, 1200 патронов, сдали беспрекословно.

Переход в новую местность

Возвратясь с налета и отдохнув после этого дня два, я решил переместить место стоянки, считая, что близость от секции нам будет опасна и нас, конечно, не оставят в покое. Поэтому я приказал готовиться к переходу в вершину горы по реке Каменке, где облюбовал себе очень хорошее ме-

сто и защищенное лучше с тыла. Здесь нас всегда могли обойти с флангов, а у нас уже набралось много багажа. При налете мною было взято 30 топоров, 10 пил, 20 кулей муки, 4 куля сахара и 2 куля соли. Кроме того, стоянка моя обнаружена китайцами, которые все это принесли почти до лагеря.

Схема перехода в новую местность

План нового лагеря. Налет на Голоустинское и бой с десантом из Лиственничного. Ледокол «Ангара»

Устроившись в новом лагере, я приказал партизанам готовиться к походу в Голоустинское. Нужно было пройти 45–50 верст горными тропами. Оставив в лагере 8 человек, с остальными выступил в поход. Шли весело, погода хорошая. В первый день прошли около 30-ти верст. Стали на ночь лагерем у ручья. Созвал ребят на военный совет. Решили послать разведку, узнать, какие там силы. Пошли: Новицкий, Усов, Герасимов. Мною было приказано в Голоустинское идти им без винтовок — узнать и вернуться назад. Утром мы поднялись рано и, пройдя к обеду незаметно около 18-ти верст, встретили бегущего к нам навстречу Новицкого, всего в крови. Он доложил, что их всех арестовали красные и только ему удалось бежать. Вчера пришла «Ангара», высадила десант в 75 человек, которые занимают волостной маяк и школу. Считаю силы почти равными,

то есть их было больше, но у нас было преимущество в том, что мы в лесу, на горах, а они — как на ладони.

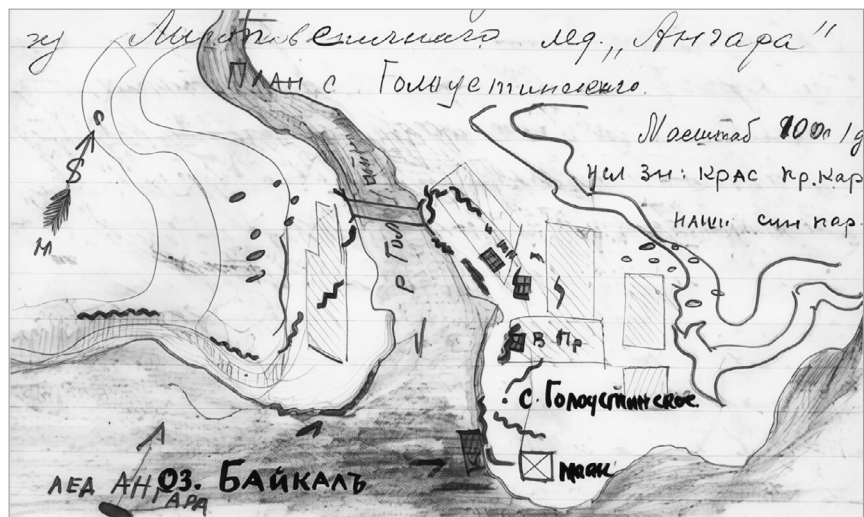

Схема села Голоустиновское

Я разделил отряд на небольшие группы по 5–6 человек и таким образом охватил Голоустиновское. Местность благоприятствовала скрыто занять исходное положение. Сам я находился на своем левом фланге, считая его особо важным. Подойдя таким образом на очень близкое расстояние, мы открыли огонь по красным и по шлюпкам. Крайнее правое отделение открыло огонь по «Ангаре», которая сразу задымила и стала уходить от берега. Отойдя версты три, «Ангара» повернулась кормой и открыла огонь из орудия. Ею было сделано 65 выстрелов. У красных около шлюпок творилось что-то невероятное, шлюпки, битком набитые, отваливали от берега и понесли жестокий урон. У нас убито было девять, взято было нами семь человек и 37 человек раненых.

Я собрал людей, приказал им разместиться в школе, в волостном правлении. Взял с собой пять человек, пошел к старосте, куда приказал привести пленных и собраться всем жителям. Когда все собрались, я вышел к ним, вывел двух моих избитых партизан, а также Новицкого. Обратившись к толпе, я сказал им следующее: «Старики! Вы видите этих людей. Они ничего дурного не сделали, а только пришли к вам с просьбой, ради Бога дать хлеба. Ведь мы защищаем интересы крестьян, так

они вместо хлеба получили даже не отказ, не камень, а гораздо худшее. Некоторые из вас, по наущению агитаторов и коммунистов, арестовали их и пытали, мучили и били. Я спрашиваю вас, старики! Хорошо это или нет? Мало этого. Вы вызвали еще большевиков со станции Байкал, и эти дураки влопались в результате. Вы видите — они налицо. Поступка вашего я без наказания не оставлю, но и не хочу, чтобы пострадали безвинные. Поэтому и прошу выдать тех, кто избивал и кто по телефону вызвал ледокол с десантом. В противном случае из вас я расстреляю каждого десятого и сожгу полсела. Выбор делайте сами, решайте!»

Обращаясь к пленным, я спросил, кто из них красногвардеец. Вышел матрос и сказал, что он служил в красной гвардии, но не коммунист. «Как имя?» — спрашиваю. «Александр Воропаев», — отвечает. «А кто из вас коммунист?» — спрашиваю. «Другой», — отвечает. «Ильин кем был?» — «Взводным». «Новицкий», — говорю я. — «Повесить взводного коммуниста». Увели.

Остальным говорю вот что: «Друзья, я не хочу вашей крови. Хотя по вам и веревка плачет, но сегодня и так много было крови пролито. Так что идите, откуда пришли и постарайтесь больше ко мне не попадаться. А то тогда без разговоров повешу. Поняли?» — «Так точно, покорнейше благодарим Вас Ваше Высокоблагородие! Мы совсем служить у них не будем, а уйдем домой». «Хорошо сделаете», — отвечаю им. — «С Богом!»

Ушли все очень довольные. Крестьяне же все время стояли толпой. «Ну как! Кто зачинщик», — спрашиваю. «Дак што и говорить, Ваше Высокоблагородие, все виноваты», — отвечают. «Так что же?» — спрашиваю. — «Расстреливать что ли и жечь?» «Воля Ваша», — говорят. «Ну ладно, — говорю. Моя, так моя. Вот что, любезные — расстреливать я вас не хочу, жечь тоже не хочу. Кто председатель волостного комитета?» «Я», — ответил один. «Кто секретарь?» — «Я», — говорит другой. «Где комитет бедноты?» — «Мы», — говорят трое. «Коммунисты кто?» — «У нас нет», — отвечают. «Ячейка есть?» — «Нету!» — «Ладно», — говорю. — «Теперь, кто бил моих солдат?» — «Да что уж тут, выходи! Пнев, ведь ты начал». — «Лысков, а ты тоже ведь бил», — сказал бледный Пнев. «Да и Терехов тоже бил». — «Я не бил», — закричал Терехов. — Это все вот они, — указал он на четырех-пятерых. — Ведь они говорили, что от вас потом пощады не будет. Они и по телефону говорили». — «Ну», — говорю. — «Вот и все! Новицкий, всыпать Пневу 100 шомполов. Габаев, а ты дай столько же Лыскову».

Разложили и дали. «А теперь, — говорю, — вы сами порите тех, которых указали. И это не все. Я просил раньше со двора по пять фун-

тов хлеба и только, а теперь я возьму хлеба по 20 фунтов, одну корову и, кроме того, заберу в кооперативе то, что мне нужно. Поняли?» — «Воля Ваша», — отвечают. «Моя, моя, — отвечаю. И это не все. Дома Пнева, Лыскова и тех, кто участвовали, — сожгу. Поэтому пусть сейчас же убираются вон. Командир Сенников — иди в кооператив и бери все, что найдешь нужным. Людей возьми столько, сколько надо. Лаптев и Габаев — идите и подожгите дома, которые вам укажут. Эту пададь — на свалку», — указал я на убитых и повешенного. — Через два часа выступаем. Ну — действуйте, а вы можете расходиться». — «Покорно благодарим», — говорят. Через час все было кончено и отряд начал собираться в поход. Люди были веселы, и все обвешаны разными вещами. Много было не нужно, и я говорю им: «Все равно бросать потом придется, поэтому бросай лучше сейчас». — «Может пригодиться», — отвечают.

Бой под Тарбеевой с отрядом Каландаришвили⁵⁴

Покончив с красными в Голоуственном, мы отошли в тайгу, унося богатую добычу — 40 винтовок, 11 тысяч патронов, 1 пулемет. Пленных — одного приказал повесить, остальных отпустил.

⁵⁴ **Каландаришвили Нестор Александрович** (груз. ნესტორ ალექსანდრეს ძე კალანდარიშვილი; 26.06.1876 — 06.03.1922). До 1892 г. учился в Кутаисской гимназии, потом в Тифлисской учительской семинарии. С 1895 по 1897 г. служил в Русской императорской армии. После армии продолжал учёбу в семинарии. С 1903 г. состоял в партии эсеров, некоторое время — в Революционной партии социалистов-федералистов Грузии. Участвовал в Гурийском крестьянском восстании 1905–1906 гг. В 1907 г. был арестован и отправлен в ссылку в Сибирь. Бежал. В 1912 г. был вновь арестован и сослан в Сибирь. Освобождён во время революции в феврале 1917 г. В 1917 г. примкнул к партии анархистов-коммунистов. Создал в Иркутске эскадрон анархистов. Участвовал в установлении советской власти и подавлении восстания юнкеров в Иркутске в декабре 1917 г. Некоторое время командовал отрядами войск Центросибири. В марте 1919 г. Иркутский комитет РКП(б) установил связь с Каландаришвили и предложил ему сотрудничество. Получив от большевиков средства, оружие и людей, Каландаришвили развернул партизанскую борьбу на участке железной дороги от Байкала до станции Зима, а с декабря 1919 г. возглавил отряды Верхоленского партизанского фронта. В августе 1920 г. Каландаришвили был представителем МИД ДВР при Китайской военной миссии в Москве. С декабря 1920 г. — командующий войсками Якутской области и Северного края. В 1921 г. вступил в РКП(б). В январе 1922 г. с отрядом в 300 человек выехал на ликвидацию отрядов якутских повстанцев, попал в засаду на Хахсытской протоке и был убит. По одной из версий, засада на штаб Каландаришвили была организована проякутски настроенными местными большевиками.

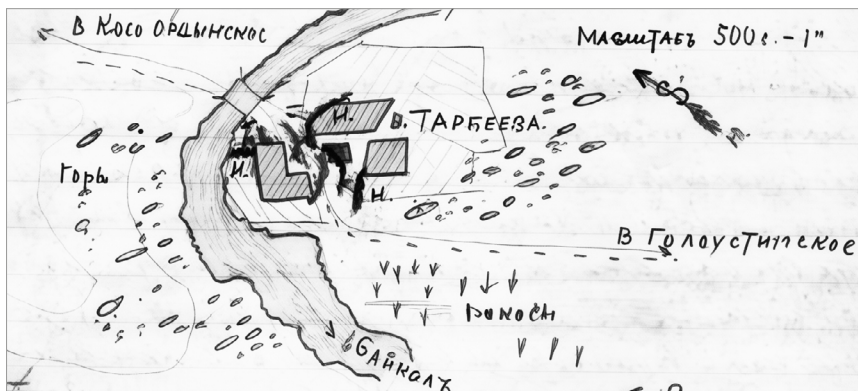

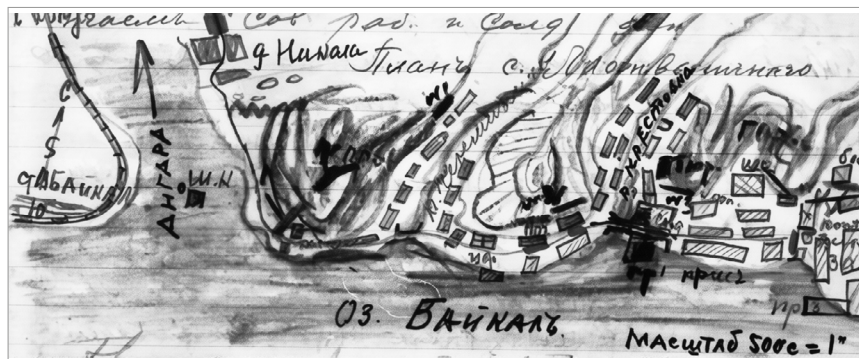
Схема боя в деревне Тарбеево

Придя в лагерь, то есть на нашу штаб-квартиру, я по просьбе некоторых партизан решил связаться с Иркутском, восстановить связь, если это возможно, с военными организациями. Для этой цели под видом рыболовов пошли Рукавишников и Польшаков. Мы же, простояв, то есть отдохнув 3–4 дня, решили сходить за продуктами, а более за хлебом в деревню Тарбеевую и я уже заранее предвкушал свою прелесть ужина, как вдруг началась впереди стрельба и идущие в дозор ребята возвратились ко мне и доложили, что в Тарбеевой красные и стоят посты в нашу сторону.

Приказал прапорщику Солнцеву с 30 человек наступать возможно медленнее. Я с остальными зашел кустарником около гор и ударил красным в затылок. Сенников, оттеснив красных от реки, занял огороды и таким образом красным под перекрестным огнем наших пришлось уходить вдоль по улице на мост по дороге на Косо-Ордынское. Ими оставлено 5 убитых и 2 раненых. У меня потерь нет. Взято 9 винтовок и 1800 патронов.

Придя из Тарбеевой и отдохнув, я после разговоров с партизанами решил сделать налет на село Листвяничное, где у большинства из наших были семьи и каждому хотелось увидеться с ними. Зная прекрасно расположение села и завода, я разделил отряд на четыре группы по 15–18 человек и каждой группе дал определенную задачу: группе № 1 занять таможеню. Группе № 2 занять почту, группе № 3 занять собрание и мост, а также и пристань (коммерческую). Группа № 4, в которой находился и я, нападает на завод и контору, а также и на караул красной гвардии

в школе. Подойдя вечером к Листвяничному, отряды к часу ночи заняли указанные мною места.

План села Листвяничное

В 2 часа ночи по сигналу (зеленая ракета) без стрельбы двинулись почти бегом в указанные пункты и через 15 мин. отрядом № 4 завод и контора были заняты. Взятые в плен красногвардейцы заперты в темной кладовой в селе.

Я уже думал, что не проспали ли остальные отряды. Но в это время прибегает из 2-го отряда партизан Петя К. и докладывает, что целиком захвачен весь совдеп и Ал. Сенников просит меня прибыть туда, захватив с собой 4 чел. Я бегом побежал туда, нужно было пройти почти 1 ½ версты.

Придя туда, я увидел следующую картину. За столом, покрытым красным сукном, сидели 11 человек комиссаров со связанными руками и бледные, как мел. Сенников доложил, что у него потерь нет, хотя «эта рвань» и начала стрелять, но он бросил в них гранату и они сдались. Двое из них ранены. Подойдя к ним, я спросил их: «Ну как, товарищи. Вас тоже пешком в Иркутск отправить? Что, говорю, товарищ Власов, молчишь? Видишь, говорю, насколько Бог справедлив. Ты меня пугал наганом в тюрьме, а выстрелить духа не хватило, а я руки о тебя пачкать не хочу. Найдутся другие, и, чтобы в рай не попал, повесят тебя на заводских воротах. И обращаясь к Молокову, я приказал начальника красной гвардии т. Власова повесить. Повесить с ним за компанию Жаркова, Реймера, Антосяка, Рябича, Куприянова и Калинина Владимира. Их тоже — на фонарях и столбах завода.

Начало светать. Я приказал партизанам собраться всем у завода и, реквизировав суммы завода, заплатил им жалования по 3 тысячи рублей. Из кооператива взял для нужд отряда сахар, муку и прочее. Населению роздано 7 тысяч пудов муки кооперативной. Почта конфискована. В своей семье я пробыл не более часа и к девяти часам утра мы, навьючив лошадей, ушли снова в тайгу. В отряд поступили добровольцами еще 21 человек. Итого нас 88.

Прибытие новых партизан, и мы идем в город Иркутск

Возвратились посланные в Иркутск. Принесли газет и письма от капитана Сушкова, капитана Прибыткова с просьбой помочь им сделать восстание в Иркутске. По их информации чехи где-то близко и у красных — паника.

До этого жизнь наша в лагере протекала нормально. Казармы и дальняя разведка доносили, что ничего подозрительного не замечается, поэтому все отдыхали, купались, устраивали разные состязания и т. д.

Когда я получил письма и газеты, я собрал ребят и прочитал им все нас интересующее, а также и просьбу Иркутской организации поддерживать их. Поэтому, сказал я, я беру с собой половину отряда. Кто хочет идти — пусть знает, что там будет очень трудный бой. В городе — это не в лесу и т. д.

Отобрал с собой 42 человека. Приказал им приготовиться к походу, но без винтовок, а взять гранаты и револьверы. «Винтовки доставим в Иркутске», — сказал я. С заставы № 2 от реки Ангары донесли, что ждет группа людей человек 40–45. Приказал всем занять позицию. Я пошел к заставе, но оттуда с криками «ура» шли толпой партизаны и начальник заставы Шкильнюк доложил: «Начальник, пополнение прибыло». Подошли и вновь прибывшие, здоровые ребята и доложили, что они бывшие солдаты 6-го тяжелого артиллерийского сибирского дивизиона, который сейчас расформирован. Служить в красной гвардии они не хотели, а в городе слышали, что в лесу есть белые отряды, они и ушли искать. Из города выходили в одиночку и собрались только в стекольном заводе, где им указали, где нас искать. Не зная их, я решил их оставить в тайге и, отозвав своих заместителей Сотникова и Солнцева, я просил за ними последить и при малейшей попытке бунта — расстрелять на месте.

9 июня утром я с 42 чел. пошел в Иркутск.

Иркутское неудачное (11 июня) восстание и уход из города

10 июня в 4 часа дня я пришел в деревню Пивовариху, где нас должен был встретить провожатый. Проводник прапорщик Орлов уже дожидался нас. Он сказал, что по заданию я должен действовать совместно с капитаном Сулковым. Наша группа по заданию должна была брать тюрьму, в которой в то время сидело 437 человек офицеров и чиновников, арестованных большевиками. Проводник вечером привел нас к архиерейской роще. Там в чаще мы должны были дожидаться из города.

Пришли мы часов в 10 вечера, а в 1 час ночи должны брать тюрьму. Как передали — город разделен для действий на 18 участков, где и должны в 1 час ночи начать действия группы и отряды добровольцев. В 11 с половиной часов пришел капитан Сулков и с ним 5 человек. К 12 часам ночи еще подошло человек 15–16 и к часу ночи вместо 211 чел. с моими 40 чел. едва-едва набралось 70–72 чел. Точно не помню, да и не считал.

Брать открытой силой с 70-ю человеками тюрьму невозможно. В тюрьме рота охраны — 90 человек при 2 пулеметах, да надзирателей — 18 человек.

Поэтому капитан Сулков решил обмануть красных. Взяв с собой мою группу, толпой пошли к тюрьме мимо Казанской церкви и когда, поравнявшись со стеной тюрьмы, часовой-мадьяр окрикнул: «кто идет?», капитан Сулков ответил: «Чрезвычайная Следственная Комиссия!» Младший портупей-юнкер Логинов на вопрос часового («пропуск») ответил, что не будет говорить через улицу, а подойдет и скажет. Часовой подпустил довольно близко.

Тогда Логинов ударом бевута⁵⁵ в грудь убил часового. Снял с него патронташ, взял винтовку и присоединился к остальным, доложив капитану Сулкову, что с часовым покончено.

Подошли толпой к воротам, постучали. Надзиратель открыл калитку и спросил, что за люди. Ответ старый — «Чрезвычайная Следственная Комиссия». Когда он отворил немного больше, я схватил его за горло и сказал, молчи! Отворяй скорей двери и показывай, где спит караул?

⁵⁵ Бевут — кривой кинжал с длиной клинка около 44 см. В Русской императорской армии бевут состоял на вооружении нижних чинов артиллерии, пулемётных команд, конных разведчиков пехотных полков.

Сулковым произвести усиленную разведку в город. Я рассыпал своих и нескольких добровольцев в цепь и повел их через речку вброд, в город. Взошло солнце, и я продвинулся до Ланинской улицы, где меня с трех сторон встретил ружейно-пулеметный огонь. Моментально построили баррикады из ворот, тротуара и вывесок.

Послал донесение в тюрьму капитану Сулкову, что мною заняты сад, дом Медведниковой и три квартала на Ланинской улице. Дальше двигаться не могу. Людей у меня всего 47 человек, поэтому прошу прислать еще 80–90 человек, тогда я поведу наступление на Большую улицу и постараюсь дойти до штаба красной гвардии, гостиницы Никитина и, если можно будет, то займу Управление Забайкальской железной дороги и двор воинского начальника. Через час получил ответ.

Людей в тюрьме 70 человек. Остальных увел приезжавший подполковник Эллерц-Усов⁵⁶ для охраны винного склада. Поэтому капитан Сулков просил меня держаться. Из города в тюрьму понемногу собираются добровольцы. Казармы 28-го Сибирского стрелкового полка атакуют казаки и отряд капитана Орлова. Стало припекать. Мои бойцы, утомленные переходом и ночным боем, в тюрьме лежали за баррикадами, дремали, а некоторые спали.

В 11 ч. 5 м. по Арсенальской улице с баррикады прибежал ко мне Шумков и доложил, что красные выкатили орудие. Не успел он закон-

⁵⁶ **Эллерц-Усов Александр Васильевич** (1875–1920). Уроженец Лифляндской губернии. В 1899 г. окончил Иркутское пехотное юнкерское училище. Участвовал в китайской кампании 1900–1901 гг., Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой войнах. 21 мая 1916 г. был произведен в полковники, командир 522-го пехотного полка (29.12.1916 г. переименован в 58-й Сибирский стрелковый полк). После выхода в отставку 5 октября 1917 г. А. В. Эллерц-Усов вернулся в Иркутск, где возглавил подпольную антибольшевистскую организацию, которая в ночь с 13 на 14 июня 1918 г. совершила неудачную попытку захвата власти в Иркутске. После перехода Иркутска под контроль антибольшевистских сил в июле 1918 г. Временным Сибирским правительством был назначен командующим войсками Иркутского военного округа. В августе 1918 г. был произведен в генерал-майоры. Впоследствии занимал должности командира 4-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, начальника военно-административного управления района Южной армии, командира 5-го Стерлитамакского армейского корпуса, командующего Южной армией. 7 ноября 1919 г. был зачислен в резерв чинов при штабе Иркутского военного округа и возвратился в Иркутск. После занятия Иркутска Рабоче-крестьянской красной армией (РККА) А. А. Эллерц-Усов был арестован, заключен в тюрьму и 9 сентября 1920 г., по решению военно-революционного трибунала 5-й армии, как сознательный враг советской власти, был расстрелян.

чить, как раздался выстрел и где-то впереди по крышам горохом ударила шрапнель. Я побежал туда, захватив с собой пулемет и 5 человек партизан. У красных стояло орудие. Я скомандовал: «Прицел постоянный! Часто! По 10 патронов. Начинай!» Красные у орудия заметались и скрылись, бросив орудие. С другой баррикады тоже донесли, что там тоже ставят орудие. Приказав здесь Сенникову держать орудие под огнем, пошел туда. В 1 ч. 25 м. по Ланинской ул. от церкви затрещали выстрелы, а потом заговорил пулемет. Бегу туда. Там докладывают, что красные наступают и они боятся, как бы их не обошли дворами.

Из моих свободных людей послал 2-х человек к Кузнечной слободке, наблюдать. В 2 ч. 20 м. пулеметный огонь с Благовещенской церкви и с угла Большой улицы вели 2 пулемета. Ко мне прибыло пополнение: 3 казака, 2 реалиста, 1 гимназист и 1 семинарист. Все они мальчики 14–15–16 лет. Вооружил их и послал 5 человек к прапорщику Рукавишину. Кадета Никитина оставил у себя для связи. Где ты теперь?

В 3 часа посылал донесение, что красные наступают с трех сторон, но атаку их отбиваю, что люди у меня утомлены и что прошу смены хотя бы на ночь, дабы выспаться. Посылаю Никитина и в 4 ч. 15 м. из тюрьмы прибежал незнакомый доброволец и сообщил, что в тюрьме паника, восстание не удалось. Подполковник Эллерц-Усов отряд свой распустил. Капитан Сулков приказывает им отступить на тюрьму, взять своих и без шума быстро отходить к кадетскому корпусу. В 5 ч. вечера эти люди, 54 человека, были собраны. Пули густо летели со всех сторон. Двор кадетского корпуса выходил на реку Ушаковку.

У забора разложил цепь, приказал тихо отходить, имея в центре цепи пулемет. Я скомандовал по первому отделению: «Цепь за мной». Начали отходить, внезапно со стороны Кузнечной слободы красные открыли ружейный огонь. Многие выскакивали на мост, у меня упало двое, потом еще трое. Два человека ползут, остальных троих приказал подобрать. Вдруг со стороны Исторического сада открыт пулеметный огонь. Мои люди не выдержали, бросились бежать, бросили пулеметы. Командую: «Цепь, стой! Ложись!» Легли. Некоторых послал ползком за брошенными пулеметами. Притащили. Командую: «Две очереди по Историческому саду. Прицел 6. Огонь. По 2 обоймы по мосту. В цепи часто. Начинай!»

У красных все стихло, и мы без помехи отошли к тюрьме. Там уже мало осталось. Капитан Сулков в штатском и говорит, что он идет до-

мой, а мне советует уходить скорей из города. Я моментально собрал желающих, всего набралось 127 человек, выслал дозор 18 человек. 70 человек — главные силы; 39 человек — прикрытие отступающих. Взял с собой 2 лошади, навьючив их мукой и солью из тюремной хлебопекарни.

Мы в тайге. Устройство лагеря. Офицеры

Двинулись мы прямо через гору к востоку. Отойдя 3–4 версты, мы все еще слышали ружейную и пулеметную стрельбу. Потом все утихло. Дав отдохнуть полдня, я поднял отряд и повел его Безымянным ключом в вершины гор. Было уже темно, но нам необходимо было уйти на 10–12 верст, и чтобы скрыть следы от противника, мы шли в беспорядке, кучами, без разговоров. Пройдя еще версты 3–4, я, пропуская около себя партизан, говорил им, что необходимо пройти еще 3–4 версты. Люди молча соглашались. Часов в 10 вечера перевалили гору. Я приказал остановиться на ночь, выбрал надежных ребят в сторожевое охранение и выставил секреты. Рано утром встали — ночь была холодная и спали очень мало. Собрал людей и сказал, что сейчас выступим в вершину Мыковский ключ, а там есть Митина падь. Там станем лагерем, на неделю или две. В речке есть рыба, можно рыбачить и охотиться.

К обеду пришли. Дорогой разыгрался инцидент, который неприятно на меня подействовал, но я все-таки его ликвидировал. А именно: два офицера, не к их чести, отказались нести пулемет, который по очереди несли двое человек и уже все это сделали. Узнав в чем дело, я приказал офицерам, как начальник отряда, взять пулемет и нести. И напомнил им, что здесь не полк и не митинг, а здесь слушаются распоряжений, отдаваемых мною или моими заместителями. А если им неудобно подчиняться моим приказаниям, то они могут убираться куда угодно. Это на них подействовало, и они донесли пулемет до стоянки, то есть до лагеря.

Но вечером пришли ко мне объясняться, что с ними нельзя обращаться как с солдатами, что они офицеры. Я же им объяснил, что здесь офицеров нет, а есть все бойцы, и что мои приказания должны исполняться беспрекословно. И если им не угодно этому подчиниться, то они могут уйти куда угодно, что они потом и сделали. К стыду этих офицеров, они украли у каптенармуса 4 буханки хлеба и тайком ночью ушли. Фамилии офицеров — поручик Коняев и поручик Волковыцкий.

Слухи о чехах

Дружно, без разговоров, закипела работа по устройству лагеря. Лагерь решено укрепить рвом и окопами, сделать полуземлянки и через 5–6 дней мы уже сидели в чистых землянках. Людей было много. Устроили окопы с козырьками, несколько пулеметных гнезд. Моя землянка была в центре и ребята обшили ее изнутри березовой корой. Уютно и даже красиво и, во всяком случае, оригинально.

Постов выставлялось ежедневно по два на полторы-две версты от лагеря. Однажды вечером постовые заметили конных. Моментально, по тревоге все заняли места. Но тревога оказалась ложная. Из Иркутска приехал владелец кирпичного завода с полукровными лошадьми, некто Пискунов. Он сообщил, что у красных паника и что чехи уже в Иннокентьевской. В лагере стало весело, и все рвутся идти в Иркутск, помогать чехам.

Чехи взяли Иркутск 14 июля 1918 года. Чехи под командой капитана Гайда⁵⁷ (его начальник штаба капитан Кадлец) и русская Нижнеудинская

⁵⁷ **Гайда Радол** (чеш. *Radola Gajda*, настоящее имя *Рудольф Гейдль*, чеш. *Rudolf Geidl*; 14.02.1892 — 15.04.1948). Родился в семье австрийского унтер-офицера и черногорской дворянки. Учился в гимназии в Чехии. Изучал косметику, работал фармацевтом в аптечной лавке. Участвовал в Первой мировой войне в составе австро-венгерской армии. В сентябре 1915 г. сдался в плен и добровольно перешёл на службу в черногорскую армию, выдав себя за капитана медицинской службы. После развала черногорской армии в 1916 г. Гайда бежал в Россию и поступил на службу в Русскую армию в чине лейтенанта во 2-й чехословацкий стрелковый полк. Отличился в боях, был награждён орденом св. Георгия 4-й степени. 28 марта 1918 года был назначен командиром 7-го Татранского стрелкового полка. С началом Гражданской войны стал одним из руководителей антибольшевистского выступления Чехословацкого корпуса. Летом 1918 года — командующий чехословацкими войсками восточнее Омска. С разрешения военного министра Чехословакии генерала М. Р. Штефаника перешёл на русскую службу. В Русской армии Верховного правителя адмирала А. В. Колчака занимал различные командные должности, в том числе командующего Сибирской армией. За год дослужился до генерал-лейтенанта. 7 июля 1919 г. Гайда был отстранён от командования Сибирской армией (официальная формулировка: *увольняется по болезни в отпуск*), а 2 сентября по распоряжению Колчака Гайда был уволен из Русской армии, лишён всех русских наград и генеральского чина. 11 февраля 1920 г. возвратился в Чехословакию, где был принят в действующую армию. С 1922 по 1926 г. исполнял должности командира дивизии, 1-го заместителя начальника Главного штаба, исполняющего обязанности начальника Генерального штаба Чехословакии. 14 августа 1926 г. из-за обострения отношений с президентом Масариком и попыткой фашистского переворота

дружина, переправившись на лодках ниже Иркутска через Ангару, ворвались утром в Иркутск с севера в предместье. Красные отступили без боя. А так как чехи и русские были очень утомлены, то решено было дать им отдых, дня на 2–3, но узнав, что красные бегут, командование решило бросить за отступающими хотя бы небольшую часть. Поэтому вечером в Листвяничное двинуты были: рота 6-го Тетеринского полка и 1 Яна Искры эскадрон. Всего человек 250, которые, отойдя от города 20 верст, стали на ночлег и утром выступили дальше, не встречая сопротивления.

Так как противника перед собой они не обнаружили, то дошли до Тальцинской фабрики, имея впереди конную разведку (все это я узнал после).

Бой в Тальцах с отрядом Каландаришвили, уничтожение 3-го Интернационального эскадрона коммунистов

12-го июля вечером, получив сведения, как я уже писал, от господина Пискунова, я приказал готовиться своим к переходу ближе к городу. И утром 13-го мы, в количестве 172-х человек, имея впереди пешие дозоры, идя стороной от тракта (вернее, держась тайги), выступили по направлению к Иркутску. Шли, не торопясь (таежным шагом), часто делали привалы, и, пройдя за день около 20-ти верст, остановились у ручья Тальцинского завода на ночь. Ночь теплая, поэтому я сказал ребятам, чтобы костров не разводили, так как поблизости должен был быть противник.

В Тальцы послал с целью разведки и доставки хлеба 12 человек под командой прапорщика Рукавишникова, который скоро вернулся обратно и доложил, что в Тальцах стоит красная кавалерия и кругом Тальцов посты пешие. Я вызвал охотников на разведку и приказал им добыть пленных или узнать, что за часть и сколько. Вызвались сходить трое. Новицкий, Никешин и Шаповалов ушли. Остальных я собрал ближе и просил их не разговаривать громко и быть готовыми.

был отправлен в отставку. После оккупации страны Германией Гайда ушёл из политики и поддержал Спротивление. В мае 1945 г. он был арестован органами чехословацкой безопасности по обвинению в пособничестве германским оккупантам. 4 мая 1947 г. суд приговорил Гайду к двум годам заключения, а поскольку большую часть этого срока он уже отсидел, через 8 дней после вынесения приговора опальный военачальник вышел на свободу. Через 11 месяцев после освобождения Радола Гайда скончался.

Через час пришли с разведки и доложили, что пленного они не достали, а узнали, что стоит отряд Каландаришвили (70 человек при 2-х пулеметах). Можно свободно пройти в село. Поэтому я решил напасть на Каландаришвили ночью. Собрал ребят, объяснил им, что делать. 60 человек под командой прапорщиков Солнцева и Рукавишников должны были наступать с фронта. Я же, с остальными 92-мя бойцами захожу справа, занимаю горку около церкви и начну обстреливать село вдоль по улице.

Так и сделали. В 2 часа ночи Солцев и Рукавишников (Рукавишин? — А. О.) со своими, с криками «ура» бросились вперед. Красные в панике выскакивали из домов. Многие бежали в нашу сторону. Другие — на берег реки Ангара. Но везде их встречали огнем, и они беспорядочной толпой хлынули обратно в сторону Иркутска. Захватили в результате 5400 патронов, 39 лошадей и 15 пленных. 31 был убит. У нас потерь нет. Счастливо.

Снова тайга. Нас много, 167 человек.

Смерть подполковника Ткачева

Выйдя из Иркутска, как я уже писал, вечером в 6–7 ч. 15 июля, мы отошли за ночь до деревни Худяково, в 23-х верстах от Иркутска. Вперед были высланы квартирьеры 15 человек с наказом, чтобы жители приготовили что-нибудь поесть, и чтобы никто из жителей, под страхом быть убитым, не выходил из домов, это было сделано для того, чтобы жители не знали, сколько нас. Им было приказано в каждом доме приготовить на 12–15 человек, всех домов было 43.

Придя в деревню, я приказал всем разделиться на партии по 15–18 человек и переходить из дома в дом, так как нас всего было офицеров 12, солдат 115 = всего 127 человек. Мне лично пришлось ужинать в пяти домах, некоторые партии даже более, в 7–8 домах. Утром часов в 8, немного отдохнув, мы тронулись дальше в тайгу.

Я предложил старшему из нас подполковнику Ткачеву принять команду. Подполковник отказался, говоря, что он не знает местных условий, и предложил мне командовать, обещая исполнять все мои приказания. Пройдя 8–9 верст, мы вышли на так называемые Казачьи покосы при впадении речки Талой в речку Ушаковку. У нас чувствовалась усталость, многие от переутомления не могли идти, поэтому я приказал отряду остановиться и выбрал место для лагеря на горе, в лесу за речками. Разбил людей на взводы и приказал выставить сторожевое охранение

у караулки на поляне, место впереди чистое, как ладонь ровное. Этот день простояли тихо рядами, купались в речках, мыли белье и т. д. Ночь прошла спокойно, красные нас по пятам не преследовали, чего я боялся.

Еще день провели спокойно. 18 июля я вызвал охотника сходить на разведку в деревню Худяково — вызвалось 4 человека: юнкер Шишкин, прапорщик Солнцев, юнкер Черных, прапорщик Лютиков. Подполковник Ткачев попросил разрешения сходить с ними, часов в 9 они ушли. Все было тихо, день прекрасный. Вдруг я слышу около караулки шум. Бросился туда. Смотрю — стоят юнкер Шишкин и Солнцев. Бледные, не могут, что называется, дух перевести. Подбегаю, спрашиваю: «что случилось?» Наперебой начинают докладывать, что подполковника Ткачева убили в Худяково красные — разъезд человек 15-ть.

Я приказал им докладывать по очереди. Выяснилось следующее: придя в Худяково не заметили ничего подозрительного. Подполковник Ткачев почти в середине деревни зашел в дом и попросил у хозяйки старухи молока и хлеба, и начал ее выспрашивать, не проходили ли какие-нибудь солдаты, хозяйка ответила: «много разных бродяг шляется и 3-го дня тысячи полторы прошло, всех объели! Никого правда не тронули, но страху натерпелись». Дав им молока, хлеба, старуха вышла в огород. Подполковник Ткачев с юнкерами сели за стол пить молоко, не выставив охранения. Не прошло и 20 минут, как хозяйка кому-то закричала: «Это не ваши здесь сидят?»

Выскочив из-за стола, юнкера увидели человек 15 конных, подъезжавших рысью к дому. Мы все бросились к винтовкам и в сени. Но двери долго не могли открыть. Когда же выбежали, то красные были уже у крыльца, приняли нас в шашки и подполковник Ткачев упал первый, изрубленный шашками. А остальные были изрублены на заборе. Им же двоим удалось убежать в лес, и они бегом прибежали сюда. Я приказал Новицкому взять 25 человек и скорей идти в деревню Худяково на выручку тел убитых.

Остальным приказал быть наготове и делать завалы и окопы. Прошло томительных 2–3 часа, было около 4 часов, когда от Новицкого пришла связь сказать, что он отходит, так как в Худяково много красных конных и пеших, и, кажется, есть артиллерия. Приказал людям занять места. Я обошел участок и везде просил: зря без команд не стрелять, чтобы не обнаруживать себя. От караулки пост приказал убрать и если противник пойдет в наступление, то подпускать его до караулки без огня.

В это время показался Новицкий со своими людьми. Он вел людей бегом и в беспорядке, сзади в 1500 шагах приблизительно, маячили конные и слышался редкий ружейный огонь, но пуль не было слышно. Подбежав ко мне, Новицкий доложил, что до деревни Худяково он не дошел, был обстрелян. А так как заметил пехоту, то решил отходить на наши главные силы. Я приказал ему с его людьми быть в резерве у домика.

Соединение с чехами и взятие Листвяничного

Разделавшись при свете горящих изб с Каландаришвили, я остаток ночи провел в селе Тальцах, а в 6 часов вечера 16-го июля решено двигаться к Иркутску. Не зная, есть ли впереди противник и где остаток отряда Каландаришвили, я опять приказал идти стороной от тракта. Не прошли мы и 5 верст, наш дозор по дороге доложил, что это вчерашние. Я занял позицию на берегу ручья, но огня приказал не открывать. Дозоры пропустил без обстрела. Наша позиция очень удобная. Берег ручья возвышается сажени на две и обрывистый, обстреливаемый красными. Лежа в кустах шагах в 60–70-ти от дороги, я видел, как проехал дозор из пяти всадников. Хотя они и говорили, но слов разобрать было нельзя. Кто они — так и не узнали.

Решил, что красные. Меня ввело в смущение только то, что фуражки у всадников с назатыльниками, а у тех, что мы вчера били, были шапки и фуражки обыкновенные.

Прошло минут десять. Показалась колонна. Впереди конные — человек 60–70, сзади пехота — 100–130 человек и небольшой обоз (5–6 телег и походные кухни). Когда они подошли шагов на 120–140, я рассмотрел значок. У конных был красный флажок по диагонали, а так как в начале 1917-го года мой участок позиции был рядом с чехами, то чешский флаг я изучил хорошо и, когда они подошли к нам на 60–70 шагов, я подал команду своим «встать». У чехов поднялась паника и они моментально рассыпались в цепь. Коноводы ушли в кусты, потом оттуда раздался крик: «что за люди?» Отвечаю, что партизанский отряд «смолокуров». «А вы, что за люди?» — «Мы — чехи!» — «Выходите быстрее на дорогу». Я узнал, что командир отряда ротмистр Билина (командир эскадрона) и идет с ним 4-я рота Тетеринского стрелкового полка. Идут они в Листвяничное.

Нашей радости не было границ. Нашли даже общих знакомых.

Бой на станции Байкал (у красных убито более 2500 человек)

Ротмистр Билина предложил мне присоединиться к нему и идти в Листвяничное вместе, так как мы хорошо знаем дорогу.

У деревни Большая речка сделали привал. Чехи угостили нас борщом из свинины и галетами, и мы пошли дальше вечером в Листвяничное и заняли его без боя.

Красные, бросив лошадей, два парохода на лодках и пароходах переправились через Ангару на станцию Байкал. Чехи выставили сторожевое охранение в сторону от Таможенной заставы. Я — от своего отряда караулы и патрули по селу Листвяничному с приказом задерживать всех подозрительных лиц. И только в 12 часов ночи я пошел домой.

Утром в красном Исполкоме занял комнату под канцелярию и общественное собрание — под караульное помещение для своих ребят. Чехи разместились по квартирам.

В 7 часов утра со стороны станции Байкал (7 верст) услышал сильный взрыв. Стекла в домах повывлетали. Выбежав на улицу, я увидел громадное черное облако дыма над станцией Байкал и оттуда слышалась ружейная и пулеметная стрельба, правда, редкая. Оказалось, что Нижнеудинская дружина в 40 человек горами прошла к Маяку, который выше уровня озера Байкал на 180 саженей, рассыпалась в цепь и начала обстреливать станцию, где стояло пять эшелонов с красными и несколько вагонов с динамитом. Пуля попала в один из вагонов. Получился взрыв от детонации. Взорвались все вагоны. Взрывом разрушены: станция, водокачка, депо. Разрушены все пути и оторвало часть деревянного мола.

55-ти саженные бревна, рельсы, шпалы и трупы, по словам очевидцев, летели на 2–3 версты. Дом-буфет, находящийся от станции в 200-тах саженях, разрушен до основания. У красных убито 2500 человек. Пострадали и частные лица, так как в одном из эшелонов раздавали муку. Уцелевших красных — около 200-т человек — нашли под пристанью. Все расстреляны.

Я — начальник охраны Байкальского побережья (построенного чехами). Отрицательное отношение офицеров к происходящим событиям

18-го июля с бронепоездом приехал капитан Гайда и по его приказанию эскадрон уходил дальше на восток, а охрану должны были наладить

сами русские. Я с ротмистром Билина пошел к нему, и он сказал мне: «Хорошо, братче капитан, я Вас назначаю здесь комендантом и начальником охраны берега Байкал, формируйте охрану», и т. д.

По этому поводу мною было напечатано и расклеено объявление, что я назначен начальником охраны и прошу всех военнослужащих явиться для регистрации. Население просил соблюдать порядок и сдать все огнестрельное оружие. За неисполнение грозил арестом и отправкой в тюрьму.

На регистрацию явилось много солдат и офицеров. Я предложил господам офицерам помочь мне в налаживании охраны и т. д. Все говорили — «ах, как надоело».

Гвардии капитан Козин, которому я предложил, как старшему, принять мою должность, ответил отказом на том основании, что он не признает чехов и что они не вправе отдавать здесь приказы. На что я ему сказал: «Что же делать, когда русской власти нет?» — «Ну — сидеть и не рыпаться», — ответил он.

Я все-таки вел регистрацию. Записал солдат разного звания до 600-т человек и около 15-ти офицеров. Потом я решил формировать Байкальский стрелковый отдельный батальон, который и влить потом в какой-нибудь полк, или, как говорили, «дружину».

Работы было много. Нужно было составить акты по похороненным красным на станции «Байкал», нужно ежедневно было отправлять арестованных неизвестных лиц из разбитых красных. В день подписывал более 100 пропусков. Допросы и т. д. отнимали массу времени. Судей не было, приходилось разбирать разные тяжбы. Каждый день жалобы. Арестовал инженера Нилова — помощника начальника красного гарнизона. Рабочие говорили, что он большевик. Отправил его в Иркутск, где он поступил добровольцем в войска Сибирской Областной Думы.

В общем, занимался до 2–3-х часов ночи и дело наладил, но надоело. И, главное, что раздражало — это нежелание мне помочь.

Роспуск дружины.

Я отправляюсь в Иркутск для поступления в войска

Видел отрицательное отношение офицеров и прочих к событиям, а главным образом сопротивление, за некоторым исключением, почти всех к формированию большой Байкальской дружины, вернее, полка. Людей находилось много, до 600 человек. Но офицеры на мое приглаше-

ние — кто отказывался, под предлогом, что ему надоело, кто — говоря, что он не сочувствует формированию под протекторатом чехов, и т. д. После нескольких совещаний я, видя, что толку из отряда не выйдет, сказал, что я слагаю с себя звание Начальника охраны Байкальского побережья и еду в Иркутск, чтобы поступить добровольцем в войска Сибирской Областной Думы (правительство правоэсеровское).

23 июля 1918-го года в девять часов утра прапорщик Рукавишников построил моих людей (193 человека). Я вышел, поздоровался, и собрав их в круг, объяснил им абсолютно все и сказал, что хотя я и не эсер, но считаю долгом чести для себя идти служить. Это лучше, чем бездействовать здесь, и поэтому считаю, что отряд охраны очень большой. А охранять, особо, нечего и некого, что это — игра в солдатики.

Поэтому — отряд расформировываю. За себя оставляю прапорщика Рукавишникова и 24-х милиционеров, которым будет платить жалование завод (по триста рублей в месяц). А кто желает со мной пойти служить — буду очень рад их взять. Остальных — благодарю за службу и прошу считать себя уволенными до распоряжения правительства.

Со мной согласились ехать 63 человека, испытанных старых партизан. С остальными я попрощался за руку и даже с поцелуями. Не обошлось без слез. Многие говорили, что они меня не забудут до конца жизни.

Где они теперь, мои родные орлы? Да, многих нет в живых, помнят ли меня остальные?

28-го июля сели на поезд и поехали в Иркутск. 64 человека вместе со мной. В Иркутске я построил их и повел к воинскому начальнику полковнику Попову⁵⁸. Комендантом города был поручик Моисеев.

Поступление в Иркутский артиллерийский дивизион.

28-го июля 1918-го года

В канцелярии воинского начальника толчея. Ничего нельзя узнать. Все суетятся, а толку нет. Кое-как добрался до него и спросил — куда я могу поступить с моими добровольцами. Полковник Попов сказал: «Куда хотите! Все делается помимо меня, и я никуда никого не распределяю,

⁵⁸ Вероятно, речь идёт о полковнике **Попове Константине Александровиче** — командире 2-й батареи Восточно-Сибирского кадрового артиллерийского дивизиона. После поражения белых частей он эмигрировал в Маньчжурию, жил в Харбине.

а только занимаю место». Выйдя от него, я недоумевал: куда же мне идти. И выйдя к моим — объяснил им, что они могут записаться непосредственно в любой полк. Все они заявили: «Господин капитан. Куда Вы, туда и мы». Тогда я решил идти в Иркутский стрелковый полк.

Идя туда, встретил знакомого, капитана А. М. Прибыткова⁵⁹, которому объяснил наше положение. «Вот и хорошо», — сказал Прибытков. — «Идем со мной, поступай в артиллерию. Туда и добровольцев тоже примут».

Направляюсь туда, в канцелярию артиллерийского дивизиона. Я явился к командиру дивизиона, полковнику Шмелеву и просил меня и 63-х добровольцев принять в дивизион. Конечно, приняли с распростертыми объятиями.

Поход за Байкал

Я и 35 человек были назначены в 1-ю батарею, а остальные, с подпоручиком Алексеевым — во вторую батарею.

Дивизион вооружен винтовками. Пушек нет. Скоро должны идти за Байкал драться с красными. Мои люди очень пригодились, как знающие пехотное дело (до мая в 1-й батарее было 39 человек офицеров-артиллеристов и 54 солдата). Я был назначен командиром батареи в пешем строю.

На взводах, на первом — капитан Прибытков, на втором — поручик Окорок⁶⁰ (Бандура), на третьем — прапорщик Ракеев. На четвер-

⁵⁹ **Прибытков Алексей Михайлович.** В 1907 г. окончил Алексеевское военное училище. Капитан артиллерии. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта. В начале 1919 г. — в 3-м лёгком Сибирском (Иркутском) артиллерийском дивизионе. После поражения Белой армии эмигрировал в Маньчжурию. Жил в Харбине. На 1940 г. — член Общества офицеров-артиллеристов.

⁶⁰ В разных письмах и очерках Д. И. Решетников упоминает поручика **Окороква** и поручика **Окоркова**. Вероятно, это один и тот же офицер. Историк С. В. Волков в базе данных «Участники Белого движения в России» на январь 2016 г. приводит краткую биографию **Окоркова Дмитрия**. Он родился в 1894 г. в семье действительного статского советника. Окончил гимназию и Константиновское артиллерийское училище. Поручик, младший офицер 3-й батареи 1-го Ивангородского отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона. В период Гражданской войны — в белых войсках Восточного фронта; на 25 июня 1919 г. командир отдельного гаубичного взвода 2-го отдельного артиллерийского дивизиона. Штабс-капитан. В Дальневосточной армии — на сентябрь 1922 г. — в Глудкинской батарее Восточно-Сибирского артиллерийского дивизиона.

том — прапорщик Плозников. Как пехотный офицер — офицер артиллерии в строю — командир 1-го батальона капитан Вериго, тоже с винтовкой.

1-го августа погрузились в эшелон и вечером были на станции Слюдянка, откуда походным порядком (поезда дальше не ходили, красными был взорван туннель № 39) до станции Утулик. На станции Утулик стояли три дня, и я усиленно занимался рассыпным строем. Выходило отвратительно, скверно. Резервный взвод в другой раз был шагах в 50-ти от цепи, а один раз даже и впереди. Комичного было много.

Десантные операции чехов в соединении с русскими отрядами.

Ледокол «Байкал» и бой в Мысовой

Наше и чешское командование с 1-го августа приступило к подготовке десанта, предвидя трудности боев по линии Кругобайкальской железной дороги (невозможность развернуть для боя части через горы и Байкал). Поэтому с фронта была снята Барнаульская дружина (800 штыков) и стянута на станцию Байкал, где было 3 парохода и 3 баржи, приспособленных для перевозки десанта. Дружина и рота чехов с тремя орудиями были посажены на баржи. На пароход «Бурят» установили одно орудие и рано утром пароходы тронулись.

Капитан одного из пароходов сбился в тумане с пути и пароходы шли близко к восточному берегу Байкала. Когда разошелся туман, то в одной версте показалась пристань у станции Мысовая. Быстро приготовились к бою и с парохода «Бурят» открыли огонь из орудия по ледоколу «Байкал», стоявшему в гавани. На ледоколе возникла паника и после третьего снаряда ледокол загорелся.

Капитан. В Списке-справочнике на командный состав колчаковской армии, который хранится в Справочно-информационном фонде Государственного архива Новосибирской области, значится офицер Иркутского стрелкового артиллерийского дивизиона Огороков, произведённый приказом от 26.09.1919 г. в штабс-капитаны (Приказ опубликован в газете «Русская армия» г. Омск, от 24.10.1919 г.). Офицер-артиллерист Окорков в Списке-справочнике не упоминается. Д. И. Решетников в своих воспоминаниях о службе в китайской армии упоминает капитана Окоркова, которого знал с 1918 г. по Иркутскому стрелковому артиллерийскому дивизиону, воевавшего в китайской армии и убитому в бою под Фуличами. В то же время сослуживец Решетникова поручик Е. А. Леонтьев в материале, подготовленном к 55-летию оставления Дальнего Востока белыми частями (1977), говорит о погибшем в период Гражданской войны в Китае капитане **В. Д. Огорокове**.

Десант в Мысовой наши побоялись спустить, так как в Мысовой в это время были главные силы красных и пароходы направились дальше в устье реки Селенга, где, пройдя около 60 верст вверх по реке, высадили десант в селе Брянское. Десант повел наступление к озеру Байкал. Чехи, действовавшие с фронта, также повели наступление на станцию Мысовая и далее на станцию Посольская. В Мысовой красные сопротивлялись слабо, но на станции Большеречинская вырыли окопы. Их мы атаковали в 11 часов дня. Они оказывали упорное сопротивление, но были сбиты и начали отходить к деревне Посольской. У них была заметна паника, потому что они уже узнали о десанте. Взято 56 составов и очень много, более 5000 пленных, 14 орудий, масса оружия.

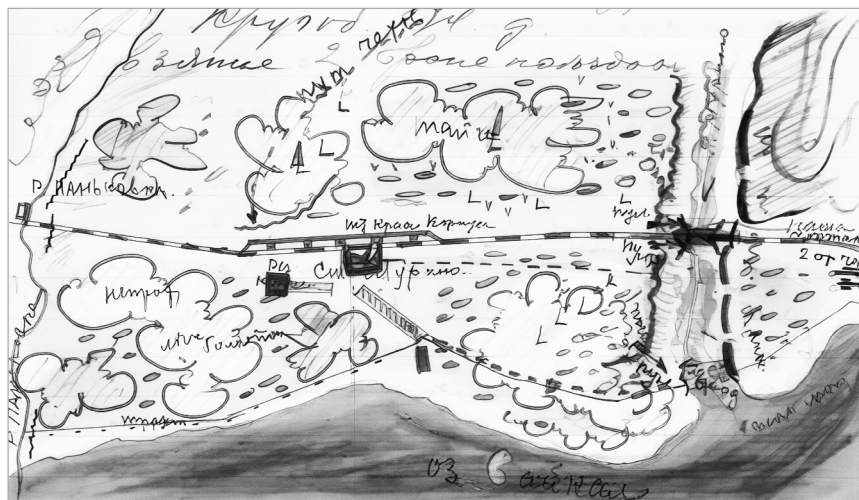
Бой под разъездом Салзан **Кругобайкальской железной дороги**

4 августа начальник дивизии генерал Гривин⁶¹ приказал дивизии выступить в семь часов утра. Построились и пошли. Прошли разъезд Монгутай. На восьмой версте от разъезда Монгутай закрепились на реке Салзан. Заняли и его без боя. Подошла рота чехов. Приказано наступать на разъезд Олгутай. Только вышли, как увидели в версте от нас бронепоезд красных, который открыл огонь из орудия. Я скомандовал батарею: «вправо в цепь 1-й и 2-й взводы бегом».

Третий, четвертый взводы в резерве вправо от линии держат связь с цепями и держатся не ближе 150–200 шагов от цепи.

⁶¹ **Гривин Пётр Петрович (Петерис Гривиньш)** (28.04.1875 — 20.11.1919) российский военный деятель, генерал-майор (31.01.1919). Родился в семье крестьянина Курляндской губернии, латыш. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище (1899). Участвовал в Первой мировой войне: офицер артиллерии в казачьих войсках. Подполковник. Участник Белого движения. Отличился в боях за Кругобайкальскую железную дорогу, под Танхоём, Посольской, взятии 11 июля 1918 г. Иркутска. В августе 1918 г. произведён в полковники, а 31 января 1919 г. — в генерал-майоры. Командир 4-го Сибирского армейского корпуса ([?].03.04. — 20.07.1919), затем Северной группы войск 1-й армии (20.07.1919 — 22.11.1919). После оставления в ноябре 1919 г. города Омска, несмотря на полученную директиву командования, запрещающую отходить на восток без должного сопротивления, отдал приказ группе отходить в район города Каинска. На требование сдать командование ответил категорическим отказом. Был застрелен лично генералом С. Н. Войцеховским, «как не исполнившего боевого приказа и нарушившего основы воинской дисциплины».

Бой на станции Мурино Кругобайкальской железной дороги, взятие двух бронепоездов

План станции Мурино

Кое-как с шумом рассыпались, пошли вперед. Бронепоезд начал отходить и скрылся за поворотом. Лес густой, прошли 2–3 версты. Красных нет. Справа — чехи вышли на линию. Лесом прошли еще. Справа скалы, слева — Байкал. Полковник Шмелев приказал идти четверью цепями. Кое-как перестроились. Идти можно только по линии и возле полотна. Не более 10–15-ти человек. Остальные — в резерве, «гусем». Дошли до другого поворота. Идущие впереди вдруг заметались. Я побежал туда и увидел в $\frac{1}{2}$ версты от нас два бронепоезда красных и два состава бронепоездов. Двинулись на нас.

Я приказал лежащие около линии железной дороги шпалы набросать на полотно железной дороги и два взвода рассыпать по скалам выше и приказал как можно ближе подходить к поездам. Поезда красных отошли назад, а я продвинул цепь до железнодорожной будки, где столпилась группа музыкантов 2-го Советского стрелкового полка. Корнет Корнеев командовал им: «играй встречу!» И музыканты заиграли.

Я поднял цепь и повел ее в атаку на первый бронепоезд, который моментально захватили. Капитан Прибытков с двумя взводами тоже вышел на линию, и мы атаковали второй бронепоезд. Команда бронепоездов

поезда — мадьяры. Заперлись и не выходили из вагонов. Тогда в один из вагонов бросили гранату. Новицкий взрывом выбил боковую дверь и наши ворвались в вагон и перекололи 37 человек мадьяр. Таким образом бронепоезда были взяты.

Пообедали и начали собираться дальше. С гор спустились томцы-барнаульцы и новониколаевцы. Поддержали. Уже три дня красные подходили к ним на 7–8 шагов, причем отбито было 18 атак красных. Все были веселы и довольны.

Ночевали в лесу и утром были у моста через реку Мурино. До станции — 400 саженьей. Мост укреплен пулеметными гнездами с окопами. Река Мурино вброд непроходима. Очень быстрое течение и глубокая.

Приказано было Иркутскому полку и артиллерийскому дивизиону атаковать в лоб по мосту. Две чешские роты 4-го полка были посланы в обход, в горы, где есть брод (в восьми верстах выше моста). Они должны быть к вечеру в исходном положении за станцией Мурино. Три выстрела из орудия — начало наступления.

В семь часов 25 минут сигнальные выстрелы и Иркутский полк бегом пошел к мосту, но, не выдержав пулеметного огня, — залег. Я повел первую батарею скорым шагом со стрельбой на ходу (чтобы глушить своей стрельбой стрельбу противника). У моста собрались толпой. Я скомандовал: «За мной, бегом». И мы побежали. Пули как град стучали о железные части моста. Перебежали почти все. Только двое упали в воду и утонули.

С криком «ура» ворвались в окопы. Пулеметы замолчали, прислугу перекололи. За станцией вышли чехи и красные стали уходить, но ушло их мало!

Бой на станции Танхой и смерть капитана Вериго

От станции Мурино до станции Танхой 41-у версту наши части шли без боя. Перед станцией Танхой течет река Осиновка третья. Сразу же за рекой, вправо от железнодорожной линии расположены каменноугольные копи князя Андронникова. Красные по правому берегу реки вырыли окопы для стрельбы стоя. Мы подошли вечером. Наши цепи залегли по левому берегу реки.

Наступление назначено было на завтра. Ночью была сильная стрельба с обеих сторон. Большевики и наши нервничали. Часов в десять вечера капитан Вериго, лежавший за пнем срубленного дерева, поднялся на ноги и стал в бинокль рассматривать расположение красных, то

операцией руководил подполковник Генерального Штаба Ушаков⁶² — начальник штаба Чешских войск на востоке (командовал войсками капитан Гайда).

Части наступавших с фронта заняли станцию Посольскую и село Большеречинское. Бой прекратился. Иркутский артиллерийский дивизион забрал в плен 263 человека, Иркутская дивизия — около 3000 человек, чехи — 800 мадьяр и более 1000 человек русских. Взято у красных 14 орудий, более 100 пулеметов и около 1000 винтовок.

В 2 часа дня разнесся слух, что убит красными подполковник Ушаков, а в 4 часа вечера на дрезине привезен был его труп. Пошел и я отдать последнюю память покойному. Лицо подполковника Ушакова было обезображено массой колотых ран, глаза выколоты, зубы все выбиты, обрезан нос и уши, под ногти на руках загнаны деревянные спички. По приказанию генерала Гривина и капитана Гайды составлена была полевая комиссия и выделены офицеры в военно-полевой суд.

Из расспросов пленных выяснилось, что подполковник Ушаков, видя, что противник разбегается и бой прекратился, решил на дрезине ехать навстречу нашим, наступавшим с фронта частям. Взяв с собой 4-х солдат, он на дрезине поехал; не доезжая до станции Посольской 8 верст, он увидел толпу красных — человек 350–400, остановил их и сказал, что все кончено и они окружены, поэтому лучше им бросить винтовки и сдаться в плен. Человек 200 бросили винтовки и пошли по направлению к стан-

⁶² **Ушаков Борис Фёдорович** (? — 17.08.1918). В 1906 г. окончил Псковский кадетский корпус, в 1908 г. — Павловское военное училище, в 1914 г. — Императорскую Николаевскую военную академию. После окончания академии получил назначение в Виленский военный округ. Участвовал в Первой мировой войне, пройдя путь от штабс-капитана до подполковника. Служил в штабе Минского военного округа, в штабе XXV армейского корпуса, в штабах 4-й, 12-й, Особой армий и в штабе 3-й гренадерской дивизии, временно исполнял должность начальника штаба этой дивизии. Получил звание лётчика-наблюдателя, участвовал в авиационных разведках. В 1917 г. занимал пост штаб-офицера для поручений по авиации отдела генерал-квартирмейстера штаба Особой армии. Был награждён многими орденами. В период Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта. С февраля 1918 г. Борис Ушаков исполнял должность офицера в штабе 4-го имени Прокোпа Великого чешского полка 1-й Чешской дивизии Чехословацкого корпуса, затем ВРИО начальника штаба 2-й Чешской дивизии. Активно участвовал в боях с большевиками в Прибайкалье. 17 августа 1918 г. Ушаков попал в плен к «красным» и был зверски убит. 20 августа 1918 г. произведён в чин полковника (посмертно).

ции Посольской, остальные же начали совещаться, и когда подполковник Ушаков слез с дрезины и подошел к ним, то человек 15 коммунистов бросились на него, а остальные напали на дрезину.

Солдаты, сопровождавшие подполковника Ушакова, побежали, его адъютант подпоручик (фамилию не помню⁶³) начал отстреливаться и был убит, но его не уродовали. Подполковника же Ушакова пытали и затем убили, бросив труп около дрезины, сами же скрылись в лесу, в горах.

Прибывшие два солдата сообщили в штаб. Сразу же назначили часть преследовать мерзавцев. По приказанию капитана Гайды за смерть подполковника Ушакова было расстреляно 860 человек мадяр и 1000 русских красногвардейцев расстреливали пулеметным огнем.

Убийц догнали на третий день в лесу. Они блудили и у них не было хлеба. По приказу Гайды эта группа была вся расстреляна. Всего их было 283 человека. Таким образом за смерть подполковника Ушакова было расстреляно 2143 человека.

Иркутский артиллерийский дивизион возвратился в Мысовую. Полки же пошли в Верхне-Удинск и на третий день вернулись. В Верхне-Удинске сформирован 4-й полк дивизии — Верхне-Удинский стрелковый полк.

Возвращение дивизии в Иркутск на формирование

29 августа получено приказание вернуть Иркутскую дивизию в Иркутск на формирование. Было дано три состава. Посадили в вагоны и после обеда поезда тронулись лентой в Иркутск. По прибытии в Иркутск составы были остановлены в товарных пунктах около моста через Иркутск.

На другой день разнесся слух, что дивизия идет на Урал. Добровольцам приказано собраться и явиться в свои части на станцию. Я съездил в Листвяничное к семье и затем приехал в Иркутск с женой.

Явился к командиру 1-й батареи капитану Ал. Мих. Прибыткову и был назначен в первое орудие четвертым номером (правильным). Старший фейерверкер орудия поручик Огороков, номер первый — подпоручик Петкевич, второй — поручик Бессонов, третий — Литвинцев и я. Пятый — Дьячков, шестой — Мышловский, седьмой и восьмой номера — добровольцы (фамилии не помню).

⁶³ Поручик чехословацкой армии **Рифесталь**.

Иркутская стрелковая дивизия идет на Уральский фронт (дорожные впечатления)

2-го сентября дивизия в 4 часа пополудни, в семи эшелонах выступила на Уральский фронт. Ехали весело, но, вместе с тем, вели занятия: материальная часть и обучение номеров-наводчиков. Большинство офицеров — артиллеристы, поэтому занятия велись очень хорошо и небольшими группами. Я — в группе с капитаном Прибытковым и поручиком Огороковым.

В Омске стояли день и дальше, по Тюменской железной дороге, отправились в город Екатеринбург. Стояли там два дня. Сходили в дом, где жил покойный Император, осмотрели комнату, где их убили. Тяжелое впечатление производит вид этой комнаты.

Дивизии приказано идти на Красноуфимское направление. Конечный пункт нашего следования в поездах — станция Дружинино.

От села Грбово дорога только строится, поэтому поезд идет медленно, все время по лесу. На станциях видны следы недавних боев. Недалеко от Дружинино я видел под откосом целый состав, сказали, что это состав с красными и что спустили его чехи.

Станция Дружинино. Екатеринбург-Казанской железной дороги

Вот и станция Дружинино. Кругом лес и всюду масса строительных материалов, рельс и т. д. Нас поставили в тупике и назавтра приказали выгружаться и стать по квартирам на станции Грибово. Кроме нас — «сибиряков» — стояло три эшелона 10-го Бугурусланского полка (войска Учредительного Собрания — «Комуча», как их сокращенно называли). Оказалось, что они не особенно надежные, то есть пытались митинговать, а на нас смотрели почти как на врагов. Народ молодой, но обмундирован плохо. Солдаты в лаптях, без шинелей, но все в фуражках, с нашитыми поперек георгиевскими ленточками вместо кокард.

Офицеров мало. Командир полка — подполковник Кононов с Георгиевским крестом и золотым оружием. Щегольской вид и молодой (потом выяснилось, что он только штабс-капитан и Георгиевского креста и золотого оружия не имеет — прохвост, ясно). Здесь интересно зовут красных — «красноперыми», за их красные банты и ленты. Очень метко.

Говорят, здесь потешно. «По щё», «Ванчё», «колоколничка», «русья» вместо сучья. Но население добродушное и гостеприимное, и ужасно любопытное, и словоохотливое.

Походным порядком — на город Красноуфимск.

Первый бой под селом Афанасьевским

11 сентября 1918 года Иркутский артиллерийский дивизион в составе Иркутской стрелковой дивизии походным порядком выступил в поход, как артиллерийская часть, имея в двух батареях по три орудия. Ночевали на Бисерском заводе. Утром, в 12, выступили дальше и, пройдя 18 верст, встретили противника у села Афанасьевского.

Иркутский и Байкальский полки споро рассыпались в цепи. Наша 1-я батарея стала на позицию на сжатом поле, вблизи тракта. Я с капитаном Прибытковым пошел на наблюдательный пункт. Живо пристрелялись и начали бить по селу гранатами. У красных сразу же стала заметна паника и через час красные начали отступать.

Я вел дневник боевых действий и записал следующее: «День ясный, теплый, солнечный. Первая батарея в 2 часа 15 минут открыла огонь и приняла участие в первом бою, как артиллерийская часть».

Схема боя у села Афанасьевское

В четыре часа вечера красные отступили. Мы заняли село и, выставив слабое сторожевое охранение (одну роту в 65 человек), стали на ночлег. Село совершенно пустое, жители все разбежались, поэтому

мы расположились в пустом доме, целый день были голодные и поэтому я, капитан Окорочков и другие офицеры (всего девять человек) решили приготовить себе ужин. Решили поймать поросенка и запереть. Я принес дров. Окорочков пошел ловить, а так как было уже темно, то он штыком заколол кабана пуда на полтора. Решили зажарить его целиком. Выпотрошили и кое-как втолкнули его в печь.

Вдруг слева по селу началась ружейная стрельба. Суматоха поднялась ужасная, обозы помчались из села. 2-я батарея, также наша первая батарея тут же в селе стали на позицию и в темноте по вспышкам ружейных выстрелов открыли огонь три раза картечью, потом с прицелом 8–10 стали стрелять шрапнелью. Генерал Гривин все-таки приказал из села выехать. Выехали с полверсты, но красные уже ушли, и мы вернулись доедать кабана. Потерь у нас нет.

Бой в деревне Ялым у моста

13 сентября 1918 года, в пять часов утра выступили дальше, пройдя 16 верст, наткнулись на красных у деревни Ялым. Позиция у красных очень сильная и в лоб атаковать генерал Гривин не решился, поэтому два полка послали в обход по болоту и лесу. Верхне-Удинский полк в цепи. Нижне-Удинский полк и артиллерия в резерве. Для артиллерии нет позиции.

Кругом лес. Стоим в лесу. Впереди идет довольно оживленная перестрелка. Верхнеудинцы рассыпаются по опушке леса, ведут ружейный огонь по красным, у которых по окраине села устроены окопы. От окопов по болоту насыпь. За деревней Ялым у красных стоит батарея шестидюймовая, которая стреляет по лесу. Большинство снарядов не рвутся, я ездил в цепи посмотреть, что делается, и нарвался на один снаряд, который, к счастью, не разорвался, но меня все-таки с лошади сбросило силой удара бомбы на землю.

Ночевали в лесу. Холодно. Хочется кушать, а нечего, так как обоз далеко. Кое-как почти без сна провели время до четырех часов утра. В 4 часа 20 минут утра 14-го в тылу у красных, верстах в 7–8 от нас, началась сильная ружейная, а затем пулеметная и орудийная стрельба. У нас суматоха. Нижне-Удинский полк бегом перешел к Верхне-Удинскому полку. Мы тоже построились, но не знали, что делать. Вдруг в 5 часов 5 минут утра — сильный ружейный огонь у нас. Затем — крик «ура»,

Село Ачит, город Красноуфимск, встреча нас и пьянство

15 сентября 1918 года. В семь часов утра выступили дальше и, пройдя 12 верст, вышли в село Ачит. 1500 домов. Лучшая часть села сожжена красными. До нашего прихода в Ачите было восстание, и красные выгнали большую и лучшую часть села. Приказано было сделать большой привал.

После привала вся дивизия тронулась в город Красноуфимск. 20 верст прошли довольно быстро, дорога была хорошая (Сибирский тракт). При въезде в город и на улицах расставлены столы. С хлебом и солью, с иконами жители радостно встретили нас. «Сибиряки пришли». «Вот они солдаты», — то и дело слышалось в толпе народа. Стали по квартирам. Мне отвели комнату у начальницы женской гимназии.

Генерал Гривин решил простоять 3–4 дня, чтобы дать отдохнуть частям. 16, 17 и 18 сентября. 17 числа горожане даже сделали бал в пользу раненых Сибирской армии. Был, что называется, всеобщий «надир». Я так набрался, что, придя домой в грязных сапогах и шинели, уснул на чистой кровати. Утром мне было очень стыдно. Все белье на кровати испачкано.

Первый бой у Песчаной Горы и отступление за деревню Сырая Сарга

Ну, Слава Богу, завтра идем дальше на Кунгур, а то все спились. Особенно Огороков.

19 сентября в 4 часа утра выступили. Прошли, не останавливаясь Ачит, Петуховку, Городянку. Стали на ночлег в лесу. Пройдя около 40 верст — село Горячие Ключи. 800 дворов. Занято противником. Завтра бой.

20 сентября 1918 года утром вышли. Подошли к селу Горячие Ключи (курорт), наша разведка противника не обнаружила. Поэтому части вошли в село. Кругом амфитеатром расположены холмы — до 100 саженей высоты.

Вперед выслали разведку, которая и обнаружила красных на Песчаной Горе. 21 сентября приказано наступать. Иркутский, Байкальский, Нижне-Удинский полки рассыпались. Мы стояли на позиции по указанию командира дивизиона полковника Шмелева. Было туманное утро. Командир не решился встать на позицию. Стали в огородах.

Маленькая деревушка вправо от тракта 60–70 саженей. Я кое-как коноплей замаскировал орудие. Вырыл ровик. Впереди сильная стрельба.

В 11 часов утра туман разошелся. И — о ужас, мы стояли совершенно открыто на 600–700 саженей от Песчаной Горы. Около орудий нельзя было показаться. Все время обстреливали из пулемета.

Продолжение боя у Песчаной Горы. Бой у деревни Сырая Сарга.
Мы наступаем. Второй бой у Песчаной Горы, прорыв фронта
у села Медянка партизанами поручика Рычагова

Командир батальона с наблюдательного пункта на крыше одной избы отдал приказание «К бою». Затем — «гранатой, прицел 30, уровень 30 градусов. Огонь». На Песчаной Горе я увидел разрыв нашего снаряда. Опять команда «хорошо». «Двумя патронами, беглый». «Огонь». Снаряды ложились хорошо. Но незамеченная нами ранее батарея красных (три орудия) внезапно открыла по нам огонь. «Номера в ровик», — скомандовал я и по телефону дал приказ «Отбой». Стало очень тихо. Так продолжалось около часа и поэтому прислуга орудийная благодушествовала.

Красная батарея в 1 час 35 минут командует «К бою», только что номера успели занять места, как красные открыли огонь из своих орудий.

Первый снаряд дал недолет саженей 100. Второй снаряд угодил под правое колесо орудия, перебил осколками две ступицы, компрессор, поворотный механизм в пяти местах. Были убиты: наводчик поручик Петкевич, прапорщик Бессонов (второй номер), прапорщик Литвинцев (номер третий), вольноопределяющийся Дьячков Николай (номер третий). Тяжело ранен прапорщик Мышковский (номер шестой). Убит вольноопределяющийся Владимир Тарасов. Штабс-капитан Решетников ранен легко, остался в строю. Когда разошлась пыль, я увидел следующее орудие на боку. Первый номер на лафете лежит мертвый. Дьячков — рядом с лафетом с оторванной головой. Литвинцев и Мышковский — в ровике для номеров вправо от орудия.

Подбежав к телефону, я приказал передать командиру батареи, что прислуга у орудия перебита и орудие испорчено, не действуют механизмы подъемный и поворотный. Поэтому я беру орудие на передок. «Хорошо», — услышал я. — Сейчас приду». Кое-как на руках, при помощи ездовых, откатали орудие на тракт (красные ружейным огнем не давали подвезти передок).

Я увидел четвертую роту Иркутского полка, которая спешно шла назад. «Куда вы!» — кричу им. Командир роты ответил, что они отступают. Красные сильно укрепили Песчаную Горю двумя рядами окопов и в лоб

Гору не взять. Поэтому приказано отступить. Подъехал командир батареи и подтвердил, что части полка понесли большие потери и генерал Гривин приказал отступить.

Ночью, отходя от села Горячие Ключи 10 верст, стали в поле. Идет дождь. Среди офицеров паника. У всех на виду покойники. Заболели «медвежьей болезнью». Капитан Прибытков, поручик Кострюнин, прапорщик Кригер, подпоручик Алексеев, прапорщик Школьников, прапорщик Ракеев, вольноопределяющийся Вартаховский подали рапорта о болезни и смотались в тыл. Мы, оставшиеся при орудии, кое-как исправили его. Батарею принял Окороков, но тоже хочет мотать в тыл.

Настроение тяжелое. Грязь, холод. Я вырыл яму, покрыл ее палаткой. Нашел соломы, забрался внутрь и заснул. Проснулся ночью. Лежу в воде. Утром отступаем дальше. Прошли Петуховку, прошли Ачит, Ялым. Пришли в деревню Сырая Сарга, сделав за день 58 верст. Стали на ночлег. День простояли благополучно. Приказано выбрать позицию в лесу и стать на позицию. Выбрали, встали. Приказано построить шалаши. Построили. Ночью холодно, хотя снега и нет.

28 сентября 1918 года подошли красные. Атаковали нас, но здорово нарвались и поэтому к вечеру стали отступать. Мы же перешли в наступление и опять по старой дороге попали в расположение красных до Песчаной Горы, где стали на зимние позиции.

Наша первая батарея с Иркутским стрелковым полком — в деревне Грязнуха (четыре версты вправо от Песчаной Горы). Байкальский, Нижне-Удинский и Верхне-Удинский полки — в селе Горячие Ключи. Туда же пришла партизанская бригада поручика Рычагова. Бригада большая — 5 батальонов (5800 человек), которые заняли село Воскресенское против села Медянка, занятого красными и укрепленного ими проволочными заграждениями. Бригада не обмундирована. Люди в штатском, в лаптях. Но вид — бодрый и дерутся отчаянно, но и пьянствуют во время отдыха.

Так мы стояли до 6 декабря 1918 года.

В праздник Святителя Николая Чудотворца было решено внезапно атаковать красных, и задача эта дана была партизанам. Те ночью в сильный мороз, имея среди себя священника отца Георгия, ударили на красных в стыки. Те не выдержали удара, побежали и нарвались на свои же проволочные заграждения, где их много было перебито партизанами. Иркутская дивизия тоже атаковала Песчаную Гору и красные начали отступать на Кунгур.

Взятие Кунгура. Село Большое Петухово. Поход под г. Осу Пермской губернии

Красные отходили, не останавливаясь на рубежах и 15 декабря 1918 года наши части подходили к Кунгуру. Жители говорили, что город Кунгур укреплен окопами. Оказалось — ерунда. После небольшой перестрелки 16 декабря красные начали уходить из города и первыми вошли в город Иркутский полк и партизаны Рычагова со стороны села Медынского. На другой день пришла 4-я дивизия генерала Вержбицкого и прошла дальше на село Комарово и город Осу. Иркутская дивизия идет на село Большое Петухово на отдых, на один месяц. Артиллерия остается в городе. Началось веселое житье. Вечера, вечеринки, балы и т. д. Жители очень хорошо относятся, но всему бывает конец. Пришел в город штаб 7-го Уральского корпуса и нашим пришлось уходить, то есть попросту нас выставили. Потом по рукам пошло стихотворение:

«Мы в Кунгуре отдыхаем,
После тягостных боев
И спокойно посещаем
Ряд веселых вечеров» и т. п.

Февраль 1919 года. Бой в селе Комарово.

Взятие 12-ти орудий в деревне Подъельничной

Моя очередь ехать в отпуск. Поэтому я на 4-е декабря по Рождеству Христову поехал домой. Возвратился я 14 февраля, прибыл в деревню Подъельничную, где Иркутская дивизия захватила 8-ю Приуральскую артиллерийскую бригаду красных. Всего 12 орудий и 23 солдата, и артиллерийский обоз. 4-й дивизии генерала Вержбицкого⁶⁴ не повезло и в село Комарово на помощь ей пришла 3-я Иркутская дивизия.

⁶⁴ **Вержбицкий Григорий Афанасьевич** (25.01.1875 — 20.12.1942). Из мещан г. Летичева Подольской губернии. Учился в Каменец-Подольской гимназии, но не окончил её. В 1893 г. начал службу в Русской армии вольноопределяющимся в 45-м пехотном Азовском полку, с 1894 — унтер-офицер. В 1897 г. окончил Одесское пехотное юнкерское училище. Участвовал в Русско-японской войне. За боевые заслуги был награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В 1905 г. был произведён в штабс-капитаны, а в 1913 г. — в капитаны. Участвовал в Первой мировой войне. В боях был дважды ранен и контужен, за боевые заслуги произведен в подполковники, затем в полковники

Идем очень тихо. Причина — глубокие снега и узкая дорога. Приходится снег разгрести для орудий. Поэтому идем 8–10 верст в день, а в один день прошли только три версты. И к селу Комарово подошли 25-го февраля вечером. Стали на позицию, начали обстреливать село. Пехота пошла наступать и в сумерках были замечены колонны отходящих красных, и вечером село Комарово было занято.

Дивизия генерала Вержбицкого пошла преследовать красных и атаковать город Осу, до которого от села Комарово 27 верст.

3-я Иркутская дивизия по заданию через деревню Ново-Архангельскую, Гольяны должна перейти реку Каму выше Осы и отрезать отступление красных на Воткинский и Ижевский заводы.

Утром выступили. Прошли две небольшие деревни и к вечеру дивизия была в Ново-Архангельской. Стали на ночлег. В полках приказано

(октябрь 1916), награжден многими орденами, в том числе Георгиевским крестом 4-й степени с лавровой ветвью (награду, введенную Временным правительством для офицеров за храбрость и вручавшуюся по решению солдат). С 1 сентября 1917 г. — командир бригады 134-й пехотной дивизии. После прихода к власти большевиков и перехода фактического командования к солдатским комитетам не признал выборность командиров в армии и отказался от предложенной ему должности начальника 134-й пехотной дивизии. За это был судим общим собранием комитетов корпуса и приговорен за неповиновение Советской власти к смертной казни, но смог бежать. Жил в Усть-Каменогорске, где сформировал офицерскую организацию. С июня 1918 г. — начальник 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии (26 августа она была переименована в 4-ю Сибирскую стрелковую дивизию). 20 июля 1918 г. был произведен в чин генерал-майора Временным Сибирским правительством за взятие г. Тюмени. С 12 января 1919 г. — командующий 3-м Степным Сибирским армейским корпусом Сибирской армии. В то же месяце, за боевые отличия по овладению Уральским хребтом, был произведен в чин генерал-лейтенанта. С июня 1919 г. — командующий Южной группой войск Сибирской армии. Участвовал в Великом Сибирском походе. В августе 1920 г. был назначен командующим Дальневосточной армией. С мая 1921 г., после прихода к власти в Приморье правого правительства, командовал войсками Временного Приамурского правительства, в октябре 1921 — июне 1922 г. был управляющим Военно-морским ведомством с правами военного министра Временного Приамурского правительства. 8 августа 1922 г. Г. А. Вержбицкий был назначен помощником воеводы Земской рати, которым был провозглашен Дитерихс. После поражения Земской рати в конце октября 1922 г. эмигрировал в Китай. Проживал в Харбине, где зарабатывал на жизнь как владелец дамской шляпной мастерской. После оккупации Маньчжурии японскими войсками за отказ возглавить формирование русской дивизии для японской армии был выслан в 1934 г. властями Японии в Тяньцзинь (Китай). Жил на территории английской концессии, возглавлял местное отделение РОВС.

сформировать команды лыжников, а артиллеристам приспособить для перевозки орудий сани. Работали всю ночь и к утру кое-как приспособили крестьянские сани под орудия.

Выступили в семь часов. Лыжники ушли в пять часов и в 11 часов подошли к реке Кама. Лыжники вышли из леса и начали переходить реку Каму. Кама в этом месте более версты шириной. На той стороне — молчание.

Мы начали по льду делать дорогу для орудий и к вечеру переправились на другой берег. Впереди — небольшая перестрелка. Это наши берут деревню.

4-я Сибирская дивизия атаковала на рассвете город Осу. 16-й Сибирский стрелковый полк ворвался на окраину города, но встреченный сильным ружейным и пулеметным огнем, понеся большие потери, был вынужден отойти. Город Оса расположен на возвышенном месте и с окраин прекрасно обстреливается на 900–1800 шагов, поэтому генерал Вержбицкий приказал отойти в исходное положение и строить окопы из снега. 3-я Иркутская дивизия должна занять села Богомягово, Боголюбово и выйти на дорогу в Воткинский и Ижевский заводы.

Бой в деревнях Боголюбово и Богомягово

Утром Иркутская дивизия лихим ударом заняла село Богомягово и пошла было дальше на село Боголюбово. Оно укреплено красными — кольцевыми окопами и много пулеметных гнезд, поэтому дивизии приказано укрепить занятое село Богомягово окопами и подтянуть артиллерию ближе к селу Боголюбово от села Богомягово на 800 шагов. По приказанию командира батальона я одно орудие втянул в село. На руках вкатили его в сарай и, открыв ворота, проделали амбразуры в снегу. Таким образом, орудие оказалось в 800 шагах от противника, но огня, до особого приказания, я не открывал.

Три других орудия стоят в огородах на версту сзади.

Назавтра, в четыре утра приказано атаковать Боголюбово. В атаку идут Иркутский и Верхне-Удинский полки. Артиллерии приказано, насколько возможно, энергичнее поддерживать пехоту. Поэтому к вечеру я пошел к командиру батальона. Он был на наблюдательном пункте и смотрел в стереотрубу. Вдруг красные открыли орудийный огонь и один из снарядов угодил в стену бани и ранил телефониста Тарасова. Меня перевернуло несколько раз. Командир, затем и я бросились бежать в дома.

Я дорогой видел, что снаряд попал в часовенку, которая была разбита. Но образ Спасителя был цел, даже стекло уцелело. Чудо!

В 4 часа утра пехота вышла из окопов и пошла в атаку. Я открыл огонь с прицелом 15, трубка 13–14, угол 30 градусов. Верхнеудинцы лихо пошли вперед, и 4-я рота прорвалась сквозь окопы и ворвалась на гумна и овины со стороны реки Камы. Иркутский же полк, неся жестокие потери, отошел в окопы к себе. Командир Верхне-Удинского полка, ради Бога, просит его выручить. Просит поддержать артиллерийским огнем.

Я повел ураганный огонь и в течение двух часов выпустил 534 снаряда. Крайние дома были разрушены в щепы. С наблюдательного пункта, по телефону в 11 часов утра сказали, что заметили отход красных. Я забрался на крышу и без бинокля увидел, как густые толпы красных отходят к Воткинскому заводу. Открыл по ним огонь и, постепенно увеличивая прицел, дошел до 140 и закончил. В Боголюбово поехала конная разведка Иркутского полка. Село было взято.

Пострадал Верхне-Удинский полк. Убитых — 74, раненых 131. Иркутский полк — 27 человек убитых.

Иркутская дивизия идет на новое направление, на город Сарапул. Красные бегут. 4 марта 1919 года приказано Иркутской стрелковой дивизии перебросить [её] на новое направление (на город Сарапул), дивизия и дивизион походным порядком по проселочным дорогам через село Зипуново, Амурку, село Дубовая Гора и далее на село и завод Михайловский.

Части идут хорошо, погода прекрасная и днями уже тепло. Тает снег.

В Михайловском заводе разведка обнаружила противника. Сразу же Иркутский и Байкальский полки были рассыпаны в цепи, и командир батальона приказал поддержать огнем атаку пехоты. Два орудия на поляне в лесу стали на позицию и по карте (10 верст — 1 дюйм) выпустили, с прицелом 130, шесть гранат и село было взято. Красные в числе 500 сдались. Это были курсанты красной школы, старые дисциплинированные солдаты. Они охотно отвечают на вопросы и козыряют офицерам. Их приказано вести в Сарапул, куда они и пошли под командой своих взводных. Идут в порядке вздвоенными рядами и все — бравый народ.

4 марта мы были на другом берегу реки Кама в селе Ершово. Город Сарапул производит приятное впечатление. Дивизии приказано перейти в город и стать на квартирах. Батарея разместилась в районе коопера-

тивных заводов. Мы, то есть я, подпоручик Огороков и подпоручик Лесков, — в доме фабриканта Дедюлина. Я воспользовался свободным временем и заказал шить себе походные сапоги.

15 марта был на панихиде, а затем пошел осматривать церковь, обезображенную коммунистами. Церковь старинная, на берегу реки Камы. Внутри все запакошено конским навозом, алтарь разломан, масса разбитых икон, видны следы костров и т. д. Артиллерийские дивизионы, по случаю распутицы, стоят в резерве, полки же ушли. На станции Аргыз — Казань Екатеринбургской железной дороги был бой и взято несколько составов и 1 бронепоезд.

Бой в селе Дубовая Гора и убийство командира 3-й батареи начальником штаба 4-й Сибирской дивизии капитаном Фоминым

При нашем подходе к селу Дубовая Гора и к станции этого же имени на новостроящейся линии железной дороги Казань — Екатеринбург произошел печальный эпизод. Бронепоезд красных по линии железной дороги оказывал упорное сопротивление с фронта, поэтому артиллерийскому дивизиону приказано было дать одну батарею 4-й Сибирской дивизии, которая заходила в тыл красным. Ей была придана 3-я батарея. Командир батареи явился к начальнику штаба 4-й Сибирской дивизии капитану Фомину и получил от него приказание стать на линии железной дороги и бить по бронепоезду. Командир 3-й батареи поставил два орудия на линию, начал обстреливать первый красный бронепоезд. В это время второй бронепоезд красных появился в тылу и начал на расстоянии 500 саженей прямой наводкой бить по нашим орудиям.

Командир батареи решил орудия с линии снять, стать вблизи и вести огонь по обоим бронепоездам. Это увидел начальник штаба 4-й Сибирской дивизии. Произошел крупный разговор. Капитан Фомин выхватил наган и застрелил командира батареи. А батарея самовольно снялась с позиции, и солдаты с винтовками бросились на начальника штаба 4-й Сибирской дивизии. Он ускакал.

На место инцидента приехал генерал Гривин и приказал Иркутский полк и 1-ю батарею быстро доставить сюда. Через полчаса батарея наша подошла на рысях, Иркутский полк атаковал тыловой обоз красных и разобрал пути в 2-х верстах от нас. Мы же, выехав на линию, одним орудием стали за линейной будкой, начали бить по поезду. Пятым или шестым сна-

рядом попали в паровоз, он окутался облаком пара, последовал взрыв и все замолкло. Паровоз наши взяли, в нем было много пробоин от огня 3-й батареи, а также и от огня нашей батареи.

10 апреля 1919 года меня вызвал в штаб дивизии полковник Шмелев. Сказал, что очень рад иметь меня у себя и т. д., но лучше для меня, если я согласен, перевестись в другую артиллерийскую часть. «Вы там скорее командную должность займете».

Я перевожусь в Отдельную, горных стрелков, батарею. 12 апреля 1919 года я получил документы, аттестаты и так далее. У коменданта города получил подводу и утром отправился в расположение Добровольческой бригады полковника Рычагова в село Архангельское, где стояла Отдельная, горных стрелков, Уральская батарея. Ехать нужно было около 60 верст, подвода попалась плохая, хотя возница очень добродушный мужик. Едем шагом, разговор все вертится около происходящих событий.

К вечеру едва сделали половину пути, ночевали в селе. Названия не помню. Жители предупредили, что в лесу скрывается много разбежавшихся красных и советовали ехать осторожно. Я осмотрел свой наган, протер винтовку и положил их, на всякий случай, ближе.

Проехали верст 8–10, вправо от нас шагах в 200 лес сосновый, влево — поля и видна колокольня какой-то церкви. Возница не знает названия села. Впереди нас из леса показалась кучка людей, человек 10–12. Сердце екнуло, приказал вознице ехать скорей, он погнал лошадей, а я за винтовку, зарядил ее. Люди не успели выйти на дорогу, когда мы поравнялись, и закричали «стой!». Вижу, с винтовками люди и говорю вознице «гони, что есть духу», он погнал быстрее. Вдогонку нам раздалась стрельба, пули засвистали над головой. Я из саней, лежа, также открыл стрельбу.

Выпустив 15–20 патронов, бросил стрелять, бесполезно, да и отъехали далеко, а затем спустились в овраг и оврагом проехали верст пять, въехали в деревушку, покормил лошадей, а так как там были солдаты Добровольческой бригады со сбором хлеба, то они меня проводили до штаба бригады.

Прибытие в Добровольческую бригаду полковника Рычагова

14 апреля 1919 года я на обывательских прибыл в Красноуфимскую стрелковую Добровольческую бригаду, явился в штаб к полков-

нику Рычагову⁶⁵. Приняли очень хорошо, как родного, угостили чаем, потом обедом. К обеду вызвали в штаб командира батареи поручика Алымова и представили ему меня. Полковник Рычагов сказал — вот вам старший офицер. После обеда за мной и моими вещами прислана была подвода, и я к вечеру уже был в батарее. Батарея была маленькая: два орудия, 24 лошади и 49 солдат. Люди были очень разнообразно одеты, многие в своем крестьянском платье, но выправка чувствовалась отличная, люди глядели весело и на расспросы отвечали толково, заботности в людях не видно. Обошел все кругом, поговорил с солдатами-фейерверкерами.

Я назначен старшим офицером батареи

На другое утро поднялся рано, выйдя в столовую я увидел поручика Алымова, поздоровался, начали пить чай, разговаривая о всякой всячине, а больше, конечно, о будущих занятиях с солдатами. Командир батареи предложил мне самостоятельно заниматься с солдатами и больше с ними знакомиться, так как он чувствует себя очень скверно, и он думает уехать лечиться от грыжи.

В 9 часов я вызвал фейерверкера, приказал построить батарею, батарея была скоро построена. Выйдя к батарее, поздоровался, раздел шеренги и каждого солдата по списку осмотрел, отметив, в чем они более нуждаются. С разрешения командира бригады я на другой день съездил к генералу Гривину и выпросил у него немного обмундирования и обуви.

⁶⁵ **Рычагов Александр Сафонович** (09.10.1887 — [?].01.1920). Работал на заводе. С началом Первой мировой войны был призван в армию. За отличие в боях был произведён в подпоручики. После развала фронта и революции вернулся на родину. На севере Златоустовского уезда в июне 1918 г. стал одним из организаторов антибольшевистских выступлений рабочих и крестьян. Близ железнодорожной линии Челябинск — Екатеринбург сформировал и возглавил повстанческий конный отряд (официально названный «Златоустовским конным отрядом»). К концу ноября 1918 г. боевой состав отряда насчитывал 2 500 штыков и 700 сабель при 16 пулемётах. В октябре 1918 г. был произведён в поручики, в январе 1919 г. — в штабс-капитаны, в августе 1919 года — в капитаны. 8 июля 1919 г. Приказом по Сибирской армии № 476 А. С. Рычагов был допущен к временному исполнению должности командира Красноуфимской стрелковой бригады. Бригада отличалась в наступательных и в тяжёлых оборонительных боях с красными в составе 2-й Сибирской армии. 12 октября 1919 г. А. С. Рычагов был произведён в генерал-майоры. В январе 1920 г., как и многие солдаты и офицеры его бригады, погиб в боях под Кемчугом (Красноярский край).

Привез с собой 25 пар сапог, 20 шин, 50 штук фуражек, 30 комплектов гимнастерок и шаровар.

15 апреля. Пасха. С вечера было выдано обмундирование. Каптенармусу приказал купить 1000 яиц для солдат, а также и других закусок. Достал 1 ведро спирта через интендантство Иркутского дивизиона.

В полночь построили всех людей. Я скомандовал вышедшему командиру батареи Б., он их поздравил с праздником, затем я подал команду: «на молитву». Спели «Христос Воскресе» и распустил людей разговляться. Позднее сходил к ним в школу, выпил чарку водки за их здоровье, кричали «ура» и качали меня и командира. Рано утром приехал из штаба ординарец с приказанием немедленно выступить за бригадой. Быстро собрались и догнали бригаду уже на походе за с. Пьяный Бор. Пройдя еще 12 верст, бригада начала разворачивать цепи.

Продолжение боя под Гулюшермай.

Я временно принимаю батарею. Бой на реке Тойма

Стали на позицию, пристрелялись, я был на наблюдательном пункте, а командир при батарее. В 1 час телефонист доложил, что командиру плохо, и он просит меня принять батарею. Я ответил ему, что батарею принимаю, пусть не беспокоится и едет, а рапорт напишет потом. Красные, в большой массе скопившиеся в низине завода, неся большие потери от артиллерии и ружейного огня, начали отходить и к вечеру Гулюшерма была занята. 16 апреля рано утром получили приказание идти по тракту на Елабугу, не давая противнику остановиться и преследовать его до города Елабуга, и, если возможно, взять город.

Но путь преграждала размывшаяся река Тойма — было половодье. На другом берегу красные построили окопы. Правый фланг упирался в реку Каму. Единственная переправа через мост затруднялась тем, что на нем был сожженный настил. Так что мне с орудиями переправиться не было возможности, хотя и было приступлено к постройке настила.

Работать приходилось под ружейным и пулеметным огнем, работающие несли урон (до 15 выбывших из строя). Наша пехота все же под прикрытием огня моей батареи перебралась по другую сторону и атаковала красных в стыки. Красные, бросив окопы, отошли своим левым флангом к селу и заводу Тихая гора, побросав много оружия и раненых. У нас за весь бой убито 19 солдат и офицеров, 70 раненых. Мы взяли в плен около 100 человек. Все мобилизованные — крестьяне Вятской губернии.

ваясь в складках местности. Наша пехота энергично его преследовала и в 1 час Тихие Горы были взяты. Войдя с пехотой в Тихие Горы, я выехал вперед, вслед за конным дивизионом, в конном строю, преследовавшем противника и в полуверсте за Тихими Горами. На дороге было брошено подбитое мной трехдюймовое полевое орудие, у которого было разбито колесо. Спешив своих разведчиков, я взял орудие, оттянул его в Тихие Горы и через час, починив колесо, я имел в батареях 3 орудия.

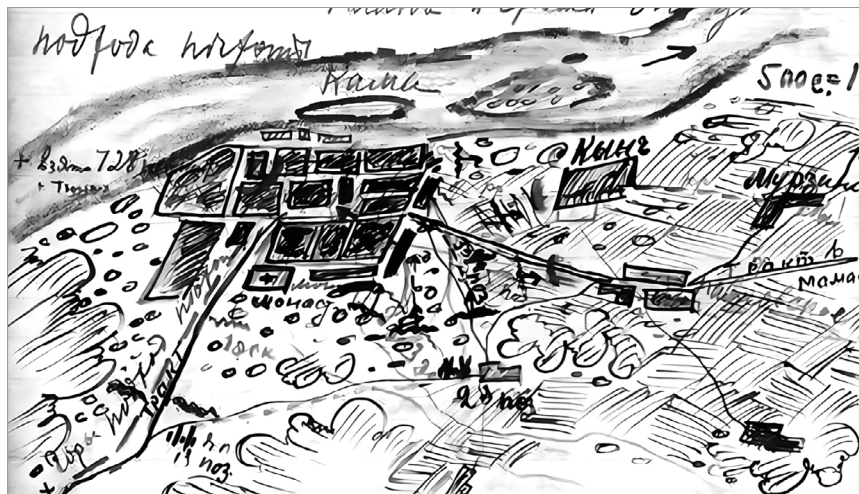
Вечером получил приказание послать одно орудие вперед к конным, но я решил ехать сам, что и сделал. Но взял с собой 2 орудия.

Взятие города Елабуга

Нашу конницу я догнал только в 8 часов утра, в 8 верстах от Елабуги. Город стоит на берегу Камы, в низине, кругом полуамфитеатром невысокие холмы, с которых прекрасный вид на город и на Трехсвятский монастырь перед нами.

Посоветовавшись с командиром конного дивизиона, мы решили артиллерийского огня не открывать, а зайти вправо, версты на две. Атаковать прямо город.

В бинокль видно, как из Елабуги по дорогам на село Павловское движутся массы обозов и пеших людей, поэтому и было мною решено дать несколько выстрелов по городу с позиции № 1, а затем галопом перейти

План города Елабуги

вправо и ближе к городу. Конницу же разделили на 3 части и атаковали город. Одному эскадрону приказали направиться на монастырь, а двум другим зайти справа и отрезать дорогу отходящим частям. Что и было сделано очень быстро.

Открыв огонь со второй позиции (прицел 55), я увидел, что из города пошла масса пехоты, поэтому приказал командиру одного эскадрона поручику Тупышканову атаковать ее, что было выполнено блестяще, и поручик Тупышканов ворвался в город. Чтобы более его поддержать, я, разделив орудия, рысью передвинулся еще ближе к городу и стал на его окраине на позиции № 3, и вел редкий огонь по Музяково и Павловскому. Из города донесли, что в городе после переговоров сдалось 728 человек — красных мобилизованных солдат.

Бой на выход на берег реки Вятки

Бой под селом Архангельское. К 12 часам подошла пехота и через час Красноуфимская стрелковая бригада с артиллерийским дивизионом двинулась дальше к реке Вятке, чтобы не дать красным переправиться беспрепятственно и спокойно, но утомленная боями пехота шла тихо. Отойдя от города Елабуги, командир бригады подполковник Рычагов решил встать на ночлег в селе Инга. Утром выступили дальше и, поднявшись на холмы, мы увидели реку Вятку, но далеко в бинокль было видно, как из села Архангельское отошли 2 парохода с баржами и один пароход остался стоять у берега. Я быстро встал на позицию, приказал подкопать сошники у лафета и с прицелом 195–198 почти 8 верст дал несколько очередей по селу Архангельское и пароходам. До Архангельского снаряды долетали, а до пароходов нет.

Подполковник Рычагов приказал кавалерийскому дивизиону идти рысью с моей батареей. Быстро снялись и галопом догнал кавалерию.

Не доходя $\frac{1}{2}$ верст до Архангельское, прошли еще полверсты, вдруг впереди застучали выстрелы и пули с пением летели над нами. Эскадроны сразу по команде рассыпались в лаву и в конном строю, но шагом, начали продвигаться вперед.

Я, выбрав небольшую ложбинку, поставил туда орудия. Сам выехал кустами на горку, без телефона, через цепочку открыл огонь по пристани с. Архангельское и по самому селу. Стрельба скоро смолкла, и наша конница рысью пошла в атаку. Я не вытерпел, сказав старшему офицеру, чтобы он вел батарею. Я же взял с собой разведчиков 8 чело-

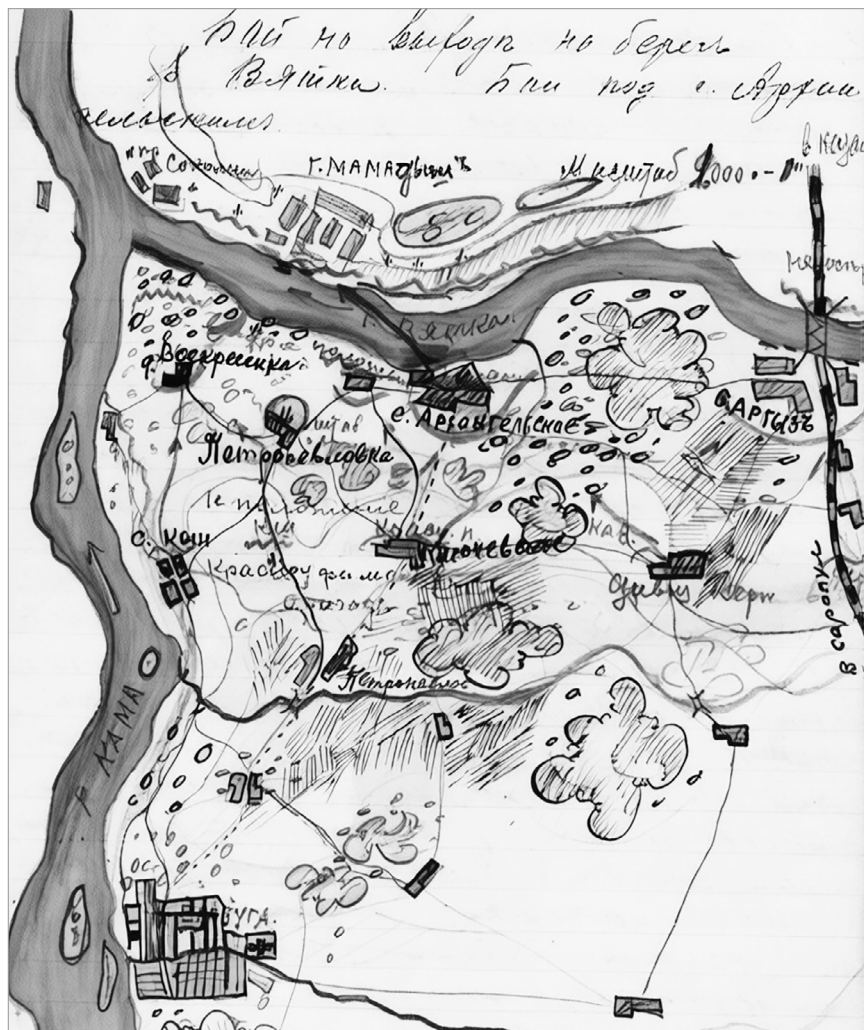

Схема боя у села Архангельское

век и галопом догнал конницу, и вместе с ней въехал в село. На улицах ни души, только много брошенных лошадей. Какой-то красный кавалерийский полк бросил всех лошадей и на последнем пароходе переправился на другой берег реки Вятки. Я приказал разведке ловить лошадей и сгонять их в какой-нибудь двор. В результате мы собрали 139 отличных вы-

ездных лошадей. Таким образом в батарее сразу стал полный конский состав (вписать о развертывании батареи в дивизион. Командир дивизиона — капитан Зеленой⁶⁶, адъютант полка 1-й батареи — Отепенко и 2-й батареи — капитан Кистерман).

Начало неудач

Ночной бой под Соколками и начало отступления. Итак, батарее приказано развертываться в дивизион. Прибыл в бригаду артиллерийский офицер. Капитан Зеленой. Принял батарею и начали формировать дивизион 2-х батарейного состава, а орудий всего 3! 2 в 1-й батарее и одно во 2-й батарее. Название дивизиона — Красноуфимский артиллерийский дивизион. Я назначен командиром 1-й батареи, подпоручик Степанов — командиром 2-й батареи. Я с батареей стою в маленькой деревушке, не помню названия, в одной версте от реки Вятки, с Красноуфимским полком. 2-я батарея — в резерве.

В ночь на 18 мая 1919 года — первая попытка красных переправиться на нашу сторону была неудачна. Потеряв много людей, красные ушли обратно на пристань села Соколки. 20 мая были получены сведения, что наши части на левом берегу Камы. Отходят. Красноуфимский стрелковый полк отошел в резерв, а также Кыштымковский. Ночью на 23 мая красные, при поддержке канонерок, высадили громадный десант (до 6000 человек) и внезапно атаковали. Кыштымцы же, имея очень большой участок (около 6 верст), начали отходить, дав возможность красным укрепиться. А подошедший Красноуфимский стрелковый полк ничего сделать не мог и тоже начал отходить. К тому же были получены сведения, что оставлен Чистополь.

И это было начало наших неудач и отступления в Сибирь.

2 июня я принял дивизион от капитана З⁶⁷, который заболел.

⁶⁶ **Зеленой Александр Ильич (Зеленый).** В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта: командир артиллерийского дивизиона Красноуфимской добровольческой бригады, в 1919 г. — начальник артиллерии Красноуфимской бригады, с сентября 1922 г. — командир 2-й батареи 3-го артиллерийского дивизиона. Подполковник. В эмиграции проживал в Китае (Мукден), до 1923 г. служил в Хабаровском кадетском корпусе (ХБКК), принимал активное участие в работе Национальной организации русских разведчиков (НОРР). Полковник.

⁶⁷ Капитан **А. И. Зеленой.**

Переправа через Каму в деревню Музяковую и Петропавловское

5 июня наши части под натиском превосходящих сил противника на нашем левом фланге отошли к селу Ниж. Березовскому, но еще находились на правом берегу реки Камы. Связь с действующими частями поддерживалась слабо, части отходили как в потемках, места переправ не были указаны, а если и были указаны, то были забиты другими отходящими частями.

Части перепутались, поэтому дивизиону было приказано с утра встать на позиции, а через час приказано грузиться на баржу. Только что успели погрузиться, как баржа была взята на буксир. Мы переправились на другой берег и, так как подошли части красных, приняли бой в Ниж. Березовском, а затем в деревне Музяковой, которая два раза переходила из рук в руки и под конец была подожжена нашими и противника снарядами. Вечером она была нами оставлена, и мы начали отходить к селу Петропавловское, где утром опять был бой, и мы, по приказанию генерала Волкова, начали отход к Красноуфимску.

Оставление Красноуфимска, Екатеринбурга, бой под Шадринском, отход на линию реки Тобол

Вот и Красноуфимск, в который так доблестно ворвались наши части в прошлом 1918 году, в октябре. Город представляет из себя лагерь и потревоженный улей. Масса обозов и жителей проходит через город не останавливаясь. Мой дивизион по приказанию Командующего конной группой отходит через Сараминский завод, не заходя в город.

Согласно приказанию, я прошел в Бисерский Завод, простоял сутки и отошел на станцию Пружаны и далее на Екатеринбург, который был оставлен на левом берегу реки. На станции Екатеринбург 1 был сожжен состав с английским обмундированием для армии, а армия была раздета, вот она — халатность или преступность интендантства. Я кое-что успел взять: 125 пар ботинок и 75 комплектов обмундирования. Части продолжают отходить на линию реки Тобол.

После частичной перегруппировки было приказано принять бой на реке Исеть, около города Шадринска разыгрался довольно сильный бой с перевесом в нашу сторону, но так как наш левый фланг опять не выдержал, то части начали отход к Тоболу. Дивизион участвовал в бою около

село Шашмурино. Командир бригады, понимая невыгодность позиции перед Шашмурино, имея в тылу 2 озера, с вечера приказал, на случай боя, частям и артиллерии, оставив село, отойти за озера. А перешеек между озерами укрепить окопами, что и было сделано.

При первых выстрелах я отошел с дивизионом за озеро, выбрал наблюдательный пункт и разделил батареи. 2-я батарея при Красноуфимском полку, 1-я при Кыштымском.

Красные упорно атаковали перешеек между озерами, но, встреченные ружейным и пулеметным огнем, отошли к Шашмурино и начали окапываться. До двух часов дня положение было довольно хорошее. Но в два с половиной часа Конная группа генерала Волкова⁶⁸ (Сибирские казачьи полки), не предупредив нашу бригаду, снялась с фронта и ушла в тыл. Красные, действовавшие против казаков, внезапно вышли с левого фланга почти в тыл 1-й батарее, стоявшей на сжатом поле. Со стрельбой и криками «ура» красные атаковали батарею.

Но командир батареи и номера не растерялись, а повернув орудия, встретили красных картечью. Красные в 200 шагах залегли и этим дали возможность подать передки, которые были за копнами хлеба, но огнем ружейным и пулеметным много лошадей было убито и ранено. Я с наблю-

⁶⁸ **Волков Вячеслав Иванович** (15 (27).09.1877 — [?].1920). Из дворян. Родился в семье офицера Сибирского казачьего войска. В 1895 г. окончил 1-й Сибирский кадетский корпус, затем 3-е Александровское военное училище. 13 августа 1897 г. был выпущен в 4-ю сотню 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка. В 1901 г. произведен в сотни, а в 1904 г. — в поддесаулы. В 1913 г. окончил офицерскую кавалерийскую школу. Участвовал в Первой мировой войне. Командовал 4-й сотней 1-го Сибирского казачьего полка. Был награжден Орденом Святого Георгия 4-й степени, георгиевским оружием, французской Военной медалью. В 1916 г. был произведен в чин войскового старшины. В ноябре 1918 г. — командир 7-го Сибирского казачьего полка. После Брестского мира Волков организованно вывел вверенный ему полк с фронта. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта. Командир 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка, затем — командир бригады в 1-й Сибирской казачьей дивизии и командир дивизии. Генерал-майор. С конца января по июнь 1919 г. официально являлся представителем Колчака по формированию казачьих частей во Владивостоке и одновременно командующим Восточно-Сибирской армией. В декабре 1919 г. — январе 1920 г. — комендант Иркутска. Прославился бесчеловечными расстрелами и беспощадной расправой над противниками колчаковского режима как организатор карательных экспедиций против населения, поддерживающего партизанские отряды в Сибири. Погиб во время Великого Сибирского Ледяного похода, в районе станции Ангара, при отступлении в Читу, в Забайкалье.

дательного пункта верхом подъехал туда, спешил конных разведчиков и одного из номеров и офицера, и мы откатывали на руках, перекатами орудие. Откатили его на 100–200 шагов и потом открыли огонь. Так продолжалось до темноты. Мы отошли, красные не преследовали.

Наше осеннее наступление. Бои у села Армизонское и озера Куртан

10 или 11 сентября получили приказ Верховного: частям Сибирской армии перейти в наступление. В приказе подробно указывались рубежи наступления, участки наступающих частей. Одним словом, все, что можно было предвидеть в Главном штабе. Одного не предвидели наши генштабисты — это общая усталость, большое количество боевых единиц (полков) до смешного малых людьми. Были полки по 70 штыков (пехотные) и по 20–25 сабель (кавалерийские). А задание давалось под полный комплект в 2000–2500 человек.

Наша бригада перешла в наступление. Справа — генерал Красильников⁶⁹ («Царь Берендей») со штурмовой бригадой в 700 человек. Слева — Конная группа Волкова (Сибирские казачьи полки №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12). Полки в Конной группе были очень маленькие: 1–2 сотни. К тому же среди казаков было брожение, которое вылилось в то, что полки 6, 8, 9, 10, 11 и 12 бросили позицию и ушли по домам на линии железной дороги.

В средних числах сентября было приказано частям 2-й Сибирской армии перейти в наступление. В исполнение этого приказа наша Красноуфимская Добровольческая стрелковая бригада, стоявшая в резерве, перешла в наступление и, сбив заставы красных между озерами, заняла

⁶⁹ **Красильников Иван Николаевич** (24.06.1888 — 04.01.1920). Родился в семье сибирских казаков. В 1907 г. окончил Сибирский кадетский корпус, а в 1909 г. — Александровское военное училище по второму разряду. Участвовал в Первой мировой войне. Отличился в боях под Эрзерумом, под Ардаганом. Есаул. В начале 1916 г. Красильников, будучи командиром 5-й сотни 1-го Сибирского казачьего полка, был тяжело ранен в руку и плечо, в результате чего его левая рука стала неподвижной. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта, участвовал в Великом Сибирском Ледяном походе. Полковник (войсковой старшина). Был командующим 2-го Стенного Сибирского корпуса. 17 августа 1919 г. был произведён в генерал-майоры и стал атаманом Сибирского казачьего войска. Скончался Иван Николаевич Красильников в январе 1920 г., по одним данным, от сыпного тифа в Иркутске, по другим — был убит в результате восстания антиколчаковского Политцентра.

и наступление, хорошо начатое, пришлось прекратить ввиду неуспеха на линии железной дороги (на Челябинск).

Наши части, встреченные красными, прекратили наступление, пройдя вперед всего 18–20 верст. Части 1-й армии генерала Пепеляева совсем не наступали, а если и наступали — то вяло. И наступление прекратилось. Бригада же наша повела наступление довольно успешно и у Армизонского, а также у деревни Петухово нанесла жестокое поражение красным. Таким образом, путь к дальнейшему наступлению был свободен. Но был получен приказ отходить и бригада начала отходить к реке Тобол через села Дубинино, Еленитское и т. д.

Все время бригада отходила без боя в силу того, что, то справа, то слева отступали части и обнажали фланги бригады. Чувствовалась моральная и физическая усталость солдат и офицеров и не было надежды на будущее. И это было начало конца сибирской эпопеи. Дальше уже были не солдаты и офицеры, а огромная толпа в 400 тысяч человек, потерявшая голову.

Масса самых разных слухов появилась, «правда окопная».

Бригада получила приказание отходить далее к г. Омску и это был предпоследний бой бригады. Последний бой в Омске.

Бригада вся погибла в г. Красноярске. Выжил я, да 27 человек штаба бригады.

Омск перед падением. Оставление Омска. Начало Сибирского Ледяного похода

22 октября я получил от Инспектора артиллерии корпуса полковника Розова предписание идти в Омск на перевооружение, сдав дивизион под командование поручика Лаврова. Я с 12-ю человек фейерверкеров поехал вперед, дабы приготовить квартиры и т. д., но мое желание выйти вперед отходящих обозов не удавалось. Обозов громадное количество, и я ждал дивизион.

8 ноября 1919 года вечером пришли на станцию Куломзино, которая вся забита обозами и беженцами. Переправы через Иртыш нет, только по железнодорожному мосту. Комендант моста поручик Ким установил очередь, но очередь не соблюдалась, и я простоял на морозе целый день. Вечером по раскатанным бревнам рысью въехал в колонну обозов и, остановив ее угрозой открыть огонь по обозам, втянул дивизион на мост, пройдя по мосту, повел дивизион в город.

В городе полная растерянность, едва нашел коменданта города в кадетском корпусе и на просьбу отвести квартиру получил ответ: «занимайте, где хотите». Поэтому я решил стать ближе к реке Иртышу и занял Симоновскую улицу в 60 домов. В городе суматоха, все собираются уезжать, и масса едет на восток. Явился Инарверхов (инспектор артиллерии Верховного Главнокомандующего. — А. О.) с просьбой дать вагоны для дивизиона до города Красноярск. Но от генерала Прибыловича⁷⁰ получил ответ: «идите походным порядком, вагонов не достать».

Решил что-нибудь добыть из обмундирования и т. д. — ничего нет. Удалось достать 60 пар валенок, и то хорошо. 10 ноября в городе за подписью начальника гарнизона расклеены объявления, что город ни в коем случае не будет сдан, и жители призывались к обороне города. Ночь прошла спокойно. Утром в 10 часов 15 ноября началась ружейная, а затем пулеметная стрельба в Куломзино и на том берегу Иртыша показались цепи красных, которые на моих глазах захватили несколько отставших повозок. Я стал на позицию в двух переулках, выход на Иртыш. Простоял до 2-х часов дня. Вдруг в тылу, в городе началась ружейная стрельба, прискакал ординарец с приказанием: отходить из города на Ново-Николаевск. В 4 часа вечера по Пушкинской улице дивизион вышел из города.

Так начался поход.

Города Мариинск, Ново-Николаевск, Ачинск.

Покушение на Главнокомандующего генерала

Войцеховского и Каппеля

Иду походным порядком. Первую ночь ночевали в 15-ти верстах от Омска, идет снег и ветер (буран сибирский). Утром рано пошли дальше до станции Колония, где я под чековое требование получил 40 бочек масла.

⁷⁰ **Прибылович Виктор Николаевич** (1878—?). Потомственный дворянин, сын коллежского советника, уроженец Ярославской губернии. Окончил Симбирский кадетский корпус, в 1898 г. — Константиновское артиллерийское училище и Офицерскую артиллерийскую школу (1912). Участвовал в Русско-японской войне, был награжден несколькими боевыми орденами. Старший адъютант Управления начальника артиллерии корпуса, капитан. В годы Гражданской войны с февраля 1919 г. исполнял должность инспектора артиллерии 1-го Волжского армейского корпуса под командованием В. О. Каппеля. 8 февраля 1919 г. «За отличия в делах против неприятеля» произведен в чин генерал-майора. С 1 октября 1919 г. — Полевой инспектор артиллерии Восточного фронта. В январе 1920 г. под Красноярском был взят в плен красными. Дальнейшая судьба неизвестна.

17 ноября — станция Черноречинская. На станции оказался штаб 3-й армии. Нашел генерала Зольнера и спросил, что же делать дальше? И от него получил написанное на клочке бумаги предписание выводить кадры дивизиона в Читу к атаману Семенову. Так как в Красноярске не благополучно, удалось на станции погрузить 1 негодное орудие.

Не доходя до города Мариинска, был обстрелян партизанами, но, сделав 3–4 очереди из пулеметов, прошел в Мариинск. Дал дневку и пошел дальше. Не дойдя до Ачинска 7-ми верст, стал на ночлег. Утром в 4 часа — сильный взрыв и пламя. Все-таки поехал на станцию. Станция все разбита, вагоны горят и из расспросов узнал, что это было покушение на генералов Войцеховского⁷¹ и Каппеля, но они были в городе. Погибших от взрыва около 1500 человек, главным образом беженцы. Утром дальше.

Станция Тайга. Красноярская трагедия (Зеледеево и обход Красноярска с Севера). Капитан Зеленый уехал в Красноярск

В Ново-Николаевске, когда мы его проходили, только что было ликвидировано восстание 2-го Барабинского стрелкового полка 1-й генерала Пепеляева армии. Как говорили — генерал Пепеляев⁷² хотел

⁷¹ **Войцеховский Сергей Николаевич** (16 (28).10.1883 — 07.04.1951). Русский и чехословацкий военачальник периода Гражданской войны, подполковник Русской императорской армии (1916), генерал-майор Русской армии (1918), генерал армии Чехословакии (1929). Участник Первой мировой войны и Гражданской войны в России, один из руководителей Белого движения в Сибири. После Гражданской войны эмигрировал в Чехословакию, где до 1939 г. нёс службу в вооружённых силах. Отправлен в отставку в канун аннексии Чехословакии гитлеровской Германией. В 1945 г. арестован СМЕРШ, в том же году осуждён на 10 лет тюрьмы за контрреволюционную деятельность. Умер в 1951 г. после продолжительной болезни. В 1996 г. посмертно реабилитирован постановлением Главной военной прокуратуры Российской Федерации.

⁷² **Пепеляев Анатолий Николаевич** (3 (15).07.1891 — 14.01.1938). Из семьи потомственного дворянина, генерал-лейтенанта Русской императорской армии. В 1908 г. окончил Омский кадетский корпус, в 1910 г. — Павловское военное училище и был направлен в чине подпоручика в пулемётную команду 42-го Сибирского стрелкового полка, дислоцированного в Томске. Участвовал в Первой мировой войне. Отличился в боях, в 1917 г. был произведён в капитаны, а затем, при Керенском, в подполковники, и награждён орденом Св. Георгия 4-й степени и именован Георгиевским оружием. После войны вернулся в Томск и вступил в тайную офицерскую организацию, которая способствовала в свержении власти большевиков в городе. В ию-

сместить Главнокомандующего генерала Войцеховского и самому взять власть. Я провел дивизион 12 верст дальше до села Красный Яр, где остановился на ночлег, и чтобы разобрать орудия, уничтожить свои 46 фургонов, заменить их санями. Из Ново-Николаевска привезли 40 пудов сыра, 50 пудов колбас, 2 мешка какао, сахар и т. д.

Утром двинулись дальше и 4 декабря были на станции Тайга, прошли ее утром. На станции очень много эшелонов с беженцами и учреждений, а также чешские и польские легионеры. В пути я видел массу оставленных с замороженными паровозами составов и около одного состава целую поленицу трупов замерзших солдат. Стал на ночлег в селе Боровское, 12 верст не доходя до Анжерских копей. Утром чуть свет прошли копи и пошли дальше. В Зелеево узнал, что в городе Красноярске генерал Зиневич⁷³ перешел к эсерам и сделал поворот, поэтому задерживает все части, разоружает, а офицеров арестовывает и т. д.

не 1918 г. создал и возглавил 1-й Средне-Сибирский корпус Временного Сибирского правительства. За успешные боевые действия был произведен в полковники, а затем — 10 сентября 1918 г. — в генерал-майоры, благодаря чему стал самым молодым генералом в Сибири (27 лет). 31 января 1919 г. он был произведен в генерал-лейтенанты. Участвовал в Великом Сибирском Ледяном походе. 20 апреля 1920 г. А. Н. Пепеляев, вместе с семьей выехал в Харбин. Там он зарабатывал на жизнь, будучи плотником, извозчиком, грузчиком и рыболовом. Организовал артели плотников, извозчиков и грузчиков. Создал «Воинский союз», председателем которого стал генерал Вишневский. В 1922 г. продолжил борьбу с большевиками, создал так называемый отряд «Милиции Татарского пролива» и организовал поход на Якутск. В марте 1923 г. отряды «Милиции» были разбиты, а Пепеляев, чтобы избежать дальнейшего кровопролития, 19 июня добровольно сдался в плен. Во Владивостоке военный суд приговорил Пепеляева сначала к казни, затем — к 10 годам тюрьмы. В 1932 г. срок продлили ещё на 3 года. 6 июня 1936 г. А. Н. Пепеляев был освобожден. 21 августа 1937 г. Пепеляев был арестован вторично и доставлен в Новосибирск, где ему было предъявлено обвинение в создании контрреволюционной организации. 14 января 1938 г. (по другим данным — 7 декабря 1937 г.) Тройкой НКВД по Новосибирской области он был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в тот же день.

⁷³ **Зиневич Бронислав Михайлович** ([?].1874 — не ранее 1922). Из мещан г. Оренбурга. Поляк. Окончил Казанское пехотное юнкерское училище (1895). Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. Воевал в составе сибирских частей. С ноября 1916 по ноябрь 1917 г. — командир 534-го пехотного полка. Был награжден несколькими орденами и Георгиевским оружием. Полковник. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта: с июня 1918 г. — командир 1-го Енисейского стрелкового полка, с 26 июля 1918 г. — начальник 2-й стрелковой дивизии Средне-Сибирского корпуса (с 26.08.1918 — 1-я Сибирская стрелковая

Голопуповская история. Спасители армии и их работа

Я заблеваю тифом. Поэтому в Зелееево 25 декабря собралось много частей, которые не знали, что делать. Я стал на ночлег в деревне Тарасовка, в 14 верстах от красных. Ночью собрал дивизион и, объяснив им положение, приказал запрягать и идти к северу в обход Красноярска с севера. Шли целый день, путались в оврагах и т. д. Но к вечеру 24 декабря 1919 года пришли в село Чистоостровное, в 18 верстах ниже Красноярска по Енисею. Вызвав Артель, фуражира и Каптенармуса, я приказал за все продукты платить столько, сколько запросят, а не казенную цену. Утром рано тронулись в путь, перешли Енисей, догнали какие-то обозы, они стали в Есаульком кормить лошадей.

Я же пошел дальше до станции Сорокино. Дорогой посадил 2 дам: Барыкову и княгиню Кантакузен⁷⁴, жену начальника 1-й кавалерийской

дивизия) войск Временного Сибирского правительства. 31 октября 1918 г. был произведен в генерал-майоры. С 28 апреля 1919 г. — начальник штаба, а с 14 июля 1919 г. — командир 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса. В конце 1919 корпус, понёсший большие потери, был отведён с фронта в Красноярск, а Зиневич был назначен командующим войсками красноярского гарнизона и Енисейской губернии. В декабре 1919 г. генерал Зиневич возглавил антиколчаковский мятеж в Красноярске и, захватив власть, передал её «Комитету общественной безопасности», разделявшему политическую платформу Иркутского Политцентра. С приходом большевиков вступил в Красную армию, был помощником инспектора пехоты при помглавкоме по Сибири. 15 ноября 1921 г. был арестован и за службу в армии Колчака приговорён к заключению в концлагере. В 1922 г. Бронислав Зиневич был расстрелян.

⁷⁴ **Княгиня Юлия Фёдоровна Кантакузина** (урождённая Грант; 06.06.1876 — 04.10.1975). Дочь посла США при Австро-Венгерском дворе и внучка президента США Улисса Гранта. 25.09.1899 г. вышла замуж за князя Михаила Михайловича Кантакузина, графа Сперанского — русского генерала, героя Первой мировой войны, командира Кирасирского Его Величества лейб-гвардии полка. После свадьбы уехала с мужем в Россию, где прожила почти двадцать лет. После Октябрьской революции вместе с мужем покинула Россию и обосновалась в США. Автор многих публикаций о России, в том числе книги «Революционные дни» (1919), ставшей бестселлером. После развода с мужем в 1934 г. жила в Вашингтоне, где сотрудничала с газетой «Сатердей инвинг пост». Была заметной фигурой столичного высшего общества. Много помогала российским эмигрантам. Её дом был неофициальной штаб-квартирой российских эмигрантов первой послереволюционной волны. Скончалась в октябре 1975 г. на 100-м году жизни.

дивизии, которые были в вагонах штаба 3-й армии. Вагоны бросили, и они шли пешком. Княгиня обморозила себе ноги и едва шла. В Сорokino я сдал их в чешскую санитарную часть.

Сделали мы, не помню точно, 4 или 5 переходов, узнали, что у города Канск идет бой с большевиками из Иркутска и Черемховских копей, и что Иркутск в руках у большевиков. Все-таки я решил идти дальше. К тому же дивизион все время пополнялся отставшими от других частей добровольцами и у меня числилось 387 человек солдат, 3 офицера и 318 лошадей, из них 147 собственных солдат и офицеров. Были уже в дивизионе больные тифом, около 40 человек, 2 орудия, 3 стереотрубы, 8 пулеметов и разное батарейное имущество. Поэтому обоз был громадный — более 150 подвод. Почти все люди ехали в санях, только подпрапорщик Могильников и 60 человек конных было выделено мной для обязанностей квартирьеров и доставки фуража. В деревне Голопупово собралось очень много частей.

Выяснилось, что деревня Амонаш впереди по тракту занята красными. Сколько их, никто не знает. Вечером провели совещание начальников частей. Трагикомическая история, речи, речи. Подполковник Бекмамедов⁷⁵ взывал к чувству и долгу и т. д., а когда спросили, сколько он дать может бойцов, то выяснилось — 7 солдат и 4 офицера, спросили другого, назвал 1300 едоков и 135 бойцов, третий еще хуже.

Я веду дивизион без начальника, солдаты идут по моему приказанию.

У него, видите ли, обоз, а не солдаты, я сказал, что могу дать 65 конных и 200 пеших, произвело некоторое впечатление — дивизии даст 265 человек, а уральский отряд генерала Круглевского 132 человека. Глубокой ночью решили в бой не вступать, а обойти Амонаш с юга. Выходит часть в село Бережные челны по реке Кан. Как потом я узнал, в Амонаше было 70 человек красных, которые ушли вечером, когда мы блудили по тайге, вся история была прозвана «Голопупиада».

Станция Зима. Бой с красными

При нашем подходе к станции Зима, красные, стянув туда до 15 тысяч человек, решили заградить путь остаткам Сибирских армий и, дого-

⁷⁵ **Бек-Мамедов Лев Хаджиевич** ([?]. 1886 — 12.02.1966). Полковник. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции жил в Китае и США.

ворясь с чехами, заняли станцию Зима и село, которое расположилось по Сибирскому тракту на 7 верст. Шедшая вперед 4-я сибирская дивизия генерала Вержбицкого была обстреляна. Генерал Вержбицкий приказал наступать. Подошла 3-я Иркутская дивизия, Ижевцы, Воткинцы, Оренбургская казачья бригада, Енисейская казачья бригада и я с конными посланы в обход с юга (см. кроки и план).

Красные не выдержали, стали отходить к центру села и к станции железной дороги, чехи открыли по ним огонь, желая отогнать их от линии, так как перелетными пулями среди чехов было несколько убитых и раненых. Красные начали в панике отступать и потом толпами побежали из Зимы. Енисейцы, затем Оренбуржцы, я с эскадронам ударили в шашки. Пленных, конечно, не брали, почти всех рубили. Порублено и набито было ужасно. По улицам города Зима нельзя было проехать верхом.

Ночевали в Зиме, утром пошли дальше. Я простыл. Чувствую слабость, головокружение и болит голова.

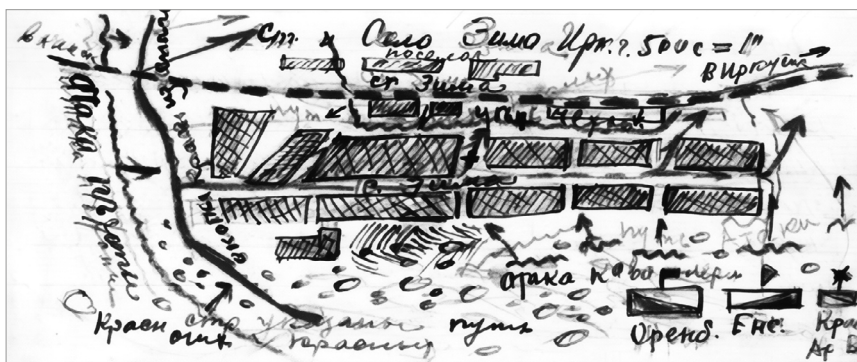

Схема боя у станции Зима

Обозы, обозы и «понужай».

Иркутск в тумане. Бой под станцией Оёк

Еду в санях, привязан, все кажется туманно, голова болит, дивизион идет по инерции, орудия пока еще не бросили. Больных в дивизионе — 237 человек. Никаких распоряжений не отдаю, остался из офицеров только я один. Все бросили меня и солдат, и когда приду в себя, то одно слово звенит в ушах: «понужай». Дивизион идет в составе Уральской группы

генерала Круглевского⁷⁶. Могильников командует конными, а остальными кто — не знаю. Как в тумане промелькнули Черемхово, Суховская, и вот мы на берегу реки Ангары, которая уже встала. Уральской группе приказано обходить город Иркутск с севера, почему мы и едем на ту сторону, к селам Оёк и Урик, которые приказано занять. И после выхода на тракт ожидать распоряжение.

Я участия в бою по болезни не принимал и дивизион в бой вели подпрапорщик Могильников и подполковник Бекмамедов. Перерубив несколько человек, Урик был занят нами.

В домах ни души, мне солдаты принесли катанки. Я все время ехал в сапогах. Мимо Иркутска. Прощай дом, мечты. Село Листвяничное, переход через Байкал.

Остался пор[учик] Лавреин. Приказано 2-му Уральскому конному полку (так теперь называются мои конные артиллеристы и остаток людей Бек-Мамедова) перейти в Иннокентьевскую. Причина — чехи не дают нам брать город с боя. Поэтому будем обходить город с юго-запада (см. план). Простояли еще день. Днем я кое-как обошел своих больных, а их очень много. Спросил их — кто желает остаться в госпитале? Попросилось 93 человека тяжело больных. В том числе мой любимец, вестовой Василий Канин из города Вольска Саратовской губернии. 5 лет он был у меня и награжден мною Георгиевским Крестом 4-й степени. Жив ли он? (мой Канин).

Пошел в санитарный поезд № 3, упросил доктора С. Сов. Одинцова записать тифозных старым числом как прибывших с поездом, а то красные после ухода могут их расстрелять. Поезд оставался в Иннокентьевской, потому что поездов чехи и красные на восток не пропустили.

⁷⁶ **Круглевский Александр Владимирович** (10.04.1891 — 31.10.1920). Из дворян, сын полковника. В 1908 г. окончил Воронежский Великого князя Михаила Павловича кадетский корпус, в 1910 г. — Павловское военное училище по 1-му разряду и был выпущен подпоручиком гвардии в лейб-гвардии 2-й Царскосельский стрелковый полк. Участвовал в Первой мировой войне. Капитан гвардии (1916 г.), начальник команды конных разведчиков 2-го лейб-гвардии Царскосельского стрелкового полка. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта, участвовал в формировании 1-го Уральского кадрового стрелкового полка. Участник Великого Сибирского Ледяного похода. С 1919 г. — генерал-майор. С марта 1920 г. — начальник 1-й сводной дивизии Дальневосточной армии. Был награжден несколькими орденами и Георгиевским оружием. Убит в бою на станции Даурия. Был похоронен в ограде Иверской церкви в Харбине.

Я пришел обратно на квартиру по 3-ей улице Иннокентьевской, как из Штаба отряда пришли и арестовали меня по приказанию генерала Круглевского.

Привели в штаб Уральского отряда в 4 часа вечера. Начальник штаба отрядного полка Залескин спрашивает: «Вы командир Красноуфимского стрелкового артиллерийского дивизиона?» — «Да, я!» — «Вас арестовали за то, что вы уговаривали солдат дивизиона остаться здесь». Отвечаю ему: «генерал-полковник, не знаю с какого времени деретесь Вы с красными, я же дерусь с ними с сентября месяца прошлого года, когда я был начальником Партизанского отряда, и как раз в этом районе, и поэтому меня здесь все красные знают, и если я останусь, то мне не миновать расстрела. Не знаю, кто вам доложил об этом вздоре, и я считаю, что это провокация со стороны вашей контрразведки».

Подошел к генералу Круглевскому, вызвали и меня, там после разговора меня освободили. Ночью в 11 час. тронулись в обход, шли остаток ночи и день, к вечеру был в Михалево.

Село Лиственичное, дом, прощание с женой, матерью и сестрой. Переход через Байкал

В Михалево ночевали, утром 8 февраля переехали Ангару и к вечеру были в Лиственичном. Дивизион прошел дальше, а я приказал моей подводе завернуть к нам, меня сейчас везет старший фейерверкер Мусизый, писарь 2-й батареи. Мой дом оказался занят генералом Мельниковым⁷⁷ и меня туда не хотели пускать, говоря, что это не Ваш район. Я же вышедшему генералу Мельникову сказал, что «это дом мой!». Услышали жена и мать, выбежали и не узнали, худой, оброс-

⁷⁷ **Мельников Николай Александрович** (09.11.1864 — ?). Из потомственных дворян Петербургской губернии. Общее образование получил в Николаевском Александровском реальном училище. В службу вступил 01.09.1882 г. В 1884 г. окончил 2-е военное Константиновское училище по 1-му разряду. С 23.11.1888 г. — поручик, с 15.07.1894 г. — штабс-капитан, с 19.07.1898 г. — капитан, с 17.06.1905 со старшинством, с 21.03.1905 (за отличие) — подполковник, с 03.09.1915 со старшинством, с 28.11.1914 (за отличие) — полковник, командир дивизиона 77-й артиллерийской бригады. В годы Гражданской войны — в белых войсках Восточного фронта. С 1919 г. штаб-офицер для поручений при инспекторе артиллерии Западной армии, с 31 июля 1919 г. — начальник оперативного отделения управления инспектора артиллерии 3-й армии. Генерал-майор (с 20 апр. 1919). После поражения белой армии — в эмиграции.

ший бородой, рванный и т. д. Мама сказала генералу, что ведь это сын мой приехал. Тогда генерал Мельников распорядился очистить для меня комнату.

Вымыли меня, побрили, надели нижнее белье, я немного поспал, а там — время выступать, и за мной приехали. Жена плачет, мама тоже, очень тяжело. В 3 часа утра выступили Байкалом на Голоустное. 47 верст там под лошадей и в 4 часа вечера пришли на Мысовую 65 верст.

Станция Мысовая. Первая встреча с японцами, чехи торгуют сахаром и папиросами «Аничка»

В 11 часов утра 14 февраля 1920 года наша группа въезжала в Мысовую мимо мола и пристани, проехали в центр города. Стали по квартирам, я очень болен, все время лежу. Рядом со мной лежит без памяти и в бреду молоденькая жена полковника кавалерии Константина Николаевича, фамилию не помню, Анастасия Степановна.

На другой день мне стало легче, и я пошел пройтись по городу и в первый раз увидел японских солдат. Маленькие, очень аккуратные, чисто одетые, вежливые, в больших меховых шапках с затыльниками и в полушубках, мило козыряют русским офицерам. Иду на станцию, станция полна чешскими эшелонами, но людей мало, в вагонах масса вещей: я заметил пианино, громадное трюмо в одном вагоне, в другом мягкая мебель, гардеробы, зеркальные комоды и т. д. И около вагонов шла усиленная торговля сахаром — фунт 50 рублей, папиросами «Аничка». Соблазнился и купил 2 коробки папирос по 25 рублей коробка. Проклятые торгаши! Предали адмирала и армию.

Дальше на Восток. Бой в Кабанске и город Верхнеудинск. Отдых после похода и дальше в Читу к Атаману

Простояли в Мысовой три дня, отдохнули, сдали часть больных в санитарный поезд (японский), чехи не принимают. Утром в 4 часа 14 февраля тронулись дальше. Впереди строевые части, сзади обозы и больные. Строевые части прошли Кабанск без боя, мы же (обозы и больные) отстали верст на 8, поэтому группа красных 700 человек при 1 орудии решила нас задержать и выставила пулеметы, рассыпала цепь, загородив нам дорогу по тракту. Передние повозки нарвались, были обстреляны, получилась паника, начали поворачивать обратно, но, на счастье, сзади

шла казачья бригада Енисейцев. Они моментально рассыпались в лаву и выставив пулеметы, скоро сбили красных, ворвались в Кабанск, много изрубили, к вечеру проехали и мы до станции Брянской заброшенной железной дороги.

Схема боя в деревне Кабанск

Там ночевали, утром дальше пошли в Верхнеудинск, прибыли и стали в казачьей слободе. Нам объявляют, что будем стоять 4–5 часов. Приехал дядя атамана, привез с собой полушубки, катанки и т. д.

Бой под Петровским Заводом.

Санитарный поезд № 145, встречи в поезде. Чита

Я лежу больной (четвертый приступ возвратного тифа), на душе тяжело. Приказано представить списки для производств, я представил подпрапорщика Могильникова в прапорщика, фейерверкеров всех в подпрапорщики и т. д. Меня же полковник Б. М. (Бек-Мамедов. — А. О.) представил в капитаны за бой, но не за Великий Сибирский поход.

21 февраля 1920 года. Части двинуты были походным порядком в Читу. Новые формирования: части сведены в два корпуса: 2-й и 3-й (второй корпус — генерал Смолин, третий корпус — генерал

Молчанов⁷⁸). Идем двумя дорогами, то есть по правую и левую сторону железной дороги.

Наш первый ночлег в лесу у древорубов, второй — на станции Старая Брянская. Жителей никого нет. Много кругом красных партизан, в Старой Брянской наших квартирантов обстреляли, те пошли в атаку и убили 5 человек красных. Третий ночлег должен быть в Петровском Заводе. Идем бурятскими улусами. В 18–20 верстах в основной линии, не дойдя до Петровского Завода нашу...

(рукопись обрывается)

Переворот 26 мая 1921 года. Владивосток — Спасск

Пасху встречали в Раздольном. За общим офицерским столом отдельного дивизиона собралась дружная офицерская семья. Воспоминания, смех, шутки и т. д. Первый день Пасхи не обошелся, конечно, без инциден-

⁷⁸ **Молчанов Викторин Михайлович** (23.01.(04.02.)1886 — 10.01.1975). Из семьи начальника почтово-телеграфной станции. Окончил Елабужское реальное и Алексеевское военное училища. В апреле 1906 г. был произведен в прапорщики и направлен во 2-й Кавказский саперный батальон. В 1908 был переведен на Дальний Восток, во 2-й Восточно-Сибирский сапёрный батальон, а в 1910 г. — в 6-й Сибирский сапёрный батальон в чине штабс-капитана. Участвовал в Первой мировой войне. Командовал ротой в 7-м Сибирском сапёрном батальоне, затем 3-й отдельной инженерной ротой 3-й Сибирской стрелковой дивизии, капитан. Был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. В 1917 г. в чине подполковника служил инженером корпуса на Рижском фронте. В феврале 1918 г. попал в немецкий плен, но в апреле того же года бежал. После Октябрьской революции вернулся в Елабугу, где сформировал и возглавил крестьянский отряд самообороны, успешно действовавший против большевиков. Осенью 1918 г. отряд подполковника Молчанова присоединился к Народной армии Комитета членов Учредительного собрания и вскоре был переформирован в 32-й Прикамский стрелковый полк. В конце 1918 г. Молчанов был произведен в полковники Русской армии, а в январе 1919 г. назначен командиром Ижевской отдельной стрелковой бригады в составе 2-го Уфимского армейского корпуса Западной армии и произведен в генерал-майоры. Участвовал в Великом Сибирском Ледяном походе. Впоследствии занимал должности заместителя командующего Дальневосточной армией и командира 3-го стрелкового корпуса этой армии. Был произведен атаманом Г. М. Семёновым в генерал-лейтенанты, но этого звания и погон не принял. Руководил войсками Приамурского Временного правительства, получившими с июля 1922 г. наименование Земская рать, в августе 1922 г. был назначен командующим Поволжской группой войск. После поражения белой армии эвакуировался вместе с Дитерихсом и его штабом в Маньчжурию, затем в Японию. В 1923 г. с семьёй отправился в США. В 1928–1967 гг. работал комендантом в здании «Саттер и Монтгомери» в Сан-Франциско, затем вышел на пенсию.

та. В полковника Глудкина⁷⁹ бросили бомбу из окна казармы Волжского полка. Бомба взорвалась далеко и вреда никому не принесла. Егерский полк, которым раньше командовал Глудкин, рассыпался цепью и офицерам с большим трудом удалось отговорить солдат от кровопролития.

У нас также произошел небольшой скандал: пришел с визитом адъютант полковника Бек-Мамедова штабс-капитан Лютц и начал скандалить. Старший за столом полковник Беттирер приказал его вывести в коридор. Штабс-капитан Лютц порывался кого-то ударить, но капитан Суханов схватил его и вытолкнул на крыльцо.

Лютц выхватил револьвер и два раза выстрелил в окно. Дело кончилось тем, что на другой день он и капитан Тимофеев приходили извиняться. Я тоже здорово накачался и что-то натворил во вдовьем доме, что не знаю. Потом собрал ребятишек, оделил их конфетами и повел в атаку на один дом с криком «ура», забрался в квартиру подполковника Ильина и забыл там свою фуражку. Тоже пришлось извиняться. Так прошло время до 22-го мая.

Вечером меня вызвал полковник Романовский⁸⁰ и, когда я пришел, собрались уже все офицеры, и полковник Романовский меня спросил:

⁷⁹ **Глудкин Пётр Ефимович** (?—1922). В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта, подполковник. В 1919–1920 гг. — командир Егерского полка в Сибирской армии. Участник Великого Сибирского Ледяного и Хабаровского походов. Командир Отдельной стрелковой бригады Белоповстанческой армии. Убит при попытке мятежа 2 июня 1922 г. в Никольск-Уссурийском.

⁸⁰ **Романовский Владимир Яковлевич** (09.07.1884 — ?). Из потомственных дворян Уфимской губернии. В 1901 г. окончил 2-й Оренбургский кадетский корпус, а в 1904 г. — Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду. Участвовал в Русско-японской войне. В апреле 1906 г. в чине подпоручика служил во Владивостокской крепостной артиллерии. На 1 января 1909 г. поручик 2-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка. Затем был переведён в 1-й Кронштадтский крепостной артиллерийский полк. Штабс-капитан, с 26 сентября 1912 г. — старший офицер 6-й роты. Участвовал в Первой мировой войне в составе Тяжёлого мортирного артиллерийского полка, командовал 5-й батареей. 7 июня 1916 г. был переведён в 1-ю осадную артиллерийскую бригаду. Капитан. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта. Занимал должности командира Уфимского стрелкового артиллерийского дивизиона Народной Армии (1918), начальника артиллерии 4-й Уфимской стрелковой дивизии (1919), командира 2-го Уфимского стрелкового артиллерийского дивизиона (1920), командира 1-го стрелкового артиллерийского дивизиона (1921), командира 1-й отдельной батареи и командира Восточно-Сибирского артиллерийского дивизиона (1922). Участвовал в Великом Сибирском Ледяном походе. Полковник. После поражения белой армии эмигрировал в Китай. Проживал в Шанхае. Был членом

«Вы поедете, капитан?» — «Так точно! — отвечаю, — поеду». — «Почему вы не спрашиваете, куда поедете?». — «Все равно, — отвечаю, — куда угодно!» — «Так вот, приготовьтесь. Завтра вечером вы поедете за старшего, с группой 93 человек во Владивосток. А инструкции таковы: садитесь на любой поезд на тормоза и так далее, если не будет пускать прислуга поездная, кричите, скандальте» и т. д.

На утро нас снабдили удостоверениями. 25 мая приезжал адъютант Лепехина с предложением: идущих в город снабжать увольнительными записками, спрашивал, кто у нас старший. Мы отвечали, что старших у нас нет. Уехал ни с чем. Ночью Глудкин на 4-х автомобилях: ездили на вторую речку, обезоружили милицию. Назавтра, 26 мая, назначено выступление.

26 мая в 10 часов утра раздалась команда: «строиться». Быстро построились и по шоссе тронулись во Владивосток, прошли первую речку, вышли к тюрьме. Видим на горке стоят 2 японских орудия, направленные на город. От Уральского полка отделились 50 человек и быстро заняли тюрьму.

Волжане через сопку пошли на Полтавскую улицу занимать Г.П.Ч. Мы, егеря и уральцы, колонной идем по Китайской улице. На улице — масса народа. Перед колонной бежит высокий, полный господин с Национальным флагом в руках и кричит: «Спасители Родины! Герои! Русский народ не забудет Вас!» и т. д. Это был Спиридон Меркулов⁸¹. Будущий правитель Приморья.

Урало-Сибирского трудового товарищества, председателем Урало-Сибирского общества взаимопомощи в Шанхае и Офицерского собрания в Шанхае. В 1940 г. являлся членом Общества офицеров-артиллеристов.

⁸¹ **Меркулов Спиридон Дионисьевич** (1870–1957). Родился в семье приамурского крестьянина. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, после чего поступил на службу в Министерство земледелия и государственных имуществ. В дальнейшем работал и жил во Владивостоке, где занимал должности юрисконсульта Владивостокского городского самоуправления, главного инспектора Северного страхового общества и другие, занимался адвокатской практикой. 26 мая 1921 г. в результате военного переворота в частях Дальневосточной армии возглавил Временное Приамурское правительство, контролировавшее территорию современных Приморья и части Хабаровского края. По его инициативе в 1921 г. был создан Национально-демократический союз. В сентябре 1922 г. Спиридон Меркулов был направлен генералом Дитерихсом в Японию и Канаду в качестве делегата к эмигрантским кругам. Однако в октябре 1922 г. красные войска заняли Владивосток и возвращаться Меркулову стало некуда. Проживал в США, скончался в Сан-Франциско.

Хабаровский поход, бой и его герои

Бригаду подполковника Глудкина назначили в поход на Хабаровск, и она выступила 2 ноября 1921 года. Отдельная наша батарея осталась в гарнизоне города Спасска. Но в первых числах декабря батарею потребовали на фронт. Быстро собрались и выступили до станции Иман на поезде. А дальше походным порядком идем около линии железной дороги. Первый ночлег — деревня Пушкино, на третий день догнали бригаду в селе Васильевка. Приказано командующим группой ночью занять станцию Дормидонтовку в 6-ти верстах. Пошли ночью егеря в цепи. Мы и Уральский полк — в резерве. Идем быстро, ночь холодная.

Подходя к станции, мы были обстреляны пулеметным и ружейным огнем, но огонь скоро прекратился и наши заняли станцию, взяли двух пленных.

Бригада выделена в особую группу (Уссурийскую) и наступать будем вниз по реке Уссури. Поэтому вернулись обратно на реку и утром пошли дальше. Идем, имея сторожевые охранения, впереди дорога все время идет по реке Уссури. Прошли поселки Кедровый, Видный, Трехсвятительский. На реке Хор ожидали, что противник укрепитя, но прошли без боя. Ночевки в поселках очень тесные, но жители, казаки-уссурийцы, очень приветливы и рады нашему приходу, кормят бесплатно.

В Трехсвятительском 23–24 декабря получено приказание — Уссурийской группе перейти на другую сторону рек Уссури и Амур и отрезать путь отступления красным из Хабаровска.

Наш Командующий группой генерал Вишневский⁸² — глухой и разговаривать с ним истинное мучение. Начальник штаба группы Генераль-

⁸² **Вишневский Евгений Кондратьевич** (1 (13).11.1876 — после 1945). Из дворян. В 1894 г. окончил Брест-Литовскую прогимназию и в 1898 г. — Одесское военное училище. С 1894 г. вольноопределяющийся в Брест-Литовском крепостном пехотном полку. В 1899 г. подпоручик 7-го пехотного Ревельского полка, в 1903 г. — поручик. Участвовал в Русско-японской войне в составе 7-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, полковой казначей. Штабс-капитан (1907), полковой адъютант (1910), командир нестроевой роты (1912); исполнял должность начальника хозяйственной части (1913). Участвовал в Первой мировой войне, командовал ротой и батальоном. За боевые отличия был произведен в подполковники, а в 1916 г. — в полковники. Временно исполнял должность командира 7-го Сибирского стрелкового полка (1916), затем командира 64-го Сибирского стрелкового полка (с марта 1917), 25-го Сибирского стрелкового запасного полка (с октября 1917). За воинскую доблесть был награжден орденом Святого Георгия. После демобилизации вернулся в Томск, где организовал

ного штаба полковник Бодров⁸³ — дубина и трус (он Омского выпуска, ускоренного), недоносок. Вообще, в штабе группы подобралась такая компания кретинов и психопатов, что страшно за честь группы. Другая колоритная фигура — это молодой Сахаров⁸⁴. Он воображает себя то

тайное офицерское общество, совершившее 27 мая 1918 г. переворот, в результате чего в городе была установлена власть Западно-Сибирского комиссариата. Впоследствии занимал различные командные должности: командира 2-го Томского полка (впоследствии Мариинского), командира 1-й Томской Средне-Сибирской стрелковой дивизии в составе 1-го Средне-Сибирского стрелкового корпуса Пепеляева. 13 августа 1918 года был произведён в генерал-майоры. Командовал 7-й Сибирской стрелковой дивизией, Сибирским стрелковым полком, 1-м отдельным Сибирским стрелковым полком, 3-й отдельной стрелковой бригадой, 1-й стрелковой бригадой. После поражения белой армии эмигрировал в Китай. С 1925 г. служил кассиром на Сунгарийских мельницах в Хайларе. С 1928 по 1943 г. работал счетоводом, управляющим конторой издательства газеты «Гун-Бао», уполномоченным 3-го отдела Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), брокером страхового общества «Имсен» в Харбине, бухгалтером технико-строительного подотдела 4-го отдела БРЭМ. В 1943–1944 гг. преподавал русский язык на курсах японской молодёжи в Харбине. С 1944 г. был председателем правления литературно-художественного кружка имени генерала Л. Г. Корнилова. В 1945 г. служил кладовщиком пекарни в обществе «Пекарь» в Харбине, был депортирован в СССР и репрессирован.

⁸³ **Бодров Алексей Степанович** (10 (22).03.1886 — ?). В 1903 г. окончил 4-ю Московскую гимназию. Начал службу в Русский императорской армии вольноопределяющимся в 7-м гренадерском Самгитском полку. В 1908 г. выдержал экзамен на офицерский чин. Участвовал в Первой мировой войне в составе 109-го пехотного Волжского полка и штаба 28-й пехотной дивизии. Капитан. В 1917 г. окончил ускоренный курс Николаевской Военной академии 1-й очереди. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта (перешёл от красных). На 15 августа 1918 г. — начальник штаба 3-й стрелковой дивизии Народной армии; на 24 апреля 1919 г. обер-квартир-мейстер 2-го Уфимского армейского корпуса; 1 августа — 1 сентября 1919 г. — врид начальника штаба того же корпуса. Участник Великого Сибирского Ледяного похода. С 1920 г. — полковник, начальник штаба Броневое дивизиона, затем начальник штаба 2-го стрелкового корпуса в Приморье (1921–1922). С августа 1922 г. — начальник штаба Сибирской группы. В эмиграции в Маньчжурии. С 1925 г. служил в Харбинской городской полиции, был в составе Офицерского союза одним из ответственных лиц за организацию работы с антисоветскими боевыми группами.

⁸⁴ В рассматриваемый период на Восточном фронте воевали три генерала по фамилии Сахаров: генерал-лейтенант **Константин Вячеславович Сахаров** (18 (30).03.1881 — 23.02.1941), генерал-майор **Николай Павлович Сахаров** (18 (30).1893 — 1951) и генерал-майор **Гавриил Иванович Сахаров** (6 (18).03.1885 — 15.10.1930). По всей видимости, Д. И. Решетников имел в виду самого молодого генерала Белой армии А. В. Колчака — Н. П. Сахарова.

Скобелевым, то Наполеончиком. В общем, любит форму и помпу, молодой. Всеми войсками руководит генерал Молчанов, тоже довольно подзрительная фигура с розоватым душком (редиска), мнит себя народным вождем, но тут его прозвали Колчанов.

Ночью в 12 часов тронулись. Впереди уральцы и егеря. Мы в резерве и изображаем знаменную роту, так как с нами знамя бригады (старое знамя 43-го Сибирского стрелкового полка). Перешли реку Уссури, пошли островами, дороги нет, темно. Часа через 3–4 вышли на берег реки Амур. Уральцы рассыпались в цепь, Егерский полк также, и пошли через реку. Перешли, стало светать. Мы идем рядами по дороге. Подъехал генерал Сахаров и сказал, что противника не обнаружено и можно идти свободно по дороге. Отдано приказание собрать цепи Уральцев и Егерей.

В одной версте от нас, впереди показалась деревушка. Командующий бригадой полковник Доможиров⁸⁵ (Генерального Штаба) отдал приказание послать квартирмейстеров от батареи и полков. Комендант бригады капитан Гебель, наш адъютант поручик Прокофьев поехали к деревне, от которой мы были в 400–500 шагах. Вдруг наш адъютант и капитан Гебель быстро возвратились обратно. Привели одного красного пленного

⁸⁵ **Доможиров Анатолий Григорьевич** (21.11.1887 — 20.12.1955). Родился в семье чиновника. Окончил классическую мужскую гимназию в г. Нарве и в 1911 г. Казанское военное училище. После окончания училища в чине подпоручика был направлен в Омск в 43-й Сибирский стрелковый полк. Участвовал в Первой мировой войне, был начальником команды связи, а позднее — командиром 1-го батальона и полковым адъютантом. За боевые отличия Анатолию Доможирову было присвоено звание штабс-капитана, а в 1916 г. за храбрость он был удостоен одной из самых престижных наград Русской императорской армии — Георгиевского оружия. Кроме этого, во время Великой войны офицер получил ордена Св. Анны 2-й, 3-й (с мечами и бантом) и 4-й степеней, Св. Станислава 2-й (с мечами) и 3-й (с мечами и бантом) степеней. В период Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта, занимал должности помощника командира 1-го Степного Сибирского стрелкового полка, помощника командира 13-го Омского Сибирского стрелкового полка, командира Уральского стрелкового полка. Участвовал в Великом Сибирском Ледяном и Хабаровском походах. В 1922 г. командовал 2-м Уральским стрелковым и Уральско-Егерским полками, затем отрядом 1-й стрелковой бригады Земской рати. Полковник. В эмиграции сначала жил в Гензане (Корея) а затем перебрался в Шанхай (Китай), где служил в Шанхайском Русском полку в чине лейтенанта. В 1949 г. с приходом к власти коммунистов в Китае А. Г. Доможиров был вынужден перебраться на Филиппины в лагерь беженцев на острове Тубабао, а позже, в 1953 г., переехать в Австралию. Умер полковник Доможиров 20 декабря 1955 г. в Брисбене (Австралия).

и доложили, что деревня занята противником, Особой Амурской группой красных, и что есть орудия.

Так как уральцы и егеря еще не успели подойти, приказано было мне батарее рассыпать в цепь. Я подал команду: «влево, в цепь! Бегом». Быстро рассыпались и я приказал батарее быстрее наступать на деревню. Офицерский взвод под командой подполковника Раевского — на правом фланге. Направление офицерского взвода на улицу впереди, остальная батарея — влево от улицы до крайних домов. Солдаты идут быстро без стрельбы. Со стороны деревни ничего сперва не было заметно, а затем поднялась суматоха и сильная ружейная стрельба. Я тогда скомандовал своим: «со стрельбой, на ходу, вперед!»

Солдаты идут хорошо, быстро вошли в огороды, разломами заборы. Перебежали площадь, опять заборы, во дворах масса красных. В обалдении наши бьют их в упор, они бросают винтовки и сдаются толпами. Полковник Романовский взял в плен 15 человек, поручик Прокофьев 9 человек, штабс-капитан Пызин — 5. С левого фланга прибежал солдат и доложил, что взято два орудия без замков, семь подвод снарядов.

Бой в деревне Владимировка начался в 5 с половиной часов утра, кончился в 11 час. Красные понесли жестокий урон.

Взято нами 2 орудия. Снарядов 7 подвод. Пленных 283 человека. У нас потерь нет.

Станция Покровская взята в 2 с половиной часов дня. Красные сопротивлялись слабо. Бежали, бросив поезда и орудия. Взяли 14 орудий. Поездов 8. Много обмундирования и патронов.

Я съездил на станцию и привез 53 шинели и артиллерийскую аммуницию, несколько мешков сахара и риса.

Я побежал туда. Побежал туда и поручик Соколов. Один замок нашли в огороде, быстро. Поручик Соколов заамуничил лошадей и на корнях оттянул орудие к нашему штабу. Нашли второй замок и таким образом батарея в пешем строю достала себе орудия.

Через 15 минут поручик Соколов, штабс-капитан Дмитриев, поручик Филимонов, поручик Легитьев, поручик Лесневский и номера поехали вперед к станции Покровской, Амурской железной дороги, куда вели наступление Уральский и Егерский полки. Мы, ведя пленных, тронулись за ними.

Результат боя во Владимировке: 285 человек пленных, в том числе и командующий Особым Амурским отрядом, старый кадровый офицер, капитан, однокашник подполковника Борисова, 2 орудия, 8 пулеметов

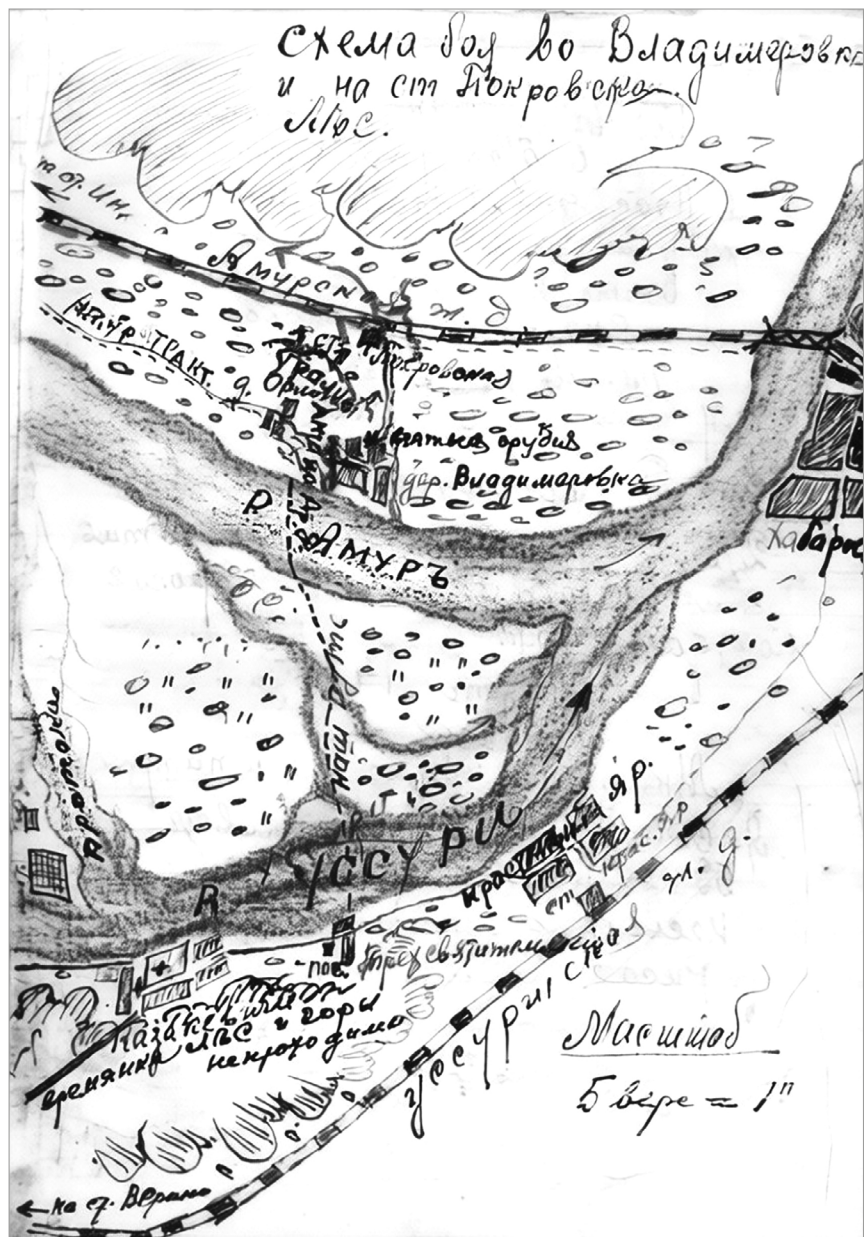

Схема боя в деревне Владимировка и на станции Покровской

и много винтовок и патронов. У нас потерь нет. Красных убито много. Под вечер пришли на заход солнца в село к станции Покровской. Стали по квартирам. Красными брошено много поездов, 16 орудий и много имущества.

**Наступление на станцию Ин. Неудача, возвращение
на станцию Покровскую, галоши и катанки. Второе наступление
на Ин. Бой на станции Волочаевка (наступление красных)**

В Покровском приказано дать отдых (напрасно теряют время). Стоим. Получено приказание наступать дальше по линии Амурской железной дороги на станцию Волочаевка. Выступили под вечер. Назначили командиром 2-го орудия. Солдатами (номерами): 1-й номер — штабс-капитан Дмитриев, 2-й номер — поручик Соколов, 3-й номер — поручик Филимонов, 4-й — поручик Лесневский, 5-й номер — прапорщик Филатов, 6-й номер.

Второе орудие. Командир орудия поручик Окорочков. Номера — солдаты. Батарею приказано развернуть в дивизион. Название — Отдельный стрелковый артиллерийский дивизион. Командир дивизиона — полковник Романовский, командир 1-й батареи — капитан Суханов⁸⁶, 2-й батареи — подполковник Борисов⁸⁷, а затем я. Ночевали в деревне (не помню название).

Утром пошли дальше и под вечер, не доходя до станции, мы были внезапно обстреляны орудийным огнем с бронепоезда красных. Первое орудие, шедшее впереди, быстро на руках выкатили на линию и открыли

⁸⁶ **Суханов Наум Харитонович** ([?].1888 — 11.07.1937). Происходил из зажиточной крестьянской семьи Оренбургской губернии. Начал службу на правах вольноопределяющегося в 35-й артиллерийской бригаде. В её составе участвовал в Первой мировой войне. Был награждён Георгиевскими крестами 4-й, 3-й и 2-й степеней. За боевые заслуги был произведён в прапорщики. После мобилизации прибыл в Челябинск и поступил в 1-й Летучий офицерский добровольческий отряд, в рядах которого состоял до возникновения регулярных частей Сибирской армии. Был старшим офицером батарей 12-го артиллерийского дивизиона, затем командиром батареи. Участвовал в Великом Сибирском Ледяном и Хабаровском походах. Был командиром 1-й батареи Отдельного артиллерийского уфимского батальона, затем состоял в отдельной батарее 1-й Отдельной стрелковой бригады полковника Глудкина. Капитан. После эвакуации белых частей с группой офицеров переехал в Шанхай, где первые 5 лет служил инструктором верховой езды в школе полковника Арнхольда. Затем был охранником (вочманом) на фабрике. Умер в Шанхае.

⁸⁷ Вероятно, **Борисов Александр Александрович**. Родился в 1886 г. В период Гражданской войны в белых войсках Восточного фронта. Подполковник. В эмиграции в Китае (Харбин), затем в США. Умер в 1942 году в Сан-Франциско (США).

огонь по бронепоезду. Я со своим орудием хотел поехать немного вперед, так как мешала линейная казарма, но снаряд красных разорвался между лошадьми, лошади испугались и опрокинули орудие в дорожную канаву. Ездовые растерялись, номера тоже, я соскочил с лошади и разрывом второго снаряда был ранен в палец левой руки. Кое-как распутали лошадей, вытянули орудие на дорогу, но стрельба уже прекратилась. Было удачное попадание и бронепоезд отошел за станцию.

Мы вечером заняли станцию, поселок и деревню, где и ночевали. Утром выступили дальше до станции Ин. 4 с половиной версты дорога отвратительная, около линии по канаве (другой дороги нет). К вечеру дошли до разъезда Ольгохта 24 версты. Ночевали все в одной избушке, спали буквально друг на друге. Я спал на плите, положив 2 полена, чтобы не обжечься.

После обеда выступили дальше. Я с орудием иду впереди и все время наготове. Командующий группы приказал стрелять и я 2 раза снимался с передков, стрелял прицелом 100–120 (это для придания бодрости нашим). Шли всю ночь и рано утром мы были в 3–4-х верстах от станции Ин. Пехота стала рассыпаться в цепи, нам приказано стать на позицию в темноте. Стали и едва рассвело открыли огонь по бронепоезду красных, стоявшему впереди станции. Бронепоезд отошел, подошла еще одна батарея добровольцев.

Егеря и Уральцы рассыпаны вправо от линии, впереди нас. Добровольцы пошли наступать, я переменял позицию, т. е. подъехал ближе. Добровольческая бригада, не дойдя до станции шагов 500, залегла (сказывалось утомление переходом). Уральцы и Егеря справа обошли станцию, но встреченные пулеметным и ружейным огнем, неся ужасные потери, тоже залегли.

Так продолжалось до 1–2-х часов дня, а затем влево от нас верстах в 4-х на поляне показались три толпы людей. Это были отступавшие в беспорядке волжане.

На станции Ин в 1921 году

Бой начался в 4 часа утра, кончился в 2 часа дня общим нашим отступлением.

Генерал Сахаров прислал ординарца с приказанием расстрелять эти толпы, я повернул орудие и с прицелом 93 шрапнелью покрыл третью толпу. Оттуда выделилась кучка конных, один поскакал к нам с криком «не стре-

ляйте, это наши». Противник находится дальше за лесом и обходит Волжан слева. Получил приказание сняться с позиции и следовать за 1-й батареей. Переехали линию, немного постояли и стали отступать до разъезда Ольгохты. Шли всю ночь. У Уральцев и Егерей много раненых и более 100 человек обмороженных (проклятая Меркуловская выдумка снабдить солдат и офицеров резиновыми калошами). Наши потеряли 500 человек. Красные нас не преследуют, они тоже утомлены: утром пришли на разъезд Ольгохту и покормили лошадей, стали отступать далее до станции.

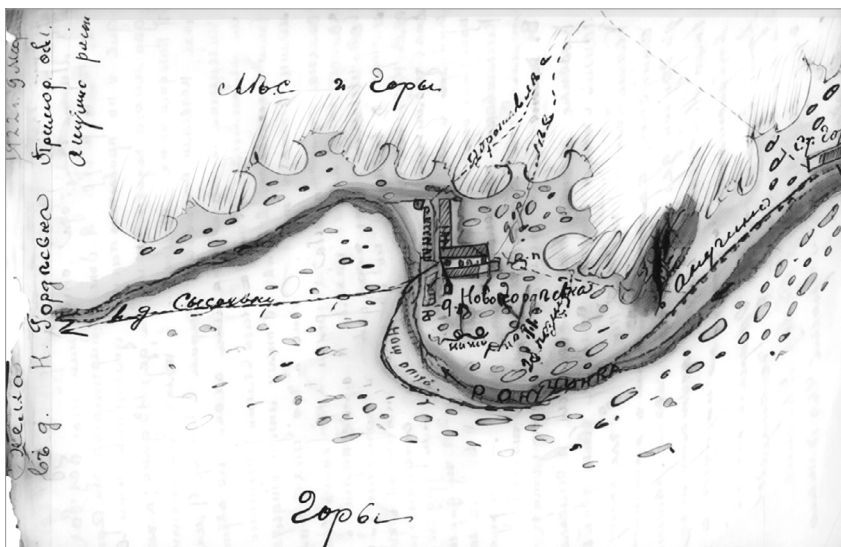
Красные рассыпались в цепи. Два полка, 5-й и 6-й Амурские Красной армии (всего до 6000 человек) и при поддержке двух танков атаковали наши позиции. Особенно энергично было на участке Камцев и Воткинцев, где они подходили к самой проводке (и, не выдержав огня, повернули обратно). Особенно критичное положение было, когда батальон Камцев не выдержал и бросил окопы. Начальник артиллерии полковник Романовский, находившейся на наблюдательном пункте, лично руководил огнем всех батарей, всего 21 орудие. Он отдал приказание сосредоточить огонь всех батарей на угрожающем участке. Был открыт беглый огонь и красные, неся жестокий урон, отступили. Бронепоезд заметил движение танков, открыл по ним огонь, а также открыла огонь наша батарея. Было видно попадание в первый танк, он накренился, прислуга выскочила из него, и он загорелся. Второй танк повернул обратно.

Таким образом, наступление красных было отбито с большими для них потерями, много трупов было в лесу влево от линии железной дороги на участке Камцев и Воткинцев. Наши потери небольшие: 43 убитых и 89 человек раненых, бой кончился в 4 часа вечера общим отступлением красных, мы остались стоять на прежних позициях.

Отступающие части заняли деревню Новогордеевка⁸⁸ в субботу 8-го марта 1922-го года. Отходили мы без боя и без сторожевого охранения. Я был квартирмейстер от артиллерийского дивизиона и по прибытию частей доложил, что в деревне много подозрительного элемента. В деревне 43 дома, а почти у каждого дома пильщики в полувоенных костюмах. Но ночевали спокойно. Утром в воскресенье 9-го марта пильщики исчезли, и на мои слова не обратили внимания (у страха глаза велики).

Решено было простоять 2–3 дня, поэтому люди отдыхали, мылись в банях и так далее. Около 2-х часов дня началась сильная ружейная

⁸⁸ Ново-Гордеевка.

План станции Ново-Гордеевка

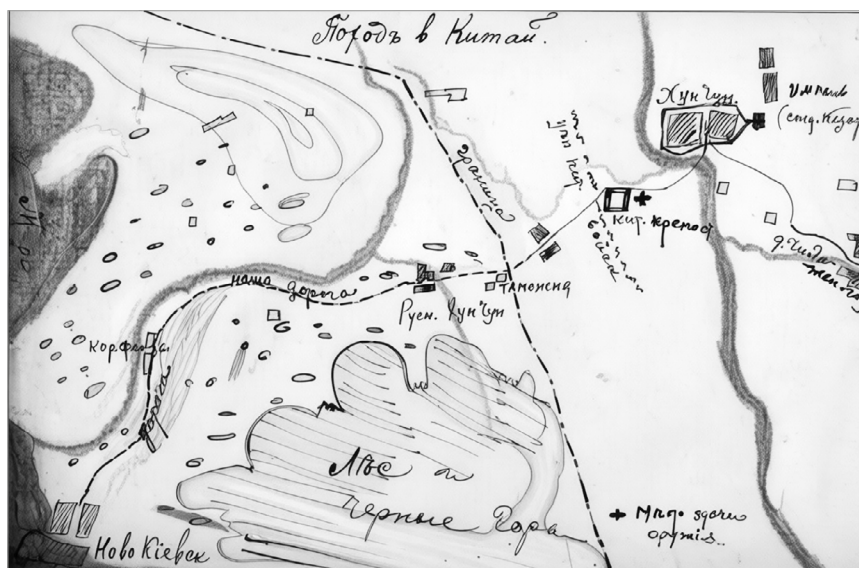
стрельба, стреляли кругом, оказалось, что на нас напали красные партизаны отрядов Шевченко, Корфа и другие (до 400 человек). Поднялась

План отхода к китайской границе

суматоха. Я выбежал на двор с винтовкой и увидел недалеко от себя цепь красных. Солдаты наспех замуничивали лошадей, выскочили другие офицеры и мы быстро вывезли орудия из деревни. Проезжая около района Уральского полка, я видел полковника Климовских, который, рассыпав полк, лично руководил боем (бой происходил на дистанции 100 шагов). В районе Егерского полка бой скоро затих.

Красные, необнаруженные, подошли к самым домам и начали бросать гранаты, были убиты командир полка подполковник Зултан⁸⁹, командир 1-го батальона и 52 человека солдат и офицеров. Деревню бросили и отошли до другой деревни — Старогордеевки. Решено было Новогордеевку отбить, поэтому мы возвратились и стали на позицию в одной версте от деревни. Открыли огонь. Всего выпустили 60–70 снарядов и деревня была занята без боя. Красные ушли в тайгу, бросив 16 человек тяжелораненых.

План перехода китайской границы

⁸⁹ **Зултан Христофор** (?–1922). Окончил Псковскую школу прапорщиков (1916). В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта; с весны 1921 г. — помощник командира, а в декабре 1921 г. — командир 1-го Егерского полка. Подполковник. Убит в марте или апреле 1922 г. в с. Ново-Гордеевка.

Со станции Раздольное наш Отдельный стрелковый артиллерийской дивизион выступил к китайской границе, в 3 часа вечера подошел к переправе через реку Суйфун. Но переправляться на лодке, которая давала течь, было опасно, и поэтому полковник Романовский пошел в другое место, где был брод. Я и заведующий хозяйством капитан Мяздриков переправились раньше и дожидались дивизиона. Я ушел из госпиталя вечером и на станции Никольск-Уссурийский, с поездом дивизиона доехал до Раздольного, где я дождался капитана Мяздрикова и погрузил из брошенных вагонов хлеба и овса.

Бой в селе Казакевичи и бой в деревне Васильевка

Поход в Анучино и третий бой в селе Ивановка. Нас выставляют: «крестоносцы», «дружины» и «воеводы» (братья во Христе). После трагедии в Никольск-Уссурийске нашу бригаду перевели на стоянку в Владивосток, наш же дивизион придали к Оренбургскому казачьему корпусу, стоявшему на станции Мучная и на станции Ипполитовка. Часть корпуса стояла в селе Ивановка, куда послали и нас. Нас всего 55 человек офицеров и солдат.

В последних числах августа воевода генерал Дитерихс отдал приказ занять село Анучино и для этой цели назначался Оренбургский казачий корпус. Мы выступили в 5 часов утра по дороге из Ивановки на Анучино через деревни Тарасовка, Мещанка, Известка. Состав наших частей: 8 сотен Оренбургских казаков, 2 сотни Сибирских и 2 сотни Енисейских казаков, 55 человек артиллеристов, всего до 700 человек. До деревни Тарасовка дошли без боя, в 1-й Мещанке легкая перестрелка, во 2-й Мещанке орудия стали на позицию и открыли огонь, красные начали отходить к перевалу у деревни Известка, наши быстро продвигаются вперед, прошли 4–5 верст, впереди сильная стрельба, командир корпуса генерал Бородин приказал орудия выдвинуть вперед.

Впереди шло 1-е орудие под командой капитана Суханова, выехал вперед сажень на 100, орудие стало на позицию около избушки. Я со 2-м орудием стал в резерв на дороге около изгороди. 1-е орудие сделало всего 2–3 выстрела, как молчавшая батарея красных открыла по нему огонь, и сделавшие перелет 2 снаряда угодили между корней моего орудия, убили 2-х лошадей, сломали дышло орудия. Испугавшиеся остальные лошади перевернули передок, рядовые в панике бросились в сторону от орудия. Остались я и четвертый номер орудия.

Схема боёв в селе Казакевичи и в деревне Васильевка

Капитан Покровский созвал людей, я кое-как поставил передок на колеса, и, не имея запасного дышла, вытащил из изгороди жердь, обрубил ее саблей и кое-как вставил в гнездо, забил шт[ырь] вместо шкворня и на 3-х лошадях начал отводить орудие назад. Остальные снаряды красных начали ложиться по штабу генерала Бородина. Штаб в панике бросился назад. В тылу началась в 4 часа вечера стрельба, это появилась обходная колонна красных, и генерал Бородин отдал приказ отступить. Стрельба в тылу прекратилась, мы отошли в Мещанку и стали на ночлег, орудия на позицию поставили на улицу. Я сплю с номерами около орудия.

В 5 утра поднялись все и приказано было отступить в Ивановку. К вечеру части возвратились и стали по квартирам. Оренбургская бригада ушла в Иполлитовку и гарнизон в Ивановке составили таким образом Сибирские казаки, Енисейские казаки и мы (Отдельный артиллерийский стрелковый дивизион в 55 человек при 2-х орудиях). Казаки усиленно роют окопы и тянут колючую проволоку, наше 2-е орудие тоже построило окоп орудийный, мое орудие стало открыто около окопа.

Сибирский казачий наблюдательный пункт был расположен на крыше дома, так как церковь сгорела во время 2-го Ивановского боя от снаряда красных, но тогда красные наступали нерешительно и к вечеру ушли, получили в 2 часа сведения, что деревни Тарасовка и Ширяевка заняты противником (полком особого назначения до 900 штыков). Было ясно и понятно, что красные хотят занять Ивановку и Иполлитовку, а вернее всего они пойдут на город Никольск-Уссурийск.

Я выехал на позицию и с прицелом 14, смешанным огнем, то есть шрапнелью и гранатами, выгнал красных из района больницы. 3-я атака была отбита. Возвратясь, стали на старое место, появилась цепь красных, дали несколько выстрелов прицелом 10. Цепь исчезла. Командующий отрядом генерал приказал одному орудью помочь сибирякам, так как со стороны деревни Николаевка, то есть в тылу, у нас показалась цепь красных (2 роты). Не желая подвергать опасности лошадей, я орудие на руках перекатил туда и открыл огонь. Красные залегли под яром, дал туда несколько гранат и красные стали кучками отбегать к деревне Николаевка.

По Николаевке было выпущено до 10 снарядов с прицелом 20 и красные, укрываясь в складках местности, отошли и из Николаевки. И так отбиты были 4-я и 5-я атаки. У нас появилась уверенность, что отобьемся, хотя связь с тылом перерезана.

Третий бой в Ивановке начался в 4 часа утра, красные подошли с вечера в деревню Тарасовку (6 верст). Туда пришел полк Особого назначения (900 штыков, 8 рот, 12 пулеметов). С ними пришли партизанские отряды коммунистов Корфа, Шевченко и другие — до 480 человек. Всего красных было до 1500 человек, 2 орудия и 20 пулеметов. Наши силы состояли: 3 сотни сибирских казаков (180 сабель, т. е. штыков (казаки были тоже), 2 сотни енисейских казаков (142 человека) и 55 человек — артиллеристов Отдельного стрелкового артиллерийского дивизиона. При двух орудиях. Одно орудие — прислуга — офицеры (орудие N 1). Орудие N 2 — прислуга — солдаты.

Подошедшие на рассвете красные стремительно атаковали Енисейцев (занимаемое волостное правление они обнесли проволочным ограждением в 2 кола), но были отбиты и залегли за домами и в огородах. 2-я атака была против школы, которую занимали Сибирцы, но также были отбиты. 2 роты красных, то есть до 200 человек, зашли с тыла, перерезали телефон со станцией Иполлитовкой и атаковали нас с тыла, там был караул в 10 человек при старшем уряднике, который отбил атаку. Красные залегли в 40–50 шагах. По приказу начальника гарнизона туда на руках подкатили орудие N 1 офицеры, и красные отступили.

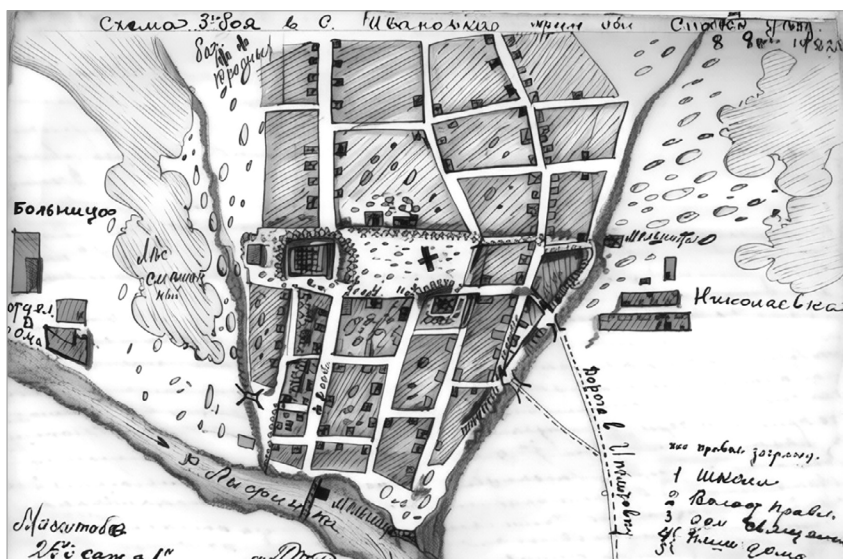

Схема 3-го боя в селе Ивановке

3-я атака красных была против участка Енисейцев со стороны больницы. Енисейцы встретили их огнем 2-х пулеметов, красные залегли в овраг по другую сторону улицы и стали накапливаться с фронта. С фронта атака следовала за атакой, красные были у проволоки в 80-ти шагах от окопов. Все атаки их отбивались картечным перекрестным огнем.

Поход по Китаю. Гири́н, лагери, я иду в город Шанхай

Итак, кончилась последняя глава наших мытарств на родной земле. Из Чи-да-жей-гоу нас эшелонами по 400–500 человек решено перевезти с города Гири́н. Начали поход 1-го ноября 1922 года. Через неделю пришли в город Ян-ден-ган, стояли там неделю. Среди солдат и офицеров пьянство, картеж и драки. Я хожу с солдатами пилить дрова, поручик Филимонов ходит к японцам, пишет портреты покойных родителей. Ничего, кормимся понемногу. 9-го или 10-го декабря утром выступили дальше.

Наши орудия, командир дивизиона полковник Романовский, часть офицеров и 25 солдат идут походным порядком на станцию Эхо Восточно-Китайской железной дороги. Там будут погружены в вагоны и тоже перевезены в район станции Куан чеи-дзы или Мукден. Мы же в количестве 236 человек солдат и офицеров идем походным порядком через горы в Гири́н. Переходы большие, 100–120 верст, дорога ужасная, устаешь страшно.

Первая дневка в городе Омо-со, куда мы пришли на 5-й день. Простояли в Омо-со 3 дня, дальше дорога хуже, три перевала: 1-й Шао-самин, 2-й Ту-ляи-чен и 3-й — не помню названия. Город Омо-со небольшой, грязный. Узкая, кривая улица, центр города выжжен хунхузами. На четвертый день рано утром тронулись дальше, идем по-прежнему, то есть переходы большие, холод порядочный, снега, правда, мало. Через 5 дней пришли в небольшой городок Туличен, где была назначена дневка. До Гирина осталось 5–6 дней пути, дорога лучше, ровнее, перевалов всего один и небольшой, ночуем на постоянных дворах, дворы большие на 200 и больше человек.

Жители к нам относятся прекрасно, очень добродушны и любопытны, про все расспрашивают, интересуются всем, даже нашей кожей на теле и так далее. Вот и Гири́н, пришли мы 22-го декабря 1922-го года, вечером разместились в отведенных китайцами домах. Наша батарея на постоялом дворе в центре города размещена временно, всех нас потом разбили по лагерям.

Наша артиллерийская группа назначена в нижний лагерь Чиисигучан, где мы разместились в бараках по 70–100 человек, всего лагерей 4: Южный, Север, Восток, Запад. Воевода в городе. В нашем лагере 15 генералов, 107 штаб-офицеров и 297 обер-офицеров. Всего 3 лагеря с семьями — 763 человека. Я по общему желанию принял должность старшего адъютанта лагеря, ношу как угорелый, составляю списки генералов, штаб- и обер-офицеров. Семейных, одиноких, семей без глав семьи («безголова»), и так далее. Ужасно хочется вырваться из лагеря.

На Пасхе воевода был с визитом. Я надел все мои регалии, ордена, нашивки и погоны, и так с ним христосовался. Его приказ № 4 о снятии погон и называть себя «братьями во Христе» вызвал насмешку всех. 27-го апреля 1923-го года я и другие получили документы на выезд в Шанхай. Я в Ханькоу, сели в поезд и прощай, Гирин.

5 мая 1923 года, Шанхай

В субботу вечером наша группа: 37 мужчин, 3 женщины, 2-е детей прибыла в Шанхай, и я, как старший группы, с войсковым старшиной Гришковским отправился к российскому консулу В. Ф. Гроссе с просьбой о прибывших и о покровительстве. Громадный город, идем на набережную реки Вампу, на мне черная рубаха и сапоги, офицерские ордена, но без погон. Первое впечатление оставило неприятный осадок на душе, очень сухо и по-казенному нас встретили. Консул сказал, что сейчас все канцелярии закрыты и он не знает, чем нам помочь. Поселили нас на Зинавей, где есть — сл. в Р. адм. и флот. Несолоно хлебавши, возвратились обратно на пароход, где наш капитан разрешил остаться до утра. 6-го мая утром, наняв извозчиков, тронулись в общежитие и, проблудив 2–3 часа, наконец-то пришли в общежитие, и моя миссия, как старшего, кончилась, я начал жить частным человеком.

Дивизион походным порядком шел в район станции Борзя Забайкальской железной дороги. Дивизионное хозяйство ликвидировал, и теперь я заведующий хозяйством 1-й батареи, так лучше. В 5 вагонов погрузил имущество, послал с ним каптернамуса моего старого Красноуфимского дивизиона. Генерал Круглевский женился на дочери местного директора Русско-Азиатского банка. Ничего, не дурна.

9 июля выступили походным порядком, идем по территории красных. В станицы входил с музыкой, жителям за все платил. В одной де-

ревне состоялась встреча с красным командованием Амурского полка. Товарищ Рюмкин, бывший фельдфебель, мужик пожилой и степенный, просит не обижать жителей. По просьбе генерала он распорядился дать 10 голов скота для солдат.

Прибыли на станцию Борзя, где собрался весь 3-й корпус, приехал генерал Вержбицкий, сделал смотр, мы, то есть вся дивизия, стали в станции Чиндантской, в 8-ми верстах от станции Борзя. На станции — штаб корпуса и Волжский полк, и 1 рота японцев с лавкой. В дивизионе занятия, в полках дивизий пьянство вовсю, денег много, но купить на них — ничего не купишь. Мой оклад за июль 1.240.000 руб. (коробка спичек — 12 тысяч), да и денег не берут. Перемирие кончено...

1-го АВГ[УСТА]. 1918 г.⁹⁰

Прибыли мы на ст. Култук Кругобайкальск[ой] ж. д. Наш эшелон состоял: Байкальский ст[релковый] полк и Арт[иллерийский] дивизион, 2 батареи. 1-я — Кап[итан] Вериги, 2-я — Капитан (забыл фамилию). Толстой пил почти запоем, умер в чине полковника в Приморье около озера Ханки, при нашем последнем уходе из Приморья он был командир 2 бат[ареи] Сиб[ирского] д[ивизио]на Корп[уса] Ген[ерала] Соломина, в нашей 1-й батарее офицеров из пехоты были только я и подп[олковник] Алексеев, а так как в Иркутске при формировании мы получили винтовки, то и нужно было ознакомить как солдат, так и офицеров бойцов с пешим строем, поэтому я как офицер стрелкового полка был назначен офицером-инструктором на правах к[оманди]ра роты, батарея была разделена на 3 взвода, где офицеры и добровольцы были перемешаны. На другой день по высадке приказано было произвести показное учение (Наступление роты), построились, я направил роту в сторону ст. Слюдянка по тракту, местность ровная, болотистая, я показал движение роты под артилл[ерийским] огнем, затем рассыпал цепь [на] 2 взвода и подпоручику Алексееву приказал вести резерв, думая, что он знает дела. Когда цепь вошла в кустарник, показал движение отделениями (перебежка) и вот после одной из перебежек и в мою цепь вливается резерв Подп[оручика] Алексеева: «вы что здесь делаете?» — «Как что? Веду резерв». — «Какая дистанция полагается для резерва?» Ну, отвечает, 40–50 шагов... «Да что

⁹⁰ Публикуется впервые.

вы говорите, поручик, где это вычитали?» Вы знаете, говорю, что резервы ведутся в среднем 400–500 шагов, дабы резерв не поражался огнем противника, а так, как вы ведете, то я в результате буду без резерва, ну, отчитал его как следует.

А Бандура (пор[учик] Окорков) бубнит ему. Ну, что, ну что! Я говорил, что неправильно, в общем пор[учика] Алексеева я в бою больше не назначал коман[диром] взвода. После утомительного дневного марша в 26 верст, жаркий день по горам почти без дорог, так как Кругоб[айкальский] тракт почти разрушен, шли по насыпи, перевалили гору около взорванного большев[иками] туннеля № 39. Под вечер пришли на разъезд Мангугай, за неимением жилых помещений расположились биваком, благо тепло и нет дождя. Ноги мои болят, выданные Америк[анские] ботинки велики и ужасно тяжелы, набил мозоли.

Поднялись в 4 часа утра и по холодку двинулись на ст. Утулик 17 верст, пришли рано, стали полубиваком. На ст. Гехи 2–3 роты и рота в сторож[евом] охранении в 5 вер[стах] на мосту р. Солзан.

Русские Дружины — Ново-Николаевская, Томская и Барнаульская ушли в обход по горам, т. е. по Байкальс[ким] сопкам без дорог, даже без троп, потому что в этом месте горы почти непроходимы. До нашего прибытия чехи и русские симулировали отступление, были брошены даже испорченные пулеметы и двуколки. Все это проделано было для того, чтобы втянуть красные бронепоезда и постараться их взять.

Лист 2-й.

Проделано это было мастерски, и красные доморощенные стратеги вляпались как кур во щи, погнались за нашими, но наши, отойдя на ст. Утулик, приняли их в переплет, поэтому ст. Утулик обстреливали только из орудий б[роне]поезда, да и били наугад. Мы здесь днюем. Завтра выступление в 2 часа утра, идет вся Иркутская дивизия наступать с целью захватить б[роне]поезда около Закр. разъезда Солзан, куда выходит также и обх[одная] колонна. У наших в батарее настроение повышенное, нервное, я же по привычке завалился пораньше спать, зная, что завтра будет довольно работы.

Согласно приказанию, дивизион будет наступать вправо от полот[на] ж. д., правее нас рота чехов по линии и влево Байкальский полк.

Со ст. Утулик вышли в 4 ч. утра, прошли 4–5 верст, приказано рассыпать цепь 2-мя волнами, прик[аз] К[оманди]ра д[ивизио]на Полк[овника]

Шмелева, докладываю, что, мол, лес очень густой, связи держать невозможно, между волнами лучше резерв держать ближе к цепи, но ах, это старое, не рассуждать, подаю команду: 2 взвода в 1-й линии и 2 взвода во второй линии, дист[анционно] 50 шагов вправо в цепь.

Дав направление по 2 взводу, я отошел, дабы привести в порядок 2 цепь, в которой был гвалт, большинство не знало, что делать, во 2-й полубатарее было много жидов, поэтому стоял гвалт, ну, думаю, в бою несдобровать нам с этой оравой. Идем по чаще, камни, пни, павшие деревья, цепи перепутались, кое-как перешли вброд небольшую речку, где все перемешались, многие искали, видите ли, более мелкое место и поэтому цепи перемешались, и вдруг. Дикий рев: «Цепь стой», что за черт, бегу туда, на бегу потерял громадный Амер[иканский] ботинок, так как идя по росе, а потом вброд, ботинки разбухли и были ужасно велики и тяжелы. Прибежав на место, вижу, что поручик Окорокров провалился в пень павшего дерева с головой и с трудом оттуда выбирался он, видите ли, не хотел отстать от цепи и поэтому подал команду. В общем смех и грех. Ботинка я не нашел и поэтому сбросил и другой, обмотав ноги обмотками, иду босиком, а тут новый абсурд: приказ перестроить батарею в 4 волны, но это было уже слишком, в лесу непроходимом это ведь невозможно, поэтому я подал команду цепям смыкаться влево к линии. Вышли к линии ж. д. Комдив, комбаты идут себе впрохладку по линии ж[елезной] дор[оги]. Ну и я также повел батарею по линии, для чего, думаю, мучить людей блужданием по лесу, а к чехам послал связь. (Дальше бой описан в записках.)

Разъезд Паньковка. Болото, мы ждем нападения красных, поэтому устроили кое-где окопы и завалы, сыро и холодно, красных что-то нет, благодаря взятым 2 бронепое[здам] и 1 сан[итарному] поезду, у нас есть уже эшелон и б/поезд уже на ходу, там орудуют чехи, а мы 13 бат[арей] (40 чел.), десант поезда, едем в поезде, едим свиной борщ и рисовую кашу, хорошо нас кормят чехи. «Братчик» Кап[итан] Гайда уже не сухощавый, а откормленный бычок, хорошо чувствует себя на русских хлебах.

Узнал меня, пригласил к себе в вагон, угостил хорошей папиросой. Давно не курил такой папиросы с германского фронта, т. е. с окт[ября] 1917 г., когда получил последнюю посылку из дома. Поговорили о всякой всячине, и я откланялся.

Было приказано: бр[оне]п[оезда] двинутся вперед, б/п идет медленно, вправо выслали мою цепь — дозор, идем, едим малину, которой

тут много, небольшой поворот линии, за ним б/п большевиков, который науга[д] пустил несколько гранат. Без вреда для нас и нашего б/п. Но у меня в цепи переляк, бросились все к б/поезду, на ходу стали вскакивать в него и вот между двумя бр[оне]вагонами прижало прапорщика. Шнайдер-жид, поцарапало броней ему спину и плечо, поэтому он заявил, что он контужен и просил отправить его в госпиталь на излечение и по прибытии на разъезд Кедровый — он исчез, т. к. уехал в госпиталь в Иркутск, я по этому поводу доложил Комбату, что пр[апорщик] Шнайдер «из-за угла мешком контужен» и заболел медвежьей болезнью. Все это было в августе 1918 г. У нас появилась русская кав[алерийская] часть. Тункинский казачий д[ивизио]н, 47 чел., это бывшие казаки Тунки, Ирк[утского] каз[ачьего] войска (упраздненные). Про них есть поговорка. «Наш тункински казак в седло, как птичка взлетел, один полчаса садился» — это почти все были буряты, и больше чаевали, чем воевали. Но в общем понемногу, но мы увеличиваемся в силах и у нас даже канцелярия завелась.

Танхой. Убит вчера наш комбат кап[итан] Вериго, в батарее анархия, кап[итан] Прибытков уехал в Иркутск, и батарея временно без командира,...

(Утрачен лист текста)

Лист 4.

начинает учиться командовать Пр[апорщик] Ракеев, но его слушают мало: «молод он», в результате я как командир только в бою, в админист[рировании] отн[ыне? — А. О.] участия не принимаю. Но вот прибыл шт[абс]-к[апитан] Смолянинов⁹¹ и принял батарею, мы посажены в эшелон и переброшены на ст. Мысовая, в Мысовой ходил в гавань смотреть сгоревший красавец-ледокол «Байкал», был подожен нашими снарядами десантного отряда. Задумана большая операция: отрезать красных от Верхнеудинска, поэтому в обход пошли Томцы, Ново-Николаевцы, Барнаульцы и чехи на 3-х пароходах и 2-х баржах. Иркутская дивизия будет биться в лоб. Настроение приподнятое. Красный главком Метелица шлет громы и молнии против захватчиков власти. Одно только интересно: кто же захватчики власти? Мы или большевики? Я по простоте душевной думаю,

⁹¹ **Смолянинов Дмитрий Петрович.** В 1915 г. окончил 1-ю Иркутскую школу прапорщиков. В годы Гражданской войны — в белых войсках Восточного фронта. Весной 1919 г. — командир артиллерийского дивизиона 3-й Иркутской стрелковой дивизии, штабс-капитан, позже полковник.

что большевики, ведь их никто не просил, а взяли они власть силой, ну, значит они и захватчики. Признаться, мы мало о этом думаем, нам хочется скорей их сбросить и зажечь мирно.

Завтра идем наступать на ст. Большеречинскую. Для д[ивизио]на по линии ж. д. Батарея наша редееет, удирают в тыл, в тыл уехал пр[апорщик] Ракеев и др., уехал под[поручик] Соколов. Как уедут в Иркутск, так и не возвращаются, говорят, что довольно поработали на освобождение родины от большевиков.

Узнал от знакомого телеграфиста, что у красных Комиссаром Путей Сообщения некий Яцун, в мою бытность на постройке Кругобайк[альской] ж. д. был у нас Надсмотрщик Телеграфа Григорий Яцун, который в 1905 году был карательным отрядом ген[ерала] Мелер-Закомельского выпорот на ст. Снежная, я в это время был там практикантом, числился дор[ожным] мастером 16 околотка, и когда он лежал на перроне, я поднял его и увел к нему на квартиру, он был болен, 2 месяца не мог сидеть. Потом наши пути разошлись, я был переведен на 7-й уч[асток] ст[анции] П. Завод, а он в Слюдянку. Когда вспыхнула война, я не хотел быть военнообязанным, поэтому явился к Ирк[утскому] Воинс[кому] Нач[альнику] и как мл[адший] ун[тер]-оф[ицер] запаса был направлен в 25 с. с. Ген[ерал]-Лейт[енанта] Кондратенко полк⁹², потому что в Иркутске не было жел. дор. Батальона, а я отбывал в 3-й Заамурск[ий] ж. д. б[атальон], а так как нужно было укомплектовать полки, отправляющиеся на фронт, то всех нас специалистов, направили в стр[елковые] полки, я попал в 5-ю роту, командир роты капитан Мартын, говорили, зверь, но ничего, обошлось, хотя и был груб. Так вот телеграфист и говорит, что этот самый Яцун настроен против нас зверски, отдал приказ разбивать все аппараты, телефоны, телеграфные и диспетчеры. Интересно бы взглянуть на него. Этот самый Яцун был комиссаром и в Хабаровске, только писал не Яцун, а Якун и участн[ики] Хаб[аровского] похода, я думаю, это помнят.

Другая фигура, знакомая Иркутянам, был Борис Шумяцкий, Иркутский жидок из парикмахеров, не помню точно, ну, а быть может, у него на Ланинской ул. около толкучки была паршивенькая парикмахерская — и я думаю, что старожилы помнят курьезную надпись на окне: «Стрижка. Брижка. Завишка». Еще до войны, когда я бывал в Иркутске, то специ-

⁹² 25-й Сибирский стрелковый генерал-лейтенанта Кондратенко полк.

ально проходил мимо прочитав эту рифму. Так вот этот-то жидок был военным комиссаром Вост[очного] фронта. Нач[альником] штаба всей этой дряни был ген[ерал] Таубер, Бывший Нач[альник] Штаба Омского военного округа⁹³. Карандашвили был Нач[альником] Интерн[ациональной] дивизии: т. латыши, чехи и т. д. Краснощеков, т. е. жид Зильберштен, Верхнеудинский барахольщик, он был политич[еским] комиссаром и поэтому у нас, говорил, стригут и бреют, а старые вещи скупают, ведь когда они эвакуировали Иркутск, то не забыли даже в Иркутске кресла для парикмахерских и вагоны были завалены буржушной мебелью и зеркалами. Специалисты они по старым вещам были.

Колоритная фигура был нач[альник] милиции Заб[айкальской] ж. дор. Проворовавшийся конторщик сл[ужбы] Движения т. Миронов. [В] 1916 г. был судим и приговорен к 4 годам тюрьмы, в революцию он выплыл как политически пострадавший, поэтому ходил анекдот — один заключенный спрашивает другого: по какому политическому делу он сидит, тот отвечает: по делу 29 июня! А что было 29 июня, что-то не помню? Золотые часы с цепочкой!

Вот это политика!!!

⁹³ **Барон фон Таубе Александр Александрович** (нем. Alexander von Taube; 09.08.1864 — [?].01.1919). Выходец из старинного шведско-немецкого рода фон Таубе, известного с XIII века, одна из ветвей которого (прибалтийская — остзейская) оказалась на службе у российского престола. Начальное образование получил во 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии. В 1884 году окончил Михайловское артиллерийское училище. Выпущен подпоручиком в 3-ю артиллерийскую бригаду. Позже служил в 23-й артиллерийской бригаде. В 1886 г. — поручик. В 1891 г. окончил Николаевскую академию генерального штаба по 1-му разряду. По окончании академии служил в штабах различных военных округов. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. 6 декабря 1907 г. был произведён в генерал-майоры, а 15 февраля 1915 г. — в генерал-лейтенанты. В начале 1916 г. А. А. Таубе вступил в должность начальника штаба Омского военного округа. После Октябрьской революции одним из первых генералов Русской императорской армии перешёл на сторону Советской власти. Во время Гражданской войны занимался формированием и обучением регулярных частей Красной армии. В 1918 г. был назначен начальником штаба всех вооружённых сил Сибири. В конце августа 1918 г. А. А. Таубе при попытке пробраться через белогвардейский фронт в Москву, для доклада В. И. Ленину о положении в Сибири, был арестован. От предложений «публичного отказа от большевизма» и обещанных ему высоких постов в белогвардейских войсках (вплоть до командования Сибирской армией Колчака) отказался и был приговорён военно-полевым судом в Екатеринбургe к смертной казни. Умер в январе 1919 г. в одиночной камере от сыпного тифа.

КРАСНОУФИМСКИЙ СТРЕЛКОВЫЙ Артиллерийский дивизион ВО ВРЕМЯ СИБИРСКОГО ЛЕДЯНОГО ПОХОДА⁹⁴

13 ноября 1919 года, город Омск. Сегодня воскресенье, пошел после обеда побродить по улицам города. Хожу, наблюдаю за толпой. В городе лихорадочная торопливость, многие собираются уезжать, многие припрятывают более ценное и остаются в городе. Был в знакомой офицерской семье, ждут сына, но уезжать не собираются, — куда поедешь? Через город вереницей идут обозы, направляясь на Сибирский тракт, на город Ново-Николаевск. По улицам города расклеено кричащее объявление коменданта города, гласящее, что город ни в каком случае сдан не будет и что приняты все меры к отражению красных. Возвратился домой с тяжелым, гнетущим чувством. Под вечер с капитаном Зеленым поехали на станцию к начальнику артиллерии генералу Золнеру⁹⁵. Станция забита составами до отказа. Каждую минуту уходят поезда на восток, воинские эшелоны, эшелоны с беженцами. Получили предписание идти дивизиону на перевооружение в город Красноярск. Потом были у коменданта станции, просили вагоны для погрузки дивизиона, он только замахал руками и взволнованно заговорил о том, что станция забита и он боится, что не успеет разгрузить станцию. Где тут думать о погрузке? Идите, господа, походным порядком, чем скорее, тем лучше, ведь Иртыш уже стал, а на той стороне нет частей, только беженцы да часть заплутавших обозов. А о погрузке лучше не думайте.

⁹⁴ Впервые опубликовано: Вестник Общества русских ветеранов Великой войны (Сан-Франциско). 1985. Май. № 252.

⁹⁵ **Зольднер Герман Иванович** (12.11.1872 — 28.01.1938). Из дворян Киевской губернии. В 1889 г. окончил Киевское реальное училище, в 1891 г. — Алексеевское военное училище и Офицерскую артиллерийскую школу. Полковник, командир 115-й артиллерийской бригады. В 1918 г. служил в гетманской армии; 7 сентября 1918 г. назначен командиром 5-й легкой артиллерийской бригады. В годы Гражданской войны в белых войсках Восточного фронта. С октября 1919 г. находился в Омске, был инспектором артиллерии Омской группы войск. Участник Сибирского Ледяного похода. Летом — осенью 1920 г. — инспектор артиллерии Дальневосточной армии и член Военного совета. Генерал-майор. В эмиграции в Китае, в 1935 г. был помощником начальника отдела РОВС в Харбине, председателем объединения Алексеевского военного училища. Умер в Харбине.

Возвратились домой, а нашего хозяина-священника уже нет. Ползут слухи о восстании назавтра. Наша бригада пришла в город и стоит в крепости около нового собора. Послал туда связь, написал начальнику штаба бригады просьбу об информации и что нам делать, написал также о полученном предписании. Ответ пришел быстро. В записке говорилось, что командир бригады также думал об уходе из города. Боя давать здесь не собираются, так как переправлявшиеся ниже города части уже отошли от Иртыша на 20–25 верст. Мер по охране города нет никаких, частей, назначенных защищать город, не видно.

Под вечер в городе стало беспокойно, обыватели кучками собираются на углах, о чем-то говорят, но при приближении солдата или офицера замолкают, глядят хмуро. Из кое-каких вопросов удалось узнать о готовящемся восстании, и как на очаг указывали на Завод земледельческих орудий Рандруппа. По приказанию капитана Зеленого я на ночь приказал командирам батарей выставить усиленные караулы, лошадей заамуничить и половине людей быть готовыми. По слухам, противником занят 1-й разъезд от ст. Куломзино в 8 верстах по Челябинской линии.

15 ноября 1919 года. Станция Колония. 47 верст от города Омска. Вчера не было времени записать о том, что произошло 14 ноября. Утром встали все рано, солдаты водят лошадей на водопой на реку Иртыш, картина вполне мирная. Командир дивизиона капитан Зеленой занят пасьянцем, я читаю книжку. Так время тянулось до 10 часов утра. В 10 часов 15 минут на другой стороне Иртыша послышались редкие выстрелы, все выбежали на улицу к переулкам на Иртыш. На той стороне идет какой-то обоз, подвод 80–100. Часть обоза пошла рысью к нашему берегу, бежали и одиночные люди. Из поселка Куломзино показались всадники, они галопом шли на обоз, завернули часть повозок обратно в Куломзино. Вся эта картина разыгралась в несколько минут, другая часть обоза перешла Иртыш.

В 1 час 15 минут началась стрельба с пароходов, стоящих в устье реки Иртыша и Омки. Командир дивизиона хотел проехать к штабу бригады, но по мосту была открыта стрельба. В 2 часа с крыши Промышленного училища по нашей бригаде застучали ружейные выстрелы и затрещал пулемет. Части бригады повели наступление, и в училище были взяты пленные. Захваченные с оружием были расстреляны. В 3 часа в тылу бригады из завода Рандруппа началась стрельба. Посланный полк быстро восста-

новил положение. Вскоре было получено приказание уходить из города до села Н. в 22 верстах по Сибирскому тракту.

В 4 часа мы тронулись к выходу из города, шли по Пушкинской улице. На улице ни души. Я приказал людям держать винтовки наготове и в случае стрельбы собираться ко мне. По городу прошли благополучно. При выходе из города видели массу брошенных автомобилей. В одном автомобиле солдаты нашли табак и папиросы. Приказал все погрузить и на ночлеге раздать солдатам.

Быстро стемнело, поднялся ветер, было холодно. Орудия шли медленно, так как колеса вязли в снегу. К полуночи дотянули до села Н. На несчастье, все село забито Дивизией морских стрелков. В одном доме нашел штаб полка, попросил дать место для нашего дивизиона. Командир полка сказал, что сейчас поздно, и просил размещаться по квартирам совместно с ними, а командиру дивизиона и мне предложил поместиться с ним.

Дивизия морских стрелков шла походным порядком от ст. Колония, она имела назначение защищать Омск. Командир полка и офицеры штаба были навеселе и играли в карты. Нам предложили «по единой». Командир дивизиона непьющий, я же, грешный, выпить люблю. Выпили, попили чайку и легли спать, приказав разбудить в 5 часов. Командир дивизиона решил сделать три-четыре усиленных перехода, а затем идти тише. Под утро были слышны глухие выстрелы со стороны Омска, а затем на разъезде Малиновка начался пожар, горела артиллерийская база, слышались взрывы. Сгорело много снарядов.

Сегодня выступили в 5 часов утра. Дивизия морских стрелков еще не выступала. В 2 часа дня мы были на ст. Колония, решили здесь ночевать и ждать бригаду. Подпоручик Кипперман в союзе Сибирских Маслоделов выпросил 30 бочонков сливочного масла.

16 ноября 1919 года. Небольшая деревушка. Ночлег. Весь день на походе, идет снег и холодно. Идем быстро, связи с бригадой еще нет. 17 ноября вечером были в городе Мариинске, где стали по квартирам. Капитан Зеленой решил ехать в город Красноярск, чтобы приготовить для дивизиона квартиры. Взяв с собой четырех конных разведчиков, он уехал.

24 ноября. До города Н[ово]-Николаевска 12 верст. Село Красный Яр. Неожиданно для нас в селе оказалась наша бригада. Нам отвели квартиры, кое-что выдали из обмундирования. Командиры батарей решили перейти на сани, поэтому скупают сани, платя до 100 рублей.

Наши громадные фургоны сожгли. В городе Ново-Николаевске было восстание. 1-й Барабинский полк 1-й армии генерала Пепеляева хотел арестовать главнокомандующего генерала Войцеховского, но данный им отпор их охладил, и зачинщики были арестованы.

30 ноября 1919 года. Станция Чернореченская Сиб[ирской] ж. д. Прибыли под вечер, остановились в деревушке в 3 верстах от станции. На станции оказался эшелон шт[аба] 3-й армии. У начальника арт[иллерии] 3-й армии пытались узнать обстановку. Узнали, что в Красноярске неспокойно, кто-то переворачивается. Генерал Зольнер (Зольднер. — А. О.) дал предписание, не заходя в Красноярск, выводить кадры дивизиона в Читу в распоряжение атамана Семенова.

1 декабря 1919 года. Город Ачинск Томской губернии. Сегодня рано утром на походе мы были обстреляны партизанами. Быстро поставили на позицию пулемет и дали две ленты по деревушке, откуда стреляли. Партизаны ушли в тайгу. Ночевали в какой-то деревне. Утром выступили в город Ачинск и, не доходя до него 8–10 верст, услышали громадный взрыв. В городе встали по квартирам, я поехал на станцию. Станция полуразрушена, горит состав главнокомандующего генерала Войцеховского, горит другой состав — какая-то техническая часть и эшелон беженцев. Пути все разбиты, масса жертв, до 1000 человек. Трупы и части тел раскиданы на далекое расстояние. Картина ужасная... На станции ничего не узнал. Завтра идем дальше.

5 декабря. Станция Тайга Сибирской ж. д. Эти дни прошли незаметно в больших переходах. Вся наша громадная армия до 340 тысяч человек идет по одной дороге, по Сибирскому тракту. Пройденные деревни представляют безотрадную картину — нет сена, овса и даже соломы. Все обобрали идущие впереди части, которые невозможно перегнать на походе. Дорога забита обозами, и при малейшей остановке задние кричат: «Понужай!» На ст. Тайга много эшелонов беженцев и польских легионеров. Станция забита до отказа, поэтому мы прошли ее и остановились на ночлег в селе Боровском в 12 верстах от ст. Тайга. Чтобы пройти эти 12 верст, нам понадобился день. Дорога отвратительная, часто ломаются сани. Приходится долго стоять, так как обходной дороги нет, а снег больше двух аршин. Добрались до села, разместились и решили выступать с полуночи.

6 декабря. Небольшой разъезд. Выступили в час ночи, но, на наше несчастье, выступили и другие. Дорога до Анжерских копей одна,

по тайге 15 верст. На восходе солнца мы были в Анжерских копях, прошли их не останавливаясь. Частей в поселке нет. Все боятся восстания углекопов, которое было на другой день. Сзади двигались сохранившие порядок части и legionеры, которые расправились с рабочими.

10 декабря. На остановке в деревушке почувствовал себя плохо, болит голова, слабость. Все время большие переходы — 60 и даже 80 верст. Погода не очень холодная, солнечные дни. При проходе около станции видел ужасную картину — польские legionеры очищали эшелоны от трупов. Их было очень много. Сколько их? Кто они? Эти замерзшие в вагонах, больные тифом, имена же их Ты, Господи, веши! По линии стоят на обоих путях покинутые составы с замороженными паровозами, станции полуразрушены, водокачки разбиты — это работа наших «братичей» — чехов, отходящих в эшелонах впереди. Говорят, что чешские эшелоны близко и они идут нормально, со всеми удобствами. Я чувствую себя хуже, сел на лошадь, но от головокружения пересел в кошевую.

12 декабря. На ночлеге в небольшой деревушке. Мне немного лучше. Идем мы быстро. На ночлег встали в стороне от Сибирского тракта. Других частей нет, крестьяне говорят, что близко бродят партизаны. На ночь выставлены усиленные патрули.

18 декабря 1919 года. Монастырь близ ст. Кемчуг. Как в тумане идут дни. В дивизионе много больных тифом. Орудия пришлось бросить, сняли замки и панорамы. Холодно, идем ногами, к утру приходим в опустевшую от обозов деревню и стоим до 12 часов ночи, а затем «понужай». На одной остановке нас догнал командир Тобольской группы генерал Бордзиловский⁹⁶. С ним ехала хозяйственная часть. Он был с женой и дочерью.

⁹⁶ **Бордзиловский Антон Викентьевич** (03.11.1876 — 30.05.1962). Из дворян **Могилевской** губернии. В 1895 г. окончил Сибирский кадетский корпус, а в 1897 г. — Константиновское артиллерийское училище. С 1914 г. — подполковник с зачислением по гвардейской пехоте в ведомстве Министерства Императорского Двора. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта. Занимал руководящие и командные должности от начальника хозяйственной части и помощник командира 6-го Степного Сибирского стрелкового полка до начальника гарнизона Спасска и помощника командира 2-го стрелкового корпуса. С 17 октября 1919 г. — генерал-майор. После поражения белой армии эмигрировал в Китай, в 1930 г. возглавлял Офицерский Союз в Харбине, был председателем отдела РОВС и кадетского объединения в Харбине, председателем объединения Сибирского кадетского корпуса в Шанхае. После 1945 г. проживал в США, был начальником отдела РОВС. Умер в Принстоне (США).

У казначея их было много денег сибирскими знаками, а у нас все было израсходованы. Нам выдали взаимнообразно 5 миллионов. В монастыре достали 200 пудов овса по 40 рублей пуд. Кемчуг прошли под вечер, там стояла Иркутская дивизия, и для нас не было места. Пришли в никем не занятую деревушку в стороне от тракта. Купили 120 пудов овса, вымылись в бане, надели чистое белье.

22 декабря. Зелеево. 27 верст от города Красноярска. В село пришли под вечер, все забито до отказа. На улице обозы, остановились и мы. Здесь узнали, что в Красноярске власть захвачена эсерами, во главе восставших генерал Зенкевич. В город пришли партизаны Щетинкина и никого на восток не пропускают, всех обезоруживают, офицеров арестовывают и т. д. Что делать дальше? Решили проехать на ночлег в деревню Тарасовку, на 5 верст ближе к Красноярску. Вечером заняли половину деревни, во вторую половину пришла кавалерийская дивизия генерала Бангерского⁹⁷. Решили утром идти на село Чистоостровное, 18 верст ниже города Красноярска на берегу реки Енисея.

⁹⁷ **Бангерский Рудольф Карлович** (латыш. Rūdolfs Bangerskis; 21.07.1878 — 25.02.1958). Из семьи фермера Лифляндской губернии Российской империи. В 1895 г. окончил Яунелгавскую городскую школу, в 1901 г. — Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище и в 1914 г. Императорскую Николаевскую военную академию. Участвовал в Русско-японской войне в составе 36-го пехотного Орловского полка 9-й пехотной дивизии. В годы Первой мировой войны командовал ротой Орловского полка, был офицером для поручений штаба 4-й армии, старшим адъютантом штаба 31-го армейского корпуса. 30 декабря 1914 г. был произведен в капитаны. Принимал активное участие в создании латышских стрелковых полков в Усть-Двинске. Командовал 1-м латышским Усть-Двинским стрелковым батальоном, был временно исполняющим должности командира 2-го Рижского (1916) и 4-го Видземского (1917) Латышскими стрелковыми полками, ВРИД начальника штаба Сводной Латышской стрелковой дивизии в составе 6-го Сибирского армейского корпуса 12-й армии и командиром 17-го Сибирского стрелкового полка 5-й Сибирской стрелковой дивизии 2-го Сибирского армейского корпуса. Во время Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта. Занимал командные посты в армии адмирала А. В. Колчака. В том числе должность начальника 11-й Уральской и 12-й Уральской стрелковых дивизий Западной армии, командующего Уфимской группой войск. Во главе дивизии принимал участие в весеннем наступлении армий адмирала А. В. Колчака, боях под Уфой, Златоустом, Челябинском и на Тоболе. Участвовал в Великом Сибирском Ледяном походе, возглавлял одну из колонн 3-й армии. Впоследствии занимал должности начальника Уфимской стрелковой дивизии в составе 3-го стрелкового корпуса генерала В. М. Молчанова, командующего войсками Читинского района. 30 июня 1920 г. был произведен в генерал-лейтенанты. После оставления Дальневосточной армией Забайкалья через

23 декабря. Село Чистоостровное. Сегодня пришел ко мне подпорщик Могильников, один из старослужащих дивизиона, и доложил, что в 1-й батарее был митинг. По словам Могильникова, поручик Лаврентьев и подпоручик Кипперман предлагали желающим остаться.

24 декабря. Станция Есаульская. В 5 часов выступили. Дорогой мне рассказали, что мы ночевали с партизанами отряда Щетинкина, они занимали край села. 16 человек осталось в селе. Переехали на другую сторону Енисея. Около разъезда стоит пустой состав штаба 3-й армии. В Есаульском сделали большой привал, а вечером выступаем на ст. Сорокине.

25 декабря 1919 года. Станция Сорокине. Цементный завод. Итак — «Рождество Твое, Христе, Боже Наш». Рождество Христово, а как много случилось за этот год! Год тому назад мы мечтали занять Москву и освободить всю Россию от красной заразы. «Суждены нам благие порывы». Сейчас мы толпа, стадо бездомное, люди, потерявшие все. Вечером появился капитан Зеленой, ему удалось выехать из города. Днем было небольшое происшествие — при выходе из Есаульской мы догнали двух дам, идущих по тракту. Одна оказалась княгиней Кантакузен. Они просили Христа ради подвезти их до ст. Сорокине, что и было сделано. На цементном заводе рке [нрзб] разместился с квартирьерами капитан Зеленой. Управляющий заводом пригласил нас к ужину, во время которого я рассказал о дамах, идущих по тракту в туфлях и каракулевых шубках. Что потом было с ними, не знаю, знает только Бог, сколько несчастных обобрали «братья» чехи. «Братскую» помощь оказали они

пустыню в Монголии добрался до Харбина, затем через Европу в Латвию. Продолжил военную службу, командовал 1-й Курземской дивизией. С 23 декабря 1924 г. по 24 декабря 1925 г. и с 18 декабря 1926 г. по 23 января 1928 г. был министром обороны Латвии. Затем командовал 3-й Латгальской и 4-й Земгальской дивизиями. С 27 сентября 1930 г. — начальник курсов боевой подготовки. В октябре 1936 г. вышел в отставку в связи с достижением максимального для службы возраста. С июля 1941 г. Бангерский примкнул к пронацистски настроенной фракции Альфреда Валдманиса и 30 апреля 1943 г. получил назначение на пост генерал-инспектора Латышского легиона СС с чином группенфюрера. После отступления немцев осенью 1944 г. Бангерский переехал в Германию, где 20 февраля 1945 г. в Потсдаме был избран президентом Латвийского Национального комитета. После окончания войны был арестован английскими войсками и некоторое время находился в лагерях для военнопленных. 25 декабря 1945 г. был освобождён. Погиб в Ольденбурге (Нижняя Саксония, ФРГ) в автокатастрофе (виновник не был установлен).

нам, закупорив дорогу эшелонами и не пропуская на восток даже поезда с больными и ранеными.

26 декабря 1919 года. Станция Рыбинская. Село Рыбное. Я серьезно болен, наверное, тиф. Мой вестовой Комаров ухаживает за мной, как за ребенком. Раздобыл где-то курицу, накормил меня.

16 января 1920 года. Деревня Голопупово. Вчера мне было лучше. День был теплый. При подъезде к деревне увидел 1-ю кавалерийскую дивизию. Томский гусарский полк этой дивизии ушел в город Канск сдаваться. Дорога впереди занята красными. В деревне Голопупово на наш дивизион в 483 человека отвели два домика. Люди очередями греются в домах и у костров. Вся деревня забита. Здесь собрались три командующих армиями — генералы Вержбицкий, Войцеховский и Сахаров. Сообщают, что города Иркутск и Нижнеудинск в руках большевиков. В Канске идет бой, цель — преградить нам дорогу. Вечером было созвано совещание начальников частей. Решено было выслать разведку, которая была выслана от Омского полка. Решил облегчить обоз и с писарем Мусихиным сожгли все ненужные бумаги.

20 января 1920 года. Село Бережные Челны. 17 января генерал Вержбицкий выслал конную разведку. Разведка, дойдя до деревни Аманаш, была обстреляна и, потеряв убитыми двух и четырех ранеными, отошла. По их рассказам, в Аманаше много красных и есть орудия. Решено обойти Аманаш по тайге, без дорог, с юга. Вечером подошли части Волжского корпуса генерала Каппеля. Генерал был в бреду с отмороженными ногами. Он, будучи больным тифом, не подавая виду, ехал верхом, 90 верст шли без дорог вверх по реке Кан. В одном месте лошадь генерала Каппеля провалилась, и он очутился по пояс в воде. Болезнь осложнилась. По рассказам очевидцев, много людей замерзло на привалах. Этот переход был беспримерным подвигом русского солдата. Поздно вечером части тронулись в обход. Впереди генерал Войцеховский с Уральским конным полком, составленным из конных разных частей. Командир полка подполковник Бек-Мамедов. За конными пошел Уфимский арт[иллерийский] дивизион, затем понтонный батальон, затем ТАОН⁹⁸ и мы, то есть Красноуфимский арт[иллерийский] стр[елковый] дивизион. В какой-то маленькой деревушке сделали привал. Узнали от жителей, что дальше дорога одна, идет лесом. Выступили под утро. До села Бережные Челны 16 верст. Часов

⁹⁸ ТАОН — Тяжёлая артиллерия особого назначения.

в десять вышли на тракт. Аманаш был обойден, за ночь сделали 37 верст, без дорог. По тракту же расстояние Голопупово — Аманаш 7 верст, Аманаш — Бережные Челны 13 верст, то есть всего 20 верст. По выезде на тракт увидели генерала Круглевского, командующего Уральской группой. Он предложил дивизиону влиться в Уральскую группу, что и было сделано.

Станция Зима Сибирской ж. д. При подходе к станции красные снова пытались преградить путь нашим частям. Произошел бой, кончившийся для красных печально. Первые атаквали Зиму Иркутская дивизия, затем Ижевская. Красные не выдержали и начали отходить к станции, где стояли чешские эшелоны. У красных было соглашение с чехами о нейтральной двухверстной зоне, поэтому они были обстреляны чехами и, попав под перекрестный огонь, в панике бросились бежать. Бегущих атаквали казаки енисейцы и оренбуржцы. Мы пришли под вечер, улица была завалена трупами, подбирать их было некому, да и не было времени. Дорого обошлась красным попытка не пропустить нас на восток.

1 февраля. Черемховские копи. Ст. Черемхово. Все дни чувствую себя очень плохо. Заболел и мой вестовой Комаров, с которым я встретился еще в Финляндском полку в 17-м году. За мной ухаживает писарь Василий Мусихин. В Черемхове узнали печальную новость — чехи и наши союзники выдали адмирала Колчака красным. Еще одной подлостью больше. В больнице я встретил знакомого офицера-иркутянина, который рассказал, как был убит генералом Войцеховским генерал Гривин, командир 4-го Сибирского корпуса. Около города Барабинска генерал Гривин отказался выполнить приказ генерала Войцеховского задержать красных, ссылаясь на утомление полков 3-й Иркутской дивизии, и указал, что задача непосильна, так как в полках очень мало людей. Между генералами произошел крупный разговор, во время которого генерал Войцеховский напавал убил генерала Гривина. Так бесславно погиб один из лучших генералов, первый поднявший знамя борьбы в Иркутске.

7 февраля 1920 года. Станция Инокентьевская, в 7 верстах от Иркутска. Мы делаем большие переходы. По слухам, наше командование решило взять Иркутск с боя, поэтому Уральскому конному полку приказано перейти на другую сторону Ангары и, заняв села Урик и Оск, отрезать красным путь отступления на север. Наш дивизион идет с Уральским полком. Не доходя 17 верст до Инокентьевской, полк свернул с тракта на Ангару и, в одной деревушке взяв проводника, без дороги перешел Ангару. Обоз с больными идет непосредственно за полком. Не доезжая версты

до села Урик, головной эскадрон был обстрелян. Подполковник Бек-Медов двумя эскадронами атаковал красных. В полчаса бой был кончен, на улице лежали трупы красных, жителей не было.

Только что расположились спать, приказ выступать в Инокентьевскую. Ночью без проводника перешли Ангару и утром в 7 часов были в Инокентьевской. Мы стоим недалеко от штаба группы. Я, капитан Зеленой, поручик Лаврентьев, подпоручик Кипперман и подпоручик Молоков поместились в одном доме. Старуха хозяйка, узнав, что я иркутянин, принесла чаю с молоком, белого хлеба. Капитан Зеленой пошел на станцию и там нашел почти пустой санитарный поезд. Он уговорил врача взять тифозных, и 93 человека были взяты в поезд. Города части брать не будут.

В Инокентьевской узнали о расстреле адмирала Колчака 6 февраля в тюрьме. Адмирал умер, как подобает офицеру, отказался завязывать глаза, закурил папиросу и сам встал к стене. После первого залпа упал мертвым.

Наше командование — генералы Войцеховский, Вержбицкий, Сахаров и Лохвицкий — решили города не брать, обойдя его с юга. По сведениям, генерал Сычев с войсками атамана Семенова стоит в Мысовой, там же стоят и японцы.

8 февраля 1920 года. Сегодня в 8 часов утра поручик Ландышев, командир взвода шести орудий, открыл по Иркутску огонь. Не прошло и 15 минут, как показалась цепь чехов. К генералу Войцеховскому приехал чех-офицер и заявил, что генерал Сыровой⁹⁹ дал им приказ: «Если

⁹⁹ **Сыровой Ян** (чеш. *Jan Syrový*; 24.01.1888 — 17.10.1970). В годы Гражданской войны в России — командир чехословацких легионов в России и премьер-министр Чехословакии во время подписания Мюнхенского договора в 1938 году. Родился в городе Тршебич в Моравии. Изучал строительство в техникуме. После этого он учился в техническом колледже в России. Военную карьеру начал в австро-венгерской армии. С началом Первой мировой войны вступил рядовым в русскую армию. Участвовал в боевых действиях, был произведён в офицеры. Уже в генеральской должности принял командование чехословацкими легионами в России. Осуществлял общее руководство чехословацким корпусом в период восстания против большевиков. Выдал Политцентру адмирала А. В. Колчака. В 1920 г. вернулся в Чехословакию, был начальником генштаба, министром обороны, премьер-министром. Временно исполнял обязанности президента страны. После захвата Чехии Германией ушёл из политики и держал нейтралитет. Тем не менее 14 мая 1945 года он был арестован и обвинён в сотрудничестве с оккупантами. В 1947 г. Национальный суд признал его виновным и приговорил к двадцати годам лишения свободы. В 1960 г. Сыровой был освобождён по амнистии. Умер в Праге, похоронен на Ольшанском кладбище.

мы не прекратим огонь, наступать на нас». Батарее было приказано прекратить огонь. Получен приказ выступать в 3 часа ночи.

9 февраля. Станция Михалево Забайкальской ж. д., 23 версты от Иркутска. Выступили в 3 часа, у моста через реку Иркут взяли вправо, прошли две-три версты, свернули в лес, идем без дороги на деревню Решоты. Кони идут тихо, часты поломки саней. В Решотах сделали небольшой привал. Дальше пошли к Иркутску и через два часа были в деревушке Царь-Девица, 5 верст от Иркутска. В Царь-Девице не останавливались. Красные, занимавшие деревню Лисиху, открыли из орудий огонь. Один из снарядов упал недалеко, но никто не пострадал. К вечеру были в Михале. Меня знобит. Пришедший врач смерил температуру — 40, сказал, что нужна диета.

10 февраля 1920 года. Село Лиственечное на берегу Байкала. Сего дня сделали 28 верст по тракту и под вечер были в Лиственечном. Я приказал завезти меня в мой дом, он оказался занятым генералом Сахаровым, и, когда я вошел в переднюю, солдат не хотел меня пустить. Разыгралась забавная сцена — я ему сказал, что это мой собственный дом, а он повторял, что дом отведен генералу Сахарову. На наш разговор вышел генерал Сахаров, а из другой комнаты мама. «Что Вам нужно, поручик?» — «А вот, — говорю, — Ваше Превосходительство, это мой собственный дом, а меня не пускают». Мама стояла молча, а затем, узнав меня, бросилась с криком: «Дима, родной мой!» Генерал Сахаров распорядился очистить для меня комнату. Мама суетилась, плакала и улыбалась сквозь слезы. Приготовили ванну, вымылся, переоделся. Мама просила меня остаться здесь. Вечером пришли знакомые, тоже просили остаться, говорили, что укроют меня, а там будет видно. Выздоровеете, отправим за Байкал. На все уговоры я заявил, что иду с моим дивизионом. Мама начала готовить в дорогу гуся, куриц, варенья и даже не забыла про табак. Я оставил маме все ненужные мне вещи. Взял только отцовскую офицерскую шашку. Просил сжечь все мои рубахи.

Ночью меня разбудил вестовой поручика Лаврентьева с запиской. Он болен тифом, отморозил ноги и остается в ж. д. больнице. Просит сделать документы на имя солдата. Я приказал Мусихину написать удостоверение, поставил печать и подписал за ком[андира] дивизиона. Мусихин доложил, что выступление назначено на 2 часа ночи, что прямой дороги на Мысовую нет и части идут на Голоустинское 42 версты,

а затем пересекают Байкал, идя на Мысовую 67 верст. Я лег отдохнуть и скоро уснул.

11 февраля 1920 года. Станция Мысовая. В 2 часа ночи меня разбудили мама и Мусихин, который доложил, что дивизион готов к выступлению. Мама плакала как по покойнику. Обещал ей писать. Зять принес мне хорошие катанки. Мама дала продуктов для солдат. Перечеловался со всеми, уселся в кошевую, и Мусихин тронул лошадей. Мама долго шла около саней и, наконец, отстала. Тяжело было на душе. Остаться здесь я не мог — меня здесь все знали. Лучше было ехать. Когда подъехали к дивизиону, он спускался на лед. Кони шли быстро. Дорогой я уснул, проснулся в селе Голоустинском. Здесь стояли три часа и под вечер выступили на Мысовую, 67 верст по Байкалу. Дул ветер, лед был чистый, некованные лошади падали и оставались лежать на льду. Ехали всю ночь и в 12 часов дня 11 февраля прибыли в Мысовую. В Мысовой стояло несколько эшелонов с чехами и стояла японская часть. На станции чистота, караул несут японские солдаты, маленькие, опрятные, в громадных меховых шапках, они производили приятное впечатление. Встретил знакомого, который угостил меня папиросой. На мой вопрос, где можно купить папирос, он ответил, что в чешском эшелоне можно купить папиросы и сахар. Когда я вошел в вагон-теплушку, то был поражен, увидев хорошую мебель, диван, кресла...

17 февраля 1920 года. Верхнеудинск. В Мысовой стояли два дня, а затем походным порядком пошли в Верхнеудинск. Из Мысовой выступили рано, ночевали в Большепереченской, утром тронулись дальше. Впереди шли строевые части, а сзади обоз с больными и имуществом. В 10 часов утра обоз Уральской группы был обстрелян из села Кабанск ружейным огнем. Обоз остановился, и часть его бросилась назад. Енисейская казачья бригада, оказавшаяся близко, выбросила перед обозом цепь и пошла наступать на Кабанск. Когда путь был свободен, мы быстро двинулись в Кабанск. На церковной площади лежали убитые красные. Проехали деревню Ньюки и поздно ночью добрались до села Брянского, где стояли наши части. Нам отвели квартиру в доме машиниста, было тесно, но хозяева оказались радушны. Я чувствую себя скверно — приступ возвратного тифа... Утром тронулись, в 7 часов, было уже светло. Вечером были у железнодорожного моста через Селенгу. Пришли в станицу Заудинскую, предместье города Верхнеудинска.

20 февраля 1920 года. Город Верхнеудинск. Мне много лучше, ездил в корпусной инженерный городок. По возвращении застал веселую картину — наши добыли спирт и варят какую-то смесь с сахаром. Приехал генерал Семенов, дядя атамана Семенова¹⁰⁰, привез приказ и теплое обмундирование. В приказе говорится — за беспримерный Великий Сибирский поход всех офицеров произвести в следующий чин, солдат в следующее звание. Старшинство с 11 февраля 1920 года. Сегодня вечером генерал Круглевский приказал вывести части к оврагу для упражнения — бросания ручных гранат.

26 февраля 1920 года. Город Верхнеудинск. Завтра выступаем походным порядком двумя колоннами. Эшелонов нам не дали. Больных приказано погрузить в санитарный поезд. Отправили их, но возвратили, так как поезда не оказалось.

¹⁰⁰ Вероятно, речь идёт о троюродном брате атамана Г. М. Семёнова Дмитриии Фроловиче.

Семёнов Дмитрий Фролович (02.02.1871 — после 1946). На службу поступил 11 октября 1889 г. В 1893 г. окончил Иркутское пехотное юнкерское училище и был зачислен хорунжим в 1-й конный полк Забайкальского казачьего войска. Участвовал в подавлении «боксёрского» восстания в Китае (1900–1901), в Русско-японской (1904–1905) и Первой мировой войнах. 6 декабря 1913 г. был произведён в полковники. В 1917 г. — командир 3-й Забайкальской казачьей бригады, а с 3 июня 1917 г. — генерал-майор. В 1918 г. поддержал приход к власти атамана Г. М. Семёнова в Забайкальской республике. Был начальником Забайкальской (впоследствии 1-й Забайкальской) казачьей дивизии, военного гарнизона г. Читы и 1-го военного района в составе 5-го Приамурского корпуса. 4 января 1919 г. был произведён в генерал-лейтенанты, являлся командиром 1-го Восточного казачьего корпуса в составе Отдельной Восточно-Сибирской армии атамана Г. М. Семёнова. После поражения Колчака исполнял должности помощника командующего войсками, затем командующего войсками Забайкальского военного округа и уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Забайкальской области, командующего войсками Забайкальского фронта и Восточной группой. С 10 марта по 23 июля 1920 г. был командиром 1-го Забайкальского корпуса Дальневосточной армии, затем генералом для поручений при главнокомандующем всеми вооружёнными силами и походного атамана всех казачьих войск Российской Восточной окраины Г. М. Семёнове. После поражения Белой армии эмигрировал в Китай. Был председателем Дайренского Бюро по делам российских эмигрантов и атаманом Дайренской станицы. 31 октября 1945 г. был арестован и депортирован в СССР. Особым совещанием при МГБ СССР от 30 ноября 1946 г. был осуждён на 10 лет лишения свободы, содержался в тюрьме г. Владимира, где и умер. Точная дата смерти неизвестна. Посмертно реабилитирован 20 декабря 2002 г.

28 февраля. Станция Петровский Завод. Вчера выступили — наша колонна — Уральский отряд, ижевцы — воткинцы и 1-я кавалерийская дивизия. До поздней ночи шли какой-то лесной дорогой. Остановились в избушке заготовщиков шпал. Рано утром были в старообрядческой деревне Брянь. Здесь была небольшая перестрелка с партизанами. Поздно ночью прибыли в Петровский Завод. Мне стало хуже, и меня поместили в санитарный поезд № 105. Первый раз после Верхнеудинска уснул крепко.

3 марта 1920 года. Город Чита. Поезд прибыл в 10 часов утра. Пошел к заведующему санитарным поездом с просьбой выписать меня. Итак, Великий Поход сделан, я — жив, но не здоров. Кончился этот «понужай». С 14 ноября по 3 марта 1920 года сделано более 3000 верст. Я испытал три тифа, были случаи, когда, имея температуру 40,6 градуса, ехал верхом. Слава Создателю, это кончилось, а что ждет впереди — пожием — увидим.

В СКИТАНИЯХ (ЗАПИСКИ ДОСУЖЕГО ЭМИГРАНТА)¹⁰¹

Часть I

Глава 1-я.

Гиринское сидение

Итак, кончилась наша пятилетняя борьба, кончилась моя военная служба (а ведь девять лет прошло в этой службе, все время война, война, потом кошмар и ужас, а потом последние трагические и ужасные походы Хабаровские и т. д.). Но, по старой привычке и ветхому тряпью, подобно былого обмундирования, мы продолжаем называть себя «г. капитан, г-н полковник», в сущности же, мы толпа изнывающих без дела людей. В Гирине китайцы нас разместили по лагерям, всего 5 лагерей, = Северный, Восточный, Южный, Западный и лагерь «Воеводы». Китайцы приказали всех офицеров поместить в одном лагере, но это не проходит, наши не хотят, хотя и некоторые части отослали часть офицеров в наш Южный лагерь (Ши-си-гу-чан). Это старый импань, обнесенный глинобитной стеной, всего 11 казарм, т. е. №№. Согласно распоряжения был

¹⁰¹ Публикуется впервые.

назначен комендант ген[ерал]-майор Наумов¹⁰², как полагается в данном случае, у него Плац-адъютанты — я и есаул Усольцев, и правитель канцелярии Полк[овник] Брежнев¹⁰³, и наша канцелярия заработала, скрипят перья, и мы пишем всяческие сведения о числе чинов, о числе глав семей, о безглавых, о числе едоков, штаб-офицеров, обер-офицеров, генералов и т. д. и т. д.

Ген[ерал] Наумов поручил это мне, поэтому я занят по горло, стараясь определить, сколько с головами и сколько безголовых, и скоро, кажется, буду сам без головы, очень уж комичные истории разыгрываются. Ком[андир] полка Воткинского выслал несколько офицеров фиктивными мужьями к безголовым, а те и путают [нрзб], и смех, и грех, но в общем кое-как привел к одному знаменателю. У нас в лагере 15 генералов, 107 штаб-офиц[еров], 297 обер-офиц[еров], 81 женщ[ина], 51 ребенок и 173 солдата, всего 729 душ. Питание ужасно скверное, китайцы выдают один день 60 зол. мерзлой картошки, на другой день — 60 золот. гаоляна или чумизы и 4 цента деньгами. Нашего дивизиона здесь всего 7 офи-

¹⁰² **Наумов Николай Матвеевич** (6(18).12.1881 — 23.12.1953). Из казаков 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Участвовал в Первой мировой войне, служил в 13-ом и 16-ом Оренбургских казачьих полках. С началом Гражданской войны дежурный генерал штаба Оренбургского военного округа (с 11 июля 1918 г.), затем командир 5-го Оренбургского казачьего атамана Могутова полка 2-й Оренбургской казачьей отдельной бригады в составе Западной армии белых. Принимал участие в боях под Уфой, Златоустовской, Челябинской и Тобольско-Петропавловской операциях, Великом Сибирском Ледяном походе. С 29 января 1920 г. помощник командира Оренбургской сводной казачьей бригады в составе 3-й армии Восточного фронта. Генерал-майор. Затем занимал должности помощника командира Оренбургской казачьей бригады 2-го стрелкового корпуса Дальневосточной армии, помощника начальника Отдельной сводной казачьей бригады Южно-Уссурийского военного района, начальника Оренбургской отдельной казачьей бригады войск Временного Приамурского правительства. С 24 августа 1922 г. помощник командира Сибирской казачьей группы Земской рати, в ноябре 1922 г., при эвакуации из Приморья, командир Оренбургско-Уральского полка. Эмигрировал в Китай, проживал в Харбине, затем переехал в Австралию. Скончался в Сиднее.

¹⁰³ **Брежнев Иван Петрович** (15.10.1894 — 1967). Родился в Рязанской губернии. В службу вступил в 1913 г. В 1914 г. окончил Виленское военное училище. Поручик. В белых войсках Восточного фронта. На 18 декабря 1918 г. — заведующий разведкой дивизии. Участвовал в Великом Сибирском Ледяном походе. На 30 августа 1920 г. — начальник штаба 2-го Сибирского корпуса. Был причислен к Генеральному штабу. Полковник. В эмиграции в США. Умер в Сан-Франциско.

церов: Кап[итан] Мяздриков, я, шт[абс]-к[апитан] Дмитриев, пор[учик] Филимонов, пор[учик] Леонтьев¹⁰⁴, подп[оручик] Соколов и подпор[учик] Лесневский, и питаемся мы на артельных началах, нужно признаться, питание отвратительное, наше неизменное блюдо рис или чумиза (каша), немного сала, свиного или бобового масла и фунт хлеба, вот и все питание. В лагере всех заедает скука и ничегонеделание, поэтому с утра до вечера режутся в карты, а у кого уцелели деньги, то и пьянствуют. Появилась предприимчивая группа. Уральцы казаки открыли рядом с лагерем ресторан, вернее, трактир 3-го разряда и в посетителях, конечно, недостатка нет, хотя цены и ресторанные. Перед Пасхой разыгралась драма. Подполк[овник] Федоров бритвой зарезал рот[мистра] Ключарева на почве ревности, история вызвала много разговоров. Подполк[овник] Федоров был китайцами арестован — судим и приговорен на 5 лет тюрьмы, поступок подп[олковника] Федорова почти все одобряли и поэтому составила группа офицеров, решившая устроить ему побег из тюрьмы, но [в] бытность мою это приведено не было. Перед Пасхой же ген[ерал] Дитерихс¹⁰⁵ написал приказ № 4. Это было что-то поистине комическое произведение. В приказе говорилось, что отменяется впредь наименовать друг друга, а также и солдатам — госп[один] капитан, госп[один] поручик, а впредь именовать «брат во Христе», приказывалось снять все наружные знаки отличия, погоны, ленточки орденов и т. д., а нашить на левой стороне груди жёлтый квадрат, черный ромб на нем и сверху белый квадрат[атный] крест. Господи! Что за чушь, да нас «воевода» думает, кажется, превратить в монахов!, если бы он знал, сколько насмешек это вызвало, части, почти не носившие погон во время борьбы, сейчас почти все нашили, я, ходивший без погон, на Пасху, зная, что приедет христосо-

¹⁰⁴ **Леонтьев Евгений Александрович** (09.12.1901 — 30.04.2001). Окончил Сибирский кадетский корпус. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта. В 1919 году юнкер 1-го артиллерийского училища в Омске и Владивостоке (окончил 01.02.1920). В Дальневосточной армии служил в Гродековской группе и в батарее 1-й стрелковой бригады, в октябре 1922 г. — в составе Восточно-Сибирского артиллерийского дивизиона. Подпоручик. После поражения белой армии эмигрировал через Китай в Югославию. Был членом Общества офицеров-артиллеристов. После 1945 года — в США, инженер. Умер в Сан-Франциско.

¹⁰⁵ **Дитерихс Михаил Константинович** (5 (17).04.1874 — 09.10.1937) — русский военачальник, монархист. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Один из руководителей Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке. Правитель Приамурского земского края в 1922 г.

ваться «воевода», расшил рукав моей шинели всеми углами и нашивками за контузии и ранения, так что получилось до самого плеча и главное всех цветов. Судите сами: 3 золот[ых] шеврона за ранения, 1 сер[ебряный] шеврон за контузию, угол из георг[иевской] ленты за участие в военной организации, бело-зеленый угол в Сибирской армии, из национальной 3-х цветной ленты угол в Отд[ельной] Бригаде, и кроме того как поручик чешских войск, состоявши у них на службе, бело-красный угол с ромбом и 3 черных квадрата (чин.). Ну, конечно, все смеялись. В Восточный лагерь приезжали красные агитаторы, сманивавшие возвращаться домой, на митинге их встретили свистом, но все-таки нашлись желающие уехать, до 240 чел., в том числе уехало до 15 офицеров. Уехал один мой знакомый, артиллерийский техник Сводного д[ивизио]на Бек-Мамедова Клыков, мы уговорились с ним переписываться, но я от него не получил ни одного письма. Что с ним до сего времени, не знаю. Носятся слухи, что китайцы скоро будут отправлять желающих на Юг Китая — в Шанхай, Ханькоу. Стали составлять списки, я, конечно, записался, записался поручик Б. Филимонов, составила группа 37 чел. офиц[еров] и солдат, 5 женщин и 3-е детей. А так как у нас абсолютно не было никакой одежды, то мы ходили в Амер[иканский] Крас[ный] Крест, где нам дали кое-что, я и Филимонов почти ничего не взяли, давали такую ветошь и рвань, что невозможно надеть. Наконец объявили, что группа 28 апр[еля] уезжает, нужно явиться на станцию ж. дор[оги]. 28 апреля 1923 г. наша группа собралась на станции, меня провожали батарейцы и Анненковцы: Войс[ковой] ст[аршина] Люсилин, ротм[истр] Сахаров, в 11 ч. сели в поезд и поехали, все мы веселы, несмотря на то что в кармане ни гроша, я за свою работу в канцелярии получил 2 сер[ебряных] кит[айских] доллара и это весь мой капитал. Что нас ждет впереди, мы не знаем, но хуже не будет! Как-нибудь вывернемся. В 2 ч. 40 мин. мы были в Чан Чуне, я с Филимоновым пошел проститься с полк[овником] Романовским, здесь нас с Борисом ждал сюрприз: полков[ник] Романовский выдал нам по 17 долл[аров], а это уже на первое время капитал, ведь дорога-то бесплатная. Через 2 часа сели в другой поезд, вагоны маленькие, можно только сидеть, поэтому мы на ночь забрались в пустой багажный вагон, в котором и выспались. В Мукдене были около обеда на другой день, место для меня немного знакомое, здесь я был в 1905 году во время Японской войны и Мукденский бой помню хорошо, наш полк, где я был охотником, отходил правее Императорских могил и в мешок мы не попали.

В Мукдене пересадка, сели в другой поезд на Инькоу (Нью Чванг) и 30 апреля в 10 час. мы были в Инькоу, нас поместили в пустом доме близ пристани. Ходим я, Филимонов и Гришковский к старому консулу с визитом, но его не застали, а в другой раз не пошли. Городок Инькоу небольшой, где евр[ейский] квартал ничего, чисто, а китайская часть отвратительна. Наш проводник китаец-переводчик говорит, что пароход придет через 2 дня, приходится подать. От нечего делать бродим по городу. Наконец пришел пароход, переводчик все устроил, и мы пошли грузиться на пароход. Пароход грязный, каботажного плавания, поместили нас в трюме на каких-то мешках с грузом. Я с Филимоновым устроил койку из досок у борта, но не дай Бог качка, все, что начнет кататься, кувыркаться, и для нас удовольствие не хочу [из] приятных, но как-нибудь выдержим — хуже бывало. Вспомнить хотя бы Ольгокту или Ин в последний Хабаровский поход.

Наконец пароход отвалил и, пользуясь отливом, быстро вышел в море, остаток дня прошел незаметно, вечер и ночь хорошие, ветра нет, нет и качки, улеглись спать, а наутро мы подходили к Чифу. Стали на якорь в бухте, а не у пристани, Филимонов поехал на берег кое-что купить, так как пароход пойдет прямо в Шанхай и нужно брать продуктов на 3–4 дня. Мы купили хлеба и еще что-то. И под вечер вышли в море. Капитан парохода оказался поляк, говорящий по-русски, он пригласил меня и Гришковского к себе в рубку, угостил хорошими сигаретами, разговорились с ним про Шанхай, он сказал, что город громадный, но нужно знание английского языка, без знания почти невозможно устроиться на службу, ну, думаю, плохо твое дело, Димитрий Ионович, — английский-то язык для меня как для глухого музыка. Вспомнил случай, когда в Покровке — за Хабаровском, пьяный шт[абс]-кап[итан] Дмитриев, лежа на санях, кричал «Ол райт», ну и думаю, что я сейчас на все буду говорить это слово «Ол райт» и баста, а в общем не унываю, да и к чему, здоровье есть, энергии хоть отбавляй, а там видно будет.

5-го Мая стали видны какие-то плоские берега, показался маяк-буй, вошли в грязную реку, затем в другую, еще более грязную и узкую реку Вампу, вот и Шанхай, наш будущий рай или ад, а в общем город произвел впечатление, особенно набережная. Капитан разрешил нам ночевать на пароходе. Но я как старший с Войск[овым] ст[аршиной] Гришковским и сестрой Ан. Ив. Суворовой пошли к бывшему нашему Консулу В. Ф. Гроссе, был уже вечер, к тому же суббота, и просьба наша о приюте не удалась

в этот день, но консул переговорил с ген[ералом] Вальтер¹⁰⁶ и нам дал записку, что мы можем поместиться в Общежитии Союза Армии и Флота — Зикавей 115. Часть же нас может приютить Пекинское Подворье Духовной Миссии — Расшан 43. Но в общем на душе остался горький осадок, ведь некоторым нечего было есть, а я о том говорил консулу.

Глава II.

Шанхай занят без боя

Написал открыт[ку] Полк[овнику] Романовскому, в которой как бы рапортом донес, что Шанхай мною занят без боя 5-го мая 1923 г.

Итак, я в Шанхае, устроились мы с Борисом в общежитие, спим на полу, меня все как старшего тормозят — идти с просьбами в Комитет, в Общество Каких-то Дочерей Датского Короля, в какой-то еще комитет, а город для меня все равно, что слепому свеча, да и денег на трамвай нет, ну и хожу в жару в высоких стоптанных сапогах и папахе — это в мае-то, да еще и Шанхайское солнце удовольствие не из приятных.

9 мая зарегистрировался в Обществе чинов Армии и флота у генер[ала] Вальтер, затем был у председателя Русск[ого] Прав[ославного] Бр[атства] Д[окто]ра Д. И. Казакова, он же председатель общ[ества] Помощи Русск[им] Беженцам, в разговоре я сказал, что я техник-строитель, он сказал, что общество хочет устроить для бесприютных барак и поручил это дело мне, я составил группу желающих работать с грехом пополам,

¹⁰⁶ **Вальтер Ричард-Кирилл Францевич** (15.10.1870 — [?].01.1945). В 1888 г. окончил Александровский кадетский корпус, а в 1891 г. — Николаевское инженерное училище по 1-му разряду. Был произведён в подпоручики и выпущен в 1-й инженерный батальон. В 1893 г. произведён в поручики и переведён в 8-й сапёрный батальон. В 1897 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба по I разряду. С 1903 г. старший адъютант штаба Виленского военного округа, подполковник. Участвовал в Русско-японской войне. С 1905 г. штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем на Дальнем Востоке. С 1906 г. полковник — помощник военного агента в Китае. С 1911 г. назначен военным агентом в Китае. В 1913 г. произведён в генерал-майоры. Участвовал в Первой мировой войне, командовал 42-м армейским корпусом. За отличия и храбрость был награждён Георгиевским оружием и произведён в генерал-лейтенанты. В годы Гражданской войны — в белых войсках Восточного фронта. С 1921 г. в эмиграции в Шанхае. С 1922 г. — председатель Союза Служивших в Российской Армии и Флоте. Учредитель и председатель Распорядительного комитета Офицерского собрания. Работал заведующим Департаментом недоставленной корреспонденции Главного почтамта. С 1932 г. служил в Шанхайском Волонтерском полку. Умер в Шанхае.

кое-как объясняясь с китайцами, купили бамбуку и на отведенном сзади Пек[инской] дух[овной] миссии подворье Пао-шан ро[уд] 43, на задворках Русской церкви, в грязном болоте начали строить барак, рассчитанный на 120 чел. Барак длиной 120 фут., шириной 18 фут., весь из бамбука, кроме того, стены облепили глиной, крышу покрыли соломой, сделали 3 двери и 6 окон, койки парные, т. е. на двух чел., тоже из бамбука, на все это было Комитетом израсх[одовано] 235\$ шанхайских, мы работали 11 дней и общество дало нам за работу 61 дол[лар], мне как старш[ему] 11 дол[ларов], а остальным по 6–7 долл[аров]. Барак побелили, на койки положили циновки, получилось ничего. Я был назначен Заведывающим общежитием или, как меня некоторые окрестили, Комендант Района Русской церкви гор. Шанхая, со мной переселился и Б. Б. Филимонов, он мой заместитель и помощник, мне положили жалование 25 дол[ларов], ему 10 долл[аров].

В желающих жить в бараке недостатка нет, он почти полон и среди моих постояльцев очень мало приличных, большинство пьяницы, дебоширы, т. е. есть такие типы, гораздо колоритнее босяков Максима Горького. Взять хотя-бы для примера Квасникова, или Георгия Кузьмина, это были, кажется, самые отпетые, не отставали от них и другие Хор[унжий] Сапожников, Войск[овой] ст[аршина] Семихвалов, прап[орщик] Ерощ, да много, их всех не вспомнишь. Начались скандалы, драки, я получил приказание искоренять это самым беспощадным образом вплоть до вызова полиции, все время занят, устроили кипятилку, дали нам 5 боч[ек] цемента, сделали пол, обеды получаем по карточкам в «Комунити китчен». Хор[унжий] Козлов — анненковец, нашел работу сделать полки в арх[иве] фирмы Фрезер, сделали, получили деньги, я получил [в] подарок кер. костюм, очень хороший, купил шляпу и ботинки и еще что-то, в общем стал походить на штатского. Нашли еще работу у одного врача Американца (Мак Кракен), на французской концессии я просил в комитете освободить меня от должности Зав. Общеж[итием] и передал это дело Борису. В октябре (кажется) начали прибывать Гензанская группа, а затем и чан-чунцы, приехал Романовский, устроился где-то в другом общежитии у Уральцев, которых возглавил ген[ерал] Лебедев¹⁰⁷. Потому и я выселился из бара-

¹⁰⁷ **Лебедев Дмитрий Антонович** (1883 – 1921 или 1928). В 1900 г. окончил Сибирский кадетский корпус, в 1903 г. — Михайловское артиллерийское училище и в 1911 г. — Николаевскую академию Генерального штаба. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах: служил в аппарате Генерального штаба. С 1917 г. — полковник, а с ноября 1918 г. — генерал-майор. Участник мятежа генерала Корнилова

ка, снял комнату у г[оспо]жи Княжевич, 109 Н. Сечуан ро[уд], у меня взят подряд также у американца (Лесу) на 2105 долларов мех., поэтому подыскал себе плотников, несколько человек сказались хорошими плотн[иками], наприм[ер], Неклюдов, рабочих хоть отбавляй, много не умеющих работать, но есть желание Пор[учика] Ур[альского] полка. Белов оказался хороший штукатур, т. е. в неделю постиг это искусство. Борис также работает со мной, у него много желаниа постичь каменщикское дело, но делает довольно неумело, я раз вышел из себя и накричал на него довольно-таки грубо, (потом стыдно было) и он, видимо, был недоволен, ушел с работы, а так как он знает немецкий и франц[узский] языки, то он скоро устроился на службу в фирму Кунст и Алберс, это, пожалуй, для него лучше труд, легче, да и менее грязный: Занят я по горло, потому что везде приходится самому и смотреть и покупать, в День Ангела устроил ужин, прибыло 27 человек, пили, пели, как полагается, до поздней ночи. Даже дамы были, одна даже впечатление произвела. Работу окончил и сдал, но с расчетом вышло недоразумение: Лесу отказался заплатить за паркет, поэтому я потерпел убыток 390 долл[аров]. Вот тут-то и сказалось незнание языка.

Архитектор американец Мг. Вlack, конечно, держит сторону Лесу, поэтому мне с ними бороться трудно, впереди предвидится еще работа и довольно большая, достроить дом одному богачу-китайцу, сделал смету на 10 800 долларов, подписал контракт и началась работа, работает приблизительно 25–30 чел. наших русских. Шт[аб]-[ротмистра] Сахарова назначил приемщиком и табельщиком с жалованием 50 дол[ларов], но потом оказался свинья и взяточник, и картежник к тому ж. Я в личной жизни решил обзавестись семьей, познакомился с некоей Идой — вдова, есть мальчик 7 лет, на мордочку она довольно приятная особа, в конце

(май — сентябрь 1917 г.). В годы Гражданской войны служил в Добровольческой армии. Как представитель армии был послан генералом Корниловым в Сибирь. Был активным участником переворота в Омске (18.11.1918), затем исполнял должности начальника штаба Верховного Главнокомандующего адмирала А. В. Колчака, командующего армейской Степной группой, командующего Уральской группой войск. Участник Великого Сибирского Ледяного похода. Придя в Читу, в Забайкалье, занимал должность дежурного генерала в штабе Дальневосточной армии атамана Семёнова. После разгрома армии и перехода её остатков в Приморье находился в составе войск района и гарнизона Владивостока. После поражения Белой армии эмигрировал в Китай. Проживал в Шанхае, где и умер в 1928 г. Есть ошибочная версия, что он был убит в 1921 г. на Дальнем Востоке при невыясненных обстоятельствах.

концов уговорились, я купил на av. Zafre квартиру, купил обстановку, на все израсходовал 450 дол[ларов], и мы зажили семейной жизнью. Борис отнесся к моему поступку отрицательно, сказав, что толку с этой бабой не будет, поживем-увидим, (впоследствии он был прав, она проститутка по натуре), выписала Ида свою какую-то родственницу с личиком верб[ного] Херувима, с наклонностями девки из б...а, развратная, каких мало, я же к этому не склонен, поэтому у меня с Идой стычки, да и Ида туда же, с нашими кадетами флиртует, ну, ну. Мои деньги уходят, т. е. текут как вода, за месяц Ида ухитрилась израсходовать 560 дол[ларов], что-то многовато, из ящика письм[енного] стола пропало 160 д[олларов], поэтому о сбережении нечего и думать, когда же начинаю ей говорить о экономии, заявляет, я не для этого сошлась! Ну что ж, думаю, делать, Борис ходить стал реже, и все она, ей, видите ли, не ндравятся мои русские знакомые. Она хочет англичан. Надрался один раз здорово, устроил скандал, даже, кажется, ударил, сказал, что выгоню ее к черту, ушла она гулять с Виктором, я рассвирепел еще больше, выкинул все ее вещи в коридор и в постели под тюфяком нашел завернутые в чулок деньги — 215 дол[ларов], положил их в бумажник и ни слова, по возвращении — мир, она о деньгах ни слова и я тоже, так вот она где, моя экономия. Решил поэтому расстаться, сказал ей, что она может убираться куда хочет, собрала вещи, нашла комнату у Макова av. Foch, перебралась — поместил объявление о продаже квартиры. Через неделю пришел Виктор с запиской, пишет, что больна и просит прийти (она поступила в бар dancing-girl и там заболела). Сердце не камень, пошел, прихожу, в комнате печь жел[езная] дышит и есть нечего, сходил в лавку, купил, и жалко мне ее стало. Вот что, говорю, Ида, возвращайся ко мне и живи как квартирантка — без платы в комнате вверху, я буду жить внизу, но только с условием, что никаких посетителей по ночам, а тем паче толсто-красномордых англичан не приводить, а когда вздумаю уезжать, то отдам тебе и квартиру, это будет тебе небольшое подспорье. Работа кончена, деньги получены, рабочие рассчитаны, и я имею в кармане 400 с небольшим долларов, сделал несколько смет на постройки и жду, скука без работы, поэтому пью. Получил от мамы уже 3 письма, тоже тяжело живется ей там бедной, сестра оказалась коммунисткой — ну и тычет мать на каждом шагу белогвардейцем, т. е. мной, послал маме 50 дол[ларов] через адв[оката] Фишера (он адв[окат] Добр[овольческого] Фл[ота]), ручается, что получит.

Опять скандал: Ида приехала с англичанином ночью пьяная, выпер его пинком, ей набил зубы, запер квартиру на 2 замка и ушел пьянствовать, где я был, не помню, проснулся с туманом и гол[овной] болью в бар-к на Фирен-ро[уд], деньги целы, вернулся домой в 9 ч. утра. Ида с синяком под глазом, думал я, думал долго, потом сказал ей: вот что, Ида, ты женщина, поэтому бери квартиру и мебель, я уезжаю, так дольше продолжаться не может, за квартиру и газ за последний месяц не заплачено. Я за это время познакомился с Русским инж[енером] Шатохиным и Пановым. Панов произвел хорошее впечатление, его семья тоже, снял у них комнату и стол за 50 дол[ларов], переехал, нашел службу у Heyes engeneering Corporetion, 150 дол[ларов] запл[атили] за 2 мес[яца] вперед. Шатохин тоже служит в Country госпиталь, делаем резиновые полы, потом на таб[ачной] фабрике, вышло с Пановой недоразумение, и я перебрался в другую комнату ближе к работе, близ Янцеру ро[уд]. Начинаю тяготиться этой жизнью, тянет меня куда-то, много разговоров о Шандуне, группа русских войск, хотя возвращающиеся и не хвалят тамошние интриги, хозяин продал квартиру одной рыжей, а у меня новая пассия — Даля, толст[ая] проститутка и рыжая, пристаёт, от Heysa ушел по поводу интриг, работаю у Шатохина, 5 дол[ларов] в день на av. Ioffre, 1390. Решено, еду в Шандунь, все собрал, сложил, купил 2 чем[одана], а готово, завтра еду, итак, до скорого, Шанхай, Свидания, итак, за 4 года моего житья в Шанхае много было работы, но все было впустую, уезжаю так же, как и прибыл, только прибавилось чемоданов и 90 дол[ларов] в кармане.

В КИТАЙСКОЙ АРМИИ¹⁰⁸

Отъезд из Шанхая.

Вонючий грязный китайский пароход, купил билет палубный, 10 долларов со мной, еще 4 соотечественника, едущие в Тяньзин, я ж в Циндао, вышли из Вампу под вечер и в сумерки скрылись печальные берега Янцэ-пу, около обеда на другой день пришли в Циндао. Я распрощался с спутниками, нанял рикшу до коменданта, но комендант оказался китаец, а мне нужно было русского, кое-как узнал адрес Шт[аб]-ротм[истра] Реймера, он был комендант. Нашел его квартиру, попросил его отправить

¹⁰⁸ Публикуется впервые.

меня в Цинан в Шт[аб] Русск[их] войск, так как я имел письмо к Полк[овнику] Михайлову¹⁰⁹. Реймерс дал мне литер. Утром я поехал на станцию, сел в поезд и через некоторое время поезд отправился до Цинана. 300 с лишним верст поезд идет не быстро, но все-таки к вечеру мы были в Цинане. Уже темнело и я не знал, куда идти со станции, но вот вижу, идет Русский в китайс[кой] форме с повязкой на рукаве, оказался стар[ший] патруля Коменд[антской] команды, я попросил его, где бы мне устроится на ночлег. Он посмотрел на мой довольно приличный костюм и пальто и узнал, что я приехал поступать на службу, предложил мне идти в Коменд[атуру] управ[ления] и там устроиться у деж[урного] офицера. Взяв мой чемодан, просил идти за ним, сказав, что это недалеко, пошли, по приходе в Коменд[атуру] упр[авления] (грязное кит[айское] здание) я попросил деж[урного] офицера разрешение ночевать здесь, он сказал, что имеется этапное отд[еление], но далеко, и поэтому разрешил переночевать. Устр[оиили] в помещении команды, дали койку, утомленный поездом и впечатлениями уснул, проснулся довольно поздно, напился чаю со вчерашним фельдфебелем, расспросил его, как и где лучше, он мне объяснил, что Штаб Группы Русск[их] Войск не объединяет все русские части и дивизия бр[оне]поездов как бы отдельная часть, поэтому, если я хочу поступать в дивизию б[роне]поездов, то мне нужно идти к ген[ералу] Чехову¹¹⁰. Если же хочу в пех[отную] дивизию, то нужно идти

¹⁰⁹ **Михайлов Михаил Афанасьевич** (1885 (по другим данным, 1887) — 07.07.1936). В 1910 г. окончил Одесское пехотное юнкерское училище и в 1917 г. ускоренный курс Николаевской военной академии 1-й очереди. Участвовал в Первой мировой войне. Командовал батальоном 47-го Сибирского стрелкового полка. Капитан. В белых войсках Восточного фронта. В 1918 г. был начальником штаба 2-й Степной Сибирской стрелковой дивизии, позднее, в 1919 г., начальником штаба 5-й Сибирской стрелковой дивизии, входившей в состав Южной группы Отдельной Семиреченской армии генерала Анненкова. Участник Великого Сибирского Ледяного похода. С 1920 г. полковник. После поражения Белой армии эмигрировал в Китай, служил в войсках Чжан Цзолиня. Был командиром 7-го особого полка, генерал-майор китайской службы. К 1928 г. — сотрудник «Казны Великого Князя Николая Николаевича» — фонда, созданного для финансирования политической и издательской деятельности русских эмигрантов (позже — «Фонд спасения России»). Умер в Тяньцзине.

¹¹⁰ **Чехов Владимир Алексеевич** (12.06.1887 — [?].01.1926). Окончил реальное училище и в 1909 г. — Михайловское артиллерийское училище. Занимал различные командные должности, в том числе начальника хозяйственной части 18-го лёгкого мортирного артиллерийского дивизиона. Полковник. В Гражданскую войну служил в войсках Восточного фронта; летом (в июле — августе) 1918 г. в 3-й роте Оренбург-

в шт[аб] дивизии, потому что все прибывающие не являются в шт[аб] войск, показалось немного странным, но все-таки пошел в шт[аб] войск. Полк[овника] Михайлова Нач[альника] Штаба не оказалось, и я там как же узнал, что могу поступить помимо штаба, при упоминании дивиз[иона] б[роне]поездов разговаривавший со мной сделал кислую физиономию, оказалось, что в штабе дивизии недолюбливают за ее сепаратность, я сказал, что хотел бы устроиться в артиллерию, поэтому мне сказали, что нужно обратиться к Командиру д[ивизио]на, поехал после обеда туда, нашел там знакомых офицеров Бек-мамедовцев, в Кавалер[ийском] полку нашел Гиринск[их] знакомых — Подп[оручика] Люсилина¹¹¹, Полк[овника] Размахнина¹¹² и др. и от них-то и узнал, что здесь творится бардак, поэтому все мне советовали поступить в див[изионный] б[роне]поезд — где лучше условия жизни и скорее можно продвинуться, поэтому я на другой день пошел в шт[аб] д[иви]зии, б[роне]поезд, где также нашел знакомых, встретил нашего Вахм[истра] Владимировва, он в чине капита-

ского офицерского батальона. После поражения белых частей эмигрировал в Китай. Поступил на службу в китайскую армию. Командовал бронедивизионом Русской группы войск в армии Чжан Цзолина. Был произведен в чин генерал-майора. Убит в бою у станции Мачан в январе 1926 г.

¹¹¹ **Люсилин Георгий Павлович** (04.08.1894 — 07.09.1944). Уроженец г. Омска. Сын надворного советника. В 1911 г. окончил Сибирский (Омский) кадетский корпус и в 1913 г. — Павловское военное училище по 1-му разряду. На 03.01.1914 г. — младший офицер 3-й роты 44-го Сибирского стрелкового полка, подпоручик. На 29.05.1917 г. в составе того же полка, штабс-капитан. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта. Полковник. В эмиграции жил в Харбине, служил в китайской армии. Был членом Общества взаимопомощи бывших кадет 1-го Сибирского кадетского корпуса. Умер 7 сентября 1944 г. в Харбине.

¹¹² **Размахнин Андрей Диомидович** (17.10.1892 — 28.12.1929). Уроженец Забайкальской области. Сын подьесаула. В 1905 г. окончил Иркутскую пригготовительную школу Сибирского кадетского корпуса, в 1910 г. — Омский кадетский корпус и в 1912 г. — Николаевское кавалерийское училище по 1 разряду. 6 августа 1912 г. был произведен в корнеты из юнкеров с назначением в 1-й Читинский полк Забайкальского казачьего войска. На 1 января 1914 г. хорунжий, младший офицер 1-й сотни. Участвовал в Первой мировой войне. Подьесаул. В 1919 г. окончил академию Генерального штаба. В период Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта. На 2 февраля 1919 г. — старший адъютант штаба 1-й Забайкальской казачьей дивизии, с 10 февраля 1921 г. начальник штаба Отдельной Забайкальской казачьей бригады. Полковник. После поражения белых частей эмигрировал в Китай, служил в китайской армии. 28 декабря 1929 г. был убит, по некоторым данным, во сне разбойниками.

на, спросил его о других солдатах, сказал, что есть в арт[иллерийском] д[ивизио]не, на б[роне]поезде же только кад[ет] Воинич. То же капитан, в Штабе же познакомился с старым офицером с маиорскими погонами, оказался полк[овник] Русской службы Н. Н. Николаев¹¹³, он ст[арший] офицер б/п «Тай-Шан»¹¹⁴ и он сказал, что у них не хватает офицера-артиллериста и поэтому он попросит, чтобы меня назначили к ним, наконец, прибыл ген[ерал] Чехов, я представился ему и просил о принятии на службу, узнав мой чин, он сказал, что принимает меня с чином поручика, и по просьбе Николаева меня назначили на б/п «Тай-Шань» арт[иллерийским] офицером, выдали бумажку, и я, захватив вещи в Коменд[антской] команде, на рикше поехал в мастерские, где б/п ремонтировался. По приезде явился к ком[андиру] б[роне]поез[да]. Подполк[овник] Соколов (поруч[ик] Русск[ой] сл[ужбы]) — рубаха-парень из старых студентов и выпить также не дурак. Поместили меня в купэ с Н. Николаевичем [Н. Н. Николаевым. — А. О.], за ужином познакомился с остальными офицерами б/п [бронепоезда. — А. О.] Маиор Лысков — Ком[андир] артилл[ерийской] роты (бывший Вахмистр Б[ек] Мамед[ова]). Маиор Чернышев — бывш[ий] Прапор[щик], К[омандир] пулем[етной] роты, личность не из приятных интриг. Капитан Бизюк — личность довольно подозрительная в прошлом, или фелдф[ебель] или подпрапорщик, в общем фанфарон и хвостун, увлекается фотографией, небольшого роста с кривыми ногами, но с плечами орангутанга, потом, как я увидел, трусоват к тому же. Дальше маиор Комиссаров — Ком[андир] техн[ической] роты, кто он в прошлом, не знаю, но не пьет и не курит — скуповат и копит деньги, увлека-

¹¹³ **Николаев Николай Николаевич** (30.07.1884 — [?].09.1968). Из дворян. В 1902 г. окончил Реальное училище, в 1907 г. Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище. Офицер 12-го Сибирского стрелкового полка. Полковник. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта. После поражения Белой армии эмигрировал в Китай. Служил в китайской армии. До осени 1925 г. был командиром Отдельной юнкерской роты в войсках Чжан Цзунчана, в 1927 г. числился в составе 7-го особого полка. Подполковник китайской службы. В мае 1930 г. проживал в Шанхае, был членом Корпуса Императорской Армии и Флота (КИАФ), секретарём Союза легитимистов в Шанхае, работал редактором журнала «Русское знамя». В 1949 г., после прихода к власти в Китае коммунистов, эвакуировался на о. Тубабао (Филиппины), а в 1951 г. переехал в США. Жил в Сан-Франциско. С 1954 г. был редактором журнала «Штандарт» — органа независимой легитимно-монархической мысли. Умер в Сан-Франциско.

¹¹⁴ Д. И. Решетников в воспоминаниях по-разному пишет названия бронепоездов. Например: «Тай-Шан», «Тан-Шань», «Тайшан».

ется электричеством, везде проводит провода телефонные, сигнальные и т. д. Бизюк ему помогает. Машинист поезда — капитан (забыл фамилию) из бывших мастеровых Кит[айско]-Вост[очной] ж. д., пьяница, но лихой парень, Вахм[истром] б/п оказался также старый знакомый по Шанхаю Ерш. Команда набрана с бору, с сосенки, обмундирование дрянь. Многие в лохмотьях, сапог нет, а китайские из бум[ажной] материи туфли и такие же обмотки, серые кит[айские] матерчатые шинели, грязно-рваные, в общем впечатление не из радостных, да еще забыл Капитана Кузнецова (быв[ший] кадет), он вр[еменный] ком[андир] арт[иллерийской] ротой, парень он ничего, но с большим самолюбием, он хочет, пока что он знающий свое дело артиллерист, но в общем знает, то не важно, поэтому я на другой же день занялся нашими орудиями (3): одно орудие 900 года, другое 1902 г. и третья горная пушка конандера. Лысков и Кузнецов говорили, что она с испорч[енным] компрессором, и они не могут разобрать компрессора. Вызвали солдат, компрессор я разобрал, оказалось сломанной одна пружина, пружину заменили и пушка была готова. В Артил[лерийских] коробках (бронев[ые] вагоны) тесно, грязно, все завалено разной дрянью, башня в передней площадке поворачивается с трудом, пул[еметные] гнезда плохо приспособлены, нет надлежащего обстрела. Перед ниж[ним] — орудие на колонной установке, обст[рел] 180 градусов, горн[ая] пушка 360, орудие же на задней коробке, обстрел 100–110 градусов, так же на колонке с обрезанным сошником, и так потекла моя служба, а так как на б/п не оказалось адъютанта, К[оманди]р, узнав, что я был адъют[антом] арт[иллерийского] д[ивизио]на, возложил эту обязанность на меня. Поэтому я начал приводить в порядок ужасно запущенную Кап[итаном] Кузнецовым Канцелярию б/п, составил нов[ые] списки, сделал отчетность. Зав. хоз[яйством] б/п был Майор Малявкин (русской службы Капитан)¹¹⁵, маленький, редко трезвый и, как водится, не особенно осторожен с казен[ными] суммами, все время занят какими-то коммерческими операциями, но приятный собеседник и собутыльник, Майор же Н. Николаев пьет запоем, а когда не пьет, то едет в Кит[айскую] баню и возвращается, что называется, «вдрызг». Б/п торопят скорей окончить, так как решено вести наступление на Нанкин (прав[ительство] Чан-Кай-Шека считалось в Шандуне Коммунистическим).

¹¹⁵ Возможно, речь идёт о штабс-капитане, позже подполковнике **Малявкине**, участнике Сибирского Ледяного похода, на 9 июля 1920 г. — офицере Алтайского отдельного конного дивизиона.

Офицерский состав бронепоезда «Чан-Чен»

А Чжан-Зу-чан¹¹⁶ и Юан-Зо-лин¹¹⁷ были националисты, поэтому в Марте 1927 г. 4 б/п — «Тайшан» «Хонан» «Шандун» и «Чан-чен» были двинуты по направлению на Нанкин, конечный пункт Пукоу на берегу Янг-це-пу

¹¹⁶ **Чжан Цзунчан** (1881–1932) — китайский милитарист из провинции Шаньдун по прозвищу «Генерал Собачье Мясо» (Псина, Собачатина). Родился в бедной семье. В раннем возрасте примкнул к разбойникам-хунхузам, возглавил крупный отряд, с которым участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. В годы войны сотрудничал с русской разведкой. В 1922 г. вернулся в Маньчжурию и присоединился к Фэнтяньской клике военачальника Чжан Цзолина. В апреле 1925 г. войска под его командованием заняли Шанхай и Нанкин. В этом же году он был назначен Чжан Цзолином губернатором провинции Шаньдун. В 1928 г. его армия была разбита войсками Гоминьдана и Чжан Цзунчан был вынужден бежать в Маньчжурию. Некоторое время он жил в Тяньцзине, откуда 24 декабря 1930 г. перебрался в Дайрен (Далянь), находившийся под японским управлением. В сентябре 1932 г. Чжан Цзунчан был убит сыном одной из своих многочисленных жертв на перроне вокзала в городе Цзинань.

¹¹⁷ Вероятно, маршал **Чжан Цзолин**, возглавлявший «Фэнтяньскую клику» — милитаристскую группировку, являющуюся главной силой в центральном правительстве в Пекине в 1924–1928 гг.

у гор[ода] Нанкина, старая полуразрушенная ж. дор. была памятна для русских по несчастному бою под Фуличами, где русские в первый раз потерпели поражение и страшный урон, и еще более Русские под Фуличами потеряли престиж непобедимых и для китайцев «ломоза» уже не был так страшен. Да и правда! Ведь вся эта русская группа представляла банду наемников-флибустьеров, ничем не связанных, почти без дисциплины. Да и что можно было сделать, когда в пехоте ротами командовали вчерашние урядники, а в строю были старые офицеры, но алкоголики, всех их связывала одна общая цель, уцелеть и награть, а потом сбежать в Харбин или Тяньзин. Во главе пех[отных] частей стоял безусловно отважный чел. ген[ерал]-лейт[енант] Нечаев¹¹⁸, окружающие же его, я их мало знаю. Был примерно Белянушкин¹¹⁹, быв[ший] Ком[андир] Волж[ского]

¹¹⁸ **Нечаев Константин Петрович** ([?].1883 — 05.02.1946). Из дворян. Окончил Московский кадетский корпус (1902) и Елизаветградское кавалерийское училище (1904). Участвовал в Первой мировой войне, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В гражданскую войну в войсках Восточного фронта, командовал офицерским эскадронам, 1-м Казанским добровольческим кавалерийском полком Народной армии. С начала 1919 г. генерал-майор, командир Отдельной Волжской кавалерийской бригады 3-го корпуса, затем Волжской кавалерийской дивизии. Участвовал в Великом Сибирском Ледяном походе. В марте — октябре 1920 года — начальник Читинского гарнизона, командир 1-й Маньчжурской конной дивизии, с начала сентября 1920 г. — командир 1-й Сводной Маньчжурской имени атамана Г. М. Семенова дивизии. В 1921 — в Приморье, генерал-лейтенант. В конце 1921 г. эмигрировал в Маньчжурию. Жил в Харбине, работал извозчиком. В 1924 г. поступил на службу в китайскую армию, командовал 1-й Отдельной русской бригадой 1-й Мукденской армии генерала Чжан Цзучана, генерал-майор (1924), генерал-лейтенант (1925) китайской армии. После тяжёлого ранения и ампутации левой ноги поселился в Дайрене (Китай). Являлся уполномоченным главы русской эмиграции Д. Л. Хорвата, председателем Российской Национальной Общины, членом Дальневосточного монархистского Союза (1922–1924), «Российского общевоинского союза» (1922–1937), «Русской фашистской партии» (1933–1937). В 1944–1945 г. был начальником Дайренского Отдела БРЭМ. 7 сентября 1945 г. был арестован советскими органами, депортирован в СССР и после суда расстрелян. В 1992 г. реабилитирован военной прокуратурой Забайкальского военного округа.

¹¹⁹ **Белянушкин Василий Яковлевич** (30.03.1891 — ?) Родился в семье священника. Окончил Уральское войсковое реальное училище. В 1912 г. служил вольноопределяющимся 1-го разряда в 14-й роте в 189-м пехотном Измидильском полку. 10 июля 1913 г. в комиссии при штабе 48-й пехотной дивизии выдержал экзамен на чин прапорщика запаса. В 1913 г. был уволен в запас армии. С началом Первой мировой войны был призван на действительную военную службу. Занимал различные руководящие и командные должности: и. о. заведующего Ершовского продовольственного пункта, младшего офицера и командира роты пехотного полка. 30 марта 1916 г. был произ-

полка, был наш Команд[ир] Уральск[ого] полка (грудкинец) и это было исключение, бросалась в глаза та же разделенность на Каппелевцев и Семеновцев. В Штабе же Русских Войск было еще хуже: «Ген. лейтенант Н. Меркулов¹²⁰», пишу в скобках, окружил себя такими прохвостами и интриганами, что диву даешься, один быв[ший] Русский пор[учик] Куклин¹²¹ выдал замуж свою сестру за Кит[айского] генерала и за это получил ген[ерал]-майора, сидел, ничего не делая в штабе. Вот колоритная фигура мальчишки 19 лет, «фуган», т. е. переводчик, но с погонами полковника, а интриг, ну как при дворе какого-нибудь богдыхана, а этот грузный спичечный фабрикант, произведенный за какие-то прежние, еще в Приморье сделанные Чжан-зу-чану услуги-делишки контрабандного свойства, сразу в ген[ерал]-лейт[енант]ы, ах, этот штаб с его сюсюкающими по

ведён в подпоручики, 12 августа 1916 г. — в поручики. С 28 июля 1917 г. — капитан 159-го пехотного Гурийского полка. За время Первой мировой войны получил два ранения и контузию. После расформирования полка вернулся в г. Николаевск, где дважды арестовывался советской властью за отказ от сотрудничества. Во время Гражданской войны служил в белой армии Восточного фронта; командир батальона в 1-м Волжском стрелковом полку, командир Егерского батальона 1-й Самарской стрелковой дивизии, с 25 мая 1920 г. — помощник командира Волжского полка, в августе 1922 г. командир Волжского полка. Полковник. Был трижды ранен. После поражения Белой армии эмигрировал в Китай, жил в Гирине, Харбине. В 1926–1928 гг. служил в частях маршала Чжан Цзолина. Работал на КВЖД агентом в транспортной конторе. Состоял в «Беженском комитете», был членом правления Самарского землячества.

¹²⁰ **Меркулов Николай Дионисьевич** (10.12.1869 — [?].1945). Брат главы Приамурского временного правительства Спиридона Дионисьевича Меркулова. Окончил Благовещенскую классическую гимназию и Речное училище. Предприниматель, купец 1-й гильдии, владелец пароходства на Амуре и спичечной фабрики во Владивостоке. В мае 1921 — июне 1922 г. был министром военно-морских и иностранных дел Приамурского временного правительства, затем, до октября 1922 г., министром иностранных дел в правительстве М. К. Дитерихса. После поражения Белой армии эмигрировал в Маньчжурию. В 1923–1931 гг. был старшим советником губернатора Шаньдунской провинции Чжан Цзунчана, один из организаторов русского военного отряда генерала Нечаева. Организатор и спонсор Русской фашистской партии. С 1932 года проживал в Шанхае, был вице-председателем Совета объединённых русских организаций. Умер в Циндао.

¹²¹ **Куклин Евграф Иванович** (07.12.1885 — 03.12.1930). Из казаков Забайкальской области. В 1906 г. окончил Оренбургское казачье училище. Служил в 1-м Аргунском полку, хорунжий. Участвовал в Первой мировой войне. Есаул Забайкальского казачьего войска. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта. Полковник. После поражения белых армий эмигрировал в Китай. 11 октября 1924 г. вступил в армию Чжан Цзолина, 1 сентября 1926 г. был прикомандирован к штабу 65-й дивизии. Генерал-майор (01.09.1926). Умер в Харбине.

старому штабными офицерами, почти все с пенсне на носу — шик. Все эти канцелярские крысы что-то писали, что-то делали или, вернее, показывали вид, что делают что-то чрезвычайно важное, много было отделов, как-то: артиллерийский, снабжение, статистический, технический и даже кинематографический. Смешно было смотреть на эти отделы. К примеру: артиллерийский — вся-то артил[лерийская] группа русских войск состояла из дивизиона 3 бат[арейного] состава с 5-ю разнокалиберными орудиями, там были русские 900 года, были горные шпандера и еще какие-то, все это была старая разбитая дрянь, из которой опасно было стрелять. У некоторых разваливались колеса, у упряжек не было хомутов, зарядные ящики допотопной системы. Фамилии из штабных не помню, но были колоритные типы с темным прошлым. Все это задирало нос и чванилось не хуже настоящих штабов. Что делалось в дивизии, не знаю, но на вид был кое-какой порядок, потому что командир дивизии был ген[ерал]-лейт[енант] Нечаев, благодаря ему, а также и его энергичной супруге (с замашками старого вахмистра), я был очевидец, как мать-командирша крыла матом солдат, не исполнивших какое-то ее приказание. У нас в дивизии б[роне]поездов Нач[альником] див[изии] был ГМ (генерал-майор. — А. О.) Чехов, в прошлом то ли капитан, то ли поручик, в штабе так же что-то писали, делали, и штаб был также полон разной челядью, бывшие рядовые были капитанами, а капитаны — писарями. Б[роне]поезда оборудованы плохо, самым лучшим был «Пекин», построенный по типу «Орлика», затем, пожалуй, наш «Таншан»: 2 орудия и 6 пулеметов, команда 105 чел., грязное тряпье — подобие обмундирования.

Итак, в марте нас вызвали на фронт. Китайцы уже начали наступление. Получив огнеприпасы, мы двинулись. Уже не помню станции, где мы догнали китайс[кие] части, противник отступал довольно-таки быстро, портил путь и б[роне]поездам приходилось работать по починке пути, раз или два работали даже под дальн[им] ружейн[ым] огнем, мы также стреляли раза два, т. е. обстреливали станции, наши орудия были старые, [с] расстрелянными стволами, и поэтому очень трудно было пристреляться, а затем без оптич[еских] прицелов, а квадрант, поэтому точность попаданий понижалась еще больше. Под Фуличами видел могилу убитого капитана Окоркова. Окорков, по словам очевидцев, получил пулю в лоб и был убит наповал. Так окончилась жизнь этого довольно незаурядного офицера, я знал его с 1918 г. по Ирк[утскому] Стр[елковому] Арт[иллерийскому] д[ивизио]ну.

Текут дни за днями, мы уже недалеко от больш[ого] канала, где по сведениям противник вырыл окопы.

Пасху встречали на глухом разъезде, за неделю до Пасхи завхоз съездил в Цинан, привез куличей и водки, яиц купили у окрестных китайцев, ночью вывели команду на перрон, пропели «Христос Воскресе», и солдатам разрешено разговляться, я прошел по поезду, здороваясь и христосуясь с солдатами, под конец, как водится, все основательно надрались, пили, пели, плясали и т. д., а под вечер в бой брать канал. Наш б[роне]поезд в голове, сзади — «Чан-чен», за день два раза чинили путь, ночь прошла спокойно, утром подошли к каналу, наши китайцы ведут наступление хорошо. Ст[анция] около версты от моста уже занята, мы от выходного семафора открыли огонь по мосту и через час двинулись к мосту, подошли почти вплотную, путь на мосту разобран и сожжено несколько мостовых брусьев, шагов 500 от моста окопы противника, брызнули туда из пулеметов и послали несколько снарядов. Я уже с передней площадки орудие повернул вправо, бью по деревне, где скоро показали[сь] черные клубы дыма. Противник начал отходить, но преследуется нашими по пятам, мы оттянулись на ст[анцию] брать воду. Чан Чен пошел чинить мост. После канала противника «мотаем» почем зря, была небольшая остановка около Ян Чжау. Там на горе с прекрасным обстрелом противн[ик] устроил 5 пул[еметных] гнезд и крыл во все стороны, гора эта от линии ж. дор[оги] приibl[изительно] версты 3, вправо, сзади нашего б/п. Поезд Маршала Чжан-Зу Чана от [нрзб] подошел к поезду и, указав на гору, сказал, что дает 5 тыс. доллар[ов] награды б/п., если собьем пулеметы, я повернул переднее орудие, дал прицел, скомандовал — гранатой, смотрю, перелет, уменьшил прицел на 10 делений, дал еще выстрел, недолет, но разорвался снаряд, накате [нрзб], поправил уровень, дал еще выстрел, граната разорвалась в пул[еметном] гнезде, видно было в бинокль, как кверху летели бревна, ящики и люди. Марш[ал] Чжан Зу Чан захлопал в ладоши, он тоже наблюдал в бинокль и закричал «Холосо», «Браво», меня попросили к нему, слез и был представлен Маршалу, видя, что я поручик, он сказал фугану (переводчику), что производит меня в капитаны и награждает орд[еном] Тучного Колоса 5-го класса.

Я, конечно, благодарил, для меня это было уже хорошо, потому что маршал был очень понятлив на лица, поэтому в будущем можно на кое-что надеяться. Дальше дни потекли с небольшими вариантами, но вот и Пукоу

на берегу Ян Тзе. Пукоу большая ст[анция] и пристань, русская дивизия размещена частью на ст., частью в соседних деревнях, мы стоим на ближайшем разъезде и ходим в Пукоу на сторожевку и брать воду, в Пукоу идет потоп и разграбление пакгаузов, не брезгуем и мы, я, к примеру, запасся на год бумагой, перьями, чернилами и т. д. на год. Однажды вечер, снизу видим, поднимается пароход с советск[им] флагом, который затем пристал к пристани Пукоу, оказался Пар[оход] Добр[овольческого] Флота «Память Ленина», поэтому нашими решено было сделать обыск, нашли на пароходе пропагандную коммунист[ическую] литературу, Сов[етского] Кон[сула] Бородина¹²² с женой и трех жидков, они ехали в Ханькоу, доложили маршалу, он приказал Сов[етского] Конс[ула] Бородина, его жену, жидков и команду парохода арестовать и отправить в Цинан в тюрьму, пароход конфисковать. При обыске на пароходе найдено было: много прокламаций на кит[айском] языке, до 50 винтовок и около 5 тыс. патрон[ов]. Тов. Бородин имел прекрасный маузер, а жидки наганы, вся эта компания была посажена в 2 тов[арных] вагона, прицеплена к б/п «Чан Чен» и отправлена в Цинан в тюрьму. Дорогой разыгралась трагикомическая сцена, на одном из разъездов тов[арные] вагоны приказано бросить, а арестованных пересадить в броневые коробки б[роне]поезда, во время пересадки комиссарша так перепугалась, что обмочилась, думая, что их хотят расстрелять. Наш б/п спокойно стоял в Пукоу, команда барантачила по пакгаузам, пехотной дивизией было отправлено в Цинан до 12 вагонов сахару, рису и т. д., поднажились и некоторые офицеры и солдаты. Началась переправа кит[айских] солдат на другую сторону,

¹²² **Бородин Михаил Маркович** (фамилия при рождении — Грузенберг; 09.07.1884 — 29.05.1951). Родился в бедной еврейской семье. Детство и раннюю юность провёл в Латвии. В 1903 г. вступил в РСДРП, большевик. В 1904–1905 гг. жил в эмиграции в Берне. Во время революции 1905–1907 гг. был на подпольной работе в Риге. В конце 1906 г. эмигрировал в Великобританию, затем жил в США и Швеции. В 1919 г. был первым советским консулом в Мексике, где стоял у истоков одной из параллельно возникших коммунистических партий и способствовал созданию Латинско-американского бюро III Интернационала. После работы в Мексике был советником в Шотландии и Турции. Работал в Коминтерне. С 8 сентября 1923 г. по июль 1927 г. — политический советник ЦИК Гоминьдана (Китай). После возвращения в СССР в 1927 г. был назначен заместителем наркома труда. В 1932–1934 гг. занимал должность заместителя директора ТАСС. С 1932 г. — главный редактор англоязычной газеты «Московские новости» (Moscow News). В 1941–1949 гг. главный редактор Совинформбюро. В 1949 г. был арестован по обвинению в космополитизме. Умер 29 мая 1951 г. в Лефортовской тюрьме.

дивизия наша тоже, приказано отправить один б[роне]поезд, так же был переотправлен «Чан Чен» как более легкий. Мы по-прежнему стоим, изредка ходим назад на угольную ветку, грузим уголь и возвращаемся обратно, жгун течет монотонно и поэтому заняты карт[очной] игрой. Преферанс «Шмеи де фер» идет без перерыва, изредка надираемся, я же занят по канцелярии, как пред концом Сибирской эпопеи, опять появились формы сведений 70–80 пунктов, особенно длинна была форма сведений снабжения огнеприпасами — 88 пунк[тов] — чего только в ней не было: и пулеметы, и бомбометы, и винтовки чуть ли не десяти систем. Поэтому приходилось, ничего этого не имея, склеивать аршинные полосы бумаги и, сделав форму в 2 экз., писать «не имеется» громадными буквами. На другой стороне Янг це-пу что-то неладно, нашим, кажется, всыпали, и они начинают пятиться-отступать. Ну, скоро побегут. Прошло немного времени и стало известно, что Чан-Кай шек¹²³ закончил договор с Фын-Юсяном¹²⁴

¹²³ **Чан Кайши (Цзян Цзеши)** (31.10.1887 — 05.04.1975). Окончил военные академии в Баодине и Токио. В первой половине 1920-х гг. выступал на стороне Сунь Ятсена. В Северном походе 1926–1927 гг. — главнокомандующий Национально-революционной армией гуанчжоуского национального правительства. С 1926 г. — председатель ЦИК Гоминьдана, председатель исполнительного юаня, президент республики, главнокомандующий вооружёнными силами, генералиссимус. После капитуляции Японии 2 сентября 1945 г. отверг предложение Коммунистической партии Китая (КПК) о создании коалиции демократического правительства и в июне 1946 г. при активной экономической и военной помощи США возглавил борьбу против КПК и советизации Китая. В 1949 г. потерпел поражение и был вынужден бежать на Тайвань, где сформировал новое правительство. Скончался в Тайбэе (о. Тайвань).

¹²⁴ **Фэн Юйсян** (06.11.1882 — 01.09.1948). Из семьи военного. На военной службе с 1896 (по другим данным, с 1893 г.). В 1910 г. окончил Баодинскую военную школу. Служил в Хуайской армии Ли Хунчжана и в Бэйянской армии Юань Шикая. В 1917 г. участвовал в подавлении монархистского мятежа Чжан Сюня и стал одним из влиятельных военачальников Чилийской клики. После победы в Чили-Аньхойской войне 1920 г. получил звание генерала и пост генерального губернатора провинции Шэньси. В октябре 1924 г. в решающий момент Второй Чили-Фынтяньской войны предал Чилийскую клику и в ноябре захватил Пекин. В 1926 г. вступил в партию Гоминьдан. С 1927 г. — маршал Китайской республики. Был активным сторонником создания «единого фронта» и сотрудничества с коммунистами. В 1935–1938 гг. занимал пост вице-президента Национального военного совета и оставался его членом до 1945 г. После окончания Второй мировой войны отправился в США, где выступал как яростный противник режима Чан Кайши. Погиб в результате пожара на палубе пассажирского судна «Победа» на Чёрном море, неподалёку от Ялты, направляясь в Советский Союз на конференцию с участием китайских коммунистов.

и с другим генералом пров[инции] Шен-си и они ведут наступление со стороны Ханькоу и со ст. Лояна. Два или три раза ездил в Нанкин. Нанкин — громадный древний город, обнесенный высокой стеной и, как все кит[айские] города, грязен, улицы кривые, узкие, хороших зданий мало, магазины, как в Шанхае, на Норд-Пао шен ро[у]д. Население к русским относится хорошо, так как мы щедрые покупатели, платим, не торгуясь, нас называют «ломоза». В общем же мест[ные] продукты дешевле, чем в Шанхае, яиц примерно дают 40 шт[ук] на доллар, дешева также рыба и зелень. Пища на б[роне]поезде не дурна, солдаты едят вдоволь, в офицерской же кухне даже появляется изредка вино и пиво, ну, конечно, и не без водки. Китайцы спешно переправляются на наш берег, похоже на панику, Русская дивизия в Нанкине, говорят, что под Шанхаем нашим всыпали. Нам приказано наблюдать за рекой ниже Нанкина. Ночью дивизия переправилась, б/п тоже, у китайцев сумятица, а столица забита эшелонами. Не дай бог несчастье, не вырваться отсюда, на другой стороне слышна ружейная стрельба, получено приказание эвакуировать ст. Пукоу, началась ночью отправка поездов. Наш б/п на охране поезда Тупана (маршала), к рассвету станция была разгружена, наконец тронулся поезд маршала, а сзади мы, все станции забиты поездами, на многих поездах нет воды, угля, воду носят ведрами. По бокам полотна толпы отст[авших] китайцев, много без оружия, и почти все просят есть, попадают раненые, но мало. Командир приказал принимать раненых и больных на поезд, по дороге раздали частям до 10 мешк[ов] риса, все поезда переполнены, сидят на крышах, на тормозах и т. д., вспоминаются наши Русские картины 1917 года, когда драпали с Юго-Запад[ного] и Запад[ного] фронтов наши «Кирилки». Через 2 дня мы отошли на 350 верст. Маршал приказал задерживать здесь все части и приводит их в порядок, движение кое-как наладилось, но все катится назад, наша дивизия отходит последней недалеко от линии ж. дор[оги], приезжали комбаты, просили разрешения погрузить часть снарядов, так как лошади измучены, а дороги отвратительны. Мы прикрываем отступление. На одной из станций едва не разыгралась с нами история с Фуличами, противником был спущен под откос поезд, сошло с рельс 9 вагонов, дело было под вечер, нас 2 б[роне]поезда и русская дивизия. Китайских войск не видно, начали мы лихорадочно работать по расчистке пути, часть состава оттянули на станцию, подняли 2 вагона, починили путь (расшитый). Сбросили под откос 7 вагонов и к 3 ч. ночи путь починили. Погрузили русских на

б/п и тронулись, оба б/п вместе, т. е. «Тайшан» и «Шандун». Мы впереди, настроение тревожное, так как противник впереди нас по пути нашего отступления.

Приказано быть на местах, я пошел в заднюю коробку, т. к. идем задним ходом, и задняя коробка в голове, команда приготовлена, приказано при первых же выстрелах открывать огонь. Прошли верст 5, небольшая выемка, прожектор освещает путь, в лучах прожектора мелькнули какие-то группы, что-то делавшие на полотне, с откоса началась по нас ружейная стрельба, я повернул орудие влево, скомандовал: «картечь», «огонь», орудие грохнуло и пошла писать сразу же, заработали все 12 пулеметов и оба орудия, бившие без перерыва беглым огнем, поезд медленно продвигался вперед, прошли выемку, стрельба утихла, пришли на разъезд, разъезд пуст, диспетчер разбит, противник побывал уже здесь, стало светать, тронулись дальше. И при рассвете увидели двигавшуюся колонну с флагами Чан Кай Шека (голубые полотнища), дали по ней несколько очередей, было видно, как колонна стала разбегаться, дальше увидели расшитое одно звено. Быстро починили и через 5–10 мин. увидели наш б/п, стоявший на охранении пути, б/п при нашем подходе отошел к разъезду, куда втянул[ись] и мы. Нас, оказывается, уже похоронили, так как знали, что тут загорожен. Я вздохнул свободно, Слава Создателю, вырвались. Следом за нами пришло еще 2 воинских состава. Наши китайцы драпают без остановки. Но уже виден некоторый порядок в движении. Где их остановят, неизвестно.

Вот уже год как я здесь, очень много впечатлений довольно безрадостных, ужасно надоели все эти типы с бору, с сосенки, все эти вчерашние ефрейтора, а сегодняшние капитаны с их удивительным нахальством считаться русскими офицерами. Взять хотя бы нашего Бизюка, ведь он воображает себя всамделишным капитаном. Разыгралась и у нас история, Бизюк был послан с деньгами в Цинан, а там он дал эти деньги одной «нашей даме», ну а эта дама симулировала кражу этих денег, поэтому Бизюк решил покончить самоубийством, но сделал это неудачно: т. е. удачно, — прострелил себе на боку кожу и вернулся через две недели героем. На расследование был послан второй тип, Майор Чернышев, в прошлом не знаю кто, но во всяком случае не выше подпрапорщика пулем[етной] команды. Этот сделал удачнее: из-за этой же «дульцинеи» так же стрелял в себя, но гораздо неудачнее, потому что прострелил себе легкие (впоследствии умер), там же Дульцинея с мужем из Цинана

скрылась, конечно, с прикарманенными деньгами, как поговаривали, муж ее о всех ее проделках знал, но смотрел сквозь пальцы на это, он был интендантский майор, ну а известно, что такое интендантство, да к тому же в Китайской армии.

Идем опять брать обратно Пукау, хотя поговаривают, что идем против Фын ю суня брать Лоян, Фын ю Сян и старый интриган Ян Си Шан заключили союз против Джан Зу-Чана, и наш Тюпан решил воевать с ними из Сунг Жоу, идет на Лоян, жел. дорога Бельгийской компании. Поэтому 2 бронепоезда были приданы к 6-й армии ген[ерала] Сюя — «Маленький Сюя», и мы двинулись по-новому еще пути, противник разрушал путь основательно, снимал рельсы, жег путь, поэтому наше продвижение было очень медленно, почти 2 мес[яца] стояли на маленькой станции, абсолютно ничего не делая. У нас появилась холера, в б/п умерло 9 человек, китайцы мрут как мухи. Между прочим, заболел Ерш, он славный парень, я его представил в подпоручики в пул[еметную] команду, на его несчастье он заболел холерой, наш фельдшер, трусливый старик со званием доктора в переляке, мажет все ручки карб[оловой] кислотой и ужасно боится заразиться, приказано покупать ханжу и перец, давать команде перцовку, больные, 19 чел., отправлены в изоляц[ионный] госпиталь в Цинан, с ними уехал «доктор», по прибытию в Цинан Ерш умер, доктор заразился и умер тоже, я думаю, он умер с испугу, я же лично ем арбузы, виноград и т. д. Б/п в тыл не пускают, смены нам нет, словом, мы изолированы от тыла. Пришло приказание наступать, холера кончилась, пришло еще два б[роне]поезда — «Хонан» и «Шандун», на «Шандуне» ком[андир] б[роне]поезда старый знакомый — поруч[ик] Мрочковский¹²⁵, он здесь полковник,

¹²⁵ **Мрочковский Иван Константинович** (28.03.1896 — 25.10.1941). В 1914 г. окончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус и в 1915 г. Одесское артиллерийское училище. Участвовал в Первой мировой войне. Во время Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта. Был старшим офицером Ижевско-Воткинской батареи. Капитан. После поражения Белой армии эмигрировал в Китай. В 1925 г. вступил в армию китайского маршала Чжан Цзолиня, командовал бронепоездом. Генерал-майор китайского производства. В 1929 г. был взят в плен Националистической армией Чан Кайши (Гоминьдан), служил в ней советником 2-го Отдела штаба китайской армии в Нанкине, преподавал в артиллерийском училище в Сиане. Позже переехал в Шанхай. Был членом Офицерского собрания в Шанхае. Работал журналистом. После японо-китайской войны 1937 г. сотрудничал с китайскими спецслужбами. Предположительно, был агентом советской разведки из группы Р. Зорге. Застрелился дома при попытке ареста японской полицией.

отпустил бороду, совсем свысока, русская дивизия идет сюда же, мы ждем б/п «Пекин», который все время ловчит. Там ком[андир] б[роне]поезда из офицеров-ловчил доброго старого времени.

Полковник И. К. Мрочковский

Появился ген[ерал] Суй, завтра с рассветом начинаем. Мы впереди, продвинулись 3–4 версты, шпалы сожжены, 84 звена, подорван мостик, наши 2 б/п работают как на пожаре, починили, двинулись дальше, опять чиним. Противника близко нет, один раз была артил[лерийская] дуэль с ихним б/п. Но б/п не выдержал, смотался, из пехоты передавали, что были удачные попадания, артил[лерии] у противника мало, 4–5 пушек, и обстреливали они всего один раз. Говорят, что у Фын ю сная инструктора — русские коммунисты, один раз обстреляли колонну противника, на подходе были видны попадания, но у нас мало шрапнелей, поэтому бьем гранатой, а это только моральное впечатление. Вот и Лоян заняли станцию, город от станции 300–400 сажень, обнесен громадной стеной, противник закрыл ворота в нашу сторону, но через 5–6 час. под угрозой бомбардировки жители открыли ворота, еще до нашего подхода в город ворвался разезд конного д[ивизио]на полк[овника] Манжетно-

го¹²⁶, старш[ий] разъезда подпрапорщик Х., отчаянный парень, раненный в лицо, залег в бурьяне около стены и с одним солдатом отстреливался целый день, под вечер же, когда город сдался, приехал на станцию к нам с просьбой перевязать, храбрый парнишка, можно сказать, что он один взял город. Пришел «Пекин», с ним приехал ген[ерал] Чехов, Нач[альник] див[изии] б[роне]поездов. Завтра идем дальше, ожидается решительное сражение, в случае неудачи нам будет туго, на станциях нет воды, приходится качать из канав, из речек и т. д., а мы оторваны от своей линии на 260 километров. Утром пошли дальше, прошли верст 5, как по нас открыл огонь б/п красных и две его батареи, снаряды густо ложились кругом б/п, два попало в коробки, один в тендер, мы стоим на месте и ведем ожесточенный огонь по бронепоезду и батареям приказано во

¹²⁶ **Манжетный Михаил Михайлович** (24.08. (05.09.) 1887 — [?].1959). Из дворян. Родился в семье генерал-майора. Окончил Воронежский великого князя Михаила Павловича кадетский корпус (1905) и Елисаветградское кавалерийское училище по 1-му разряду. С 26 марта (8 апреля) 1907 г. — корнет 54-го драгунского Новомиргородского полка, с 1 (14) сентября 1910 г. — поручик. В апреле 1913 г. был переведён в Отдельный корпус жандармов, заведовал контрразведкой, осуществлявшейся чинами корпуса жандармов на шведской границе. С декабря 1914 г. — ротмистр. В 1915 г. служил адъютантом Пермского жандармского полицейского управления железной дороги, затем помощником начальника Челябинского отделения Омского жандармского полицейского управления железной дороги. Осенью 1915 г. назначен начальником Курганского отделения Омского жандармского полицейского управления железной дороги. В годы Гражданской войны в частях белой армии Восточного фронта. С августа 1918 г. — начальник конного конвоя при штабе 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии, с сентября 1918 г. — начальник отдельного отряда, подполковник, с мая 1919 г. — командир конно-егерского дивизиона 18-й Сибирской дивизии. Участник Великого Сибирского Ледяного похода, полковник. После поражения Белой армии — в эмиграции. Жил в Харбине, был подрядчиком 12-го участка службы пути Китайско-Восточной железной дороги. В апреле 1926 г. поступил на службу в чине майора в китайскую армию умиротворения страны (кит. 安国军政府) маршала Чжан Цзолина («Фэнтяньская клика») и назначен командиром Отдельного конного дивизиона. В июне 1926 года дивизион был включён в состав 2-го Конного полка 1-й Отдельной бригады (командир — генерал К. П. Нечаев). С 30 сентября 1926 г. — помощник командира полка по хозяйственной части, подполковник. Затем, до марта 1928 г. — командир 4-го кавалерийского полка. Жил в Пекине и Тяньцзине. В 1948 г. переехал в Шанхай, откуда в 1949 г. эвакуировался на Филиппины, а оттуда в 1950 г. в Австралию. Автор мемуаров «Воспоминания русского полковника китайской армии» (М. : Кучково поле; Издательский центр «Воевода», 2019). Скончался в городе Сиднее штата Новый Юж-ный Уэльс Австралийского Союза.

избежание потерь расцепить б/п, впереди осталась арт[иллерийская] площадка, мы же оттянулись 200–300 саж. назад, связи телефонной нет, стало вечерять, со станции пришел б/п «Шандун» с приказанием отойти на станцию для смены, вперед пойдет «Пекин», вторым «Шандун», мы в резерве. Ночью влево от линии сильная ружейная и орудийная стрельба, там идет бой, у нас порвалась связь с соседн[ей] станцией. Приказано идти туда на одних стрелках, мы внезапно были обстреляны из станции и из поселка, приказано быть наготове, из пулеметов дали 2–3 очереди. Тихим ходом подошли к станции, станция была пуста, выбитые двери, сломанный диспетчер, беспорядок — было ясно видно, что здесь хозяйничал противник, связались с нашими в Лояне, сообщили им, что с тылом связи нет и что у нас в тендере нет воды, идем качать из канала 2–3 версты от станции. Из Лояна нам сообщили, что Сюй приказал отступать, так как на левом фланге неудача и он отступает до ст. Тайчжоу, т. е. начальный пункт нашего наступления, а также сообщили, что б/п «Пекин» подбит, выведен из строя паровоз, на котором убит механик и тяжело ранен кочегар, и что «Пекин» тянет б/п «Шандун», ген[ерал] Чехов приказал нам двигаться в тыл, идти осторожно, так как левый фланг наш далеко в тылу, 50–60 километров. Мы ночью остановились около какой-то канавы с водой, накачали вручную полтендера воды, и пошли дальше, к рассвету были на другой станции и так же были обстреляны небольшой группой противника, разогнали их пулеметным огнем, 5 или 6 из них было убито, трупы валялись на виду.

Сообщения с тылом по-прежнему нет. Прошли на следующую станцию, там стоял брошенный состав и наша также брошенная база, станция была пуста, простояли 2 часа, подошел «Шандун» с «Пекином» и «Хонан», решено двигаться дальше на станцию, где есть водокачка и депо, впереди б/п «Хонан», затем мы, дальше б/п «Пекин» и «Шандун», решено было вывезти и базу, нашли механика, тронулись лентой, т. е. через 100 сажень поезд от поезда, я был в артилл[ерийском] вагоне, люди готовы к бою, в бинокль ясно было видно двигающуюся пох[одную] колонну, разглядели — противник, приказано открыть огонь, повернул орудие гранатой 80! Недолет. 85. 86. Снаряды стали ложиться хорошо, видно было, как разбегались люди. Почти у самой станции б/п «Хонан» остановился, нам сообщили, что сожжен мост, вдруг затрещала со всех сторон стрельба и начали бить 2 орудия со станции и из леска, окружающего ж. дор[огу], я выбрал цель — стену, из-за которой обстреливали нас, дал несколько

очередей, там замолчали, повернул орудие почти на 90 градусов и начал бить по деревне, из которой нас обстреливали. Там также замолчали, но послышалась орудийная стрельба с другой стороны. В «Шандунь» вклепили 2 снаряда, у нас под площадкой разорвалось 3–4, дело дрянь, пехота жметя к б[роне]поездам, один полк пошел выбивать противника из станции, нам приказано приготовиться к починке моста, было 10 час. утра. Чехов ходил растерянный, никаких распоряжений, никто не берет на себя инициативу, верхом на лошади подъехал ген[ерал] Сюй с конвоем (маузерники). Сюй послал конвой выбивать противника из поселка влево от станции, но конвой, попав под сильный огонь, бросился бежать, генералу доложили, что на починку моста нужно день работы, и что б/п не имеют воды. Генерал Сюй спросил ген[ерала] Чехова: что делать? Чехов ответил: не знаю. Наш командир приказал готовиться бросать б[роне]поезд, выносить пулеметы, открыт был денежный ящик, я насыпал в мешок 140 дол[ларов] серебра, захватил фотогр[афический] аппарат и еще что-то, набил карманы маузерными патронами, приготовил приклад маузера и указал людям направление, приказано выходить, в нашем офицерском вагоне было 2 убитых кит[айских] офицера. Пули густо чекались о стенки вагона и офицеры были убиты в окна столовой. Спустились под насыпь, близко от меня кап[итан] Кузнецов (кадет), подпор[учик] Николаев (кадет) подал команду — влево в цепь! Рассыпались, в этот момент попал снаряд в паровоз базы, паровоз взорвался, на «Шандуне» начался пожар, из моей арт[иллерийской] коробки также валил дым, по рисовому (к счастью, сухому) полю бежали кучами люди, [из] б[роне]поездов мои тоже начали бежать, справа нас сильно обстреливали, среди толпы я видел генерала Сюя без конвоя с 2-мя офицерами, увидел бежавшего Чехова, Мрочковского, нашего Соколова, я же бежать не мог, поэтому с несколькими солдатами отходил шагом, на моих глазах, по просьбе раненного в обе ноги, кап[итан] Кузнецов пристрелил его, другой раненый не мог идти, подорвал себя гранатой, я сильно устал, поэтому часто залегал и открывал огонь из маузера, по нас стреляли уже из-за линии, у б/п уже был противник, который вел ожесточ[енный] по нас огонь, к счастью, в 1000 шагах начался камыш, и деревушка справа, стрельба утихла. Там близко бежали люди с б/п «Хонан» и пехота — я снова лег, как почувствовал сильный толчок в голову, ранен, подумал, но нет, хотя и есть шишка около правого уха, снял фуражку и увидел две дырки от пули, ну и Слава Богу, цел, подумал, вижу, поблизости нет никого, все уже

далеко впереди. Не выдержал, побежал и я. На бегу увидел в траве мешок с долларами, захватил пригоршню (37 долларов) и, дай Бог, ноги дальше. Наши, вижу, поднимаются на какой-то вал. Стрельба прекратилась, на валу догнал несколько наших, пошли вместе, мы были уже версты за 3 от линии ж. д., прошли еще версты 2, и в небольшой деревушке увидели наших, там были все: Чехов, Мрочковский, Соколов, ком[андир] Брон[е] поезда «Хонан» и часть пехоты. А то уже подумали, что вы уже убиты! К[апитан] Кузнецов сказал, что вы упали! Мне страшно хотелось есть, так как я со вчерашнего дня не ел, в кит[айской] фанзе кое-как нашел кусок чумизного хлеба, нашел воды. Ген[ерал] Сюй уже верхом соединился с своими частями и приказал отступить не на Тайчжоу, а Синян, большой город, нам нужно было пройти 70 ли, т. е. приблизительно 300 верст. Привели в порядок людей и после часового отдыха пошли 2-мя колоннами, к ночи подошли к деревне, сделав приблизительно 25 верст, стали на ночлег. Вот приблизительная карта, черчу без масштаба и по памяти.

На другой день рано подъем и целый день на марше с небольшими привалами, пища отвратительная, в населенных пунктах покупаем не что есть съестного, я оказался в лучшем положении, потому что был с серебром, бумажные деньги жители принимали неохотно, я же считал все деньги моими, что и было справедливо, на ночлегах покупал $\frac{1}{2}$ ханжи, мыл набитые ноги и укладывался пораньше спать, снял несколько фотографий (которые посылаю). После 9 дней марша пришли в назначенный нам пункт, размещены были по квартирам, ген[ерал] Чехов ничего не предпринимает, его Нач[альник] Штаба майор Н. (анненковец-капитан) тоже, только Чехов послал телеграмму жене в Цинан, сообщая, что, слава Богу, вышел цел[ым]. А мар[шал] Чжан Зу-Чану ничего не писал, что и было ему поставлено Тупаном на вид при первой же встрече. Через 2 дня подали состав, мы все погрузились, а под вечер были на магистральной линии, где нас ждали б/п «Чан Чен» и «Чан Чунь», ген[ерал] Чехов на одном из б[роне]поездов нарезался до слез и, сидя на рельсах, плакал, говоря, что он не виноват, картина была отвратительная, глядя на его слезы пьяные, и т. д., нас посадили в классные вагоны и под утро мы были в военн[ом] городке в Цинане. Приехали мы рваные, драные, грязные, даже не на чем было спать, в военном городке мы были 2 дня, а затем нас поместили вблизи нашего штаба в квартирах. Ген[ерал] Чехов потерял весь престиж и в немилости, поэтому собирается уезжать в Тяньзин. Тупан даже не принял его, поэтому восходит новая звезда Шан-

дунского горизонта — полк[овник] Мрочковский произведен [в] ген[ерал]-майоры и ему приказано формировать дивизион б[роне]поездов, много уволено со службы, многие не хотят больше служить, я на перепутье, думаю ехать в Харбин. Но все вышло по-другому, в день празднования Георг[иевских] Кавалеров был ужин, я нарезался как скиф, произнес речь, в пылу разбил одно окно, хотел спустить с лестницы в ресторане кого-то, новый ген[ерал] арестовал меня домаш[ним] арестом, я и ему наговорил, что, дескать, поручик не может арестовать меня, капитана, в общем вышел скандал, добрейший Ник. Ник. Николаев, который был уволен и с нами в Лояне не был, кое-как уговорил меня идти домой. Прошло несколько дней, получаю приглашение пожаловать в Шт[аб] дивизиона к Мрочковскому — явился он, как будто ничего не случилось, предложил мне должность Ком[андира] арт[иллерийской] роты на новом б[роне]поезде, где команд[иром] б/п был Ст[арший] оф[ицер] б/п «Шандунь» Полк[овник] Припута (Русской службы поручик, был в плену, кадр[овый] офицер). Подумал, подумал я и согласился, и опять перебрался в Цинанские мастерские, где уже строился б[роне]поезд «Ян-зен», офицерский состав б/п был, что называется, с бору, с сосенки. Команд[иром] б/п, как я уже писал, был кадров[ый] офицер, поручик, пробывший 4 года в герм[анском] плену,пил горькую. Ст[арший] офицер майор Лысков, русск[ой] службы вахмистр гражд[анской] войны, малограмотный, он был в дивиз[ии] Бек-Мамедова в Приморье. Завхоз капит[ан] Шапошников — старый фельдфебель, я его прозвал «флястик», пьяница тоже, другие были из неудачных молодых людей гражданской войны, был и один кап[итан] Спичаков, бывш[ий] учитель, других не помню. Вооружение б/п ничего себе: 6 пул[еметов], 2 пушки, переднее орудие с вращающейся башней, заднее с ограниченным обстрелом, я как адъютант — знаменитость, поэтому совмещаю 2 должности. Поезд спешно готовят, Чжан Зу Чан хочет опять наступать на Нанкин. Пехота расформирована, остался только Кав[алерийский] дивизион Манжетного, у нас идет пополнение за счет пехоты и артиллерии из дивизии. Ген[ерал] Нечаев уехал в Циндао. Еще раз идем в поход, но прежней уверенности нет. Русские потеряли славу «непобедимых» «ломоз». Китайцы научились воевать даже ночью. Опять Пампу, опять прежняя история, продвижение по полуразрушенной дороге с заревами пожарищ и толпами голодных китайцев — мужчин, женщин и детей, вот начался третий год моей службы, но результаты плачевны, т. е. денег-сбережений нет, хотя и можно было бы

и сберечь. Но звезда маршала уже закатывается, его солдаты не выдерживают, к тому же не получают обещанного жалования 11 месяцев, поэтому и «Ху-ля-ля» драпают, противник жмет, мы начинаем бросать станцию за станцией, боясь еще раз быть отрезанными. Отошли уже к Тайчжоу, мы были вызваны в Цинан и посланы против появившихся на Циндаоской ж. д. групп противника, были там месяц июнь, снова вызвали на фронт, где наши китайцы уже бежали, попытка удержаться не привела ни к чему, около одной из стан[ций] под нами подорвали фугас, сошел с рельс один вагон, удачно подняли, скоро починили путь, а так как противник обходил слева, то благополучно отошли. Цинан эвакуируют, Тупан возит с собой гроб и говорит, что он умрет, но Цинана не отдает. нас снова послали на Циндао и в 28 кил. от Цинана был уже противник, китайцы отступали к Желтой реке, мы простояли до ночи, ушли в Цинан, а под утро противник повел наступление на мост через Желтую (шир[ина] моста 1.500 метров), но там б[роне]поезд «Чан чен» отбил их, они начали накапливаться около арсенала, который заняли без боя. Приказано бросать ст. Цинан, мы у моста, по-моему, идут густые колонны китайцев. Мы стали за мостом и редким огнем бьем по арсеналу, кит[айцы] выслали цепи влево к реке и там идет оживленная руж[ейная] стрельба, к вечеру приказано отходить. Отходим уже 2-ю неделю, противник уже недалеко, но наши не хотят драться. В Янчжоу 28 мая убит Полк[овник] Припута, пуля залетела в окно, на б/п прибыл нов[ый] Командир, Ген[ерал]-Маиор Куклин, невысокого роста, монгольский тип лица (казак Забайкал[ьский]). Тот самый, что выдал сестру замуж за китайского генерала. Наши недовольны этим назначением, я же равнодушен, так как решил в Тяньзине смотаться с б[роне]поезда, все равно наша песня спета. Марш[ал] Чжан Зу Чан гроб уже не возит с собой, хотя и бросил Цинан. Странная смесь культуры и техники с невежеством: пример. В Чен Чжоу на небольшой горе была лет 800 тому назад построена башня, посвященная богу войны. И вот Тюпанский астролог (в чине ген[ерал]-лейтенанта) предсказал Тюпану, что бог войны сердит на Тюпана, Чжан Зу Чан разозлился на Бога также и приказал одной из дивизий разрушить башню, башня ночью была разобрана, но и это не помогло. Армия Тюпана бежит, бросая оружие, мы уже недалеко от Тяньзина, задержались на некоторое время около ст. Мучен, но опять не выдержали и начали драпать на Тяньзин, мы пришли под вечер, китайск[ие] войска проходят без остановки на Пакку и далее. Я был послан на выходные пути следить за

разгрузкой станции и за исправностью переводов, началась отправка эшелонов и баз, противник уже близко, вокзал занят японцами, в город не пропускают никого, концессии охраняются иностранцами, много американцев и англичан. Наконец под утро послышалась ружейн[ая] стрельба и наш бронепоезд последним отошел от станции. Ген[ерал] Сюй изменил марш[алу] Чжан Зу Чану и с своей 6-й армией перешел к противнику. Бросили Танку, отходим на ст. Ханку и далее к Шанхайганю. Один из наших поездов также бежал к противнику. Ком[андир] брон[епоезда] убит, стр¹²⁷ офицер тоже, русская команда была взята в плен, трупы убитых были на ходу выброшены, многие из команды успели бежать, пользуясь темнотой ночи, наш брон[е]поезд был послан в погоню, но было уже поздно, поезд ушел уже в Тянзин, увозя 15 русских, имя Б/п «Хубей», всем орудовал китайский переводчик майор Чин, измена б[роне]поезда, а также беспечность командного состава завершило эту трагедию. Итак, мы у последнего пункта владений Чжан Зу Чана, далее уже Маньчжурское влияние, на место убитого, как говорили, японцами Марш[ала] Чжан Зо-Лина вступил его сын Чжан-Сюэ-Лян, он в союзе с нашим Тюпаном, но Сюэ Ляна жмут со всех сторон, мы стоим на большой деповской станции — угольные копи английской компании, изредка ходим осматривать путь, шляемся по городу и пьянствуем, я решил ехать в Шанхай, получил жалование, загнал маузер за 65 дол[ларов], так что сколотил около 400 дол[ларов], потому решил, что я видел конец всей русской эпопеи. И вот я [в] Чин Ван дао, ожидаю парохода, скоро еще приехали кап[итан] Перваго, Комиссаров и еще 2-е, нас 5 чел., решивших ехать в Шанхай. Пришел грязный кит[айский] пароход каботажн[ого] плавания, идущий в Шанхай с грузом угля, мы сели на него, заплатив по 15 долларов, дорогой загнал бинокль за 30 долларов, купили водки, закуски и через 3-е суток пароход входил в грязные воды Вампу. Опять Шанхай, эта альфа и омега русских в Китае, пароход пристал к китайской пристани, наняли автомобиль, и я и Перваго поехали на Янце пу на фабрику к Носкову, Соколову и Дмитриеву. Прожил там несколько дней, был у Шатохина, он пригласил меня к себе на службу на жалование 75 дол[ларов] в месяц, согласился в предвидении лучшего, несколько раз был у Б. Б. Филимонова, который продолжает служить у Кунста и на вид живет ничего, правда, бледноват от усиленных занятий. Тамара Семенов-

¹²⁷ Вероятно, старший офицер.

на и Борис приняли очень радушно, я снял на ав[еню] Жоффер комнату, пригласил жить со мной Комиссарова, он показался мне хорошим парнем. Я работаю у Шатохина как вол, стараюсь сэкономить ему всячески, делаю сметы, расчеты, веду ремонт домов и т. д. Шатохин оказался тугим на расплату и после Рождества 1927 г., вернее, 12 февр. 1928 г. я от него ушел после небольшой размолвки, решил заняться прежним ремеслом подрядчика. Взял ремонт дома Пекинского подворья в Чапее, где я в 3 недели заработал 145 дол[ларов], у Кривоша взял постройку гаража за 570 таэлей, но скучно мне стало, в Шанхае работы мало, а подрядчиков, как грибов в навозной куче, устроил Комиссарова электротехником к Гусу, но он тоже недоволен. Увидел Капит[ана] Соколова, бывш. Ком[андира] б/п «Тайшан», он живет с секретарем эмигрантск[ого] комитета, он сообщил, что Комиссар Лиги Наций Кепо собирает партию рабочих в Бразилию в одну жел[езно]дор[ожную] английскую компанию. Решил ехать и я, уговорил также Комиссарова, пошли записались, начались хлопоты с визами, паспортами, с разными удостоверениями, наконец, все было окончено и завтра ... апреля 1929 года мы на пароходе «Портос» уезжаем на новую землю как законтрактованные рабочие. Сделал прощальные визиты всем сослуживцам. Утром Борис проводил меня на пароход, и мы в 9 час. снялись с якоря под мелкий дождь. Нас всего 46 чел., набранных с бору, с сосенки, большинство солдаты, есть несколько подозрительных типов, один, как оказалось потом, был большевик, а другой вор. Вор в Сайгоне попался, поэтому с парохода был снят, другому, я и кап[итан] Грищенко (Иркут. сд. полка¹²⁸) пообещали переломать ребра, если он не прекратит своих разговорчиков. Время в плавании идет незаметно, дуемся днями в преферанс, в шахматы, купаемся и спим, вечером собираемся на носу и поем песни, в Гонконге ездили на пик, снял несколько фотографий. В Сингапуре был также на берегу. В Сайгоне простояли 5 дней, грузили резину и сахар, город ничего, много новых построек, в Сингапуре прелестный вид на бухту, дальше Коломбо — красивый город, но порт открытый и в бурю волны бьют далеко на улицу. В Джибути ездил на берег, но хорошего ничего не нашел, улиц приличных нет, к тому же немощные, сыпучий песок почти по колено и пыль к тому же, жара как в печи. В Джибути на пароход сел со своей свитой абиссинский принц, с ним едет даже священник. Мы готовимся встречать Пасху, поэтому вы-

¹²⁸ Вероятно, полка Иркутской стрелковой дивизии.

даваемое нам вино не пьем, я же еще в Шанхае запасся 2 бут[ылками] водки и при всем соблазне не пью, храню, Суэзский (Суэцкий. — А. О.) канал не произвел на меня впечатления грандиозности работы, грязная река Ванпу гораздо красивей, по бокам канала кучи земли и безотрадная песчаная равнина с чахлыми пальмами. Порт-Саид гораздо лучше Джибути, более благоустроен, есть хорошие магазины, очень много армян, турок, много табачных фабрик. Ходили с визитом к б[ывшему] русскому консулу, но дома его не было. Вышли в море ночью, шли около каких-то огней, вот берег Мессины с полуразрушенным портом, промелькнуло несколько островов, показались берега Италии, Пасху встретили по русскому обычаю, в 12 ч. ночи пригласили священника-абиссинца, он прочел нам отрывок из Евангелия и какую-то молитву, мы спели «Христос Воскресе из мертвых», а затем сели, выпили, еще раз выпили, закусили, еще выпили и пошло. Капит[ан] парохода прислал нам подарок — 20 бут[ылок] вина «Ординер» и 50 яиц. С нами же разговлялся и священник-абиссинец, потом легли спать, а потом опять, у кого осталось, выпили, повторили и начались танцы под кит[айскую] скрипку, кап[итан] Гаврюшенко довольно хорошо на ней играет. Вечером пели, т. е. устроили концерт, когда же спели «Скажи-ка, дядя!», то из помещений 1-го класса нам прислали корзину фруктов и консервов. Вот и Марсель. При входе в порт влево небольшой остров и какие-то старинные фортификационные постройки, спросили матроса-француза, он сказал: «Форт де Ив», ага, вспомнил «Графа Монте-Кристо», с таможенной обошлось лучше, чем мы ожидали, так как мы транзитные пассажиры, то поэтому нас не осматривали. Пароход, на который мы должны были сесть, уже ушел, поэтому нужно ждать 10 дней. Но компания решила перевезти нас в Гавр и отправить оттуда, остановились мы в столовой Русских эмигрантов, ходил осматривать город, город красивый, много прелестных зданий, а затем нас на автобусах увезли на вокзал, там сели в поезд на Париж. Тесные вагоны, на ночь кое-как разместились, но после парохода почти не спали, а утром в 5–30 м. были в Париже, где нас повезли по подз[емной] электрич[еской] ж. дор[оге], а вещи отправили на грузовике, по дороге заехали в кафе, напились кофе с молоком, сели в поезд и под вечер были в Гавре, где в ожидании парохода помещены были в Эмигрантском доме, где нам дают кофе, завтрак-ужин, здесь мы будем ждать парохода в Бразилию. 10 мая прибыла новая группа эмигрантов из Польши и Украины, много евреев, большинство едет в Аргентину, почти все говорят по-русски,

среди украинцев много солдат русской армии, стол в эмигрантском доме не дурень, спальни, правда, тесны — койки в 2 этажа, но ничего, я целые дни хожу по окрестностям Гавра, был на пляже, но сезон еще не начался, поэтому оживления мало. У меня осталось мало денег, нужно экономить, а курево дорого: пачка 20 скверных сигарет 2 фр[анка] 50 сант[имов]. Многие уже без гроша, поэтому подбирают окурки, из 46 чел. самым денежным оказался Ищенко, и еще 2–3 чел. Я — старший партии, на моих руках хранятся все документы, а также переговоры с администрацией. Но вот пришел пароход, и мы завтра 15-го мая 1929 г. покидаем Гавр. Пароход имеет странное название «Емве». В 9 ч. началась посадка, поместили нас в приспособленном трюме, всего нас эмигрантов в Юж[ную] Америку 439 душ обоего пола, маршрут парохода: Португалия, порт Лиссабон — Лисбоа — потом Испания, порт Виго, потом Африка, порт Дакар и Бразил[ьский] порт Rio Janeiro, Santos = конец нашего путешествия.

В Лиссабоне ездил на берег, осматривал город, был в Algambre музеем, город не особенно чист, много пыли, правда, есть красивые здания. Виго — паршивенький порт, здесь село 200 эмигр[антов]-испанцев, много женщин — женщины есть красавицы со жгучими черными глазами, наши ловеласы разлетелись было, но оказалось не то. Я им на это заметил. Ну, это вам не жидовочки из Варшавы! Все эти испанки носят открыто на груди большой католический крест и очень скромны, и дики. Да и разговариваться-то трудно, потому что говорят только по-испански, а наши знания испанского языка — чивас — сигноре и конец. Мы целыми днями режемся в преферанс на будущую зарплату, а вечером поем что-нибудь, к нам присоединились украинцы-солдаты. И однажды вечером устроили русские танцы, и вот один украинец-солдат 16-го Шлис[сель]бургского пех[отно-го] полка¹²⁹ в пылу танца вскрикнул: «Даешь Варшаву!», и столько в этом крике было удали и бесшабашности, так что я даже расчувствовался, он, оказывается, был на стороне большевиков в войне их с Польшей и был в наступлении на Варшаву. Невольно тут сказался вековой антагонизм украинцев [и] русских к полякам.

Дакар — грязный и небольшой французский порт в Африке, нас на берег не пустили, потому что там была желтая лихорадка, да и стояли

¹²⁹ Вероятно, 15-го пехотного Шлиссельбургского генерал-фельдмаршала князя Аникиты Репнина полка.

немного, вечером вышли в море, т. е. в океан. Прошло 19 дней и вот показались скалистые, покрытые лесом берега Бразилии. Вот вход в гавань Рио де Жанейро, очень красивый вид на гавань «Гуанбара», дальше пик Пон де Ассуга = т. е. сахарная голова, дальше Корковадо и наконец, город, пошел бродить, был на авенида Рио Бранко, в саду красивее магазины, а масса цветов и пальм.

Вот она обетованная земля, моя новая родина. Первое впечатление благоприятное, лучше Шанхайского, что ждет нас, но во всяком случае, они ведь приехали по контракту, поэтому без работы не будем. Вечером пароход вышел в Сантос, я на последние деньги купил сигарет 2 пачки, заплатил 5 франков, здесь французские деньги дешевы¹³⁰.

BRASIL = БРАЗИЛИЯ¹³¹

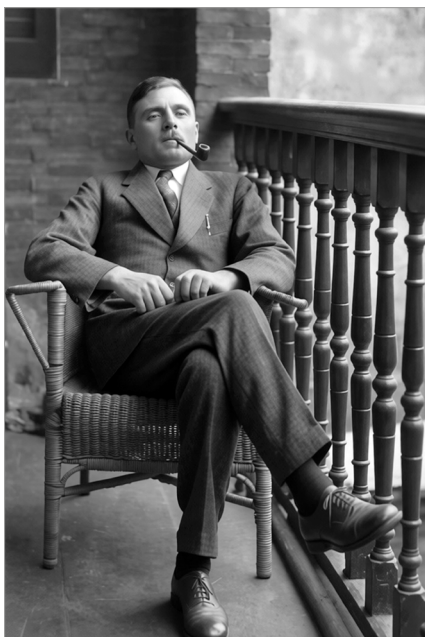
В жаркое солнечное утро наш пароход входил в порт Сантос, пристали к пристани, началась суэта с получением багажа и осмотра его в Таможне, на пристани нас встретил представитель жел[езно]дор[ожной] комп[ании] С. Пауло Раульвей Комп., невысокого роста, русский, служит в комп[ании] в качестве десятника и переводчика, первое впечатление произвел приятное, но наружность обманчива, в общем оказался впоследствии не особенно чист в расчетах и ростовщик к тому ж. Был нанят грузовик и мы двинулись пешком на ст. жел[езной] дороги, там мы были

¹³⁰ Эти воспоминания Д. И. Решетников переслал Б. Б. Филимонову в виде письма, которое заканчивалось так:

«Дорогой Борис, посылаю тебе 36 этих листов, о жизни же в Бразилии уже пишу, имею написанных 10 листов и думаю через месяц окончить до Гояза, т. е. до моего прибытия в Гояз, даты я здесь не пишу, да и улетучились из памяти, о Шандунской же группе ты можешь в Шанхае найти людей, кто там был. Это все посылаю тебе на твое последнее усмотрение. Крестница твоя Тамара уже говорит по-русски «спать, нет, дай, папа», «дядя Болис», «конь, я хочу» и т. д., новорожденный Дмитрий пока говорит только «агу» и растет не по дням, а по часам, красивый мальчуган будет, жена, я и дети шлем наилучшие пожелания Тамаре Семеновне, тебе и Славочке и желаем вам от Господа Бога многолетия и здоровья, я сейчас забросил все работы и занят землей. Ах, дорогой Борис, если бы мне иметь 50 фунт. английских, шикарное я бы сделал здесь дело, т. е. купил бы 50 десятин лесу и только на дровах бы выручил в 10 раз больше, но ах, это но? В общем «расиенсия» = пасиенсия, т. е. терпение. Твой Дмитрий».

¹³¹ Публикуется впервые.

посажены в поезд, наш багаж был погружен в другой поезд, и мы налегке поехали на ст. С. Барнардо, где были для нас построены дощатые бараки, приехали под вечер, многие не ели с утра, в бараках ничего не оказалось, но кое-как раздобыли хлеба и колбасы, поели, улеглись на голых нарах спать, ночью холодно. Так что многие, да и я в том числе, просыпались от холода. Ну, кое-как переночевали, а утром пошли на станцию, 1 кил. от бараков, получать наши вещи, а также купить хлеба, сигарет и т. д., нас всех поместили в 2 бараках, в общем просторно, и разрешили выбрать артельщика и повара, работать будем тут же, уширение выемки для 2-го пути, всех нас поставили на земляную работу, я, конечно, запротестовал, заявив, что я подписал контракт как плотник и поэтому прошу поставить меня на плотничную работу, мне сказали, что это временно, потом-де нас разобьют по мастерским, ну что же делать, скрепя сердце согласился, когда же я заикнулся о контракте, то мне было заявлено, что здесь-де Бразилия, и все эти контракты простой клочок бумаги, и что если я не хочу работать чернорабочим, то я могу уйти куда хочу. Намотал это на ус и втайне решил использовать это. Работа наша очень тяжелая, земля твердая и без кирки не возьмешь на лопату, я набил на руках мозоли, другие лодырничают, мне показалось тяжело, и я через неделю заложил у десятника часы и на эти деньги купил плотн[ицкий] инструмент: пилу, топор, угольник, 2–3 стамески, рубанок, так как было сказано, что первые будут устроены те, кто имеет инструмент. Я имею инструмент, но проработав еще неделю, не получил долж[ности] плотника и поэтому в первый раз в жизни решил дезертировать, проработал я 11 ½ дней, заработал 101 милър. 200 reis = Rs. = 101 \$ 200. Мой забор был 87 мил., поэтому не дожидаясь получки, я сложил свой багаж и мы в числе 5 чел. решили ехать в С. Пауло, а затем в штат Парана на постройку жел[езной] дороги, в С. Пауло было бюро по найму рабочих и там мне сказали, что плотники получают в час 1 \$ 800 reis, я все устроил, проезд и т. д., даже немного денег на дорогу, наняли автомобиль, я отправился с вещами, а другие поехали в поезде. Со мной едут И. И. Готальский, Агафонов, Голубев, Иван См. и я, нам в Сан Пауло дали билеты до ст. Очиниус и далее Камбара, где начинаются работы, под вечер сели на поезд жел[езной] дороги линии Сорокабана. Вагоны здесь небольшие, можно только сидеть и поэтому без сна проделать 1360 кил. очень тяжело, выгрузились мы на другой день в 11 ч., а в 3 часа сели на другой поезд, быстро проехали 29 килом. и мы были на ст. Камбара, везде груды материала, масса рабочих, слу-

Д. И. Решетников в Бразилии

жащих, нас встретил капитан Мак Дональд, узнав, что я говорю немного по-английски, обрадовался и быстро отдал распоряжение устроить нас на ночлег и дать ужин. Поместили нас в барак из жердей, облепленных глиной, ну точно, как в первое время в Шанхае у Русской церкви, на другой день я пошел в Контору, там нашел русских = Техник Панков и кладовщик Н. Н. Башкатов, встретили, хорошо разговорились, кто, где и откуда и т. д., я назначен мастером-плотником 2\$ 200, это в день 17 м. 600 рейс, т. е. вдвое, чем в С. Бернардо. Стол бразильский — 3 милья в день. Рис, бобы, одна сайка, каре 3 раза в день, карне сека, т. е. сушеное мясо, в общем чувствую себя лучше, видно, что рабочих ценят, через неделю я был назначен десятником плотничного цеха, строю бараки, амбары, кладовые, дом для Мак Дональда, чертежную и т. д.

Моя энергия и распорядительность очень нравятся М. Дональду, и он при встрече первый кричит «Allo, my friend». Я получаю сейчас 20 мильр. в день. Прошел еще месяц, Мак Дональд сам назначил мне 600 мил. в месяц и стол с чертежниками.

Послан на 82 километр помощником «инженера», одного полячка с большим гонором, но с очень малыми знаниями. Со мной поехало 15 рабочих и кухарка, смазливая полячка «Пани Марина», выехали мы утром, а под вечер были на берегу р. Синза, паршивенький паром, я сомневался в его грузоподъемности и говорил, что он наш «каминьон» = грузовик не выдержит, паромщик же уверял, что выдержит, при помощи досок, жердей, стягов поставили на паром грузовик, я побоялся ехать на пароме, сел в лодку, паром же, отчалив от берега, благополучно проплыл 4–5 метров, а затем стал крениться на один бок, наш грузовик, как был с грузом, инструментом, вещами, ящиками с консервами и т. д., поднялся на дыбы как конь, а затем тяжело рухнул в воду и скрылся в глубине ее, раздались крики и т. д., люди плыли по реке на досках, обломках, мы с лодкой поспешили на помощь, у нас нашлись добровольные ныряльщики и началось выуживание вещей, мой чемодан плавно плыл к порогу, покачиваясь на волнах, погнались, поймали все, что плыло, а затем начали вытаскивать пилы, топоры, кирки, лопаты, ломы и другие жел[езные] вещи, котлы кухонные, ящики с посудой и т. под., с ближайшей фазенды прислали 30 волов, канат, один из ныряльщиков зацепил грузовик за кузов (нужно сказать, что глубина реки была более 3 метров) и волю потянули грузовик, через час грузовик был вытасчен, вымыт, приведен в порядок, и мы поехали далее и к закату были на 82 километре, не имея времени поставить палатку, я приказал натянуть брезент, развести большой огонь и поддерживать огонь всю ночь, по очереди, сам же поставил походную кровать поближе к огню, сунул под подушку выданный мне Парабелюм (парабеллум. — А. О.) и заснул сном новорожденного младенца. Сушеное мясо подвесили на ветку. Ночью просыпаюсь от шепота Готальского: «Дмитрий Иванович! Дмитрий Иванович! Онса! Онса!» При свете догоравшего костра я в 15 шагах увидел тень с светящимися глазами, вытащил из-под подушки «Парабелюм» и дал 3–4 выстр[ела] по направлению тени, там что-то юркнуло, затем раздался треск и все смолкло, разбудил выстрелами остальных и мы разожгли большой огонь, пошли туда, наше «карне сека» валялось на траве и фунтов 15 исчезло, на примятой траве были видны пятна крови, но зверя не было, на что я заметил, что онса = тигр пошла в госпиталь на излечение. Наутро осмотрели место и началась работа: рубка леса, устройство лагеря, начали строить бараки, кладовые и дом для инженеров, начали прибывать рабочие, нас уже 162 чел., у нас общий стол на артельн[ых] началах. Готаль-

ский — артельщик. Алекс. Ранковский — повар-шеф, Скиба и Франс его помощники и водоносы, с этим Францем случилась история, он пошел за водой и заблудился, прошли полдня, а Франса нет, послал трех рабочих с револьверами разыскивать, возвратились ни с чем и лишь поздно ночью он вернулся с одним фазендером, он был так напуган, что даже ведро не бросил.

Другой случай разыгрался через 3 недели, один полячок решил идти в деревушку в 6 километрах и заблудился, прошло 20 дней, как из городка Жакарезинья, почти [нрзб] 0 верст, пришел из полиции запрос, был ли Станислав Пачек здесь рабочим, ответил, что был, но исчез уже 20 дней. Этот Станислав блудил по тайге 19 дней без спичек, без ножа и т. д. Когда он вернулся к нам, и я его спрашивал, что он кушал, говорил, что находил фрукты и пальмиты, корни рыл. [На вопрос] «Где же ты спал?» говорил, что взбирался на дерево, привязывал себя и до утра дремал. Поэтому я вывел заключение, что в Бразильском лесу действительно можно жить, не работая, т. е. хорошо для лодырей. Я занят по горло, инженер ничего не знает, глуп как пробка, поэтому я везде, табеля делаю, разбивку, выдаю провизию, инструмент, и слежу за качеством пищи. У нас все поставлено на полувоенную ногу, меня зовут «госп. Капитан», дни идут за днями, наша станция растет, уже более 400 рабочих приехали, чертежники, работает электр[ическая] станция, приехал Нач[альник] дистанции, дейст. инженер, норвежец Сандерсон с женой, я, Фискал Жерао, т. е. стар[ший] десятник, у меня уже 5 десятников, табелей не веду, свободного времени достаточно, приехали наши Шанхайцы, Ив. Шишкин, устроил его на водокачку машинистом, другого Ивана устроил слесарем, Агафонов ушел работать на фазенду, где сошелся с какой-то бабой, Голубев — пьяница, много рабочих литовцев, поляков, На Русское Рождество устроили общий ужин и [с] выпивоном до утра, меня качали, пели, плясали, качали инженера, в общем все, даже бразильянце, были довольны «фестой» = праздником. До этого в день моих именин также была выпивка, я купил для рабочих 30 бут[ылок] водки, 2 ящика (120 бут[ылок]) пива, свинью, 15 куриц, пригласил администрацию и бразильских подрядчиков, наши русские явились с подарками, т. е. виски, коньяк, сигареты, ну и пошла писать, каждому вновь приходящему наливали чайный стакан смеси коньяка, виски и пива, подносили ему и пели «пей до дна», Беби туду!!! Ну, не привыкшие к таким дозам, выпив эту смесь, обалдевали или валились под стол. Дошло до того, что племянник компаньона Мак Дональда Жорж

Жипс (Georje Gips) упился парень — в 3 ч. утра ему Башкатов говорит: сеньор Жерж, уже 3 часа утра, пора спать, он же заявил, что еще «сеего» — рано, посмотрел на часы и увидя, что 3 часа, бросил их на пол, говоря, что часы врут. У нас работает пекарня. Хлеб выпекает один литовец, хороший хлеб, приезжают даже с других участков покупать. Рождество встретили, я уже описал выше. Работаю я же сейчас на дорогах, строю мосты, гати, мой участок 28 кил., мне дан автомобиль, и я езжу туда, сюда, а к вечеру возвращаюсь на 82 кил. сейчас уже ст. Бандейрантес, но рельс еще нет. На Пасху нас пригласил к себе инженер-норвежец, у него также выпили, пришел хор, спели ему Христос воскрес! Многая лета! и «Вниз по матушке по Волге», приказал выдать песенникам 2 ящ[ика] пива и 5 кило конфект. Мое же здоровье неважное, чувствую, лихорадит вечерами, ночью трясет, поговорил с бразильянецем-фельшфан, он сказал «малеита» — дал хинина и аспирина, помогло, но мало, чувствую себя скверно.

Другие уже также заметили перемену, советуют одно, другое, пробуя, не помогает. Поэтому в июне я попросил дать мне расчет, кап[итан] Макдональд с неудовольствием согласился. Я получил 1680\$ 000, беспл[атный] билет и 500\$ 000 — подарок от Мак Дональда и поехал с Шишкиным в С. Пауло. В октябре был в Сан Пауло, остановился в русской столовой на квартире, подновил мой гардероб, сходил в госпиталь, дали лекарства, и через месяц я был, как я думал, здоров. Поэтому я начал подумывать, где бы мне устроиться на работу, в Обще-Воинском союзе встретился с И. Грудининым, он сказал, что хорошо зарабатывают на постр[ойке] жел[езной] дор[оги] Сантос-Маиринк, в тоннелях, решил ехать туда, со мной едут И. Шишкин, Кулюкин, Грудинин, Кахнович и еще 4 литовца, я старший, приехали на станцию Кубатон и оттуда пешком еще проделали 5 килом., поднялись на гору, 1300 ступеней лестница, спустились к тоннелю № 3, там мне предложили ночную смену, вывозка из тоннеля земли и камня, 2\$ 800 тележка, ½ куб. метра. Взялись, работаем с 7 ч. вечера до 5 утра, работа ужасно тяжелая. А я еще слаб, но ничего, работаем, наш заработок на 10 чел. доходит до 280\$ 000, т. е. по 28 милреис в ночь, не дурно! Прошло еще 2 месяца, получки же еще нет, мои деньги тают, поэтому решил больше не расходовать, а покупать в долг. Наш общий заработок более 7 тыс. мильрейс. В Сан Пауло я был без работы 2 месяца, на тоннель № 3 приехал в январе 7 числа. 26 февраля наш инженер Гракко Портелло был у нас и выдал

нам заработок, за вычетом забора мы получили 4.700\$, т. е. на мою долю пришлось 720\$ 000, да я израсходовал на пищу моих денег 840\$, поэтому у меня оказалась приличная сумма, т. е. со старыми около 3 тыс. милрейс, в этот же день нам было объявлено, что в Субботу 1-го Марта мы должны ехать в Санто Аморо голосовать за президента республики, на мое заявление, что мы иностранцы и не имеем права, нам было заявлено, что мы правительств[енные] рабочие и поэтому должны голосовать, что же касается расходов, то этот день нам будет уплачен. Ну что ж, едем на выборы (процедуры выборов не описываю, смотри в письмах) от марта 1930 г.

Выписка из дневника: 7 марта 1930 года чувствую, что снова заболел, лихорадит, болит сильно голова и тоска, весь день лежал в бараке, наши же лодыри даже для себя кофе не хотят готовить.

8-III — чувствую хуже, лежу под вечер — бред, доктора бы мне. Помощи же ждать неоткуда, лежу с мрачными мыслями.

9-III — немного лучше, поэтому ходил в контору с просьбой о расчете.

10-III — До обеда чувствовал хорошо, после обеда свалился, ничего не ел. Кулюкин советует выпить водки с хиной.

11-III — Кахнович достал «пинги» = водки, выпил полстакана, ночью чувствовал, как будто лучше, а наутро 12 оказалось хуже, чем все дни, плакал, просил увезти меня в Сан Пауло.

13-III — Ночью проснулся от ощущения, что кто-то около меня шарит, спросил, кто тут? А это я, Кулюкин, не могу найти спички, нет, думаю, это, брат, не спички, а хочешь ты украсть мои деньги. Поэтому днем зашил деньги в грудной карман пиджака, Кахнович согласился ехать со мной в С. Пауло, я ему доверяю более, чем другим, сплю с револьвером под подушкой.

15-III — В. Кулюкин объявил, что он сегодня именинник, поэтому купили водки, начали пить, я не пил, потому что сильно болит голова, озноб, жар, ночью сильно трясло.

16-III — Чувствую себя лучше, сильно болит правая сторона головы и грудь, в 9 час. получил деньги, заработок за февраль и 5 дней марта 447\$ 000, в 11 час. пошли на пристань ехать в Сантос, так как в гору мне не подняться, решили на моторной барже ехать в Сантос. Моя артель рассыпалась, потому что другие тоже не хотят работать, почти до 3 час. ждали катера и в 6 ч. были в Сантосе, остановились в гостинице

«Централ», № на 5 чел. 15 милър. в сутки, обед 2 м., ужин 1,500. Ночью почувствовал себя дурно. Кахнович побежал за доктором, доктор прописал лекарство, велел принять слабительное и не пить даже пива, строжайшая диета, ночью бред. Подавал команды, хватался за револьвер, хотел стрелять, но Кахнович как нянька ходил за мной, отобрал револьвер. Кулюкин исчез, с утра пьянствует.

17/III — Утром чувствую себя почти здоровым, сходил в кафе, выпил горячего молока с печеньем, вернулся в отель, где я уплатил по счету за себя и Кахновича. Кулюкин вернулся без гроша. Просит одолжить ему 20 милър., дал 10, все равно пропъет. В 4 часа сели на поезд и приехали в С. Пауло, в 6.30 остановились в №№ у знакомого Кулюкина, ав. Тиадентес, № 120, 4 милър. в сутки с едой.

18/III — До обеда лежал, после обеда пошел в Обще-Воинс[кий] союз, но дорогой свалился, не мог идти, поэтому на автомобиле поехал с Кахновичем к доктору Зажара-Снеж. Русский армянин, учился и вырос в России, он основательно меня осмотрел и сказал, что у меня «малеита» = лихорадка и кроме того нехорошо с печенью, поэтому нужно бросить пить водку, пиво и т. д., сделать вливание титилена и принимать уротропин, и ничего не делать 2–3 месяца, а лечиться, потому что возраст-то мой основательный, просил приходить к нему через день, заплатил я за визит 20\$ 000, автомобиль 10\$, лекарство 16\$ 400.

19-III — Чувствую себя хорошо, по совету доктора купил эликсир «иньями», 18 милър. бут[ылка], принимаю.

20-III — Слава Богу, чувствую себя хорошо, голова немного тяжелая, к вечеру хуже, в №№ один бразильянин посоветовал сходил в Институт Экспериментальной Медицины. Поехал туда, там меня осмотрели с X-лучами, и профессор сказал, что нужно делать уколы, курс 30 уколов, лекарство 600\$ 000. Подумал, согласился, заплатил 300\$ вперед, 21 и 22 был в Институте и общевоинс[ком] союзе. Т. в общевоинс[ом] союзе предложили переехать к ним в общежитие, койка 1\$ 000 в сутки и стол 2\$ 500, чай — стакан 200 рейс, ну, думаю, экономия, к тому же Кахнович хочет ехать работать туда же, где работали.

23-III — Воскресение: сходил к обедне в Сирийскую церковь, чувствую себя хорошо, после обедни ходил гулять.

22 апреля 1930 года. Завтра закончу последний укол в Институте, профессор посылает в Сантос на 3 недели принять морские ванны и советует не ездить в Парану, а ехать куда-нибудь, где климат суше. Пасха

прошла обычно, был у заутрени, разговлялся в Союзе, 10\$ с человека, стол был хороший. Деньги мои текут, у меня уже меньше 2 тысяч, при- страстился к лотерее, каждый день покупаю билет-два, но не везет, даже 200 мильр. не выиграл еще.

Май 1930 г. Сантос-Сан-Висет, 9 кил. от Сантоса, живу в отеле, каждый день купание, 3–4 раза хожу ловить рыбу, т. е. целые дни на берегу. Здоровье мое поправилось, хотя деньги и уплывают, но настрое- ние бодрое, хожу веселый и довольный, даже пою, о будущем не думаю. Бывали хуже времена, думаю.

Июнь 1930 г. Вчера 15-го вернулся в С. Пауло. Здоров и весел, ве- чером в союзе выпили, подумываю о работе, в союзе веду библиотеку и помогаю хозяину Собрания в буфете, за это мне дают стол. Денег у меня осталось 470 мильрейс, ничего, проживем.

Июль. Нашел работу — натирать полы, зарабатываю 15–16 мильр., взялся настлать пол, сделать 3 окна и 2 двери за 320\$ 000, работаю. Из Обще-Воинск[ого] Союза ушел из-за скандала. В день панихиды по Госу- даре члены собр[ания] (некоторые) устроили танцы. Я, Кап[итан] Сакович, Кап[итан] Лощинин, гвар[дии] ротм[истр] Муратов, пор[учик] Озеров, подполк[овник] Иванов и другие возмутились, вышел скандал.

Против меня взелся секретарь союза, маленького роста и, кроме того, ничего с военной службой не имеющий. Поэтому я, ротм[истр] Мура- тов уехали из общежития. Я имею много знакомых среди русских в С. Пауло. Познакомился с другой колоритной фигурой Сибирского флота, это Подполковник Солодовников, он эс. эр, был в войсках Кочуч'а, занимал должность коменданта гор. Уфы, большой говорун, был в Германии после бегства Розанова из Владивостока. Сейчас в Сан Пауло (повар) и арен- датор буфета. Другой тип — это ген[ерал] Иванов-Ринов¹³², он служит на

¹³² **Иванов-Ринов Павел Павлович** (26.07.1869 — ?). Из дворян, сын офи- цера. В 1888 г. окончил Сибирский кадетский корпус, в 1890 г. — Павловское во- енное училище. Полковник, командующий отдельной Сибирской казачьей бригадой. В Гражданскую войну служил в белых войсках Восточного фронта. 7 июня 1918 г. возглавил антибольшевистское выступление в Омске, был начальником гарнизона, произведён в генерал-майоры. 15 августа 1918 г. он был избран войсковым атама- ном Сибирского казачьего войска. Впоследствии занимал различные руководящие и командные должности: командира Степного корпуса, командующего Сибирской армией, помощника Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке по военной части, командующего войсками Приамурского военного округа, командира отдель- ного Сибирского казачьего корпуса и другие. 10 августа 1919 г. был произведён

шелковой фабрике в Можи-Мири, 30 кил. от С. Пауло, также разговаривал с ним, все эти бывшие вожди и начальники выведенного яйца не стоят. Мое здоровье прекрасное, ездю работать в виллу С. Анна. Хозяйка работы — хохлушка, очень скупа, поэтому работаю там без обеда, т. е. на обед сайка и бутылка молока, зато вечером ем до отвала, нашел русскую харчевку, где дешево кормят. Из приехавших со мной хорошо устроился Вл. Он. Крупневич, он хозяин и арендатор буфета Русского Собрания. Второй — это А. Бочкарев, он чертежником в Паране, другие же неважно, одного разыскивает полиция (замешан в воровстве). Мой земляк-Иркутянин Грудинин в госпиталь служителем, он принял католичество, поэтому стыдится и пьет горькую. Из 46 чел. в жел[езно]дор[ожной] компании работает наших очень мало, остальные разбежались. 3 человека из наших решили идти пешком в Мексику, назвонили в газетах, собрали денег, фот[ографический] аппарат, оружие, а в день отбытия глава экспедиции исчез, захватив с собой деньги, бинокль и фот[ографический] аппарат, было заявлено полиции, и путешествие не состоялось, один занимается ботаникой — (бывш[ий] учитель) Мурзин. Моя работа кончена, и я отдыхаю, но деньги тают и поэтому подумываю о Парана. Капитан Гришенко работает рабочим на бойне. Комиссаров уехал в Rio de Janeiro, где, по слухам, устроился электротехническим рабочим, со мной поступил по-свински, он мне должен 27 долларов и не платит. В июле в Красном Кресте есть объявление, что в штат Goiaz нужны специалисты = плотники и каменщики, 20 чел., я решил ехать, записался и сейчас жду, когда можно будет туда ехать. Со мной хотят ехать несколько наших — спрашивал и в Комитете, где этот Гояз, сказали, что нужно ехать по 3-м жел[езным]

в генерал-лейтенанты. С 23 марта 1920 г. генерал Иванов-Ринов находился в эмиграции. Проживал в Харбине. С 7 июля 1921 г. был начальником штаба войск атамана Семенова, а в 1922 г. — начальником тыла Приморской Земской рати во Владивостоке. В октябре 1922 г. после захвата Дальневосточной республикой Приамурского земского края он эвакуировался в город Гензан в Корею и затем жил в Китае. По утверждению некоторых историков, Иванов-Ринов с 1922 г. сотрудничал с советской разведкой, по поручению которой занимался формированием частей из белоэмигрантов для «красного маршала» Фэн Юсяна. Однако осенью 1925 г. он был разоблачен полковником Г. В. Енборисовым. По одной из версий, после разоблачения он бежал в СССР, где спустя некоторое время был расстрелян. По другой, он оставался в Китае и служил в 1-й Народно-революционной армии Фэн Юсяна в должности начальника штаба русского отряда, а затем военного советника. В сентябре 1926 г. он был ранен в обе ноги и вывезен в СССР.

дорогам, т. е. 2 пересадки, ну а общее впечатление, тоже не знают, в эмиграционном комитете, где нам выдавали проездн[ые] билеты, я спросил заведывающего выдачей, где это гор. Гояз? Ес[ть] ли желез[ная] дорога? Ну и тут не знают, один говорит, что от ст[анции] до города 3 килом., другой — 18, третий сказал правду, что от ст. Вианополис до гор. Гояза 56 легвас, и что каждая легва равна 6 километров, в уме прикинул: $56 \times 6 = 336$ кил., порядочно, думаю, далеко заберусь в центр Бразилии, а если будет плохо, то уйду, думаю, обратно, но в общем не унываю. Наконец, были получены все документы, и мы собрались на станцию, сели в поезд вечером в 7 часов, в 10.30 были в гор. Кампинас — пересадка, сели в другой, и дальше утром были в гор. Рибейрон Прето, а вечером Арагвари, где пересадка на жел[езно]дор[ожную] линию Гояз, эта дорога еще строится, поезда ходят 1 раз в сутки и только до ст. Феликс Бульонес в Арагвари, мы поэтому ночевали, у едущих со мной у большинства нет денег, чтобы купить хлеба, поэтому с разрешения полиции устроились на ночлег под открытым небом у станции, я дал денег 30 мильр., сходили купили хлеба, консервов, поужинали кое-как, я, правда, еще купил корзину апельсин[ов], 60 шт[ук] один мильрейс, затем в буфете напился кофе с булочками из риса, а утром подали состав из 5 вагонов, мы расположились в одном вагоне и поехали, построена дорога отвратительно, вагон трясет, кидает из стороны в сторону, в общем дрянь, к тому же поезд идет тихо, хотя встречных поездов нет. К вечеру добрались до станции и города Вианополис, городишко по впечатлению хуже наших деревень, ужасно напоминает хохлацкие деревни с глинобитными мазанками, улицы пыльные, мостовой нет и в помине, подумать страшно о грязи в период дождей. Спрашиваем, далеко до Гояза? Говорят, 354 версты! Т. е. [нрзб] килом., кое-как устроились с квартирой, потому что нужно туда послать телеграмму с просьбой прислать автомобиль-грузовик, кое-как устроились с питанием, агент комп[ании] Форд дал нам рису, мяса, фасоли, стали варить кашу с солониной, ну совсем как на гражданской войне, к тому же большинство из нас военные, со мной едет 1 капитан — дутый, оказалось, 2 поручика, 1 интенд[антский] чиновн[ик], тоже самозванец — фамилия его Уваров, поэтому он и назвал себя Графом Уваровым. Среди нас оказался один подрядчик, Киселев, работал в России в военном ведомстве по постр[ойке] военных городков в Твери, 2 хорош[их] плотника, Волков и Иванов, из старых русских плотников, остальные же так себе: ни богу свечка, ни черту кочерга, правда, среди них оказалось 3–4 ра-

ботящие ребята, а остальные пьяницы, и во главе этого сброда я — тоже искатель приключений, авантюрист, с гражданским образованием и военной службой, а хитрая это штука — жизнь, готовился к одному, а служил по-другому. Вспомнил я, когда в 1914 я пришел домой после зачисления в 26 Сиб[ирский] стр[елковый] полк. Моя мать вечером не хотела меня впустить в дом, когда же я назвал себя, то всплеснула руками. Ну, на кого же ты, Дима, похож? Иди-ка, посмотри в зеркало. И действительно, с обстриженной под машинку головой, мешком сидевшей походной рубаше, в черных шароварах и грубых солд[атских] сапогах мой вид был не из презентабельных, ну а потом привык, и уже через месяц рубаша переши-та, сапоги сидят впору, а там и привычка, а как попали в вагоны, потом попали на войну, нас бросили спасать Варшаву, то и совсем сроднился.

Когда мы прибыли с большими приключениями в дороге (лопнула шина, потом страшный дождь, грузовик даже с нашими усилиями не хотел двигаться по грязи), нам отвели один старый дом, разделенный на 4 комнаты, ужасно грязный, похожий на сарай, одна черная сварила нам ужин из сушеного мяса и рису, а утром мы все пошли в префектуру, где я был как старший представлен префекту — учитель в лицее — профессор Орнуфии Сасаду, он, оказывается, знает английский язык, но гораздо хуже моего, поэтому я с ним говорил по-английски к удивлению присутствующих членов управы. Спросил, когда можно начинать работать и что? Получил ответ, что будем разбирать старое здание театра и починять мост через Красную реку.

ПУТЬ ГОНИМЫХ

Переписка и воспоминания офицеров-артиллеристов
штабс-капитана Д. И. Решетникова
и поручика Б. Б. Филимонова
(1918–1948 гг.)

Составитель А. В. Окорочков

Дизайн обложки: М. Ю. Маяков
Редактор-корректор: И. А. Птицын
Компьютерная вёрстка: О. В. Ключенкова

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru

Тираж 50 экз. Заказ № 226820.
Отпечатано в АО «Т8 Издательские технологии».
109316, Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5.